Бобр. 19 2/8.

Бобр 19 2/8

ПАТРІАРХЪ

ФОТІЙ.

891–1891.

1284

Сочиненіе профессора Н. В. Платонова.

МОСКВА.
Типографія Потапова, Старая Басманная, домъ Маряевой.
1891.

Бобр 19 2/8

ПАТРІАРХЪ

ФОТІЙ.

891—1891.

Сочиненіе профессора Н. В. Платонова.

МОСКВА.
Типографія Потапова, Старая Басманная, домъ Мараевой.
1891.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, 31 Января 1891 г.
Цензоръ Священникъ *Іоаннъ Петропавловскій.*

БИБЛІОТЕКА
Государ
№ 278357
193

ФОТІЙ,

ПАТРІАРХЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ.

Взято изъ „Амфилохій“, изд. греческаго ученаго,
Софокла К. Экономида.

Типографія Потапова.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Благоговѣя, какъ и всѣ вѣрующіе въ Православную восточную, едину святую, соборную и апостольскую Церковь, предъ священною памятью святѣйшаго Константинопольскаго патріарха Фотія, считаю себя счастливымъ, что на меня выпалъ жребій издать предсмертное сочиненіе объ этомъ великомъ святителѣ моего незабвеннаго друга профессора И. В. Платонова. Утѣшаюсь надеждою, что это произведеніе маститаго ученаго мужа, написанное имъ на 86 и 87 годахъ его жизни, будетъ принято съ благодарностію къ потрудившемуся и не дожившему до появленія своего труда въ печати. Не могу не выразить своей глубокой признательности тому, на долю котораго выпалъ самый большій трудъ по изданію этого сочиненія — его редакція. Мы оба трудились здѣсь не ради житейской прибыли; высшая для насъ награда та, что при нашемъ посредствѣ выходитъ въ свѣтъ сочиненіе о томъ великомъ святителѣ, который отстоялъ православіе, при посредствѣ котораго засвѣтились первые лучи Евангельскаго свѣта въ Славянскомъ мірѣ, и котораго старшая сестра восточной Православной Церкви, Греческая, за великіе и многотрудные подвиги во имя истиннаго ученія Христа Спасителя міру, сопричислила къ лику святыхъ.

Ив. Палимпсестовъ.

Издатель считаетъ долгомъ для себя ознакомить читателей предлагаемаго сочиненія съ личностію покойнаго И. В. Платонова. Вотъ что было напечатано въ „Вѣрѣ и Разумъ“ объ этой истинно свѣтлой и выдающейся личности.

Мирно и въ дѣятельныхъ научныхъ трудахъ до послѣднихъ дней своей 87-ми лѣтней жизни скончался въ воскресенье, 26-го августа, 1890 г., одинъ изъ самыхъ лучшихъ гражданъ г. Харькова—почетный членъ Харьковскаго университета, профессоръ Иванъ Васильевичъ (Холмогоровъ) Платоновъ.

Ученикъ знаменитаго русскаго дѣятеля, графа Сперанскаго, Ив. Вас. Платоновъ былъ однимъ изъ первыхъ профессоровъ Харьковскаго университета. Великороссъ, воспитанникъ Виѳанской семинаріи и затѣмъ Московской духовной академіи, онъ былъ избранъ вмѣстѣ съ извѣстными учеными братьями Баршевыми *) для изученія юридическихъ наукъ и въ октябрѣ 1829 года вмѣстѣ съ ними явился во второе отдѣленіе канцеляріи Его Величества. Послѣ двухгодичнаго слушанія лекцій по правовѣдѣнію въ отдѣленіи и въ Петербургскомъ университетѣ онъ вмѣстѣ съ Баршевыми **) слушалъ лекціи по той же спеціальности въ Берлинскомъ университетѣ и въ свободное время по приглашенію обучалъ двухъ сыновей графа Д. Н. Блудова, и преподавалъ русскій языкъ принцу Прусскому Адальберту. По возвращеніи въ Петербургъ и по выдержаніи экзамена на степень доктора правъ, И. В. Платоновъ въ 1835 году опредѣленъ въ Харьковскій университетъ преподавателемъ по каѳедрѣ законовъ благоустройства и благочинія государственнаго и въ 1837 году получилъ званіе экстраординарнаго, а въ 1848 г.— ординарнаго профессора. Въ 1856 г. за выслугою срока оставилъ службу при университетѣ изъ принципа, чтобы дать мѣсто молодымъ силамъ. Затѣмъ онъ почтенъ былъ Харьковскимъ университетомъ избраніемъ въ почетные члены, коихъ весьма не много.

Ив. Вас. Платоновъ обладалъ высшими качествами истинно ученыхъ людей.

Онъ былъ высоко религіозенъ,—вѣровалъ, всегда открыто чтилъ и поклонялся Единому Богу, а не всякимъ моднымъ кумирамъ, столь часто воздвигаемымъ и низвергаемымъ, и не божкамъ послѣднихъ словъ самомнящей науки.

Иванъ Васильевичъ, всю долголѣтнюю жизнь свою дѣятельно занимаясь наукою и имѣя самый толерантный и выносливый характеръ ко всякимъ національностямъ, даже до современнаго іудаизма,—вмѣстѣ съ тѣмъ всегда былъ истинно русскимъ человѣкомъ.

87 лѣтній, Иванъ Васильевичъ никогда не былъ отжившимъ свой вѣкъ человѣкомъ. Научный ли вопросъ, — ко всему нашъ Иванъ Васильевичъ относился съ живымъ и дѣятельнымъ, разумнымъ и сердечнымъ участіемъ. Когда римскій папа подложными письменными и лукавыми увѣреніями вздумалъ было энцикликою увлекать всѣ славянскіе православные народы къ западу и римскому католичеству—онъ одинъ изъ всей Россіи, одинъ только старецъ нашъ Иванъ Васильевичъ, далъ римскому первосвященнику ученый, задушевный, энергичный отпоръ въ извѣстной своей „Анти-энцикликѣ“.

Въ Харьковскихъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1883 годъ И. В. помѣщалъ также свои слѣдующія статьи: „Отвѣтъ на возраженіе, послѣдовавшее со стороны католичества противу „Анти-энциклики“ и „Къ празднованію всечестной памяти первоучителей славянскихъ Свв. Кирилла и Меѳодія, мая 11-го дня“. Кромѣ того были его замѣтки и въ „Листкѣ для Харьковской Епархіи“, что ясно доказываетъ, что покойный дѣйствительно былъ отзывчивъ на всѣ вопросы по предметамъ, его занимавшимъ.

Распространяться публично о семейныхъ отношеніяхъ такого семьянина, какимъ былъ Иванъ Васильевичъ—это дѣло духовника его и пастыря да кровной семьи,—но не могу воздержаться сказать, что—на сколько отношенія эти и взгляды его были доступны мнѣ,—предъ ними нужно только преклоняться съ глубокимъ почтеніемъ: въ его семейственности все дышало самоотверженіемъ, разумною свободою, человѣчностью и высокою христіанскою любовію....

65 лѣтъ прожилъ Иванъ Васильевичъ въ Харьковѣ, владѣлъ домами, дачами, постоянно вращался во всѣхъ слояхъ общества, но отъ него никогда нельзя было услышать ни осужденія, ни раздраженія, столь обыкновеннаго у стариковъ; разговоры его были искренне-успокоительны, глубоко-отрадны, потому что онъ чрезвычайно добро и любвеобильно, истинно по-христіански говорилъ о всемъ окружающемъ. Въ его обществѣ можно было всегда успокоиться и отдохнуть.

Да даруетъ же ему Господь Богъ высшее вѣчное блаженство!

*) Куницынымъ и Неволинымъ. *Изд.*
**) И съ указанн. товарищами. *Изд.*

Поминайте наставники ваша, іже глаголаша вамъ слово Божіе: ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ. (Евр. XIII, 7).

Имена ихъ живутъ въ роды: премудрость ихъ повѣдятъ людіе, и похвалу ихъ исповѣсть церковь. (Сир. XLIV, XIV).

ВВЕДЕНІЕ.

Время, однимъ своимъ теченіемъ, безъ всякаго съ нашей стороны вниманія и ожиданія, вдругъ предподноситъ намъ такія явленія, которыя возбуждаютъ въ насъ цѣлый рядъ пріятныхъ или непріятныхъ воспоминаній и невольно влекутъ нашу душу къ участію.

Такъ, нежданно-негаданно въ слѣдующемъ 1891 году февраля 6-го исполнится тысяча лѣтъ со времени кончины—кого бы можно было думать? — Константинопольскаго патріарха Фотія, — того, которому и православіе обязано своею сохранностію и спасеніемъ противу напора тогдашняго папства, — и все славянство своимъ просвѣщеніемъ въ вѣрѣ чрезъ бывшихъ въ его распоряженіи двухъ учениковъ его св. Кирилла и Меѳодія, — и мы, сыны Россіи, въ частности, — въ обращеніи Аскольда и Дира первымъ просвѣтомъ спасительной вѣры, разлившимся потомъ, чрезъ Ольгу, въ лицѣ равноапостольнаго Владиміра, въ полный свѣтъ на всю сидѣвшую въ то время во мракѣ язычества страну нашу, и, мало сего,—ученымъ трудамъ котораго весь христіанскій міръ обязанъ богатымъ наслѣдіемъ сокровищъ знанія и благочестія.

Конечно, память о такомъ свѣтилѣ церкви безусловно требуетъ, чтобы она, по истеченіи тысячелѣтія, возобновлена была во всемъ блескѣ славы и при изліяніи полнѣйшей благодарности, тѣмъ болѣе, что имя Фотія, по нашей грѣшной невнимательности, едва извѣстно въ нашемъ интиллигентномъ мірѣ, изрѣдка объ немъ воспоминающемъ въ литературѣ, а въ низшемъ классѣ народа и вовсе не извѣстно. Имѣя въ виду, съ одной стороны высокое значеніе вспоминаемаго патріарха, а съ другой малую извѣстность его достопочтеннаго имени въ средѣ православнаго люда, мы, надѣлившіе въ 1862 году усердныхъ сыновъ церкви въ издававшемся тогда въ Харьковѣ „Духовномъ Вѣстникѣ“ первыми свѣдѣніями о свв. Кириллѣ и Меѳодіи, и потомъ защитившіе принадлежность ихъ Востоку нашей „анти-энцикликой“ (въ 1881 г). противу притязаній Папы Льва XIII, вздумавшаго усвоять ихъ Западу, а послѣдовавшимъ затѣмъ „отвѣтомъ“ на попытки бискупа Штросмайера защитить притязанія папскія, неопровержимо оградившія ихъ православный характеръ, — мы, говорю, естественно склоняли наше вниманіе на начало-вождя и учителя тѣхъ нашихъ первоучителей, Фотія, и заблаговременно усмотрѣвъ эпоху кончины послѣдняго взяли на себя трудъ написать довольно пространное сочиненіе, у сего благосклонному читателю предлагаемое, въ которомъ съ нарочитою подробностію указали на высокія личныя достоинства патріарха, на его пламенную борьбу съ папствомъ, дерзко посягавшимъ на самостоятельность Восточной церкви, на его изгнаническія страданія, ублажаемыя Спасителемъ и имъ великодушно перенесенныя, — указали на его апостольскую ревность, съ какою онъ старался распространять святую вѣру по окрестнымъ странамъ, преданнымъ язычеству, іудейству и магометанству и, болѣе всего, между родственными намъ славянами—указали и на многочисленныя его учено-религіозныя произведенія, ставящія его наравнѣ съ великими отцами и учителями церкви. Мы представили его какъ знаменитаго и многозаслуженнаго патріарха.

Греческая церковь, въ 1847 году, торжественно признала его святымъ, составивъ для того въ Константинополѣ соборъ при патріархѣ Анѳимѣ, — въ отвѣтъ на энциклику папы Пія IX, призывавшаго всѣхъ восточныхъ христіанъ къ отступничеству, и имѣетъ особую, въ честь его написанную, преисполненную похвалъ, Службу *), которая каждый годъ въ день кончины приснопамятнаго святителя, т. е. 6-го февраля и отправляется.

Сочиненія, какія намъ приходилось имѣть въ виду для нашего труда, суть двухъ родовъ: 1) православные и 2) неправославные.

I.

1) Камень Соблазна (Πέτρα σκανδάλου), Ильи Минятія, переводъ Евграфа Ловягина, Спб. 1854 года. Сочинитель уроженецъ и, въ послѣдствіи, епископъ острова Кефалоніи (1679—1714), ученѣйшій мужъ своего времени, извѣстный своими проповѣдями, переведенными и у насъ на русскій языкъ. Въ приведенномъ сочиненіи обстоятельно и правдиво объясняетъ происхожденіе и причину раздѣленія (τοῦ σχίσματος) двухъ церквей, восточной и западной, и безпристрастно разсказываетъ исторію Фотія и Игнатія.

2) Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи Восточной каѳолической церкви. Изд. 4 е. Москва 1843 г., сочиненіе архимандрита, впослѣдствіи Московскаго митрополита, Филарета, гдѣ на стр. 92-й и слѣд. знаменитый іерархъ-богословъ пишетъ нѣсколько вѣскихъ словъ о значеніи Фотія.

3) Правда вселенской церкви о римской и прочихъ патріаршихъ каѳедрахъ. Спб. 1841 года,—сочиненіе почтеннѣйшаго Анд. Ник. Муравьева, въ которомъ довольно подробно говорится о столкновеніи Фотія съ римскими папами.

4) Очеркъ жизни Константинопольскаго патріарха Фотія. Москва 1858 г., — соч., первоначально напечатанное въ III книгѣ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“, и потомъ вышедшее въ означенномъ году отдѣльной брошюрой: трудъ бывшаго профессора Харьковскаго Университета, гдѣ онъ, на основаніи византійскихъ писателей, съ основательностію излагаетъ жизнь Фотія, оживляя разсказъ внесеніемъ цѣлыхъ краснорѣчивыхъ посланій патріарха и буквальными извлеченіями изъ византійскихъ хронографовъ.

5) Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники у западныхъ славянъ. Харьковъ 1863 г.,—сочиненіе покойнаго П. А. Лавровскаго, первоначально выходившее отдѣлами въ издававшемся въ Харьковѣ „Духовномъ Вѣстникѣ“, и за тѣмъ увѣнчанное академическою преміею. Значительная часть труда (стр. 55—182) посвящена полемикѣ неотразимой убѣдительности противу папы Николая I-го, какъ властолюбца и притязателя, и въ защиту Фотія, какъ поборника вселенскаго православія.

6) Въ прошломъ 1889 году, какъ бы нарочно, въ предвидѣніи близкаго 1000-лѣтія памяти великаго патріарха, почтенный от. Владиміръ Геттэ въ издаваемомъ имъ журналѣ „L'union Chrétienne“ напечаталъ ту часть сообщаемой имъ въ немъ правдивой исторіи церкви, на которую упадаетъ эпоха Фотія, и превосходно, на основаніи безпристрастныхъ свидѣтельствъ, представилъ жизнь и дѣятельность патріарха, въ связи съ борьбою противу папства, посягавшаго на цѣлость апостольской и соборной церкви, а достопочтенный органъ богословія и любомудрія, издаваемый при Харьковской Духовной Семинаріи, подъ названіемъ „Вѣра и Разумъ“, очень кстати представилъ тотъ отдѣлъ на своихъ страницахъ въ прекрасномъ, отразившемъ чистоту и изящество подлинника,—переводѣ сотрудника г-на Истомина (см. „Вѣра и Раз.“ за 1888 г., декабрь, книжку 2-ю, и за 1889 г., февраль, кн. 1-ю, мартъ кн. 2-ю и май кн. 1-ю).

Кромѣ сего, хотя краткія, но достаточныя свѣдѣнія о Фотіи и его подвижничествѣ за православіе могутъ быть почерпаемы въ изложеніяхъ церковной исторіи, начиная отъ „Начертанія“ таковой отъ библейскихъ временъ до XVIII, преосвященнаго Инокентія, Отд. 1-е Спб. 1817 г., въ изложеніи девятаго вѣка, до

---

*) Для удовлетворенія требованію интересующагося читателя помѣщаемъ начальную часть этой службы въ честь Фотія съ церковно-славянскимъ переводомъ въ приложеніи къ нашему труду, № 2-й.

послѣдняго по тому же предмету изъ учебныхъ руководствъ, обыкновенно представляющихъ сокращенія основоположнаго „начертанія“.

7) Не можемъ подъ конецъ умолчать о превосходной блестящей статьѣ, въ энциклопедическомъ лексиконѣ, изд. Плюшара, Н. И. Надеждина, подъ заглавіемъ: „Восточная каѳолическая церковь“ (т. XIII), гдѣ со страницы 426 дѣло Фотія представлено съ увлекающимъ краснорѣчіемъ.

Но, указывая на эти родные источники свѣдѣній о Фотіи, мы ласкаемъ себя надеждою, что эти сочиненія въ глазахъ усерднаго чтителя Фотія не заслонятъ нашего посильнаго труда, со всѣмъ усердіемъ посвященнаго возстановленію или обновленію, по истеченіи десяти вѣковъ, памяти великаго свѣтила православія.

Изъ древнихъ же лѣтописцевъ, въ изложеніи жизни Фотія, по преимуществу будутъ нашими руководителями, такъ легко и ловко обходимые католическими писателями, безпристрастные Византійскіе сказатели: Георгій монахъ, Кедринъ, Зонара, отчасти Константинъ Багрянородный.

II.

Сочиненія, неблагопріятныя Фотію, изъ инославнаго міра, которыя были у насъ предъ глазами, суть слѣдующія:

1) Jager, L'Abbé, Histoire De Photius, Patriarch de Constantinople 2-m edition. Paris 1854 г., отличается особенною враждебностію противу Фотія и ни одного его дѣйствія не оставляетъ безъ самой злой критики.

2) Съ нимъ можно наравнѣ поставить и сочиненіе анонимнаго писателя конца прошлаго столѣтія подъ тѣмъ же названіемъ: Histoire de Photius, Patriarche schismatique de Cp. Par. d. H. E. Paris, 1772.

3) L. Tosti Storia dell'origine dello scisma greco. Firenze, le Monnier 1856, v. oll. 2.

4) H. Schmitt. Harmonie der morgenländischen und. abendl. Kirche. Ein Entwurf der Vereinigung beider Kirchen 2. Aufl. Würzburg 1869 г.

5) A. Pichler. Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen Orient und Occident. München 1864. 1865. 2 tc.

6) Dr. S. Hergenröther. Photius Patriarch von Constantinopel. Sein Leben, sein Schriften und das griechische Schisma. Regensburg 1867—1869— въ трехъ большихъ томахъ. Сочиненіе это отличается особенною подробностію въ изложеніи жизни Фотія, но далеко не такъ рѣзко, какъ сочиненіе Жаже.

Повѣствователи, на которыхъ изъ древнихъ преимущественно ссылаются западные порицатели Фотія, во-первыхъ:

Митрополитъ Смирнскій Митрофанъ и Неокесарійскій Стиліанъ, свидѣтельствовавшіе на соборѣ противу Фотія, и архимандритъ Ѳеогностъ, который представилъ папѣ Адріану II отъ лица Игнатія и имъ же, Ѳеогностомъ самимъ, сочиненную въ чувствительнѣйшемъ тонѣ жалобу на горькое положеніе патріарха, вслѣдствіе осужденія его соборомъ.

Но наиболѣе любимый споручникъ истины для западныхъ писателей о Фотіи—это Анастасій, библіотекарь Римской церкви, но споручникъ самый неблагонадежный. Вотъ опредѣленіе, составленное противу него въ самомъ Римѣ отъ папы Адріана II: „Вся церковь Божія знаетъ, что сдѣлалъ Анастасій во времена папъ, нашихъ предшественниковъ, а равно и то, какъ приказали поступить съ нимъ Левъ и Бенедиктъ, изъ коихъ первый низложилъ его, отлучилъ и анаѳематствовалъ; а другой лишилъ его священнаго званія, допустивъ лишь къ общенію съ мірянами. Впослѣдствіи папа Николай возстановилъ его подъ условіемъ, что онъ пребудетъ вѣрнымъ церкви романской, но, ограбивши нашъ патріаршій дворецъ и похитивши соборные акты, въ которыхъ онъ былъ осужденъ, онъ ввелъ въ стѣны этого города людей для сѣянія раздора между князьями и церковію; и былъ причиною того, что нѣкто по имени Адалгримъ, искавшій убѣжища въ церкви, былъ лишенъ глазъ и языка. Наконецъ, многіе изъ васъ, подобно мнѣ, слышали о его разсказѣ предъ однимъ священникомъ, по имени Адономъ, его духовнымъ отцомъ, о томъ, что онъ забылъ наши благодѣянія до такой степени, что послалъ одного человѣка къ Елевферію, обязывая этого послѣдняго совершить убійства, о которыхъ вы знаете. Вотъ почему мы приказываемъ, сообразно съ опредѣленіями папъ Льва и Бенедикта, лишить его всякаго церковнаго общенія до тѣхъ поръ, пока онъ не оправдается предъ соборомъ во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ; и кто только будетъ находиться въ общеніи съ нимъ, даже будетъ только говорить съ нимъ, тотъ подпадетъ подобному же отлученію. Если же онъ удалится изъ Рима, хотя бы не на дальнее разстояніе, или если онъ будетъ исполнять какую

либо церковную требу, то будетъ пораженъ постоянною анаѳемою, онъ и всѣ его соучастники“ *). Послѣ такого папскаго рѣшенія, могъ ли и самый Римъ въ спорахъ съ Востокомъ съ довѣріемъ привлекать къ участію въ соборѣ противу Фотія такого человѣка? Но такъ какъ взаимнаго знанія двухъ господствовавшихъ языковъ тогда не было, или и было, то весьма въ слабой степени, такъ что ни Римлянинъ не понималъ грека, ни Грекъ римлянина, Анастасій же отлично владѣлъ греческимъ, то Адріанъ II nolens-volens долженъ былъ послать его на Константинопольскій соборъ, бывшій противу Фотія, для понятнаго сообщенія членамъ собора Римскихъ актовъ и для правильнаго изложенія на латынскомъ греческихъ рѣшеній собора. По этому поводу и переведены имъ были опредѣленія этого собора на латинскій, съ предпосланіемъ предисловія, въ которомъ онъ разсказываетъ исторію Фотія и весь ходъ собора. Можно вообразить себѣ, что такой порочный, безнравственный, и еще обязанный папою пребыть вѣрнымъ Римской церкви, если хочетъ заслужить себѣ прощенія, — что такій человѣкъ будетъ вѣрнымъ сказателемъ дѣяній Фотія и сужденій собора. Не все ли основаніе есть ожидать отъ такого повѣствователя всякаго искаженія истины и по своимъ безнравственнымъ убѣжденіямъ, и изъ желанія угодить грозящей власти? Католическіе писатели и самисознавая неблагонадежность такого свидѣтеля, выдумали другаго Анастасія, бывшаго, будто бы, въ одно время съ Анастасіемъ библіотекаремъ, къ которому-де и относятся вышеприведенныя обвиненія. Но всѣ ихъ усилія доказать эту двойственность до сихъ поръ остаются напрасными, и, такимъ образомъ, свои сказанія о великомъ человѣкѣ принуждены они строить на невѣрной почвѣ.

Другой, излюбленный католиками для Фотія, но не заслуживающій вѣры, писатель—это *Никита Давидъ*, называемый также по мѣсту своего епископства въ Дадибрѣ, въ Пафлагоніи, пафлагонянином. Онъ написалъ „Жизнь Игнатія“, и въ этомъ сочиненіи своемъ выставилъ Фотія такимъ тираномъ и мучителемъ, который нещадно подвергалъ низложеннаго Игнатія всевозможнымъ истязаніямъ, чтобы заставить его отречься отъ патріаршества, и, вообще, представляетъ его, Фотія, злымъ и порочнымъ человѣкомъ, готовымъ на всякое тяжкое беззаконіе для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей, а Игнатія украшаетъ всѣми добродѣтелями, безаконно лишеннымъ престола, истымъ мученикомъ и жалкой жертвой лютости Варды и сообщника его Фотія. Но жизнь Игнатія писалъ пафлагонянинъ не при жизни того и другаго патріарха, а, по соображенію Аллація (Allat. de Nicetis apud Mai Nova Pr. Bibl. VI, II p. 4 seg.) въ первой половинѣ десятаго вѣка, въ царствованіе Льва и Константина, слѣдовательно, по разсказамъ стариковъ, жившихъ при обоихъ патріархахъ, и, судя по духу и направленію этихъ разсказовъ, людей непріязненно расположенныхъ къ Фотію. Изъ описанія Никиты видно, что онъ былъ приверженецъ римской церкви и первенства папъ; по крайней мѣрѣ, такъ отзывается о немъ іерусалимскій патріархъ Досиѳей, утверждая, что Никита исповѣдовалъ исхожденіе Св. Духа и „отъ Сына“ **); по этому, вмѣстѣ съ Ганке (des crupt. biz. P. I. c. 6 § 2 p. 259) и греческимъ издателемъ одного изъ произведеній Фотія, Икономомъ (Prolegomena in Phot. Amph. стр. а) имѣемъ полное основаніе не довѣрять свидѣтельству Никиты Давида объ отношеніяхъ новопоставленнаго Фотія къ низложенному Игнатію.

Третій сказатель, которымъ охотно пользуются западные писатели противу Фотія, есть Симеонъ Магистръ и Логоѳетъ, византійскій лѣтописецъ 1-й половины десятаго вѣка, доведшій свою хронику до 963 года. Убѣжденный императоромъ Львомъ философомъ къ писанію „Житій Святыхъ“, принялся онъ за это дѣло съ такимъ увлеченіемъ, что добродѣтели Святыхъ возвеличивалъ до небывалыхъ размѣровъ, и точно также представлялъ грѣхи и пороки. И вотъ, подъ такую то размашистую руку и попалъ Фотій въ своемъ положеніи, и писатель, занимавшій въ императорскомъ дворѣ нѣкоторыя высшія должности, необходимо долженъ былъ чернить всячески въ оправданіе отца императора, Василія, безвинно заточившаго достойнѣйшаго іерарха въ отдаленную Арменію *).

*) См. „Вѣр. и Раз.“ 1888 года, № 24 декабрь, кн. 2, отд. Цер., стр. 842.

*) Правда вселенской церкви стр. 197.

**) Вотъ какъ отзывается о немъ французскій писатель Dictionnaire historique t. VIII стр. 466. Simeon ne se contenta pas de compiler les faits, il les broda d'une maniere romanesque. Il assembla tout à la fois des exemples des vertus les plus héroïques, et des prodiges les plus ridicules.

ИСТОРІЯ ЖИЗНИ
ПАТРІАРХА ФОТІЯ.

I. ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИХЪ ПАТРІАШЕСТВУ ФОТІЯ.

По кончинѣ Ѳеофила, послѣдняго иконоборнаго императора византійскаго (826—842 г.), согласно воли его, за малолѣтствомъ наслѣдника, приняла правленіе государствомъ супруга перваго и мать послѣдняго, благочестивая Ѳеодора, которой православная церковь обязана востановленіемъ почитаніемъ святыхъ иконъ. Въ помощь ей приданы были два заслуженныхъ мужа, Ѳеоктистъ, распорядитель бѣга, и Мануилъ, родственникъ Императрицы, и, кромѣ сихъ двухъ, еще родный братъ ея, Варда. Послѣдній, страстнымъ желаніемъ властвовать, (но не такимъ, по выраженію неизвѣстнаго продолжателя Ѳеофана, желаніемъ, которое то слабѣетъ, то усиливается, обуздываемое разсудкомъ, но желаніемъ страстнымъ, не покидающимъ ни на мгновеніе [1])—Мануила постарался устранить хитростію, а Ѳеоктиста — подговореннымъ убійствомъ. Надобно было удалить отъ правленія и властвовавшую Ѳеодору, и злочестивый братъ не задумался отъ, возраставшаго въ порокахъ и развратѣ, сына ея Михаила III испросить разрѣшенія на удаленіе правительницы въ монастырь, гдѣ неправедно изгнанная и скончала свою жизнь.

Но злодѣйство и порокъ не остались безъ обличенія. Патріархъ Игнатій, какъ человѣкъ высоконравственный и строгій блюститель благочестія, возсталъ противу такого дерзскаго посягательства на права сестры-правительницы. Святая ревность первосвятителя еще болѣе возбуждена была развратнымъ поведеніемъ безчестнаго временщика, открытымъ кровосмѣшеніемъ, черезъ разводъ съ своею женою и преступную связь съ своей невѣсткой, производившимъ общій соблазнъ. Возмущенный патріархъ, послѣ многихъ напрасныхъ увѣщаній и угрозъ, не убоялся беззаконника не допустить до святаго причащенія въ день Богоявленія, предъ лицемъ всего народа. Понятно, могъ ли перенести подобное обличеніе бывшій во власти грѣшникъ? Оклеветанный въ государственной измѣнѣ, праведный обличитель, безъ всякаго суда и слѣдствія былъ лишенъ патріаршескаго и сана сосланъ въ заточеніе на островъ Теревинѳъ.

II. ФОТІЙ НА ПАТРІАРШЕСТВѢ.

Когда сказанное преступленіе совершено было и, естественно, производило сильное впечатлѣніе на умы византійцевъ, представилась надобность какъ нибудь закрасить его безобразіе и избрать на патріаршій престолъ такого человѣка, который бы имѣлъ не меньше, если не

[1]) Theophanis Continuator pag. 168.

больше, достоинства, чѣмъ низвергнутый Игнатій. И такимъ, на взглядъ Варды и другихъ, оказался Фотій,—мірянинъ, знатнаго происхожденія, находившійся въ родствѣ съ императрицею, ученѣйшій мужъ своего времени и занимавшій должности протоспафарія, перваго секретаря и сенатора, и не рѣдко имѣвшій отъ правительства дипломатическія порученія. Сколько ни сопротивлялся избранію никогда не ожидавшій того Фотій, сколько ни умолялъ избирателей, даже со слезами, избавить его отъ этого сана, совершенно, по его сознанію, не отвѣчающаго его силамъ, а предоставить ему свободно заниматься въ уединеніи любезными ему науками и дѣлиться своими познаніями со всякимъ, желающимъ учиться — все было напрасно: избиратели, зная высокія достоинсва избираемаго въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, да еще поддерживаемые настойчивостію самовластнаго правителя, остались непреклонны въ своемъ рѣшеніи—видѣть въ главѣ Константинопольской церкви Фотія. И онъ, какъ мірянинъ, прошедши, въ званіи монаха, въ нѣсколько дней, степени чтеца-діакона и священника, посвященъ былъ въ санъ патріаршій и вступилъ на свой престолъ 25 декабря 858 года. Вслѣдъ за симъ, Фотій далъ отъ себя запись, въ которой, къ общему свѣдѣнію, съ клятвою заявлялъ, что онъ нисколько не виновенъ въ низложеніи Игнатія, и что какъ теперь, такъ и потомъ будетъ чтить его, какъ отца, и какъ себѣ, такъ и другимъ не позволитъ что либо говорить противу него. Тѣмъ не менѣе, оскорбленный старецъ, въ сознаніи своей правоты и учиненнаго противу него насилія, не хотѣлъ успокоиться и добровольно выразить согласіе на отреченіе отъ престола. Вслѣдствіе сего, въ патріархатѣ образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна держалась стороны Фотія, другая Игнатія, и взаимнымъ противуборствомъ своимъ нарушали покой столицы. Игнатіане, недовольные Фотіемъ, и, безъ основанія, воображая его виновникомъ низложенія Игнатія, собрались въ церкви св. Ирины и тутъ торжественно объявили не угоднаго Фотія лишеннымъ престола; приверженцы же Фотія, съ своей стороны, несравненно въ большемъ числѣ, собрались въ церкви свв. апостоловъ и такъ же торжественно провозгласили Игнатія достойно и праведно низведеннымъ съ престола. Къ вящшему возмущенію умовъ, присоединилось еще и то обстоятельство, что Игнатій, удаляясь съ каѳедры, запретилъ восточной церкви всякое священнодѣйствіе. Къ сожалѣнію, у оскорбленнаго святителя не достало ни благоразумія Тарасія, ни великодушія Златоуста, которые, бывъ изгоняемы съ своихъ престоловъ, мирно оставляли ихъ и повелѣвали своей паствѣ благодушно покориться новопоставленной власти [1]). Конечно, такое нестроеніе не могло долго продолжаться. Императоръ Михаилъ вынужденъ былъ обратиться къ Римскому папѣ, не какъ къ высшему лицу въ Іерархическомъ порядкѣ, но какъ священноначальнику, пользовавшемуся первенствомъ чести между равными (primus inter pares), и просилъ у него только совѣта, какъ ему выйдти изъ подобнаго затруднительнаго положенія. Вмѣстѣ съ симъ, и Фотій, слѣдуя общепринятому тогда обычаю въ христіанской церкви, отправилъ съ однимъ посольствомъ и свою общительную грамоту къ папѣ, какъ собрату и сослужителю о Христѣ, точно такъ, какъ поступлено было имъ по отношенію и къ прочимъ вселенскимъ патріархамъ.

Въ граматѣ государя о совмѣстничествѣ двухъ лицъ на патріаршій престолъ упомянуто было слегка, о возшествіи Фотія на престолъ мимоходомъ, а о низведеніи Игнатія еще легче, въ выраженіяхъ темныхъ и неопрѣдѣленныхъ, а главнымъ поводомъ къ составленію предполагавшагося собора, на который приглашался папа, выставлено было продолженіе иконоборческихъ смутъ, которыя, дѣйствительно, все еще тогда не утихали. Фотій же въ грамотѣ своей, совершенно откровенно и съ глубокимъ чувствомъ своего нежеланія быть патріархомъ, жаловался на насильственное возведеніе его на престолъ императоромъ, во исполненіе рѣшенія ду-

[1]) См. Вѣра и Раз. 1888 г. № 24 декабрь, кн. 2-я от. церк. ст. 840 и слѣд.

ховенства, выражалъ сожалѣніе свое о томъ, что, вслѣдствіе выбора, ему пришлось оставить любимѣйшія свои занятія наукой и, въ заключеніе, изложилъ свое исповѣданіе вѣры, согласно опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ.

Представляемъ это посланіе здѣсь въ переводѣ, какъ памятникъ православія и смиренія Фотія.

„Святѣйшему, освященнѣйшему и досточтимѣйшему Николаю, папѣ древняго Рима Фотій епископъ Константинополя.—Когда я думаю о величіи духовнаго сана и о томъ, до какой степени человѣческая наша скудость лишена совершенства, необходимаго для достиженія его,... когда начинаю взвѣшивать недостаточность собственныхъ моихъ силъ и въ тоже время припоминать, какое я всегда имѣлъ высокое понятіе объ обязанностяхъ священства, и какъ я удивлялся и изумлялся всегда смѣлости, съ которою въ наше время,—не говорю уже о прошломъ,—люди, при всѣхъ слабостяхъ смертной природы, поднимаютъ на себя страшное иго первосвященства и берутся выполнять обязанности, свойственныя безплотнымъ херувимамъ.... когда, говорю, я раздумываю и углубляюсь въ подобныя размышленія, то не нахожу словъ для выраженія скорби моей и моего отчаянія, видя, что все это случилось со мною. Если я, не взирая на укоренившееся во мнѣ съ дѣтства стараніе и сильное желаніе, устранившись отъ свѣтскихъ дѣлъ и треволненій, вести жизнь уединенную (если началъ писать къ вашему святѣйшеству, то долженъ писать истину), былъ увлеченъ въ государственную службу и, такимъ образомъ, вынужденъ начать несвойственныя мнѣ занятія, все же я никогда не смѣлъ и думать о возможности полученія первосвященническаго сана. Онъ всегда внушалъ мнѣ трепетъ и страхъ, особенно когда вспоминалъ о Петрѣ, первенствующемъ между апостолами, который, давъ многія доказательства своей вѣры въ І. Христа, Бога истиннаго, и своей любви къ Нему, оправданной неоднократно на дѣлѣ, взиралъ на пастырское служеніе своему учителю, какъ на вѣнецъ своихъ великихъ подвиговъ, совершенныхъ прежде. Потомъ я приводилъ себѣ на память раба, который, зная строгость своего господина, тщательно скрылъ ввѣренный ему талантъ изъ боязни потерять его; когда же пришлось дать отчетъ, почему не пустилъ его въ оборотъ, то подвергся наказанію огнемъ и геенною. Но зачѣмъ писать объ этомъ, когда скорбь моя возрастаетъ, печаль моя усиливается и смущеніе мое увеличивается? Воспоминаніе о потерпѣнныхъ мною огорченіяхъ только прилагаетъ къ скорби скорбь и не облегчаетъ страданія. Безъ сомнѣнія, все плачевное зрѣлище, случившееся со мною, разыгралось для того, чтобы я, съ помощію вашихъ молитвъ, могъ разсѣять помрачающее меня облако затрудненій и избавиться отъ мрака унынія, когда увижу (не знаю какъ выразиться), что я способенъ руководствовать ввѣренную мнѣ паству и хорошо управлять ею. Какъ корабль, несомый благопріятнымъ вѣтромъ и хорошо управляемый, доставляетъ радость коричему, такъ и церковь, исполненная благочестія и твердо идущая по стезямъ добродѣтели, радуетъ пастыря, назначеннаго управлять ею и даетъ ему способы устранять затрудненія. Когда нашъ предшественникъ оставилъ свой санъ, то я не знаю, по какому побужденію напали на меня всѣ, составляющіе клиръ и все собраніе епископовъ и митрополитовъ, преимущественно же предъ всѣми самъ благочестивый и христолюбивый императоръ, который для всѣхъ умѣренъ, снисходителенъ и человѣколюбивъ (почему не сказать здѣсь правды?). Право, онъ по снисходительности не имѣетъ себѣ равнаго между своими предшественниками;—только относительно меня онъ неумолимъ и безпощаденъ. И такъ, я былъ совершенно безащитенъ противъ нападенія вышеупомянутаго собранія духовныхъ. Императоръ же поставилъ на видъ, что дѣйствуетъ согласно съ рѣшеніемъ, побужденіями и желаніями, общими всему духовенству, такъ что, если бы и хотѣлъ, то не можетъ уважить моей просьбы. Всѣ же присутствовавшіе условились и сговорились настаивать въ одинъ голосъ, что я долженъ принять бремя правленія, хотя бы на это и не было моего желанія. Когда мнѣ,

такимъ образомъ, преграждены были всѣ пути моленій, то я началъ плакать. Мракъ неизвѣстности и смущенія, волновавшій мою душу, отразился въ глазахъ моихъ, превратившись въ слезные потоки. Лишившись возможности достигнуть спасенія съ помощію словесныхъ просьбъ, я обратился къ слезамъ, въ надеждѣ отъ нихъ успѣха, если сила воли оставила меня. Принуждавшіе же меня до тѣхъ поръ не отставали отъ меня, пока не исполнили противнаго моему желанію, но согласнаго съ ихъ волею. Итакъ я не самъ искалъ патріаршества, я сопротивлялся избранію — свидѣтель тому всевидящій Богъ! Но здѣсь всего лучше припомнить апологъ о дубѣ... Такъ какъ самое лучшее общеніе, это общеніе черезъ вѣру и истинную любовь, то, чтобы укрѣпить наши отношенія къ вашему святѣйшеству узами чистыми и неразрывными, мы рѣшились изложить здѣсь вкратцѣ исповѣданіе вѣры, общее намъ съ вами. Такимъ способомъ мы надѣемся привлечь къ себѣ ваше горячее участіе, равно и сами покажемъ наше расположеніе къ вамъ“.... Здѣсь Фотій въ сжатыхъ, но точныхъ и ясныхъ, выраженіяхъ, съ рѣдкимъ знаніемъ и теплою вѣрою, изложилъ сущность православнаго ученія церкви. Въ заключеніи онъ говоритъ: принимаю семь святыхъ вселенскихъ соборовъ, передаю анаѳемѣ тѣхъ, которыхъ они предали, братски обнимаю и прославляю тѣхъ, которыхъ они прославили. Таково мое исповѣданіе вѣры, таково оно и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ церкви, поборающихъ по ней; на него вся надежда не только моя, но и тѣхъ, которые ревнуютъ о благочестіи и которыхъ одушевляетъ святая любовь къ чистой и непорочной славѣ Христіанства. И такъ, представивъ вашему святѣйшеству наше исповѣданіе вѣры, изложенное письменно, какъ на скрижалѣ, и выраженное нами словесно, мы нуждаемся въ вашихъ молитвахъ и часто просимъ Бога, чтобы онъ призрѣлъ и благословилъ все, что только мы ни дѣлаемъ и что только сдѣлали для искорененія соблазна и уничтоженія камня всякаго преткновенія въ церковномъ благоустройствѣ; что бы Онъ помогъ намъ хорошо управлять паствою и не останавливать ея добрыхъ подвиговъ множествомъ нашихъ согрѣшеній, ибо всякое ея уклоненіе вмѣнится намъ въ грѣхъ. Да имѣю я силу поучать ее словомъ и дѣломъ въ ея обязанностяхъ! Да будетъ она, руководимая къ спасенію, послушна и благодушна; да будетъ она, какъ подобаетъ, содѣлана достойною благости и милосердія Христа Владыки всѣхъ, Ему же слава и сила съ Отцемъ и животворящимъ Духомъ, Единосущной Троицѣ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь?“ [1]).

Какой же отвѣтъ послѣдовалъ изъ Рима на два, отправленныя изъ Византіи, письма, изъ которыхъ одно отъ Фотія представлено нами предъ симъ въ переводѣ, а другое отъ Императора пропало и не дошло до насъ? Въ то время занималъ папскій престолъ Николай I-й, іерархъ гордый, честолюбивый, притязательный, возмечтавшій подчинить себѣ Востокъ, точно такъ, какъ успѣлъ подчинить себѣ и Западъ и такимъ образомъ привести подъ свою власть всю христіанскую церковь, чему весьма много содѣйствовали пущенныя тогда въ ходъ лже-Исидоровы Декреталіи, въ которыхъ права и власть римскаго первосвященника, на основаніи ложно измышленныхъ опредѣленій (Decreta) достопочтенныхъ представителей церкви первыхъ вѣковъ, представлены были въ самомъ широкомъ размѣрѣ верховенства надъ церковію. Само-собою разумѣется, что отъ такого, высоко-мечтавшаго о своемъ превосходствѣ, папы можно было не инаго ожидать отвѣта, какъ кичливаго и притязательнаго. И вотъ онъ отправляетъ въ Константинополь двухъ епископовъ, Родоальда Партуенскаго и Захарію Ананійскаго

[1]) См. это посланіе въ переводѣ у г. Зернина въ очеркѣ жизни патр. Фотія стр. 13. и въ Вѣр. и Раз. Loc. cit. страниц. 847. Не оставили безъ вниманія это замѣчательное письмо и противники Фотія, Гергенретеръ и Жаже (Jager) изъ которыхъ первый почтилъ его нѣмецкимъ переводомъ т. I й. стр. 407, и слѣд., а вторый представилъ его во французскомъ переводѣ въ своей Histoire de Photius стр. 34, да еще съ прибавленіемъ на стр. 433 греческаго подлинника.

съ двумя письмами къ Фотію и Михаилу. Въ письмѣ къ Фотію, не отказывая ему въ похвалѣ за правовѣріе, явленное имъ въ общительномъ посланіи, онъ выражаетъ за тѣмъ недовольство, что Фотій вступилъ на патріаршество изъ мірянъ, не прошедши всѣхъ степеней священнослуженія, положенныхъ уставами церкви; впрочемъ, изъявляетъ готовность признать его въ новомъ санѣ, ежели только онъ покажетъ ревность къ каѳолической вѣрѣ. Въ отвѣтѣ къ императору, засвидѣтельствовавъ въ началѣ нѣкоторую благодарность за его заботливость о дѣлахъ церкви, вслѣдъ за тѣмъ, упрекаетъ его за самовольное удаленіе Игнатія, не спросивъ на то согласія Римской церкви, вопреки существовавшему до того времени порядку; за тѣмъ, гордо и самоувѣренно, „яко власть имѣя,“ обѣщаетъ прислать свое верховное рѣшеніе по препирательству двухъ патріарховъ, когда получитъ отъ посланныхъ имъ двухъ епископовъ подробныя о дѣлѣ свѣдѣнія; и, въ заключеніе,—проявленія свойственныхъ издавна папству властолюбія и стяжательности,—предъявляетъ требованіе на Эпиръ, Иллирію, Македонію, Ѳессалію, Ахаію, Дакію, Мизію и Дардонію; требуетъ возвратить римской церкви Калабрію и Сицилію, признать ѳессалоникійскаго архіепископа его намѣстникомъ и предоставить право поставлять архіепископа Сиракузскаго.

По прибытіи папскихъ легатовъ созванъ былъ въ Константинополѣ, въ церкви Св. Апостолъ, соборъ, на который явилось 618 епископовъ, при соучастіи и папскихъ представителей. Позванъ былъ на судъ низложенный Игнатій, котораго, въ надеждѣ скорѣе чрезъ него достигнуть своихъ своекорыстныхъ цѣлей, усердно защищалъ папа, и — единогласно осужденъ былъ, не исключая и присутствовавшихъ на соборѣ двухъ римскихъ епископовъ, Родоальда и Захаріи,—на основаніи незаконнаго его поступленія на патріаршескую каѳедру, при насиліи со стороны свѣтской власти, что клятвенно и было засвидѣтельствовано подписями семидесяти двухъ лицъ. Послѣ сего, отъ императора и Фотія посланы были къ папѣ извѣстительныя письма о дѣяніяхъ собора съ нарочитымъ посланникомъ Львомъ, независимо отъ двухъ римскихъ епископовъ, которые также, по окончаніи собора, немедленно отправились въ Римъ и пришли туда раньше византійскихъ вѣстниковъ двумя днями. Легко вообразить, съ какимъ чувствомъ властолюбивый папа принялъ извѣщеніе пословъ о результатахъ собора. Онъ тѣшилъ себя мечтою о признаніи его верховной власти и надъ Востокомъ, о территоріальномъ расширеніи области его вѣдомства, а вышло, что на соборѣ о значеніи папской власти и помину не было, да еще, вопреки его желанію, Игнатій осужденъ, а Фотій признанъ и утвержденъ патріархомъ, и притомъ съ согласія его собственныхъ уполномоченныхъ. Неизвѣстно, что отвѣчалъ папа императору, просившему, въ досаду ему, подтвердить своею подписью опредѣленія собора о низложеніи Игнатія и утвержденіи въ патріаршескомъ санѣ Фотія, и не сдѣлавшему никакого намека на высокое значеніе его власти и на требованіе подчиненія ему части Востока. Письмо къ Фотію преисполнено было, какъ можно заключать изъ содержанія отвѣта на него, упреками, которыми его (папы) отеческая святость поражала Фотія какъ стрѣлами. Упреки касались тѣхъ же обстоятельствъ возведенія Фотія на патріаршій престолъ, именно, что онъ изъ мірянъ, не прошедши всѣхъ предварительныхъ степеней священства, занялъ вдругъ высокій духовный санъ, вопреки принятымъ въ Римѣ и подлежащимъ къ общей извѣстности правиламъ (разумѣя подъ ними декреталіи); что онъ не вѣритъ предъявляемому Фотіемъ уклоненію отъ власти; что тронъ въ началѣ не былъ ему тягостенъ, а потомъ сдѣлался уже и вождѣленъ, и отъ того—стараніе удалить отъ пути къ нему бѣднаго Игнатія; что онъ вообще на соборѣ мало показалъ усердія къ интересамъ каѳолической церкви. Что же отвѣчалъ на это укоризненное писаніе гордаго папы знаменитый іерархъ Востока? Отвѣтъ его есть истинный образецъ ума, пламеннаго чувства, христіан-

скаго миролюбія, задушевной искренности, заботы объ интересахъ церкви и непобѣдимой убѣдительности [1]). Въ началѣ его, имѣя въ виду непріязненное настроеніе папскаго письма, онъ, проникнутый весь духомъ христіанства, восхваляетъ любовь, *вся терпящую и вся покрывающую*, даетъ разумѣть папѣ, что если бы онъ руководился этою любовію, то не осыналъ-бы его, такъ нещадно, своими укоризнами и, когда бы и были въ немъ какіе недостатки или немощи не разлучныя съ человѣчествомъ, то покрывалъ бы ихъ терпѣливымъ благоснисхожденіемъ любви. Подъ вліяніемъ этой любви ему—скорѣе бы слѣдовало пожалѣть его, Фотія, потому что онъ силою возведенъ на патріаршій престолъ, и глубоко скорбитъ, что оторванъ отъ любимыхъ имъ, мирныхъ занятій наукою и учительствомъ, чѣмъ корить его антиканоническимъ занятіемъ высокаго сана. Затѣмъ ярко выставляетъ безосновательность этихъ укоризнъ, ссылаясь на существующія церковныя постановленія и на примѣры, представляемые исторіею церкви. Относительно первыхъ, разумно дѣлаетъ различеніе между общими и частными постановленіями, и замѣчаетъ, что первыя, какъ выраженія общаго убѣжденія церкви,—общеобязательны и подлежатъ къ непремѣнному исполненію, а послѣднія, какъ выраженія частныхъ церквей, и пребываютъ обязательными для тѣхъ только церквей; существованіе такихъ частныхъ постановленій, главнымъ образомъ, касающихся порядка церковнаго управленія, нисколько не мѣшало единству церкви, какъ это до сихъ поръ и было между Востокомъ и Западомъ. Примѣры же, представленные многоученымъ патріархомъ изъ исторіи церкви въ лицѣ святителей,—Никифора (758—828 г.), Тарасія, Амвросія и Нектарія, изъ которыхъ нѣкоторые возведены были въ высшій духовный санъ не только изъ мірянъ, но и язычниковъ, еще рѣзче опровергаютъ папскія обвиненія Фотія въ незаконномъ принятіи патріаршескаго сана. О предъявляемыхъ же папою требованіяхъ на нѣкоторыя части Восточнаго континента заявляетъ, что этотъ вопросъ не подлежитъ его, Фотія разрѣшенію, а вполнѣ зависитъ отъ свѣтской власти, такъ какъ дѣло идетъ объ отдѣленіи государственныхъ областей. Наконецъ, послѣ такихъ разумно мирныхъ оправданій себя, патріархъ позволяетъ себѣ сдѣлать и упрекъ папѣ, что онъ, въ противность канонамъ, принимаетъ у себя подозрительныхъ людей, бѣгущихъ съ востока, подъ образомъ пилигримовъ, отъ преслѣдованія гражданскихъ или церковныхъ властей и являющихся туда безъ всякихъ законныхъ видовъ, и проситъ его святость впредь не допускать къ себѣ такихъ сѣятелей смуты и клеветъ, производящихъ раздоръ между двумя церквами.

Недовольный исходомъ собора и неуспокоенный, а скорѣе раздраженный извѣстительными посланіями императора и патріарха, честолюбивый Николай отвергъ постановленіе собора на томъ основаніи, что яко бы уполномоченные его, Родоальдъ и Захарія, вынуждены были угрозами подтвердить свое согласіе на низложеніе Игнатія и избраніе Фотія, и, вслѣдъ за тѣмъ, возгремѣлъ новыми, гордыми и притязательными, посланіями и къ церквамъ восточнымъ, и къ Фотію, и къ императору. Въ письмѣ къ восточнымъ іерархамъ онъ говоритъ, что апостольскій престолъ ни какъ

---

[1]) Не желая нарушать связь разсказа внесеніемъ въ текстъ этого довольно длиннаго, но замѣчательнаго произведенія восточнаго православія, помѣщаемъ его въ Приложеніяхъ къ нашему сочиненію, по переводу г. Зернина въ его „Очеркѣ жизни Фотія“ стр. 25 и слѣд. Можно такъ же читать его въ сочиненіи: „Правда вселенской церкви“ Муравьева стр. 224—230 и въ статьяхъ журнала „Вѣра и Разумъ“ loc. cit. стр. 857, съ замѣчаніями сочинителя о. В. Л. Гетте. Равно и Западные неблагопріятели Фотія не опустили въ своихъ сочиненіяхъ привести это писаніе Фотія въ разныхъ переводахъ. Такъ на латинскомъ яз. оно помѣщено у Baron. a. 861 n. 34 слѣд.; у Досиѳея Τόμος Χαρᾶς (Книга радости) стр. 9 и слѣд. и Migne Lib. I epist. 2. стр. 593 и слѣд. Cod. mon. 207; на французскомъ у Jager l. c. стр. 59 и слѣд. съ помѣщеніемъ въ концѣ сочиненія, стр. 439, греческаго подлинника, и на нѣмецкомъ у Гергенретера, т. I й стр. 439 и слѣд.—

не можетъ признать Фотія патріархомъ и приказываетъ возвратиться къ Игнатію, при чемъ самоувѣренно поставляетъ на видъ, что право суда надъ всѣми церквами принадлежитъ римскому іерарху, который самъ не судится ни кѣмъ, кромѣ верховнаго судіи, Христа. Это посланіе свое папа велитъ обнародовать по всѣмъ восточнымъ церквамъ и приходамъ. Въ письмѣ къ императору осторожный папа не смѣетъ высказывать своего суда надъ двумя совмѣстниками — патріархами въ такомъ рѣшительномъ тонѣ, съ какимъ обращался въ предшедшемъ письмѣ предержащимъ духовнымъ чинамъ, а только говоритъ, что до новаго разслѣдованія и уясненія дѣла онъ не согласится на признаніе Фотія и отверженіе Игнатія, причемъ увѣряетъ, что послы его самовольно преступили данныя имъ полномочія, по которымъ они должны были только собрать свѣдѣнія, а не участвовать, вмѣстѣ съ прочими членами собранія, въ рѣшеніи дѣла, которое окончательно предоставляетъ суду римской церкви, какъ первенствующей и главенствующей надъ всѣми церквами. Рѣзче отвѣчаетъ папа на разумное посланіе Фотія, не удостоивъ его въ заглавіи отвѣта наименованія патріархомъ, а титулуя его просто ученѣйшимъ человѣкомъ Nicolaus servus servorum Dei prudentissimo viro Photio [1]). Такимъ титуломъ папа явно даетъ знать, что за Фотіемъ не признаетъ онъ никакого церковнаго достоинства, а сознаетъ въ немъ только преимущество умственнаго развитія. Основаніемъ же къ такому отрицанію выставляетъ то, что возведеніе его на патріаршій престолъ противно принимаемымъ римскою церковію, главою и повелительницею всѣхъ церквей, постановленіямъ, которыя, какъ уставы властующей церкви, непремѣнно должны быть свято соблюдаемы всѣми, хотя бы они и не согласны были съ мѣстными обычаями и порядками. Если кто знаетъ ихъ, но несоблюдаетъ, таковый за подобную дерзость долженъ быть подвергнутъ строгому законному взысканію. Если же кто отзывается незнаніемъ, то такой выказываетъ тѣмъ только предосудительную и не терпимую нерадивость въ церковномъ дѣлѣ. Этой дилеммой папа воображалъ оправдать осужденіе prudentissimi Photii. Не преминулъ римскій законоположникъ попытаться опровергнуть и силу примѣровъ, приведенныхъ Фотіемъ въ оправданіе своего занятія патріаршескаго престола изъ мірянъ, но попытки эти оказываются слишкомъ искуственными и натянутыми, какъ вообще всѣ письма этого притязательнаго папы. О Нектаріи говоритъ, что святительскій санъ получилъ онъ по нуждѣ и понедостатку вообще въ достойныхъ духовныхъ лицахъ; о Тарасіи судитъ, что избранъ былъ за православіе и прекращеніе иконоборческой ереси; Амвросія возводитъ на епископскій санъ, яко-бы, за творившіеяся имъ въ званіи мірянина добрыя дѣла. О патріархѣ-же Никифорѣ, избранномъ также изъ мірянъ (758 — 823), папа совершенно умолчалъ, вѣроятно, потому, что щадилъ честь папскаго достоинства, которое избранный, въ лицѣ папы Льва III, почтилъ присылкою панагіи. Равно ничего не нашелся сказать въ оправданіе себя противу Фотіева обвиненія въ пріемѣ изъ Византіи разныхъ бѣглыхъ и подозрительныхъ лицъ.

Но властолюбивый Николай I-й не удовольствовался этими повелительными отписками, а хотѣлъ проявить свою власть чѣмъ нибудь болѣе дѣйствительнымъ, — болѣе внушительнымъ, — тѣмъ рѣшительнѣе, что къ нему явилось съ Востока нѣсколько подозрительныхъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованія законовъ, лицъ (противу которыхъ, какъ мы видѣли, въ своемъ посланіи предупреждалъ папу Фотій), которыя, яко бы, отъ Игнатія принесли жалобу въ Римъ на чинимыя ему обиды, — жалобу подписанную десятью архіепископами и пятнадцатью епископами. Опираясь на такое свидѣтельство, папа созвалъ въ Римѣ соборъ (надобно полагать 863 г.) изъ Западныхъ епископовъ и, не колеблясь, Фатія объявилъ лишеннымъ патріаршескаго, но не священническаго званія, равно

[1]) Plena collectio Conciliorum, Mansi, tom. XV. 170. —

и всѣхъ, кто были имъ рукоположены, объявилъ лишенными сана. Игнатій же признанъ былъ во всѣхъ правахъ на патріаршество и, вмѣстѣ съ нимъ, востановлены были въ свой санъ и тѣ епископы, которые прежде удалены были съ своихъ мѣстъ, какъ сторонники посвятившаго ихъ Игнатія. Заурядъ произнесено было осужденіе и на Захарію, какъ не исполнившаго въ точности данныхъ ему порученій, а судъ надъ отсутствовавшимъ Родоальдомъ отложенъ былъ впредь до его возвращенія. У папы достало дерзости лично объявить всему восточному духовенству, Фотію и Игнатію о послѣдовавшемъ на соборѣ рѣшеніи, при чемъ, ослѣпленный самомнѣніемъ, рѣшитель грозилъ проклятіемъ какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни, всѣмъ властямъ, ежели какая изъ нихъ дерзнетъ воспротивиться опредѣленію мѣстнаго римскаго собора.

Но чѣмъ болѣе усиливался папа возвышать свой авторитетъ и предъявлять свои притязательныя требованія, тѣмъ менѣе его стремленія оправдовались успѣхомъ на Востокѣ, потому что всѣмъ видно было, что въ дѣлѣ Игнатія преслѣдовалъ онъ не интересъ церкви, а виды своего властолюбія, и что вмѣшательствомъ въ дѣло соперничествующихъ патріарховъ хотѣлъ провести въ сознаніе сыновъ Восточной церкви убѣжденіе въ его главенствѣ и подчинить ее своей власти. Вслѣдствіе сего, какъ клиръ, такъ и міряне тѣмъ охотнѣе приставали къ сторонѣ Фотія, потому что видѣли въ немъ, сильномъ по характеру и превосходящемъ всѣхъ по уму и знанію, наиболѣе способнаго борца противу напора папской притязательности. А императоръ Михаилъ, обиженный дерзскими требованіями и угрозами, съ своей стороны отвѣтилъ ему рѣзскимъ письмомъ. Въ этомъ письмѣ онъ сильно восталъ противу той власти, какую папа присвоялъ себѣ въ посланіяхъ; онъ говорилъ, что онъ, папа, долженъ-бы былъ вмѣнить себѣ въ особенную честь, что его приглашаютъ на соборъ, что послы его допущены были на него не какъ судьи, а какъ свидѣтели состоявшагося согласія всѣхъ восточныхъ іерарховъ на избраніе Фотія, что угрозы его нисколько не помогутъ Игнатію и что Фотій, вопреки ему, останется патріархомъ. Въ этомъ же письмѣ императоръ назвалъ всѣхъ Латиновъ „варварами и скиѳами“, а Римъ „дряхлымъ, выжившимъ изъ лѣтъ городомъ“. Конечно, письмо это раздражило честолюбиваго папу въ высшей степени, и онъ, подъ вліяніемъ гнѣва, написалъ отвѣтъ чрезмѣру и вовсе не приличествующій званію высшаго первосвятителя. Между прочимъ на названіе Римлянъ „варварами и скиѳами“ нашелся съ уколомъ отвѣтить, что напрасно-же онъ, византійскій властитель, величаетъ себя императоромъ Римлянъ; на требованіе выдачи греческихъ монаховъ, явившихся въ Римъ съ жалобою Игнатія, отвѣчалъ, что онъ никакъ не хочетъ разыгрывать предателя Іуды (удачное сравненіе!) Насчетъ же не уважительнаго выраженія императора прислать въ Константинополь пословъ, замѣчалъ, что не такъ относились предшественники императора къ папамъ, когда ихъ звали на соборъ,—они ихъ „почтительно приглашали“. Письмо это не сохранилось, но смыслъ и содержаніе его можно видѣть изъ другого письма того же папы [1]).

Это письмо Михаила послано было папѣ съ первымъ совѣтникомъ, въ концѣ 864 г., и съ этой поры, въ теченіе двухъ лѣтъ, памятники не представляютъ никакихъ слѣдовъ сношеній между Византіей и Римомъ, что со стороны первой надобно объяснять неудовольствіемъ на высокомѣрный тонъ папскихъ писаній, а со стороны втораго — потерею надежды выиграть что нибудь отъ Востока для своихъ притязательныхъ видовъ. За то властолюбецъ, воспрянувъ гордымъ духомъ и не желая утерять изъ рукъ намѣченной имъ лакомой добычи, вдругъ, въ 866 г. разразился многими громоносными письмами, которыя вручены были для передачи, по принадлеж-

[1]) См. Рачкій Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda slovjenskih apostolov, svezak II, Zagreb, 1859 г. стр. 17 примѣч. 2.

ности, посольству, отправлявшемуся по дѣламъ церковнымъ въ Болгарію, откуда посланному приказывалось придти въ Константинополь и сообщить о рѣшеніи папской каѳедры на счетъ дѣлъ въ тамошнемъ патріархатѣ. Письма были написаны и къ императору, и къ императрицамъ, какъ къ вдовствующей матери Михаила, Ѳеодорѣ, такъ и къ супругѣ его, Евдокіи, и къ цезарю Вардѣ, и къ Игнатію, и Фотію, и ко всѣмъ іерархамъ восточнымъ. Властолюбивый Николай разсчитывалъ, что если не всѣ подчинятся его рѣшеніямъ, то, покрайней мѣрѣ, составится вліятельное большинство въ пользу принятія ихъ. Мы не будемъ здѣсь излагать содержаніе каждаго изъ этихъ писемъ: читатель самъ можетъ догадываться, какимъ заносчивымъ, а по мѣстамъ, и льстивымъ тономъ всѣ они были проникнуты. Но не можемъ не остановить нашего вниманія на письмѣ къ императору. Здѣсь онъ повелительно требуетъ отъ него, что бы послѣднее письмо его къ нему, какъ оскорбительное для его владычественнаго престола, было публично сожжено, а въ противномъ случаѣ угрожалъ созвать въ Римѣ соборъ и, въ своемъ присутствіи, сжечь его всенародно, повѣсивъ на показъ всѣмъ, на древко, съ другими не благопріятными для римской церкви актами, съ произнесеніемъ на нихъ проклятія, на посрамленіе противящейся Восточной церкви. За то и достойный пріемъ нашли себѣ папскіе послы на Востокѣ. Не только не удалось имъ раздать своихъ властительныхъ писемъ, но императоромъ было запрещено даже пускать ихъ въ предѣлы имперіи, съ объявленіемъ, что императоръ болѣе въ нихъ нужды не имѣетъ: Imperator noster vos necessarios non habet. Вмѣстѣ съ симъ, объявлено имъ было, что и впредь они не будутъ приняты въ столицу, покуда не будутъ осуждены и преданы проклятію всѣ нововведенія, отвергаемыя Восточною церковію. Письма были датированы отъ 13-го Ноября 866 года.

Читатель могъ, конечно, замѣтить, что Фотій, не смотря на всѣ грубыя и иногда до не приличія доходившія противу него выходки папы,—довольно сказать, что въ одномъ изъ писемъ папа позволилъ себѣ вступленіе Фотія на патріаршій престолъ сравнить съ дѣйствіемъ татей и разбойниковъ, — не смотря на всѣ эти оскорбленія, такъ какъ они касались только его собственной личности, Фотій молчалъ. Но вотъ явился новый эпизодъ въ ходѣ церковныхъ дѣлъ и дѣятельности Константинопольскаго патріарха по поводу принятія Болгарами Христіанства, когда папа позволилъ себѣ дерзновенно коснуться общепринятыхъ на Востокѣ установленій и порядковъ, унижать значеніе Константинопольскаго патріархата, признанное и утвержденное вселенскими соборами, и даже посягать на цѣлость существенныхъ догматовъ христіанства; — тогда высокодаровитый представитель церкви не промолчалъ, но въ защиту правой вѣры разразился противу папы громами и молніями отъ всей мощи своего таланта и учености.

Раскроемъ хотя въ краткихъ чертахъ этотъ инцидентъ въ исторіи церкви, послужившій новымъ поводомъ къ ея раздѣленію.

Въ послѣдней четверти седьмого столѣтія, двинулся съ береговъ Дона на берега Дуная воинственный полудикій народъ, Болгары, родственный съ татаро-турецкими выходцами изъ отдаленнаго азіатскаго Востока, и овладѣлъ обитавшими тамъ славянами. Такъ какъ послѣдніе давно уже были христіанами, получивъ просвѣщеніе святою вѣрою отъ сосѣдственной Греціи, и нѣсколько столѣтій имѣли епархіи даже съ митрополіей, то, конечно, не обходилось дѣло безъ того, что тотъ или другой дикарь—язычникъ принималъ христіанскую вѣру. Но, въ особенности, облегчился путь для проникновенія въ среду превозмогавшаго язычества при первомъ, исторически извѣстномъ Болгарскомъ князѣ, Крумѣ. Князь этотъ, сдѣлавъ нападеніе на Адріанополь, привелъ оттуда много плѣнныхъ; въ числѣ ихъ находился бывшій тамъ епископъ Еманоилъ. Плѣнные, во главѣ съ епископомъ, хотя и подъ гнетомъ неволи, необходимо приходили въ соприкосно-

веніе съ плѣнившими варварами, и, такимъ образомъ, грубымъ умамъ успѣли мало по малу прививать христіанскія понятія. И въ такой мѣрѣ успѣли привить и распространить ихъ въ идолопоклонческомъ народѣ, что преемникъ Крума, Муртагонъ, видя въ томъ опасность для своей власти, предалъ Емануила съ его сподвижниками мученической смерти, не успѣвъ поколебать ихъ вѣры. Какая судьба христіанства была послѣ того въ Болгаріи не извѣстно, покуда, наконецъ, не явился повелителемъ въ Болгаріи Богорисъ, который крестился и самъ, и народъ свой, правда, не безъ принужденія, ввелъ въ Христову вѣру. И преклонился предъ мудрымъ Промысломъ Божіимъ! Даже пагубоносное средство, раздѣляющее людей смертельною враждой,—война послужила здѣсь къ сближенію свирѣпыхъ Болгаръ съ образованными греками. Во время одного вторженія воинственной орды въ Грецію взятъ былъ въ плѣнъ греческій монахъ, Ѳеодоръ Куѳара, и плѣнному ревнителю святой вѣры удалось не только оживить заглохшія сѣмена прежде посѣяннаго благочестія, но и возрастить и распространить его. Но взаимно и греки имѣли у себя въ плѣну отъ Болгаръ сестру войнолюбиваго князя, взятую во время одного набѣга грековъ на Болгарію, еще дитятей, и воспитавшуюся при византійскомъ дворѣ въ христіанскихъ правилахъ. Къ счастію, возроставшая княжна дѣйствительно проникнута была особенною любовію и уваженіемъ къ правиламъ и обрядамъ познанной вѣры и сердцемъ и устами славила имя Христа. Благочестивая императрица, Ѳеодора, не терявшая изъ памяти раба Божія, плѣннаго инока Куфары, воспользовавшись наступившимъ между враждовавшими народами миромъ, посылаетъ къ Богорису гонца съ письмомъ, въ которомъ проситъ его непремѣнно отыскать между плѣнными монаха Ѳеодора и возвратить его ей, предлагая за то выкупъ, какой онъ потребуетъ. Князю только этого и надобно было: онъ, съ своей стороны, отправляетъ въ Византію пословъ съ просьбой возвратить ему его сестру, взятую нѣкогда въ плѣнъ римлянами въ дѣтствѣ. Обмѣнъ произошелъ и съ той и съ другой стороны охотно и безспорно. И такимъ образомъ вмѣсто одного мужескаго свѣтильника Куѳары, возвращеннаго во свояси, умѣвшаго пролить вокругъ Богориса нѣкоторый свѣтъ во мракъ уже рѣдѣвшаго язычества, явился на свѣщникѣ новый во образѣ женскомъ свѣтильникъ; воспитанная въ столицѣ православія во всѣхъ правилахъ благочестія, сестра Богориса, (имени ея неизвѣстно), по родственной близости къ князю, еще сильнѣе могла дѣйствовать на обращеніе его и успѣшнѣе возращать тѣ сѣмена вѣры, которыя были посѣяны въ сердцѣ его предшествовавшимъ христолюбивымъ дѣятелемъ, Куѳарою. Но мудрый Промыселъ воздѣйствовалъ на коснѣвшую еще душу язычника другимъ, болѣе строгимъ, средствомъ. Болгарію постигъ голодъ, и, сочувствующій народу, Богорисъ не зналъ, какъ помочь бѣдствію. Христіанка сестра и единовѣрныя съ нею убѣждали князя обратиться къ истинному христіанскому Богу. Уже прежде расположенный нѣсколько къ святой вѣрѣ, князь внялъ убѣжденіямъ доброжелательства—обратился къ восхваляемому Богу и, по милости Вышняго, бѣдствіе остановилось. Тогда Богорисъ не усомнился принять крещеніе. Но лѣтописецъ [1]), изъ котораго заимствованъ нами сообщенный разсказъ, вслѣдъ за тѣмъ сообщаетъ и другое свѣдѣніе, основанное, впрочемъ, на слухахъ. Разсказываютъ, говоритъ онъ, что Богорисъ страстно любилъ охоту и, желая услаждать свой взоръ разными случаями этого занятія, захотѣлъ имѣть предъ глазами изображеніе борьбы человѣка со звѣрями. Для каковой цѣли онъ вызвалъ изъ Греціи живописца по имени Меѳодія (не мѣсто здѣсь разбирать какой это Меѳодій, одинъ-ли изъ первоучителей славянъ или другой какой). Художникъ, имѣя въ виду желаніе князя созерцать что-либо страшное или потрясающее, вмѣсто свирѣпаго звѣря, стремящагося пожрать или же разстерзать человѣка, или ожесточенной какой битвы, гдѣ въ

[1]) Theophanis continuator pag. 162—168.

судорожныхъ движеніяхъ испускаютъ послѣднее дыханіе сражающіеся, призналъ за лучшее изобразить второе пришествіе Господа І. Христа. Когда картина написана была со всѣмъ искусствомъ и преподнесена князю, онъ такъ пораженъ былъ видомъ грознаго Судіи и положеніемъ несчастныхъ грѣшниковъ, осужденныхъ на вѣчное мученіе, въ противуположность веселому лику праведныхъ сподобленныхъ вѣчнаго блаженства, что вслѣдъ за симъ пожелалъ быть наставленнымъ въ таинствахъ Вѣры и принять крещеніе. По свидѣтельству одного изъ прологовъ XIV вѣка болгарскаго извода, изъ Византіи призванъ былъ для крещенія Архіепископъ Іосифъ, устроившій и Іерархію для Болгаріи. Новокрещенный нарѣченъ именемъ императора Михаила, что указываетъ на воспріемничество послѣдняго, хотя заочное. Сближенный такимъ образомъ съ Византійскимъ дворомъ Михаилъ-Богорисъ незатруднился обратиться къ императрицѣ съ просьбою о присоединеніи къ его владѣніямъ пограничной, ни кѣмъ не занятой, земли отъ Сигиры до Дивельта, такъ какъ занимаемое Болгарами пространство слишкомъ тѣсно было для населенія. Ѳеодора охотно уступила просимую часть земли, тѣмъ болѣе что, доселѣ опасный для имперіи, новый единовѣрецъ далъ императрицѣ обѣщаніе быть у нея въ подданствѣ и хранить вѣчный миръ. Болгары, по положенію уступленной области по ту сторону Балканскихъ горъ, назвали ее Загоріею. Фотій не преминулъ новообращенному князю препроводить приличное наставленіе, истинный образецъ высокаго ума, чистѣйшей, правдивой и ревностнѣйшей заботы о церкви и вѣрѣ, и даже литературнаго совершенства, въ которомъ именуя его благороднымъ и приснымъ чадомъ его духовныхъ болѣзней [1]), излагаетъ правила объ обязанностяхъ князя,—какъ члена церкви по отношенію къ вѣрѣ,—какъ государя, по отношенію къ своей державѣ и подданнымъ,—какъ человѣка на престолѣ, по отношенію къ человѣчеству. Наставленію сему отдаютъ честь даже неблагопріятствующіе православію писатели [1]).

Казалось-бы этимъ принятіемъ христіанства Болгарскій князь долженъ былъ неотъемлемо прилѣпиться къ восточной церкви. И первые толчки къ перемѣнѣ вѣры вышли отъ Византійскихъ проповѣдниковъ, и рѣшительное обращеніе князя послѣдовало отъ двухъ греческихъ иноковъ и родственной питомицы византійскаго двора, и крещеніе, вмѣстѣ съ устроеніемъ іерархіи, совершено было отъ Восточнаго Святителя, и мудрое руководственное наставленіе въ вѣрѣ, въ отеческомъ тонѣ, преподано было славнымъ константинопольскимъ патріархомъ, и наконецъ эта духовно-религіозная связь скрѣплена была доброхотною уступкой отъ Византіи, въ надѣлъ Болгаріи, цѣлой области, съ VIII столѣтія бывшей между той и другой стороной предметомъ спора.

Но странное дѣло! Но смотря на всѣ эти условія, влекшія Болгарію къ соединенію съ Византіей, Богорисъ-Михаилъ, не болѣе какъ спустя годъ (866 г.), по полученіи такого удовлетворяющаго наставленія Фотія, отправилъ въ враждебный Византіи Римъ посольство съ просьбою прислать ему новыхъ наставниковъ и разрѣшить нѣкоторые, затрудняющіе его, по церковнымъ дѣламъ, вопросы (судя по отвѣту папы ихъ было до 106), а другое посольство въ Регенсбургъ къ нѣмецкому императору Людовику II-му съ просьбою о пріятельствѣ и о присылкѣ также достойныхъ наставниковъ въ вѣрѣ, при увѣдомленіи въ томъ и другомъ случаѣ о принятіи имъ христіанства съ значительною частію народа. Жизнеописатели Фотія пускаются въ разныя догадки для объясненія этого, дѣйствительно, страннаго и не-

[1]) Epistola 1 edit. Montacutii p. pag. 418 § 418. Τῶν ἐμῶν πνευματικῶν ὠδίνων εὐγενές καὶ γνήσιον γέννημα.

[1]) J. Hergenröther т. 1-й стр. 601. Въ греческомъ подлинникѣ можно читать это замѣчательное посланіе въ Epistola I. Ed. Montacutii p. 382 и слѣд. и у Basnage lect. ant. II, II. pag. (379—419), а въ русскомъ переводѣ въ Очеркѣ жизни Фотія (стр. 44—49) проф. Зернина.

ожиданнаго поворота въ противуположную сторону. Въ особенности Западные писатели [1]) съ жадностію хватаются за этотъ фактъ, что-бы выставлять его какъ доказательство существовавшаго тогда яко-бы всеобщаго убѣжденія, что папа есть единственный законный распорядитель церкви Христовой, и что отъ Рима только можно ожидать спасенія во всѣхъ отношеніяхъ. Но, по нашему мнѣнію, фактъ наилучше объясняется слѣдующими соображеніями, именно:

1) Всего лучше бы было объяснить его на основаніи самого посланія Богориса къ папѣ Николаю; но оно до насъ не сохранилось. За то сохранились отвѣты, данные папою на 106 вопросовъ, предложенные княземъ въ посланіи къ разрѣшенію. Въ одномъ изъ такихъ отвѣтовъ прописана такая просьба Михаила: „умоляемъ васъ дать намъ, какъ другимъ народамъ, истинную и совершенную вѣру христіанскую, безъ пятна, ибо въ землю нашу пришли изъ разныхъ мѣстъ многіе проповѣдники, какъ то: изъ Греціи, Арменіи и другихъ странъ, и учатъ насъ различно; должны ли мы слушаться ихъ разногласныхъ толковъ, и что намъ дѣлать?“ Изъ этого мы усматриваемъ, что поводомъ къ просьбѣ было, дѣйствительно, появленіе миссіонеровъ изъ разныхъ странъ, изъ которыхъ одни говорили одно, другіе другое, такъ что новокрещенные, еще не знакомые съ существомъ христіанства, не знали, кого изъ нихъ слушать. Болгарское посланіе указываетъ на грековъ, и это, вѣроятно, были тѣ греки, которые остались еще вѣрными иконоборческой ереси, такъ какъ нельзя воображать, что-бы вслѣдъ за послѣдовавшимъ отъ собора запрещеніемъ тотчасъ всѣ зараженные бывшею ересію оставили свое заблужденіе. А равно въ этихъ лжеучителяхъ, колебавшихъ вѣру новокрещенныхъ, можно подозрѣвать недоброжелателей Фетія, которые, изъ преданности Игнатію, порочили ученіе и честь перваго. Подъ именемъ мутителей правовѣрія, изшедшихъ изъ Арменіи, не иного кого разумѣть надобно, какъ послѣдователей гностико-манихійской секты, извѣстныхъ подъ именемъ павликіанъ (отъ послѣдованія, якобы, ученію св. апостола Павла такъ названныхъ), которые, за нечестивое ученіе бывъ тогда изгнаны изъ Греціи, поселились въ Болгаріи, гдѣ и до сихъ поръ остаются, въ значительномъ числѣ, подъ охраною католичества.

2) Но не ближе-ли и не сподручнѣе-бы было обратиться съ просьбою о присылкѣ благонадежныхъ наставниковъ въ вѣрѣ къ тому іерарху, по распоряженію котораго и отправленъ былъ въ 864 году, когда Фотій былъ единственнымъ патріархомъ, изъ Византіи епископъ для крещенія и отъ котораго имъ передъ тѣмъ только дано такое мудрое, пастырскимъ доброжелательствомъ дышащее и чуждое всякой притязательности, наставленіе? Неужели Фотій не могъ доставить влающейся Болгаріи достаточнаго числа достойныхъ учителей изъ своего обширнаго патріархата? Неужели Богорисъ могъ думать, что императоръ и правительница могли на то не соизволять, когда первый согласился быть заочнымъ воспріемникомъ крещающагося князя, а послѣдняя зохотѣла закрѣпить союзъ даже вещественнымъ пожертвованіемъ? Нѣтъ! этого ни какъ не могло быть! А трудность разрѣшается другимъ вопросомъ со стороны Богориса, объявленнымъ въ сохранившемся отвѣтѣ папы. Вопросъ этотъ такій: „можетъ ли у насъ (т. е. у болгаръ) быть поставленъ патріархъ? Кѣмъ долженъ быть поставленъ патріархъ? Сколько настоящихъ патріарховъ? Который патріархъ вторый послѣ римскаго?“ Кто не догадается, что у Богориса была затаенная мысль сдѣлать церковь свою самостоятельной и имѣть во главѣ ея собственнаго патріарха, не зависимаго отъ Византіи? Могъ-ли же онъ добиться этого отъ Константинопольскаго патріарха, котораго весь интересъ былъ, въ видахъ сохраненія мира и союза съ опаснымъ для цѣлости имперіи, воин-

[1]) См. сочиненіе Штульца Zivot svatych Cyrilla i Methoda, Brno, 1857. примѣчан. стран. 397—98, и Рачкій Viek i djélovnuje ss Cir. i Met. slovjenskih. apost. стр. 178.

ственнымъ сосѣдомъ, держать его въ отношеніяхъ зависимости? Отъ папы же онъ, зная его враждебныя отношенія къ Фотію и имѣя въ виду, по отдаленности вѣдомстъ одного отъ другаго, отсутствіе всякихъ государственныхъ интересовъ, могъ надѣяться легко получить согласіе на учрежденіе отдѣльнаго патріархата. Такимъ образомъ, въ основаніи обращенія къ папѣ у князя, главно, лежало не желаніе удовлетворительнаго просвѣщенія своего народа новою вѣрою, а желаніе достигнуть полной независимости сперва религіозной, а за тѣмъ и государственной.

3) Этимъ же объясняется и побужденіе князя къ отправленію посольства и къ императору германскому съ просьбою о присылкѣ достойныхъ вѣроучителей. Какая стать была обращаться къ свѣтскому властителю о воспособленіи въ духовномъ дѣлѣ вѣры? Развѣ могъ думать разсудительный Богорисъ, что у духовнаго владыки, съ широкою діоцезіею, не достанетъ духовенства, чтобы въ достаточномъ количествѣ выслать его на проповѣдь въ Болгаріи? Какъ, въ послѣдствіи, дѣйствительно и оказалось: ибо, когда германскіе проповѣдники, епископъ со священниками и діаконами, явились на мѣсто своего служенія, къ которому предназначались, то, увидѣвъ, что уже посланные отъ папы вѣроучители предварили ихъ прибытіемъ и распространились съ своею проповѣдью по всей Болгаріи, нашли себя лишними и съ позволенія императора (германскаго) возвратились въ свою страну. Изъ сего явствуетъ, что цѣль посольства къ нѣмецкому властителю далеко была не религіозная, а политическая, т. е. желаніе пріобрѣсти себѣ въ могущественномъ государѣ добраго союзника и поддержку въ видахъ не только независимости, но и преобладанія на полуостровѣ, какъ-то преемники Богориса, впослѣдствіи, несмотря на свое христіанское званіе, и оправдали на дѣлѣ своими завоевательными устремленіями на Византію, и какъ нынѣ сбившіеся съ пути Болгары мечтаютъ владѣть столицею бывшей Греческой Имперіи.

Нужно-ли говорить, что послы, отправленные изъ Болгаріи съ такимъ просительнымъ письмомъ и задобряющими подарками, встрѣчены были въ Римѣ съ особенною радостію и приняты съ пышностію: ибо пана видѣлъ въ этомъ ихъ явленіи къ нему счастливый случай присоединить къ своему вѣдѣнію цѣлую обширную область, чуть не касавшуюся стѣнъ Византіи. Почему и поспѣшилъ изготовить отвѣты на предложенные отъ князя вопросы и послать значительное число епископовъ съ подлежащимъ клиромъ. Во главѣ ихъ были два извѣстныхъ епископа, Павелъ Піонбинскій и Формозъ Портуанскій. Къ нимъ присоединены были и епископъ Донатъ, священникъ Левъ и діаконъ Маринъ, снабженные множествомъ писемъ къ разнымъ выдающимся и вліятельнымъ въ Византіи лицамъ. Это были тѣ самые послы, которымъ, по приказанію императора, прежде возбранено было переступать за предѣлы имперіи. На этотъ разъ императоръ поступилъ съ ними снисходительно изъ уваженія къ соименитому Болгарскому князю, а безъ того, говорилъ онъ, „не видѣть бы имъ во всю свою жизнь ни его лица, ни своего Рима“ [1]).

Какимъ бы то образомъ ни было, посланцы Запада вошли, наконецъ, въ предѣлы Болгаріи и, подобно хищнымъ волкамъ, начали свирѣпствовать въ чужомъ стадѣ. Чиноположеніе и уставъ, какіе введены были греческими проповѣдниками, осуждали и испровергали, самыхъ греческихъ священниковъ, за ихъ брачное состояніе, вопреки неоднократнымъ разрѣшеніямъ или, скорѣе, установленіямъ его соборами, подвергали порицанію и выставляли не достойными служенія алтарю; миропомазаніе, какое греческіе священники совершали надъ крещаемыми, обзывали неправильнымъ и находили необходимымъ повтореніе его своими епископами, такъ какъ, будто, ихъ званію

[1]) Анастасій библіотекарь, если только ему вѣрить, такъ говоритъ объ этомъ: idem imperator legatis regis Bulgariae ita fertur dixisse: nisi per Bulgariam missi sedis apostolicae venissent, nec faciem meam, nec Romam diebus vitae suae viderent.

исключительно принадлежитъ право совершать это таинство; учили соблюдать постъ въ субботу, вопреки обычаю, освященному примѣромъ и ученіемъ древнихъ отцевъ [1]); разрѣшали на сыръ и яйца во время четыредесятницы и другія подобныя новшества вводили. Но этимъ своеволіе новыхъ учителей не ограничилось. Они дерзнули посягнуть и на самые догматы и постановленія, утвержденные вселенскими соборами. Такъ, самоувѣренно стали вводить въ употребленіе прибавку въ Символѣ вѣры объ исхожденіи Святаго Духа „и отъ Сына“, хотя не могли они и не знать, что не задолго передъ тѣмъ, папа Левъ III рѣшительно отвергнулъ эту прибавку, какъ противную опредѣленію втораго Вселенскаго собора (381 г.) и преданную проклятію, тоже бывшимъ тогда на соборѣ, папою Дамасомъ. Кромѣ сего, папа Николай въ своемъ отвѣтномъ посланіи къ Богорису-Михаилу изволилъ посягнуть, вопреки каноновъ соборныхъ, на честь самаго Константинопольскаго патріархата. Мы выше поставили вопросы, съ которыми князь для разрѣшенія обращается къ папѣ, и на вопросъ: сколько настоящихъ патріарховъ, Николай отвѣчалъ такъ: Константинопольской церкви изъ апостоловъ никто не учреждалъ, и Никейскій соборъ объ ней какого-либо упоминовенія не сдѣлалъ, а только потому, что Константинополь нареченъ новымъ Римомъ, и болѣе по благоволенію державныхъ лицъ, чѣмъ по здравому разсужденію, первосвященникъ его названъ патріархомъ“ [2]). На вопросъ: который патріархъ вторый послѣ римскаго, папа объявилъ: „Александрійскій“. Что можетъ быть недобросовѣстнѣе того и другаго отвѣта, и постыднѣе для личности стремившейся стать во главѣ всего святаго христіанства? Какъ будто-бы папѣ неизвѣстно было опредѣленіе втораго Вселенскаго собора, которымъ признается вторая степень, послѣ римской, за каѳедрою Константинопольской и которое гласитъ такъ: „Константинопольскій епископъ да имѣетъ преимущество чести по Римскомъ епископѣ, потому что градъ оный есть новый Римъ?“ [1]) Какъ будто бы Николай не зналъ и другаго постановленія соборнаго, послѣдовавшаго на четвертомъ Вселенскомъ соборѣ (бывшемъ въ Халкидонѣ, въ V столѣтіи), въ подтвержденіе усвоеннаго вторымъ соборомъ Константинопольскому іерарху значенія, — постановленія выраженнаго такъ: „подобаетъ же и святѣйшему архіепископу царствующаго Константинополя, новаго Рима, воспріять тоже старѣйшинство почести“ (что и архіепископу стараго Рима [2]). Да, если эти общеобязательныя опредѣленія и заслонены были для мысленнаго взора папы лжеисидоровыми декреталіями, ставившими римскаго епископа единственною главою церкви и въ это время входившими въ употребленіе, то уже всеобщая практика церкви, считавшая Цареградскаго патріарха вторымъ послѣ римскаго, которой и Николай, и прежде его бывшіе папы въ своихъ сношеніяхъ съ Константинопольскою іерархіею слѣдовали, должна бы была удержать его на правильной и общепринятой точкѣ зрѣнія на честь Константинопольскаго патріаршества. Вотъ такъ-то стремленіе къ преобладанію затмило въ Николаѣ и память обязательныхъ постановленій, и сознаніе существующаго въ церкви порядка,

[1]) Святый Игнатій Богоносецъ во второмъ посланіи къ Магнизіанамъ о празднованіи субботы пишетъ слѣдующее: кійждо отъ насъ да субботствуетъ духовно, ученію закона радуяся, а не тѣлесному ослабленію, твари Божіей удивляяся, не вчерашняя ядый, и теплая пія, и по мѣрѣ поприщъ ходя, и плясанію и плесканіямъ неистовымъ радуяся. По субботѣ же да празнуетъ всякъ христолюбецъ день воскресный воскресенія ради, Царя и Владыку всѣхъ дней. (См. поучительный журналъ „Науку“, основанный почтеннѣйшимъ протоіереемъ Н. Г. Наумовичемъ и издающійся въ Вѣнѣ, 1888 г. стр. 509.

[2]) Вотъ подлинныя слова отвѣта: Constantinopolitanam ecclesiam nec quisquam apostolorum instituit, nec Nicena synodus.... ejus mentionem aliquam fecit; sed solum, quia Constantinopolis nova Roma dicta est, favore principum potius, quam ratione Patriarcha ejus Poutifex appellatus est.

[1]) Муравьева, „Правда вселенской церкви“ стр. 93 и сл.

[2]) Тамъ же, стр. 138.

а предполагаемое въ новообращенномъ князѣ невѣдѣніе дало безсовѣстному „первенстволюбцу“ полную свободу для лжи.

Что же оставалось дѣлать Фотію при такомъ оборотѣ дѣлъ? Покуда устремленія властолюбиваго Римскаго епископа направлялись собственно на его, Фотія, личность, онъ миролюбиво и почтительно ему отвѣчалъ, защищая себя отъ его укрека и обвиненій разумными основаніями. Но когда гордый и своекорыстный притязатель осмѣлился коснуться грѣшною рукою самой церкви Христовой, посягать на ея догматы и постановленія и порицать и упразднять порядки, существовавшіе отъ временъ апостольскихъ въ другой, восточной ея половинѣ, тогда-то онъ, ревнуя возревновалъ по чистотѣ и не прикосновенности святой церкви, и разразился, вышеупомянутымъ нами, грамогласнымъ и вооруженнымъ всѣми доводами знанія и богословія и составляющимъ истинный образецъ пламеннаго краснорѣчія, окружнымъ посланіемъ, въ которомъ рельефно выставилъ всѣ заблужденія и отступленія отъ нормы православія римской церкви и все своеволіе ея духовенства въ обращеніи съ болгарами, не оставивъ ни одного важнаго вопроса безъ достаточнаго опроверженія, на основаніи Священнаго Писанія, апостольскихъ правилъ и опредѣленій вселенскихъ соборовъ. Посланіемъ этимъ приглашались на соборъ въ Константинополѣ всѣ три патріарха: Іерусалимскій, Антіохійскій и Александрійскій, въ собственныхъ лицахъ, или въ избранныхъ представителяхъ, для сужденія о дѣйствіяхъ папы и о способахъ къ охраненію православной вѣры отъ чинимаго ей папою нарушенія. Мы, къ удовольствію православно-благочестиваго читателя приведемъ здѣсь хотя нѣсколько мѣстъ изъ этого знаменитаго акта, составляющаго первую попытку, со стороны восточной церкви обвиненія Рима въ отступленіи отъ вселенской вѣры.

„Какъ видно, злый духъ еще не насытился своимъ нечестіемъ, гремитъ Фотій,—какъ видно, онъ считаетъ еще недостаточными свои изобрѣтенія и ухищренія, съ помощію которыхъ волновалъ и волнуетъ родъ человѣческій отъ начала существованія всего видимаго міра. И прежде воплощенія Господа нашего, онъ разными обманами обольстилъ и вовлекъ человѣка въ языческія, противныя закону и не согласныя съ человѣческою природою, дѣйствія. Съ тѣхъ поръ онъ не перестаетъ обманывать и увлекать покорныхъ ему и поддавшихся безчисленнымъ заблужденіямъ и соблазнамъ. Изъ этого источника произошли Симоны, Маркіоны, Монтаны; отсюда произошло и умножилось пестрое и разнообразное сонмище богопротивныхъ ересей. Отсюда Арій, Македоній, Несторій, Евтихій и Діоскоръ и проч., принадлежащіе къ сонмищамъ нечестивыхъ, противу которыхъ созывались семь святыхъ вселенскихъ соборовъ, а также соборы святыхъ и боговдохновенныхъ мужей, чтобы, съ помощію духовнаго меча, исторгнуть съ корнемъ нечестивые плевелы и содѣлать ниву церковную чистою и плодоносною. Послѣ того, какъ упомянутыя злыя сѣмена были уничтожены и преданы молчанію и забвенію, для всѣхъ вѣрующихъ просіяла отрадная и глубокая надежда, что на будущее время не явятся болѣе изобрѣтатели новыхъ нечестій, ибо всѣ случаи, которыми діаволъ пользовался, кончились противъ его желаній. Всѣ думали, что догматы, скрѣпленные соборнымъ судомъ, не найдутъ болѣе себѣ противниковъ и гонителей, для которыхъ должно быть страшнымъ воспоминаніе о гибельномъ наказаніи начальныхъ ересіарховъ. Такія надежды совершенно успокоили всѣхъ благомыслящихъ, особенно въ столицѣ, въ которой все, съ Божіею помощію, сверхъ всякаго чаянія, совершается какъ нельзя лучше; многіе языки, оплевывая старую нечистоту, научились, вмѣстѣ съ нами, воспѣвать общаго для всѣхъ Создателя и Творца. Изъ столицы же, какъ съ нѣкоего возвышеннаго и виднаго мѣста, выходятъ источники православной вѣры и чистѣйшіе потоки благочестія; но они разбѣгаются по всѣмъ концамъ вселенной и, превратившись въ рѣки, напояютъ души

живущихъ повсюду людей, которыя, въ теченіи долгаго времени, подъ вліяніемъ зноя и жара нечестія или произвольнаго богослуженія, изсякли и превратились въ пустыни и безплодную почву. А теперь, напоенные дождемъ здраваго ученія представляютъ собою Христово поле оживленнымъ, воздѣланнымъ и плодороднымъ". Приведя въ примѣръ Арменію, Фотій прямо переходитъ къ Болгаріи. Но преимущественно, говоритъ онъ, варварскій болгарскій народъ, не нависный и не пріязненный Христу, доведенъ теперь до такой кротости и до такого Богопознанія, что, отступившись отъ діавольскихъ оргій предковъ своихъ и сбросивъ съ себя языческое идолослуженіе, сверхъ всякаго ожиданія, обратился къ вѣрѣ Христовой. Но, безчестное ненавистное Богу преступное намѣреніе и начинаніе! Разсказъ, который по сущности своей долженъ бы быть добрымъ предвѣстіемъ, вызываетъ унынie на лицѣ, превращаетъ радость и веселіе въ скорбь и слезы. Ибо не прошло и двухъ лѣтъ, какъ народъ болгарскій обратился къ истинной вѣрѣ Христовой, откуда ни взялись нечестивцы и отверженики вышедшіе изъ тьмы (ибо они исчадія запада). О горе мнѣ! Не знаю какъ договорить остальное!... И такъ, говорю я, какъ молнія, какъ землетрясеніе, какъ страшный градъ, нападаютъ они внезапно на народъ, благочестіе котораго только что просіяло и установилось, или, выражаясь болѣе сообразно съ истиною, подобно дикимъ вепрямъ, наскакиваютъ они на возлюбленный Господомъ, вновь насажденный, вертоградъ и начинаютъ опустошать его ногами, клыками, т. е. уловками позорнаго обращенія и извращенными догматами, насколько можно было ожидать этого отъ ихъ наглости. Всѣми обманами и ухищреніями стараются они отвлечь ихъ (болгаръ) отъ здравыхъ и чистыхъ догматовъ и непорочной вѣры Христовой [1]).

Въ тоже время и императоръ вмѣстѣ съ соправителемъ Василіемъ отправили къ Богорису другое посланіе въ томъ же духѣ, которое, потому, католическими писателями съ полною увѣренностію и приписывается тому же ненавистному для нихъ Фотію. Въ этомъ посланіи дѣлаются еще новыя обвиненія латинамъ въ отступленіяхъ отъ правой вѣры, именно: что при муропомазаніи, вмѣсто мура, употребляютъ воду; что во время церковнаго жертвоприношенія полагаютъ агнца на алтарь и изъ двухъ приношеній дѣлаютъ только одно; поставляютъ изъ діаконовъ прямо въ епископы, не заставляя проходить степень священства. Поставлено на видъ и самое бритіе бородъ духовенствомъ.

Къ вящшему обличенію виновности папы, прислана была изъ Италіи коллективная жа-

---

[1]) См. Зернина, Очеркъ жиз. патр. Фотія, стр. 55 и слѣд... Остальную часть замѣчательнаго посланія, состоящую изъ указанія другихъ отличій римскаго ученія и, въ особенности, нарушенія цѣлости Символа вѣры, чтобы не разрывать слишкомъ теченія разсказа въ текстѣ, предоставляемъ себѣ къ удовольствію читателя помѣстить въ приложеніяхъ къ нашему сочиненію подъ № 1, по выпискѣ изъ посланія сдѣланной митрополитомъ Филаретомъ въ концѣ его „Разговоровъ между исп. и ув. о православіи". Впрочемъ, и ни одинъ изъ писателей о Фотіи, какъ благопріятствующихъ, такъ и враждебныхъ, не проходитъ замѣчательнаго акта безъ того, чтобы не помѣстить его въ своихъ сочиненіяхъ, либо въ полномъ, либо въ сокращенномъ видѣ. Въ полномъ видѣ на греческомъ можно читать въ изд. Tontacutii epist. 2 p. 47—61 подъ заглавіемъ: Μυκύκλιος επιστολὴ πρὸς τοὺς τῆς ἀνατολῆς ἀρχιερατικοὺς θρόνους, Ἀλεξανδρείας φημὶ καὶ τῶν λοιπῶν, ἐν ᾗ περὶ κεφαλαίων τινῶν διάλυσιν πραγματεύεται, καὶ ὡς οὐ χρὴ λέγειν, ἐκ τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ τὸ πνεῦμα προέρχεσθαι, ἀλλ' ἐκ τοῦ πατρὸς μόνον. Начало: Οὐκ ἦν ἄρα, ὡς ἔοικεν, κόρος τῶ πονηρῷ τῶν κακῶν. На латинскомъ—у Baron. ст. 863 n. 33 seq. и у Migne L. I. ср. 13; въ сокращенномъ видѣ, у Jager; на французскомъ p. 151 и сл.; на нѣмецкомъ—у Hergenröter т. I, стр. 624; на русскомъ—Муравьева въ „Правдѣ вселенской церкви" стр. 243—253, въ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ митрополита Филарета и проф. Зернина. И въ переводной статьѣ изъ Histoire de L'Eglise o. Вл. Геттэ, напечатанной въ „Вѣрѣ и Раз." 1889 г. въ 1 й февральской кн., отд. церковный, стр. 282 и сл.

лоба на тамошняго епископа (римскаго папу), полная тяжкихъ на него обвиненій, въ которой просятъ Константинопольскаго святителя принять въ нихъ участіе и не допустить, чтобы христіане Италіи такъ бѣдственно гибли подъ гнетомъ тяготѣющей надъ ними, вопреки всѣмъ уставамъ церкви, тираніи. Они заявляютъ объ этомъ не первый разъ, но еще прежде все, заявляемое ими теперь, оглашено было всюду бѣжавшими священниками и монахами, съ жалобою на это невыносимое для нихъ иго и съ слезною мольбою отмстить за такъ нападствуемую церковь. И много другихъ подобныхъ писемъ къ этому времени пришло къ Фотію, преисполненныхъ горькихъ жалобъ на на папу и печальныхъ разсказовъ, которыя патріархъ, по желанію писавшихъ, и передалъ апостольскимъ каѳедрамъ Востока, вмѣстѣ съ главнымъ посланіемъ, на предварительное обсужденіе, чтобы имѣющій быть святый Вселенскій соборъ могъ положить по нимъ общее рѣшеніе, по Богу и священнымъ канонамъ, и святымъ Христовымъ церквамъ доставить желаемый миръ [1]).

На такое убѣдительное и повсемѣстное приглашеніе Фотія, въ маѣ 867 г., не умедлили явиться на соборъ многочисленные представители восточныхъ патріарховъ, такъ какъ послѣдніе не могли явиться лично, не пользуясь свободою подъ властію магометанъ, которой они подчинены были. Кромѣ этихъ уполномоченныхъ, явилось на соборъ множество самостоятельныхъ епископовъ и другихъ знатныхъ сановниковъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина. Такъ что всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ насчитывается до тысячи человѣкъ. Предсѣдательствовали на достопочетномъ собраніи самъ императоръ Михаилъ, вмѣстѣ съ новымъ цезаремъ Василіемъ (Варды уже не существовало). Обвинительными пунктами, согласно выпущеннымъ Фотіемъ обличительнымъ посланіямъ, были: нарушенія апостольскихъ правилъ,—самовольное въ никео-константинопольскомъ символѣ прибавленіе: Filioque,—посягательство на самостоятельность и равностепенное съ Римомъ значеніе Константинопольской каѳедры, вмѣшательство — въ вѣроисповѣдныя дѣла Болгаріи и распространеніе въ ней, чрезъ посланное туда духовенство, антиканоническихъ отступленій отъ вселенской вѣры и, наконецъ, безграничное самовластіе, проявляемое папою въ дѣлахъ управленія на Западѣ. Когда приступлено было къ сужденію по этимъ пунктамъ о виновности папы, то Фотій былъ такъ великодушенъ, что обратилъ вниманіе членовъ собора на отсутствіе обвиняемаго, вслѣдствіе котораго не имѣлось въ виду оправдательныхъ его рѣчей въ защиту себя, и долго сопротивлялся его обвиненію. Но не могъ пересилить общаго единогласнаго требованія надъ нимъ суда отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ, метавшихъ тысячу обвиненій на папу, и, такимъ образомъ, тысячью голосами и подписями признанъ онъ былъ тяжкимъ преступникомъ, недостойнымъ первосвященическаго званія и, вмѣстѣ со всѣми послѣдователями его, какъ настоящими, такъ и будущими, преданъ анаѳемѣ, а ученіе, подъ его вліяніемъ, внушаемое и распространяемое, подвергнуто осужденію и искорененію. Исполненіе этого опредѣленія охотно принялъ на себя германскій императоръ Людовикъ II, бывшій въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ папою по поводу дѣла о разводѣ Лотаря I-го съ его супругою, и долженствовавшій осуществить исполненіе, если не въ публичномъ произнесеніи анаѳемы на мѣстѣ, то въ изгнаніи Николая изъ Рима.

Оффиціально опредѣленіе собора поручено было сообщить римской церкви епископамъ Захарію халкидонскому и Ѳеодору лаодикійскому. Но папа о дѣйствіяхъ противу него со стороны Фотія долженъ былъ узнать раньше этого сообщенія—отъ болгарскаго князя, которому и отъ обоихъ императоровъ посланы были, ко вразумленію, письма подобнаго содержанія, каковы были и окружныя посланія Фотія. Князь, вмѣстѣ съ новымъ посольствомъ

[1]) Hergenröther, т. I, стр. 647 и слѣд.

въ Римъ (въ 867 г.), для испрошенія юной церкви архіепископа, конечно, не преминулъ сообщить и тѣ письма, какъ подробно извѣщавшія о положеніи церковныхъ дѣлъ въ Византіи, къ очерненному въ нихъ папѣ. Когда же получено было Николаемъ I формальное извѣщеніе и о томъ, что уклоненія и заблужденія въ римской церкви, на которыя указывалось въ Фотіевыхъ граматахъ, поражены на Востокѣ, который онъ мнилъ подчинить своей власти, вмѣстѣ съ главою той церкви, анаѳемой, тогда воспрянуло честолюбіе гордаго папы со всею силою. Онъ увидѣлъ, что тутъ ударъ нанесенъ не ему одному, но всей управляемой имъ церкви, что потрясена самая почва, на которой онъ законно распространяетъ свою власть. Вслѣдствіе сего, немедленно и со всею католическою ревностію бросился къ изысканію мѣръ для отраженія сдѣланныхъ обвиненій. ни самому себѣ, ни мѣстному римскому духовенству не довѣрилъ такого труднаго дѣла, какъ опровергнуть обвиненія Фотія, подкрѣпленныя и философическими доводами, и богословскими указаніями, и ссылками на опредѣленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, и приведеніемъ мѣстъ изъ знаменитѣйшихъ отцевъ церкви. Такое устраненіе Рима отъ непосредственной борьбы съ могучимъ противникомъ, конечно, надобно приписать тому, что новый догматъ объ исхожденіи Святаго Духа „и отъ Сына“ не успѣлъ еще пустить глубоко корней въ убѣжденіяхъ римлянъ, и что серебряныя доски, вывѣшенныя, по приказанію папы Льва III, на открытомъ мѣстѣ въ Римѣ, въ Базиликѣ св. Петра, съ начертаніемъ въ неприкосновенномъ видѣ текста Никео—Цареградскаго символа на греческомъ и латинскомъ языкахъ, прямо тому искаженію претили. Возложилъ же встревоженный вѣронарушитель защиту своей обличаемой церкви на Гинкмара, епископа реймскаго, примаса Галліи съ подчиненными ему, епископами французскимъ и нѣмецкимъ, забывъ свои личныя непріятности съ нимъ по дѣлу епископа Ротада. Основаніемъ для Николая обратиться для защиты своей попорченной вѣры было то, что главный пунктъ обвиненія со стороны Востока — прибавка въ символѣ Filioque сдѣлалась впервые извѣстною, и наиболѣе употребительною въ этой части Запада, и что, слѣдовательно, тамошніе ученые представители духовенства наилучше должны знать основаніе для этой прибавки. Папа, по поводу этого порученія, писалъ къ Гинкмару особенное письмо, въ которомъ указывалъ обвинительныя пункты Фотія, примѣшавъ къ нимъ и нѣкоторые отъ себя измышленные, въ подрывъ правдивости Фотія, что, будто бы, онъ силился увѣрить Богориса Михаила въ первенствѣ своего престола и въ главенствѣ его надъ всею церковію. Въ письмѣ папа указывалъ Гинкмару поручить митрополитамъ составлять у себя собранія подчиненныхъ епископовъ и послѣдовавшіе на нихъ оправдательные отвѣты сообщать ему, Гинкмару, а онъ чтобы препровождалъ ихъ на окончательное сужденіе и употребленіе его святѣйшеству. При этомъ папа убѣждалъ епископовъ дѣйствовать дружно и согласно, потому что, говорилъ онъ, настало время не единичной борьбы съ могучимъ врагомъ, лицемъ къ лицу, но въ союзѣ, массою, стройнымъ ополченіемъ (Tanquam castrorum acies ordinati (seu ordinata). Вмѣстѣ съ симъ, писалъ Николай и къ королю Карлу Плѣшивому и просилъ его, имѣющія быть въ его владѣніяхъ, собранія духовныхъ для разсужденія о дѣлахъ церковныхъ принять подъ свою защиту и оказать имъ поддержку. Защитниками какъ догматическаго разномыслія, такъ и обрядовыхъ отличій Западной церкви явились Эней, епископъ парижскій, и Ратрамнъ монахъ корбійскій. Отвѣтное сочиненіе Энея († въ 870 г.) представляетъ собою сборъ мѣстъ изъ Священнаго Писанія и твореній отцевъ въ защиту догматовъ и обычаевъ Западной церкви. Сочиненіе раздѣляется на три части: Въ 1-й, главной части представлены свидѣтельства латинскихъ и греческихъ отцевъ въ защиту исхожденія Святаго Духа „и отъ Сына“; во второй собраны такіе же свидѣтельства въ пользу безбрачія духовныхъ; въ третьей

разсуждается объ остальныхъ пунктахъ различія и доказывается главенство римской церкви свидѣтельствами соборовъ, какъ и императоровъ. Вообще, сочиненіе проникнуто духомъ непріязни къ грекамъ, кичащимся, яко-бы, своими отцами и своею богословскою ученостію.

Но гораздо болѣе важнымъ и основательнымъ апологетомъ въ глазахъ исповѣдниковъ римской церкви представляется защищеніе Ратрамна. Сочиненіе его состоитъ изъ четырехъ частей: въ первыхъ трехъ изслѣдуетъ онъ догматическій вопросъ объ исхожденіи Святаго Духа, рѣшая его въ пользу прибавки: Filioque, на основаніи мѣстъ библейскихъ и свято-отеческихъ, а въ послѣдней 4-й части разсуждаетъ о различіи порядковъ въ благочиніи церковномъ и смотритъ на него въ духѣ терпимости, какъ нисколько не препятствующее единенію Духа и вѣры. Но что касается до исхожденія Святаго Духа „и отъ Сына“, то оба названные апологета съ одинаковымъ упорствомъ защищали правильность искаженнаго догмата, ссылаясь безъ разумѣнія и на тексты Священнаго Писанія, и на ученіе отцевъ церкви. Но напрасны были усилія этихъ двухъ малоизвѣстныхъ поборниковъ папы исправить искривленное и расположить другихъ правомыслящихъ къ принятію искаженнаго, когда такіе, знаменитые по учености мужи, каковы Алкуинъ († 804 года), наставникъ Карла Великаго и его семейства, которому, по необыкновенной его учености, ввѣрено было завѣдываніе всѣми школами во Франціи, называвшій измѣненный догматъ „Испанскимъ заблужденіемъ“, ученики его Рабамъ, архіепископъ майнскій († 856 г.) и Гайманъ, епископъ гальберштатскій († 853) исповѣдывали символъ въ древней православной его цѣлости, когда такое знаменитое свѣтило науки, геній первой величины на Западѣ, Іоаннъ Скоттъ Эригена (883 г.) объяснялъ таинство происхожденія Св. Духа по разуму Восточной церкви.

Но покуда на Западѣ готовилась такая отповѣдь обличеніямъ со стороны Востока, папа Николай, 13 ноября 867 г. спустя съ небольшимъ двѣ недѣли послѣ отправленнаго посланія къ Гинкмару, вслѣдствіе болѣзни, если не причиненной, то ожесточенной тяжелой борьбою, умеръ, не успѣвши довести до конца своего дѣла, а черезъ мѣсяцъ 14 декабря, того же 867 г. на папскій престолъ былъ избранъ и утвержденъ новый папа Адріанъ II.

III. ФОТІЙ НИЗЛОЖЕНЪ И НА СУДѢ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ.

А. Поводы къ низложенію и суду.

Когда волею судебъ врагъ былъ взятъ безвозвратно съ поля брани, Фотію, казалось, оставалось только радоваться за свое—дѣло—защиты и охраненія цѣлости вѣры и торжествовать побѣду православія. Но надобно же было произойти такому совпаденію, что въ тоже самое время, когда Николай I умеръ, именно 14 декабря 867 года не стало и защитника Фотія, императора Михаила. Замысливши устранить насильственно своего соправителя, цезаря Василія, стѣснявшаго его своимъ разумомъ, своимъ характеромъ и образомъ своихъ дѣйствій, самъ палъ отъ руки предназначенной имъ къ убіенію жертвы,—убитъ былъ при помощи придворнаго заговора, и похититель престола съ радостію провозглашенъ былъ тотчасъ императоромъ, и на слѣдующій день, вмѣстѣ съ женою своею, вѣнчанъ былъ единодержавною короною. Вслѣдствіе этого переворота, бывшій въ тѣсной связи съ низвергнутымъ правительствомъ, Фотій терялъ подъ собою почву, и дѣйствительно, низ-

ложенъ былъ съ патріаршаго престола, а на мѣсто его возвращенъ Игнатій.

Что же было причиною удаленія отъ престола такого знаменитаго мужа, такого свѣтила науки и знанія, такого доблестнаго поборника цѣлости вѣры и, наконецъ, такого, подчасъ, мудраго совѣтника въ дѣлахъ управленія государственнаго? Лѣтописцы отвѣчаютъ на это различно: одни говорятъ, напримѣръ, что Василій низложилъ Фотія за двуличность по которой онъ, яко-бы предъ императоромъ Михаиломъ чернилъ Василія, а передъ Василіемъ порицалъ Михаила, думая такимъ образомъ поддержать дружбу того и другого [1]); другіе говорятъ, что причиною лишенія патріаршества былъ гнѣвъ императора, насиліемъ занявшаго престолъ, на Фотія за то, что въ торжественный праздникъ Рождества Христова осмѣлился не допустить его ко Святому Причащенію какъ убійцу [2]). Но ни того, ни другого объясненія допустить нельзя: во-первыхъ потому, что въ послѣдующихъ письмахъ Фотія къ Василію, писанныхъ имъ въ очищеніе себя отъ разныхъ возведенныхъ на него клеветъ, вовсе нѣтъ намека ни на покушенія смущать между собою двухъ носителей верховной власти, ни на отказъ императору въ Святомъ Причащеніи; напротивъ изъ этихъ писемъ мы видимъ, что Фотій, остававшійся по воцаренія Василія цѣлый мѣсяцъ въ Константинополѣ, успѣлъ за это время и вѣнчать его на царство, и быть воспріемникомъ отъ купели царевича родившагося по убіеніи Михаила.

Всего ближе, повидимому, подходитъ къ истинѣ Константинъ Багрянородный. Ему, какъ внуку императора Василія, весь интересъ былъ бы оправдать своего славнаго дѣда за поспѣшное удаленіе Фотія отъ престола, какъ онъ и поступалъ въ другихъ случаяхъ и дѣлахъ въ ущербъ истины, указаніемъ на провинности послѣдняго противу новаго императора; но онъ совершенно молчитъ объ этихъ непріятныхъ между церковнымъ предстоятелемъ и свѣтскимъ властителемъ столкновеніяхъ, а говоритъ, что единственнымъ побужденіемъ къ устраненію патріарха было желаніе возстановить миръ и согласіе въ возмущенной церкви, чего можно было достигнуть только удаленіемъ горячаго поборника цѣлости православія и ревностнѣйшаго защитника самостоятельности и правъ восточной церкви, и замѣною его личностію тихаго, безпритязательнаго старца, каковъ былъ Игнатій. Въ такомъ же смыслѣ о перемѣнѣ патріарха разсказываетъ и Кедренъ [1]), только короче. Равно и въ объясненіяхъ императора и возстановленнаго Игнатія видѣнъ тотъ же смыслъ дѣла.

Но и не зависимо отъ всего этого, новый императоръ, отличавшійся особеннымъ умомъ, не могъ не сознавать опасности своего положенія, вслѣдствіе нечистаго занятія императорскаго престола, и не чувствовать необходимости очистить себя въ общественномъ мнѣніи. Въ своей Византіи онъ легко достигалъ народнаго расположенія разными принятыми имъ мѣрами къ вящшему благоустройству имперіи и держаніемъ себя въ приличномъ державному сану видѣ, въ противоположность неблагообразному поведенію павшаго императора, который, потому, вскорѣ и забытъ былъ въ Византіи. Но что остовалось дѣлать съ римскимъ звѣремъ, притязательнымъ папою, Николаемъ I-мъ, о смерти котораго въ Константинополѣ еще не знали? Вѣдь онъ возревѣлъ бы на весь міръ о нестроеніи и беззаконіяхъ, творящихся въ столицѣ Востока, выставилъ-бы Василія чудовищемъ, захватившимъ престолъ посредствомъ цареубійства и тѣмъ подорвалъ бы царственный авторитетъ не только внѣ, но и внутри его владѣній, если-бы онъ удержалъ прежній

---

[1]) См. Рачкій стр. 208 прим. 2.

[2]) Imperatorem, пишетъ Левъ грамматикъ, praedonem et homicidam s. communionis indignum Photius patriarcha vocabat; съ нимъ согласны и другіе лѣтописцы: Зонара, Іоилъ, Георгій и даже врагъ Фотіевъ, Симеонъ Логоѳетъ. См. въ „Правдѣ вселен. церкви“ стр. 253 и слѣд.

[1]) Cedren. II p. 205; сл. Theoph. continuator V. 32 p. 261—262.

порядокъ церковнаго управленія. По этому самое простое соображеніе требовало удаленія Фотія, ненавистнаго папѣ, и возвращенія Игнатія, которому, по своимъ видамъ, онъ папа, благопріятствовалъ. Василій такъ и поступилъ, руководствуясь, т. е., не настоящимъ убѣжденіемъ въ правомъ дѣлѣ, а личнымъ расчетомъ. А что дѣйствительно расчетъ лежалъ въ основаніи новыхъ отношеній императора къ Фотію это видно изъ послѣдующихъ дѣйствій перваго. Когда положеніе его на Византійскомъ престолѣ окончательно упрочилось, и онъ болѣе не имѣлъ нужды въ поддержкѣ папы, тогда онъ непостѣснился приблизить къ себѣ Фотія и, по смерти Игнатія, возвратить ему патріаршій престолъ, не считая даже нужнымъ испрашивать на то согласія тогдашняго римскаго первосвященника.

Но какъ-бы то ни было, только Фотій былъ удаленъ Василіемъ, тотчасъ ли послѣ своего воцаренія, или спустя мѣсяцъ послѣ того, какъ разные разно говорятъ, а Игнатій возвращенъ на патріаршество, и—возвращенъ со всею торжественностію. По разсказу Никиты Пафлагонянина, императоръ, возжелавъ Игнатія видѣть на патріаршемъ престолѣ, не медля по своемъ воцареніи послалъ съ царскою дромоною (быстрымъ находу судномъ), свѣтлѣйшаго друнгарія Илью за сосланнымъ патріархомъ, чтобы привезти его въ Константинополь со всѣми подобающими сану его почестями. И дѣйствительно, по пріѣздѣ его въ столицу, позванъ онъ былъ въ магнаврскій дворецъ, и здѣсь, въ присутствіи сенатскаго собранія, почтенъ былъ отъ императора высокою похвалою, и, вслѣдъ за тѣмъ, объявленъ возстановленнымъ въ патріаршескій санъ, со всѣми принадлежащими ему правами и почестями. Лѣтописатели замѣчаютъ, что это произошло 23 Ноября 867 г. въ тотъ самый день, въ который десять лѣтъ назадъ возстановленный лишенъ былъ своего сана. Изъ дворца онъ отправился съ честію въ храмъ Св. Софіи для принесенія должнаго благодаренія Богу.

Но для полнаго возстановленія Игнатія въ патріаршествѣ не достаточно было признанія и благоволенія со стороны одного императора. Возвращенный изгнанникъ былъ низложенъ опредѣленіемъ собора; слѣдовательно, и возстановленіе должно было совершиться на основаніи такого же акта. Поэтому и императоръ, и новый патріархъ признали нужнымъ отправить особое посольство къ папѣ съ письмами отъ той и другой стороны и, съ насильственно отобранными у Фотія, соборными актами, которыми осужденъ былъ Игнатій. Посланные не застали уже въ живыхъ властолюбиваго Николая умершаго, какъ выше сказано 13-го Ноября 867 г., а на мѣстѣ его возсѣдалъ Адріанъ II руководствовавшійся одинаковою съ Николаемъ политикою и задавшійся одинаковыми съ нимъ стремленіями. Поэтому легко представить, съ какою радостію и честію принято было посольство, въ которомъ онъ увидѣлъ благопріятнѣйшій случай возобновить, предъявленныя, но неудачно проведенныя предмѣстникомъ, притязанія на Восточную церковь. Императоръ въ письмѣ своемъ сообщалъ, что онъ, насколько свѣтская власть то ему дозволяла,—къ упорядоченію дѣлъ церкви, Фотія отъ управленія ими удалилъ, и на мѣсто его призвалъ Игнатія, какъ того и желалъ его святѣйшество. Но что касается положенія множества духовныхъ лицъ, какъ епископскаго, такъ и священническаго званія, изъ которыхъ большая часть посвящены Фотіемъ и остаются доселѣ его приверженцами, а другіе, бывъ посвящены Игнатіемъ, лишены своихъ званій Фотіемъ за приверженность къ осужденному святителю и остаются доселѣ ему искренно преданными, то онъ, императоръ, не считая въ предѣлахъ своей власти располагать устроеніемъ всѣхъ таковыхъ, проситъ папу, называя его „Святѣйшимъ нашимъ отцемъ“, по данной ему власти, распорядиться ими по своему усмотрѣнію, оказывая только снисхожденіе къ раскаявающимся. Въ заключеніе, императоръ поручаетъ своихъ посланныхъ вниманію папы и проситъ его святѣйшество, сколько можно скорѣе, прислать апокрисіарія съ его рѣшеніями, дабы скорѣе могъ быть прекра-

щенъ раздоръ церковный и возстановленъ миръ.

Игнатій въ письмѣ своемъ воздаетъ братолюбивую похвалу папѣ, предшественнику Николаю, благодаритъ его святѣйшество за живое участіе въ его судьбѣ, извѣщаетъ о своемъ возвращеніи на святительскій престолъ и такъ-же, какъ императоръ, проситъ опредѣленія на счетъ положенія, съ одной стороны тѣхъ, изъ которыхъ одни, бывъ посвященны имъ въ разные саны, остались ему вѣрными, а другіе, по легкомыслію или по расчету, измѣнили, а съ другой стороны, тѣхъ, которые были посвящены Фотіемъ и изъ которыхъ одни остаются вѣрными своему епископу, теперь низложенному, а другіе оставили его и отдались ему, Игнатію.

Папа, по поводу такого обращенія къ нему, нашелъ нужнымъ составить у себя соборъ. По прочтеніи и разсмотрѣніи тѣхъ соборныхъ актовъ, коими осужденъ былъ, въ Константинополѣ, предмѣстникъ его Николай I за отступленіе отъ православія и коими лишенъ былъ патріаршества Игнатій, Адріанъ II самъ по себѣ и въ согласность съ поданнымъ отъ собравшихся епископовъ и двухъ посланныхъ отъ Византіи приговоромъ, издалъ такой гордый и властительный декретъ состоящій изъ пяти пунктовъ:

I. Мы опредѣляемъ, что сходка (conciliabulum), какая не давно была держана въ Константинополѣ Фотіемъ и покровителемъ его, Императоромъ Михаиломъ, противу чести и преимущества апостольскаго престола, будетъ считаться наравнѣ съ Ефескимъ разбоемъ, и мы, властію Іисуса Христа, верховнаго судіи, властію святыхъ первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла, и собственною нашею повелѣваемъ, чтобы его проклятые акты въ какихъ-бы памятникахъ они ни находились, были уничтожены, преданы пламени и поражены вѣчною анаѳемою. Такое же повелѣніе даемъ мы и относительно другихъ писаній, какія тотъ и другой издавали въ различныя времена противу того же престола.

II. Равнымъ образомъ, мы осуждаемъ и два сборища, составленныя въ Константинополѣ Императоромъ Михаиломъ или похитителемъ Фотіемъ, и отвергаемъ ихъ съ ужасомъ, какъ акты отцеубійственные.

III. Что касается до Фотія, то, хотя онъ уже и осужденъ и проклятъ нашимъ предшественникомъ и нами за его старыя прегрѣшенія, но такъ какъ онъ свои первыя неправды превзошелъ новыми беззаконіями, и такъ какъ онъ, вознеся свою главу до неба, нападалъ съ новою дерзостію на достопочтенныя привилегіи апостольскаго престола; такъ какъ онъ, не убоясь воспротивиться Божественному распоряженію, осуществленному въ главенствѣ Св. Петра и, возсѣвъ на зачумленную каѳедру, созвалъ кровавыя сборища (conventicula); такъ какъ онъ нанесъ смерть простымъ душамъ, ему благопріятствовавшимъ и, какъ изобрѣтатель разныхъ лживыхъ и извращенныхъ догматовъ, выпустилъ массу ложныхъ вымысловъ, прикрытыхъ прелестью обмана; такъ какъ онъ и вкось и вкривь говорилъ какъ противъ папы Николая, нашего блаженной памяти предмѣстника, такъ и противу насъ, и, слѣдовательно, противу апостольскаго превосходства, и не убоялся поднять противу него свои дерзновенныя руки, чего никто доселѣ не смѣлъ дѣлать: то, принимая все это во вниманіе, мы осуждаемъ его снова и поражаемъ анаѳемами, ставя его наравнѣ съ Діоскоромъ, котораго онъ есть подражатель и коего осужденные на Халкидонскомъ соборѣ акты согласуются съ его, Фотія опредѣленіями.

Впрочемъ, если онъ покорится во всѣхъ пунктахъ, живымъ голосомъ и писаніемъ, распоряженіямъ нашего предшественника и нашимъ личнымъ и осудитъ акты своего сборища, подавая признаки раскаянія, то мы не отказываемъ ему въ общеніи *мірянскомъ*.

IV. Что касается до тѣхъ, которые согласіемъ или подписью участвовали въ сходбищѣ, то, если они послѣдуютъ опредѣленію нашего предмѣстника и возвратятся къ общенію съ патріархомъ Игнатіемъ, если проклянутъ сбо-

рище и сожгутъ экземпляры его рѣшеній, то будутъ имѣть общеніе съ церковію. Но относительно нашего сына, Императора Василія, хотя имя его ложно и внесено въ тѣ акты, точно какъ и имя Игнатія, то мы освобождаемъ его отъ всякаго осужденія и пріемлемъ его въ число каѳолическихъ Императоровъ.

V. Всякъ, кто, узнавъ объ этомъ апостолическомъ опредѣленіи, будетъ удерживать у себя экземпляры того сборища, не объявляя ихъ или не сжигая, тотъ будетъ отлученъ, или низложенъ, если онъ духовный. Это мы предписываемъ не только для Константинополя, но и для Александріи, Антіохіи и Іерусалима, и вообще для всѣхъ вѣрныхъ [1]).

Опредѣленія собора были скрѣплены подписью всѣхъ присутствовавшихъ, хотя не многихъ, и, въ заключеніе, принесенная изъ Константинополя книга съ дѣяніями (актами) Фотіева собора, направленными въ осужденіе Николая I-го, была неистово попрана ногами, предана огню и обращена въ пепелъ.

Б. Фотій на судѣ предъ соборомъ.

Оскорбленное папское честолюбіе состоявшимся въ Римѣ противу Фотія частнымъ соборомъ не удовлетворилось. Въ іюнѣ 869 года, отправлено было къ императору и Игнатію посольство, которое состояло изъ остійскаго епископа, Доната, діакона римской церкви, Марина, впослѣдствіи папы, подъ именемъ Стефана, и епископа нспійскаго, тоже Стефана. Ему вручены были вышеприписанныя опредѣленія и различныя письма. Въ этихъ письмахъ, дышащихъ духомъ величія и гордаго самопревознесенія, Адріанъ II-й говоритъ, что, для смытія того пятна, какое нанесено Фотіемъ папскому достоинству и всей римской церкви не достаточно одного помѣстнаго собора, но долженъ быть составленъ болѣе многочисленный соборъ, и... подъ предсѣдательствомъ посылаемыхъ имъ легатовъ, и именно, въ Константинополѣ, откуда послѣдовалъ ударъ, нанесенный Фотіемъ чести папства. Послы императоромъ, имѣвшимъ побужденіе угождать папѣ, приняты были въ Константинополѣ съ особенною честію, и, жаждавшій скорѣйшаго утвержденія на императорскомъ постѣ, Василій не умедлилъ распорядиться созваніемъ собора, и 5-го сентября 869 года произошло его открытіе лично императоромъ.

Здѣсь, въ виду имѣющаго послѣдовать за симъ изложенія дѣяній собора, мы считаемъ нужнымъ предварить читателя, что свѣдѣнія о немъ заимствуются изъ единственнаго, сохранившагося до насъ источника, и при томъ въ переводѣ на латинскій языкъ. Это — описаніе сдѣланное тому собору Анастасіемъ, библіотекаремъ римской церкви, присутствовшимъ на немъ и слѣдовательно понеобходимости предрасположеннымъ въ пользу папской стороны. Греческій-же подлинникъ дѣяній погибъ при возвращеніи легатовъ отъ нападенія на нихъ далматскихъ славянъ. Нѣтъ сомнѣнія, что писатель, состоявшій на службѣ римскаго двора, обязательно долженъ былъ угождать „папскому нраву“,—позволять себѣ разныя примышленія и преувеличенія, прямо опровергаемыя другими свидѣтельствами. Но православный читатель и сквозь эту примѣсь лжи и клеветы увидитъ всю высоту Фотія и міровое значеніе его дѣла — охраненія чистоты и самостоятельности Восточной церкви.

Соборъ имѣлъ десять засѣданій, и *первое засѣданіе* открыто было рѣчью самаго императора; въ ней онъ выставлялъ на видъ свою предпочтительную заботливость объ улаженіи церковнаго нестроенія передъ заботою о государственномъ строѣ и просилъ при сужденіи о предстоящихъ дѣлахъ оставить всякую непріязнь

[1]) Labbei collectio conciliorum max. t. VIII. p. 1093.

и пристрастіе, съ готовностію скорѣе быть побѣжденнымъ, но благороднымъ образомъ, чѣмъ побѣдить, но съ неправдою и противъ закона. Въ заключеніе, выразилъ, и съ своей стороны, желаніе участвовать въ разсужденіяхъ, на сколько власть его можетъ простираться на церковныя дѣла, и высказывать, что ему подобаетъ по его сану.

За тѣмъ, члены собора, которыхъ на первомъ засѣданіи было не болѣе двѣнадцати, занялись повѣркою полномочій, съ какими кто явился на оный въ качествѣ представителей отъ своихъ властей, и—первое требованіе, по желанію епископовъ и присутствовавшаго сената о предъявленіи полномочій, патриціемъ Ваганомъ, уполномоченнымъ отъ лица императора по дѣлу собора, обращено было къ римскимъ представителямъ. Легаты удивились такому требованію и воскликнули: „еще не виданное дѣло, что-бы легаты Рима подчинялись когда подобному дознанію на вселенскихъ соборахъ“. Но Ваганъ скоро успокоилъ ихъ, сказавши, что такое требованіе вовсе не означаетъ недовѣрія къ Риму и посланнымъ отъ него, но есть необходимая мѣра предосторожности противу обмана, какъ это и случилось при представительствѣ прежнихъ легатовъ, Родоальда и Захаріи, поступившихъ яко-бы въ противность данныхъ имъ порученій. За симъ повѣрены были права на участіе въ соборѣ замѣстителя умершаго патріарха антіохійскаго, архіепископа Ѳомы, и представителя Іерусалимскаго, священника и синкела Иліи. Замѣчательно, что, такъ какъ та часть Востока, откуда они пришли, была уже подъ властію магомеганъ, то они не иначе были отпущены въ Константинополь, какъ подъ условіемъ позаботиться о выкупѣ плѣнныхъ магометанъ. Теперь папскіе легаты нашли своевременнымъ для гласнаго прочтенія предложить принесенную ими изъ Рима „формулу соединенія“, которую составилъ Андріанъ второй, для общей подписи всѣмъ епископамъ и клирикамъ, съ обращеніемъ къ его святѣйшему лицу. Формула требуетъ признанія главенства папы, на основаніи приводимыхъ въ ней словъ евангелія: ты еси Петръ и проч., осужденія иконоборцевъ и Фотія со всѣми его приверженцами, принятія Римскихъ синодальныхъ рѣшеній по дѣламъ Игнатія, отверженія всѣхъ державныхъ Фотіемъ противу него и папы Николая соборовъ и торжественнаго признанія законности востановленнаго Патріарха. Всѣ присутствовавшіе на соборѣ — къ счастію, ихъ на первомъ засѣданіи, какъ мы замѣтили выше, было очень не много—притязательную формулу, безъ исключенія во всѣхъ пунктахъ, приняли и подписали; одинъ только Ваганъ, отъ имени сената, позволилъ себѣ выразить сомнѣніе на счетъ осужденія Фотія папою Николаемъ, когда онъ тамъ ни разу и не былъ. Посланцы нашлись отвѣтить на это,—что, хотя Фотій и не былъ лично въ Римѣ, но папа Николай видѣлъ и ощущалъ его присутствіе предъ собою въ его письмахъ къ нему, въ его апокрисіаріяхъ, въ посольствѣ его дяди, магистра Арзабера, и митрополитовъ съ письмами отъ императора и отъ него Фотія, и въ другихъ актахъ его сношеній съ папою. Затѣмъ, тотъ же Ваганъ, очевидно, желавшій поддержать безпристрастіе въ дѣлѣ суда, обратился съ вопросомъ и къ Восточнымъ представителямъ, почему они прежде, чѣмъ произносить судъ на Фотія, не позаботились ближе разузнать его дѣло, когда такъ долго жили въ городѣ и имѣли для того всю возможность. Измѣнникъ Фотіевъ Илья Іерусалимскій отвѣчалъ, что вопросъ этотъ совершенно лишній, такъ какъ незаконность патріаршества Фотія очевидно доказана и не требуетъ большаго разслѣдованія; достаточно, что первенствующій престолъ древняго Рима и три восточныхъ патріарха признали виновность Фотія, и болѣе не требуется. Симъ, вполнѣ удовлетворившимъ римскихъ легатовъ, отвѣтомъ первое засѣданіе было окончено.

Во *второмъ засѣданіи*, нѣсколько въ числѣ увеличившемся, — по предъявленіи къ подписи папской формулы, за чѣмъ строго смотрѣли легаты, происходило разсужденіе о томъ, какъ поступить съ тѣми епископами и клири-

ками, которые, бывъ посвящены въ саны патріархами Игнатіемъ и, бывшимъ передъ нимъ, Меѳодіемъ, впослѣдствіи пристали къ сторонѣ Фотія, а въ настоящее время, съ чувствомъ сожалѣнія о своемъ отпаденіи, вновь возвращаются къ Игнатію. Соборъ, принявъ во вниманіе искреннее раскаяніе молившихъ о принятіи въ общеніе съ возстановленнымъ патріархомъ и наложивъ на епископовъ сообразную эпитимію, а на священниковъ и діаконовъ предоставивъ наложить таковую самому Игнатію, первыхъ тутъ же допустилъ къ участію въ засѣданіяхъ (конечно, для скорѣйшаго увеличенія числа членовъ судилища, къ его чести), а вторыхъ, клириковъ, предоставилъ новому патріарху допустить къ исправленію должностей по окончаніи эпитимій. Симъ, въ сущности, засѣданіе и ограничилось.

Въ *третьемъ засѣданіи*, въ которомъ кое-какъ набралось до тридцати двухъ членовъ, обратили вниманіе на то, что большая часть изъ посвященныхъ Меѳодіемъ и Игнатіемъ, высшаго сана духовныхъ не желаютъ подписать папской формулы, и потребовали, чтобы таковые приглашены были къ подписи. Отрекавшіеся явились на соборъ и оправдывали себя тѣмъ, что, послѣ данныхъ ими многократно, справедливо или не справедливо, подписей они твердо рѣшились болѣе никакого обязательнаго акта не подписывать, и считаютъ достаточной ихъ подпись подъ символомъ вѣры, хранящуюся въ патріаршемъ архивѣ. За такой отзывъ епископы не были допущены къ участію въ соборѣ. Но и три восточныхъ митрополита, какъ бы въ приравненіи къ требованіямъ римскихъ легатовъ, съ своей стороны потребовали, чтобы письма, какія писаны были Василіемъ и Игнатіемъ и папскій отвѣтъ на нихъ, были прочитаны предъ соборомъ. Письма съ отвѣтомъ дѣйствительно были прочитаны, и легаты вопросили: признаетъ ли соборъ папскій отвѣтъ каноническимъ? Угодливое собраніе отвѣтило одобрительно.

За то *четвертое засѣданіе* надѣлало много хлопотъ членамъ собора, какъ восточнымъ, такъ, въ особенности, западнымъ. Найдено было благовременнымъ допросить двухъ епископовъ, Ѳеофила амморійскаго и Захарію халкидонскаго, которые, бывъ посвящены Меѳодіемъ, потомъ перешли на сторону Фотія и употреблены имъ были въ качествѣ посланныхъ для передачи папѣ Николаю общительной грамоты Фотія съ извѣщеніемъ о вступленіи на патріаршій престолъ,—допросить о томъ, кѣмъ они посвящены и въ какихъ отношеніяхъ состоятъ къ Фотію. Посланнымъ для этого лицамъ епископы не обинуясь письменно отвѣчали, что они посвящены Меѳодіемъ и находятся въ общеніи съ Фотіемъ. Когда отвѣтъ этотъ прочтенъ былъ на соборѣ, то папскіе легаты, не безъ участія духовныхъ представителей Востока (бѣдные!), воскликнули: „очевидна, связь съ Фотіемъ, слѣдуютъ къ осужденію“. Но представитель императора Ваганъ и сенаторы воспротивились этому поспѣшному рѣшенію и потребовали, чтобы Фотій, со всѣми посвященными имъ и Меѳодіемъ, равно и со всѣми отпавшими отъ Игнатія, въ удовлетвореніе правосудія, были призваны лицемъ на судъ, достаточно выслушаны и имѣли полную свободу въ оправданіе себя; въ противномъ случаѣ, они, сенаторы, отказываются подписать акты настоящаго собора. Члены собранія, въ особенности легаты римскіе, строго оберегавшіе честь папскую, по нѣкоторомъ сопротивленіи, согласились на требованіе свѣтскихъ членовъ присутствія. Посланные для сбора и позыва на судъ Фотія съ его приверженцами могли найти на мѣстѣ только тѣхъ же двухъ епископовъ, которые предъ симъ были на дому допрашиваемы. Ѳеофилъ и Захарія явились предъ судилище и на вопросъ объ ихъ отношеніи къ Фотію, со всею смѣлостію, вторично отвѣчали, что они неизмѣнно преданы Фотію, и, предъ лицемъ римскихъ легатовъ, утверждали, что папа Николай допустилъ ихъ до общенія съ собою, и Фотія въ патріаршескомъ достоинствѣ призналъ. Легаты возстали всею силою противу этого утвержденія и, находя ихъ не расположенными къ раскаянію въ об-

щеніи съ Фотіемъ, готовы были изрѣчь на нихъ соборное осужденіе. Но сенаторы, въ виду такого пререканія, нашли нужнымъ ихъ выслушать и взвѣсить ихъ доказательства; къ чему присоединяли еще и такое свое убѣжденіе, что, такъ какъ оба епископы рукоположены были Меѳодіемъ, а папская формула всѣмъ посвященнымъ отъ Меѳодія и Игнатія обѣщаетъ прощеніе, буде они изъявятъ готовность раскаяться въ своемъ отпаденіи: то и эти два епископа, въ случаѣ ихъ раскаянія, могутъ воспользоваться такимъ разрѣшеніемъ и имѣть мѣсто въ соборѣ наряду съ другими принесшими подобное раскаяніе.

Дознаніе произведено было со всею строгостію и два неизмѣнныхъ друга и почитателя Фотіевыхъ стояли твердо на своемъ, что и они были въ сослуженіи съ папою (ut sacerdotes, SS. Papae Nicolao comministravimus), и патріаршество Фотія было имъ признано. Въ жару переговоровъ, папскіе легаты прямо назвали епископовъ лгунами и, какъ бы для посрамленія, велѣли прочитать одному изъ своихъ, во всеуслышаніе, папскія посланія къ императору Михаилу и къ Фотію. Епископы, выслушавъ прочтенныя письма, усумнились въ ихъ подлинности и сказали: „развѣ папа Николай перемѣнилъ свои мысли?!“, и, для окончательнаго утвержденія своихъ показаній, сказали, что они свидѣтелями то докажутъ, если только императоръ обеспечитъ ихъ не прикосновенность. Но и легаты твердили свое, что Фотій никогда не признавался отъ папы Николая патріархомъ и указывали на письма папскія, въ которыхъ онъ назывался прелюбодѣемъ, похитителемъ престола патріаршескаго и міряниномъ, и, какъ ослушникъ папскихъ велѣній, предавался осужденію. Спросили представителей патріарховъ Іерусалимскаго и Антіохійскаго. Слабодушные отвѣчали, что ихъ первосвятители никогда не признавали Фотія патріархомъ, не получали ни разу отъ него общительныхъ писемъ и сами къ нему таковыхъ не посылали. Наконецъ подсудимыхъ спросили: подписывали ли они какую нибудь формулу исповѣданія. Они отвѣчали, что подписывались подъ символомъ вѣры, а что касается до того, желаютъ ли они принять и подписать принесенную легатами изъ Рима формулу соединенія, то они объ ней слышать не хотятъ... Въ такомъ не рѣшенномъ положеніи, къ досадѣ легатовъ, и оставленъ былъ допросъ впредь до дальнѣйшаго разсмотрѣнія дѣла,—и засѣданіе закрыто.

20-го октября 886 года открылось *пятое засѣданіе*, замѣчательное тѣмъ, что является на немъ Фотій, безвинный виновникъ сего смутнаго дѣла. Въ началѣ доложено было, что одинъ изъ бывшихъ на предшедшимъ судѣ епископъ, Захарія, находится на лицо, а относительно Фотія римскіе легаты спросили разсыльнаго, желаетъ ли Фотій самъ предстать предъ соборъ. Спрошенный отвѣчалъ, что ему расположеніе Фотія неизвѣстно, а надобно спросить его о томъ лично. Согласно требованію злорадныхъ легатовъ, что-бы и за нимъ посланы были нарочные,—только изъ мірянъ, такъ какъ за нимъ не признается никакого епископскаго достоинства, — Сенатъ собралъ шесть такихъ лицъ, впрочемъ, большею частію, изъ числа почетнѣйшихъ, и отправилъ ихъ сказать Фотію: святый вселенскій соборъ спрашиваетъ тебя, угодно тебѣ явиться предъ лице его, или нѣтъ,—и буде онъ отвѣтитъ, что не желаетъ являться на соборъ, то спросить объ основаніи для того. Фотій посланнымъ далъ слѣдующій отвѣтъ: „вы меня до сихъ поръ не звали на соборъ: удивляюсь, почему это теперь вы меня предъ лице его зовете. Скажу вамъ, что добровольно я на него не пойду, а только по принужденію. Такъ какъ вы не разу не спрашивали меня на счетъ этого собора, о которомъ теперь говорите, то какимъ образомъ вы хотите тянуть меня на него? Рѣхъ, сохраню пути моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ: положихъ устомъ моимъ хранило (псал. 38, II), а остальное можете сами дочитать...“ Остальное же — были слова: внѣгда востати грѣшному предо мною. Онѣмѣхъ и смирихся, и умолчахъ отъ благъ (по русскому пе-

рсводу: молчалъ даже о добромъ) (тамъ же ст. 3-й). Отвѣтъ этотъ прочтенъ былъ собранію, и римскіе легаты сказали: „что скажетъ на такія рѣчи святѣйшій соборъ? Мы звали его не для того, что бы слушать отъ него поученія, а для того, что бы въ его присутствіи покончить это тягостное слѣдствіе, предпринятое, по поводу его, римскою церковію, равно и Восточными властями“ [1]). Готовый ко всякаго рода услугамъ папской сторонѣ, Илья немедленно написалъ Фотію, въ отвѣтъ на его отзывъ, вторичное требованіе его на судъ, исполненное укоризны. На предъявленіе это Фотій посланнымъ отвѣчалъ: „Вы не имѣете нужды спрашивать насъ, дѣлайте, что приказано вамъ“. Соборъ послалъ теперь новое требованіе о явкѣ Фотія на судъ, съ приказаніемъ привести его даже противъ воли.

Явился доблестный герой православія и ревностнѣйшій поборникъ самостоятельности Восточной церкви и сталъ на послѣднемъ мѣстѣ. Римскіе легаты не пропустили безъ вниманія появленія новой выдающейся личности и, обратясь къ сенаторамъ, спросили: „кто это стоитъ на томъ послѣднемъ мѣстѣ?“—„Это Фотій“, былъ отвѣтъ. „А!? такъ это тотъ Фотій“, воскликнули не видавшіе его до сихъ поръ послы, „который въ продолженіи болѣе семи лѣтъ причинялъ столько страданій римскому престолу, да и Восточныя церкви столько смущалъ?!“ „Да тотъ самый“, отвѣтили сенаторы. Затѣмъ наглые и самоувѣренные легаты обратились къ подсудимому съ слѣдующими вопросами: принимаетъ ли онъ правила святыхъ отецъ и, наряду съ ними, и постановленія римскихъ папъ; признаетъ ли законными рѣшенія папы Николая и желаетъ ли принять то, что преемникъ его, Адріанъ II, относительно его и всего дѣла рѣшилъ. На всѣ эти вопросы Фотій отвѣчалъ совершенно молчаніемъ. Тогда, озаданные этимъ молчаніемъ, легаты сказали, что подсудимый очень даровитый и краснорѣчивый человѣкъ, но мы знаемъ его и за преступника законовъ и за прелюбодѣя; пускай онъ говоритъ и защищаетъ себя. Фотій на это только сказалъ: „Богъ слышитъ мой голосъ, когда я и молчу“ (Τῆς φωνῆς καὶ σιγῶντος ὁ Θεὸς ακούει). Легаты замѣтили: „ты своимъ молчаніемъ не защитишь себя отъ угрожающаго тебѣ осужденія“. Фотій отвѣтилъ: „да и Христосъ молчаніемъ не избѣгъ осужденія“. Это сравненіе себя со Христомъ возмутило весь соборъ, и, по причинѣ бросившейся всѣмъ въ глаза рѣзкости его, оставлено безъ отвѣта. Только представители восточныхъ патріарховъ нашли нужнымъ спросить, принимаетъ ли онъ опредѣленіе римскихъ папъ. Отвѣтомъ было тоже молчаніе—знаменательнѣйшее и поучительнѣйшее, чѣмъ былъ бы какой нибудь велерѣчивый отвѣтъ. За тѣмъ сами предсѣдавшіе римскіе легаты обратились къ умному молчальнику съ особенною настойчивостію, что-бы онъ смирился, устно и письменно исповѣдалъ свои грѣхи, проклялъ свои оскорбительныя для чести папства писанія, а равно и свои яко-бы не праведныя поступки съ Игнатіемъ, за тѣмъ обѣщать ничего не предпринимать противу возстановленнаго патріарха, а имѣть его за истиннаго себѣ отца, и данное римскою каѳедрою рѣшеніе принять съ благоговѣніемъ. Положившій храненіе устамъ своимъ не измѣнилъ и здѣсь своему молчанію. За симъ, легаты, чтобы еще сильнѣе вызвать его на какой нибудь отвѣтъ, съ согласія собора, прочитали ему письма папы Николая къ императору Михаилу отъ 25-го сентября 860 г. отъ 19-го марта того же года, равно и оба письма къ Фотію отъ того же времени. Но и этими раздражительными выраженіями папскаго самовластія не вызвали отъ него ни слова.

Послѣ сего, представитель Іерусалимскаго патріарха, Илья, желая достигнуть окончательнаго рѣшенія по долго тянущемуся дѣлу Фотія, обратился къ собору съ рѣчью, въ которой выставлялъ, съ одной стороны, всю закон-

[1]) Анастасій, разсказывая объ этомъ (стр. 76), считаетъ нужнымъ замѣтить, что о Восточныхъ іерархахъ упомянуто только Honoris causa, а въ дѣйствительности въ дѣлѣ суда надъ Фотіемъ они ничего не сдѣлали.

ность и правильность составленнаго на него суда, а съ другой, невозможность и оправдать его, вслѣдствіе упорнаго со стороны его молчанія и явнаго презрѣнія къ почтенному собору, и, въ заключеніе, самъ попытался уговорить непокориваго сознать свой грѣхъ и принести покаяніе, чтобы имѣть общеніе съ вѣрующими и избѣгнуть грозящаго ему вѣчнаго осужденія. Съ такимъ же убѣжденіемъ обратились къ нему и коммиссаръ императора, Ваганъ, и папскіе легаты, прося его сказать слово въ свое оправданіе. Непреклонный отвѣчалъ: „оправданіе мое не въ мірѣ семъ: еслибы было такъ, то вы услышали-бы его“. Ваганъ на это сказалъ: „у тебя отъ стыда и страха помутился умъ, ты не знаешь, что тебѣ сказать. Поэтому соборъ даетъ тебѣ время поразмыслить, и подумать о своемъ спасеніи. Теперь ступай отселѣ, и когда одумаешься: приходи опять сюда“. „Не прошу я ни о какомъ времени для размышленія, отвѣчалъ стойкій святитель, а что бы я шелъ отселѣ, то въ вашей власти состоитъ“. Ваганъ, и отпуская его изъ суда, не преминулъ еще уговорить его раскаяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ ради спасенія своей души, и подчиниться добровольно рѣшеніямъ собора. Но Фотій остался одинаково глухъ къ подобнымъ увѣщаніямъ и вслѣдъ за симъ выведенъ былъ изъ собранія. Тѣмъ пятое засѣданіе и окончилось.

На *шестомъ засѣданіи*, открывшемся подъ почетнымъ предсѣдательствомъ самого императора, и увеличенномъ прибытіемъ нѣсколькихъ новыхъ епископовъ, римскіе легаты, сознавая за собой качество заправителей всего суднаго дѣла, и считая, что разслѣдованія по дѣлу Фотія и его сообщниковъ доведены до не пререкаемой ясности, изготовили—было и окончательное рѣшеніе, въ которомъ, изложивъ весь ходъ суда и выставивъ упорство и нераскаянность Фотія съ его единомышленниками, осуждали его на отлученіе отъ церкви, или проклятіе. Но императоръ не одобрилъ такого рѣшительнаго и поспѣшнаго гласа, и желая какъ-нибудь согласить двѣ враждебныя партіи и, безъ крайнихъ мѣръ, возстановить миръ въ церкви, повелѣлъ вновь призвать и выслушать приверженцевъ Фотія. Когда они явились, то римскіе легаты, болѣе всего заботившіеся о поддержаніи и выставленіи чести папскаго престола, поспѣшили немедленно прочитать имъ письма папы Николая къ Михаилу и Фотію, отъ Марта 862 г. Призванные утверждали и здѣсь добровольное отреченіе Игнатія отъ патріаршества и, кромѣ того, возражали, что, если собранные здѣсь митрополиты и епископы позволили себѣ возвести Фотія на патріаршій престолъ, то, буде Фотій не можетъ быть признанъ въ его санѣ, тѣмъ менѣе эти, засѣдающіе, могутъ быть признаны въ своихъ. Въ опроверженіе этого возраженія, представитель Восточныхъ патріарховъ сказалъ, что видимые ими члены собора, бывшіе въ общеніи съ Фотіемъ, вынуждены были къ тому страхомъ и насиліемъ, и въ своемъ прегрѣшеніи прощены, вслѣдствіе принесеннаго ими раскаянія, и что если и они раскаются, то и они могутъ быть разрѣшены отъ данной ими неразумно клятвы и рукописаній, такъ какъ легаты Рима и Востока снабжены властію разрѣшать таковыя вынужденныя и потому недѣйствительныя клятвы. А безъ того имъ не миновать осужденія отъ лица патріарховъ, и Рима, и Антіохіи и Іерусалима.

Императоръ спросилъ фотіянъ, что могутъ они сказать въ опроверженіе суждений патріарховъ. Осуждаемые отвѣтили, что они готовы защищать свои убѣжденія, а одинъ изъ нихъ, Евсхимонъ, епископъ Кесаріи каппадокійской, рукоположенный Фотіемъ, осмѣлился выразиться, что, если императоръ будетъ имѣть терпѣніе и дозволитъ свободно защищать дѣло Фотія, то онъ надѣется, съ Божіею помощію, доказать, что всѣ эти предъявляемыя хартіи, произносимыя рѣчи, какія они до сихъ поръ слышали, суть совершенно пустое дѣло (καὶ ἐλπίζομεν, ὅτε καὶ τοὺς χάρτας καὶ τὰς διαλαλιὰς ταύτας δεῖξαι ἔχομεν μάταια). Императоръ сдѣлалъ смѣлому защитнику строгій выговоръ за дерзкій отзывъ о дѣяніяхъ собора, и затѣмъ далъ

фотіянамъ свободу защищать свое дѣло. Задачу эту взялъ на себя любимый ученикъ Фотія, Захарія епископъ халкидонскій. Въ основаніе своей защиты онъ принялъ положеніе, что каноны стоятъ выше патріарховъ, и говорилъ, что, если рѣшенія папы Николая согласны съ постановленіями соборовъ, то они, фотіяне, подчиняются имъ, а если нѣтъ, то кто бы ихъ ни издалъ, папа ли римскій, или другой кто, мы ихъ безусловно отвергаемъ. Доказательствомъ же того, что патріархи, и именно папы, могутъ поступать противно канонамъ, указывалъ на два примѣра въ исторіи церкви: Маркелла анкирскаго, который бывъ оправданъ папою Юліемъ и Сардикійскимъ соборомъ, тѣмъ не менѣе, доселѣ анаѳематствуется, какъ еретикъ, и Аріарія, тоже оправданнаго римскими папами, но Африканскимъ соборомъ осужденнаго. И далѣе развивалъ, что папа Николай, дѣйствительно, погрѣшилъ противу постановленій соборныхъ, ставя въ вину Фотію поставленіе его изъ мірянъ и посвященіе его низложенными епископами. Что касается перваго, то защитникъ говорилъ, что соборное правило, воспрещающее ставить епископовъ изъ мірянъ, относится до посвящающихъ, которыхъ хочетъ сдѣлать осмотрительными, а не до посвящаемыхъ; да оно (это правило) уже и потеряло свою силу послѣ того, какъ Тарасій, Никифоръ, Нектарій, Ѳалассій Кесарійскій, Евсевій, Амвросій и другіе поставлены были въ епископы изъ мірянъ. А что Фотій посвященъ былъ низложенными епископами, то, во первыхъ, едвали низложеніе можетъ быть здѣсь приложено, такъ какъ оно постигло ихъ не за преступленіе какое, а за противленіе миру церкви, причинное значеніе котораго тотчасъ прекращалось, какъ скоро они приходили въ единеніе съ церковію, что ими и сдѣлано. А во вторыхъ, если кто и виновенъ въ дѣлѣ посвященія Фотія, то развѣ Григорій Асвестъ сиракузскій, но не Фотій; во всякомъ случаѣ вина, главнымъ образомъ, падаетъ на тѣхъ, которые хотѣли видѣть его въ санѣ патріарха и употребили для того орудіемъ памянутаго епископа, и пр. На эту рѣчь прежде всѣхъ нашелъ умѣстнымъ отвѣтить самъ императоръ. Замѣтивъ сначала, что указываемые Захаріею проступки и преступленія были исправляемы и заглаждаемы и, вслѣдствіе того, прегрѣшившіе были востановляемы въ свои прежніе саны, поставилъ на видъ, что виновность фотіянъ ни однимъ изъ высшихъ іерарховъ не разрѣшена, а напротивъ, всѣми осуждается; и затѣмъ убѣждалъ ихъ поручить себя милосердію собора, а въ противномъ случаѣ всѣ они будутъ признаны за мірянъ и не будутъ болѣе допущены на соборъ, что бы только слышать ихъ безпорядочные возгласы въ защиту лжи и обмана. Услышавъ это, нѣкоторые изъ фотіянъ проговорили: „подобнаго не посмѣлъ бы сказать и самъ діаволъ“. Римскіе легаты, для прекращенія подобныхъ пререканій, не приличествующихъ императорскому сану, предложили прочитать во услышаніе противящимся формулу римской церкви (конечно, имѣя въ виду поддержаніе папской чести), съ тѣмъ, чтобы, если примутъ ее, допустить ихъ къ общенію церковному въ качествѣ мірянъ, а если нѣтъ, то предать ихъ анаѳемѣ, потому что папское рѣшеніе не должно-же оставаться празднымъ, и не можетъ быть замѣнено другимъ. Но императоръ, которому все еще хотѣлось уладить дѣло миромъ, не согласился на это предложеніе, а пожелалъ, въ виду блага для самихъ противящихся, чтобы они еще разъ допущены были предъ соборъ, и если и тогда не захотятъ покориться церкви, онъ рѣшеніе патріарховъ утверждаетъ собственною рукою. Легаты римскіе, получивъ отказъ на принятіе папской формулы отъ бывшихъ на соборѣ Фотіянъ, думали — было получить таковое отъ тѣхъ Фотіянъ, которые были рукоположены Игнатіемъ. Такихъ оказалось на лице трое: архіепископа, гераклейскій, критскій, а третій епископъ амаврійскій; но они отказались принять навязываемую формулу и выразили готовность защищать свое дѣло, если-бы императору угодно было ихъ выслушать.

Что-бы не оставить безъ опроверженія рѣчи

Захаріи, противу котораго прежде всего возсталъ самъ императоръ, и со стороны членовъ собора, открылъ собственно противу защищавшаго дѣло Фотія епископъ смирнскій Митрофанъ слово, въ которомъ старался опровергнуть утвержденія его указаніемъ на многіе факты и изъ предшедшей исторіи церкви и соборовъ, не пренебрегая не рѣдко и превратнымъ толкованіемъ ихъ смысла. Захарія хотѣлъ было отвѣчать на эту рѣчь, но легаты папскіе не допустили его до того, сказавши, что довольно они наслушались ихъ пустыхъ рѣчей, и все безъ пользы для дѣла, и что пора отнять у нихъ свободу выдумывать извиненія для своихъ грѣховъ (нещевати вины о грѣсехъ) (псалт. 140 стихъ 4.), что они безпрекословно должны подчиниться требованію собора и рѣшенію папы, не могущему остаться безъ исполненія.

Въ заключеніе императоръ сказалъ прочувствованную, скорѣе для какого-нибудь епископа, чѣмъ для свѣтскаго властителя идущую, рѣчь, въ которой, съ горестью изобразивъ разстроенное состояніе церкви, а, вслѣдъ за тѣмъ, и государства, — умолялъ членовъ собора, при сужденіи о виновности противляющихся руководствоваться, въ высшей степени руководствоваться любовію и благосердіемъ, а послѣдователей Фотія умолялъ покориться церкви, ради мира и спасенія своей души, и возвратиться къ признаннымъ сю архипастырямъ, въ чемъ-де нѣтъ никакого стыда и униженія. Представители воздали должную похвалу, выраженнымъ въ рѣчи и раздѣляемымъ ими всѣми, чувствамъ императора. Тѣмъ не менѣе, властитель, оставляя собраніе, еще разъ обратился съ словомъ убѣжденія епископамъ стороны Фотія и далъ имъ семь дней на размышленіе; послѣ чего, сказалъ, будетъ данъ полный ходъ правосудію. Этимъ шестое засѣданіе и было заключено.

Седьмое засѣданіе, рѣшительное въ дѣлѣ Фотія, открылось такъ же въ присутствіи императора. Такъ какъ, вслѣдствіе истеченія назначеннаго семидневнаго срока, Фотій находился уже на лицо, съ своимъ сторонникомъ, Григоріемъ, и другими, въ соборной палатѣ, то, съ разрѣшенія императора, позванъ онъ былъ въ присутствіе собора, куда и явился съ пастырскимъ жезломъ, загнутымъ на верху. Римскіе легаты, опасаясь, что-бы онъ не употребилъ его какъ знакъ и доказательство не утраченнаго имъ архипастырскаго достоинства, поспѣшили отнять у него это почтенное знаменіе. Представитель императора, по указанію членовъ присутствія, спросилъ представшаго подсудимаго, готовъ ли онъ теперь покориться собору, принять римскую формулу и такимъ образомъ войти опять въ общеніе съ церковію. Фотій отвѣчалъ: „Господь да хранитъ и милуетъ нашего благочестивѣйшаго императора. Такъ мы съ Григоріемъ за него молимся. Нашему благочестивому властителю мы дадимъ отчетъ, а не легатамъ“. Ваганъ спросилъ: „и ничего болѣе онъ на предложенный вопросъ сказать не имѣетъ?“ На это Фотій далъ отвѣтъ: „если бы легаты вняли тому, что мы недавно говорили, то они болѣе бы не предлагали намъ подобныхъ вопросовъ; а такъ какъ они не показываютъ раскаянія въ томъ, что по отношенію къ намъ постановили, то пускай раскаяніе оправдаютъ дѣломъ“.—„Какимъ это образомъ?“ спросилъ Ваганъ:—„Они должны принести покаяніе“, отвѣчалъ Григорій „въ содѣянныхъ ими противу насъ прегрѣшеніяхъ“. Ваганъ такихъ отзывовъ не хотѣлъ оставить безъ какого нибудь отвѣта, и римскіе легаты объявили, что они „въ Константинополь пришли не для того, чтобы выслушивать замѣчанія и призывъ къ покаянію, а чтобы ихъ (фотіянъ) призвать къ таковому, что они своими разглагольствіями только ругаются, а мы, легаты, помнимъ свое дѣло — допросить васъ, согласны ли вы удовлетворить требованіямъ церкви“. Въ подобномъ тонѣ высказались и два восточныхъ епископа, укоряя Фотія съ его спутниками въ гордости и въ самомнѣніи, обращая обязанность раскаянія на нихъ, грѣшниковъ, и грозя, въ случаѣ сопротивленія, отлученіемъ отъ церкви. На дальнѣйшій во-

просъ Вагана Фотій отозвался: „что намъ еще остается говорить? Скажемъ только, что они привлекли насъ только для выслушанія клеветы".

За тѣмъ, позваны были епископы, остававшіеся вѣрными Фотію, и имъ предложенъ былъ тотъ же вопросъ какъ и Фотію: принимаютъ ли они формулу папскую? „Боже насъ упаси отъ этого „вскричали большая часть изъ нихъ. А Захарія и Амфилохій спросили, что это за формула такая. Легаты отвѣчали, что это есть актъ, принесенный ими изъ Рима и имѣющій тотъ смыслъ, чтобы вы отвергли Фотія и его соборныя дѣянія, анаѳематствовали Григорія сиракузскаго, подчинили себя Игнатію и изъявили готовность слѣдовать уставамъ римской церкви. Тутъ одинъ изъ слушавшихъ это объясненіе легатовъ не утерпѣлъ и воскликнулъ: „да будетъ анаѳема тому, кто анаѳематствуетъ своего архіерея"—ὁ ἀναθεματίζων τὸν ἀρχιερέα αὐτοῦ, ἀνάθεμα ἔστω. А Захарій халкидонскій сказалъ: „съ безумно-дѣлаемымъ мы не можемъ быть согласны". Евсхимонъ кесарійскій повторилъ тоже, только прибавилъ, что они никогда не располагали и теперь не желаютъ покорствовать тѣмъ, которые не слѣдуютъ правиламъ свв. апостолъ и седьми вселенскихъ соборовъ, хотя бы то былъ патріархъ римскій или іерусалимскій, и даже самъ ангелъ съ небеси (Гал. гл. I, ст. 8). Ваганъ, отъ имени императора, попытался еще разъ обратиться съ убѣжденіемъ къ противляющимся и старался имъ внушить, что не останется имъ никакой надежды на спасеніе, когда они будутъ осуждены четырьмя, даже пятью патріархами". „Кто вамъ тогда поможетъ?" спросилъ Ваганъ.—„Правила свв. апостолъ и свв. вселенскихъ соборовъ", отвѣчали епископы. За тѣмъ они предъявили, что они неопровержимо защитили бы свое дѣло, если бы пользовались полною свободою; но они просятъ ея у императора и не получаютъ. Бывшій на лицо императоръ приказалъ имъ говорить свободно и сказать, кто ихъ стѣсняетъ и обижаетъ, — что представители четырехъ патріарховъ здѣсь на лицо, чтобы выслушать ихъ оправданіе. Епископы воздали честь и благодарность добротѣ и снисходительности императора, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтили, что ихъ оправданія не хотятъ принимать. Ваганъ при этомъ объяснилъ, что императоръ не препятствуетъ имъ свободно говорить, а только римскіе уполномоченные не хотятъ ихъ слушать, ради бранныхъ ихъ рѣчей. Услышавъ такое объясненіе они вскричали: „да мы ихъ и не признаемъ за судей". Ваганъ спросилъ ихъ: „неужели, по ихъ мнѣнію, образъ дѣйствій легатовъ не законенъ?" „Совершенно не законенъ и безрасуденъ",—былъ ихъ отвѣтъ. Имъ замѣтили, что такое оправданіе не можетъ быть допущено на судѣ, и, вслѣдъ за тѣмъ императоръ предложилъ, не угодно-ли будетъ имъ самимъ, на его счетъ, отправиться къ четыремъ патріархамъ, чтобы удостовѣриться въ ихъ взглядахъ на дѣло. Епископы выразили желаніе, чтобы дѣло рѣшено было въ Константинополѣ. Такимъ образомъ усиліе собора склонить Фотія и его сторонниковъ къ принятію папскихъ рѣшеній остались напрасными.

Легаты римскіе, видя, что разбирательство пришло къ концу, и остается положить окончательное рѣшеніе, съ самодовольствіемъ предложили, чтобы въ основаніи послѣдняго предварительно прочитаны были обстоятельное письмо папы Николая I къ епископамъ и всему клиру византійскаго патріархата отъ 13-го ноября 886 г., въ которомъ подробно изложено было дѣло Фотія съ римской точки зрѣнія;—затѣмъ посланіе Адріана II къ императору и Игнатію отъ Августа 868 г. и отъ 10 іюня 869 г. и, наконецъ, акты римскаго, въ томъ же году державнаго, собора противу Фотія. Съ радостію дождались этой давно желанной минуты ядовитыя змѣи, приползшія изъ-подъ каѳедры папской и угнѣздившіе себя во главѣ собора, когда могли произнести анаѳему на ненавистнаго имъ Фотія. Къ сожалѣнію, если вѣрить свидѣтельству Анастасія, которому мы доселѣ слѣдовали въ изложеніи дѣянія собора, и самъ Игнатій не остался безучастнымъ въ суровомъ

осужденіи устраненнаго патріарха. Онъ, въ согласность съ легатами, произнесъ передъ соборомъ рѣчь, въ которой чувствительно благодарилъ Бога и римскую церковь за возстановленіе его въ патріаршествѣ и за освобожденіе отъ тѣхъ страданій, какія уготовили ему императоръ Михаилъ съ его сопровителемъ Вардою, а Фотія при этомъ называлъ новымъ Каіафою и Анною, который ничего не имѣлъ отвѣтствующаго присвоенному имъ достоинству,—ослѣпленный высокомѣріемъ, считалъ себя мудрѣе всѣхъ и, возшедши не дверьми во дворъ овчій, восхитилъ себѣ чужое достояніе,—воистину былъ человѣкъ, „иже не положи Бога помощника себѣ, но упова на множество богатства своего и возможе суетою своею, чего ради и разрушилъ его до конца Богъ“, (Псал. LI, 9 и 7) воздвигши другаго императора, который истинно ему служитъ и слѣдуетъ Его законамъ. Онъ удалилъ осужденнаго римскою церковію похитителя власти и его, Игнатія, гонимаго и тяжко страдавшаго, опять призвалъ на его каѳедру, въ вѣрное исполненіе рѣшенія блаженѣйшаго папы Николая I. Онъ же (императоръ) созвалъ и этотъ святый вселенскій(?) соборъ, и Богъ благоволилъ дать присутствующимъ увидѣть то, что многіе цари и князи желали бы видѣть и не видѣли. За симъ мягкодушный Игнатій воздалъ хвалу находившимся тутъ замѣстителямъ патріаршескимъ, называя ихъ исполненными мудрости и благодати Божіей, свѣтильниками слова и дѣла, мужами просвѣщенными и святыми и, въ заключеніе, рекомендовалъ миръ и согласіе въ церкви.

Дышавшіе злобой, римскіе легаты, бывъ ободрены такою, порицательною для Фотія со стороны новаго патріарха, рѣчью, осмѣлились, отъ лица покорствовавшаго собора, изрыгнуть на него съ единомыслящими такую мерзостную анаѳему: „мірянину и хищнику власти, неофиту и тирану, схизматику и осужденному прелюбодѣю и отцеубійцѣ[1]), выдумщику извра-

[1]) Въ какомъ смыслѣ великій человѣкъ клеймится позорнымъ именемъ прелюбодѣя (у Анастасія: Adulter, у Гергенретера—Ehebrecher,—у Жарже Adulter), и страшнымъ—отцеубійцы, понять трудно: потому что, если принимать эти названія въ прямомъ буквальномъ смыслѣ, то какимъ образомъ Фотій, не бывъ женатъ, а если вѣрить нѣкоторымъ писателямъ (см. у Гергенретера, т. II, стр. 321 цит. 35) бывши скопцемъ, могъ быть нарушителемъ святости брака? Или соборъ принялъ за основаніе къ такому позорному названію бракъ отца Фотіева съ монахинею, какъ говорили въ свое время недоброжелатели его, и грѣхъ отца перенесъ на родившагося отъ такого союза сына (см. Гергенретера т. 1 стр. 317)? Или соборъ повѣрилъ внушенному злостію и ни на чѣмъ не основанному, сказанію Энея епископа Парижскаго, которому, какъ мы видѣли — поручено было, между прочими опроверженіе обвиненій католичества со стороны Фотія и который говоритъ въ Lib. contra Graecos. cap. 210. (Migne P. P. lat. CXXI. 759): Instantius stupendum, cur (natio Graecorum) neoptytum extemplo uxoria copula solutum, sine aliquo intervallo et probatione, in sedem falso damnati. Ignatii subrogaverit; vix a muliebri amplexu avulsus ita pollutione corporea nedum perfecte mundatus, etiam in pontificem totius munditiae erigitur. Гергенретеръ, одинъ, какъ извѣстно, изъ противниковъ Фотія, на это показаніе Энея замѣчаетъ, что епископъ, конечно, вывелъ такое заключеніе только изъ прежнихъ свѣтскихъ должностей Фотія, или слѣдовалъ только ходившему тогда не опредѣленному слуху, а ни въ письмахъ папъ, ни въ греческихъ источникахъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на подобный переходъ Фотія изъ брачнаго состоянія въ высокомонашескій санъ. (Герг. I, стр. 336 цит. 126). А что касается до страшнаго названія отцеубійцы, то оно опровергается различными письмами Фотія, въ письмѣ къ брату Тарасію онъ скорбитъ о безвременной утратѣ отца и матери: Ποῦ μοι πατήρ; ποῦ δέ μοι μήτηρ; οὐχὶ μικρὰ τῷ βίῳ προσπαίζοντες, πλὴν ὅσα μαρτυρικὸς αὐτοὺς καὶ τῆς ὑπομονῆς διεκόσμοι στέφανους θᾶττον ιπόντες τὸ θέατρον ᾤχοντο: Ep. Photii 234 ad Taras. fratrem p. 349 ed. Londini,—хвалитъ своихъ родителей за непоступность въ вѣрѣ, вѣнчаетъ ихъ вѣнцомъ мученическимъ, прославляетъ ихъ добродѣтели и богобоязность, выставляетъ, что отецъ его за вѣру потерялъ имущество и свои почетныя должности, и—умеръ въ заточеніи. Такъ-ли относятся отцеубійцы къ своимъ родителямъ?... А если разумѣть тѣ названія въ переносномъ смыслѣ, въ смыслѣ нарушенія должныхъ, какъ желалъ-бы папа Николай, отношеній къ церкви и къ Игнатію, то такій образъ выраженія, направленный единственно къ увеличенію позора человѣку, означаетъ только злобу, такъ противную характеру суда церковнаго.

щенныхъ догматовъ, новому Максиму [1]), новому Діоскору [2]), новому Іудѣ, Фотію, равно и его сообщникамъ, въ особенности же Григорію и Евлампію, дабудетъ анаѳема!" Какъ не прилипъ языкъ къ злочестивой гортани, износившей такое проклятіе на великаго человѣка! Анаѳемы были провозглашены въ присутствіи Фотія съ единомысленными, еще когда они не успѣли уйти изъ палаты. За то, возданы были пышныя похвалы и возглашены благословенія всѣмъ представителямъ соборнаго суда. Императоръ приравненъ былъ къ Константину и Ѳеодосію; императрица названа „новою Пульхеріею" „новою Юдифью" (значитъ Фотій представлялся вродѣ Олоферна!!!), „новою Еленой"; папа Николай—новымъ Финеесомъ, новымъ Даніиломъ, новымъ Мартиномъ;—Адріанъ, — новымъ Целестиномъ, карателемъ на смерть новаго Симана и новаго Ананіи (!!);—Игнатій возвеличенъ новымъ Павломъ, новымъ Аѳанасіемъ, новымъ Флавіаномъ, новымъ Анатоліемъ. Анастасій библіотекарь, въ заключеніе описаніе дѣяній этого засѣданія, присоединяетъ и гнусное стихотвореніе, двѣнадцатью стихами на латинскомъ языкѣ написанное, безобразное и по внутреннему содержанію, и по наружной формѣ,—конечно уже не греками, а латинскими представителями, на поруганіе Фотія. Вотъ переводъ этихъ позорныхъ стиховъ:

„Фотій, давно въ безуміи своемъ мечтавшій поколебать своими злыми кознями не обширную скалу (т. е. римскую каѳедру), нынѣ изгоняется отъ чистаго брачнаго ложа, и досточтимыхъ храмовъ, бывъ напередъ обреченъ сатанѣ и на глубочайшій мракъ ада и достойно осужденъ благомыслящими и святыми судьями, именно: блаженнѣйшимъ Николаемъ, божественнымъ Римскимъ папою Адріаномъ, и потерпѣвшимъ мученичество Игнатіемъ, и прочими Восточными каѳедрами, православными и велемудрыми" [1]).

Вѣрить ли еще свидѣтельству Никиты пафлагонянина, который, на основаніи достовѣрныхъ, будто-бы передававшихъ ему фактъ, очевидцевъ говоритъ, что осужденіе Фотію на соборѣ подписано не обыкновенными чернилами, но, страшно сказать, тростію, обмакнутою въ священную кровь Спасителя [2]). Пожалуй, чего не могла сдѣлать римская злоба для вселенія ужаса къ Фотію и для внушенія уваженія къ римскимъ папамъ! Примѣръ тому былъ въ лицѣ моноѳелита Пирра, бывшаго патріархомъ Константинопольскимъ, которому соборное осужде-

---

[1]) Максимъ, философъ цинической секты въ Александріи, былъ преданъ аріанизму, и потому былъ противникомъ Григорія, призваннаго въ Константинополь для защиты святости опредѣленій Никейскаго собора. Вкравшись сначала притворною ревностію о православіи въ довѣренность благодушнаго епископа,—онъ сбросилъ вдругъ съ себя маску и сталъ дѣйствовать противу Григорія, покуда, наконецъ не достигнулъ епископства въ Константинополѣ, откуда, впрочемъ, скоро и прогнанъ былъ по повелѣнію Ѳеодосія Великаго. См. Heronymi de viris illustribus, cap. 17; Gregorii Naz. carm, de vita sua, ver. 815—953. 999 seg. Poemat L. II sect. I carm 12, 14 и 30.

[2]) Діодоръ, патріархъ Александрійскій, извѣстенъ какъ защитникъ ереси Евтихіевой, монофелитства, и предсѣдатель Ефесскаго собора, созваннаго для утвержденія этого ученія.

[1]) Вотъ подлинникъ этихъ позорныхъ не для Фотія, а для католичества, стиховъ:

Photius, qui pridem insuperabilem petram
Fraudibus malignis conturbavit insipienter,
Pellitur nunc ut atrocissima fera
A thalamo casto et venerabilibus templis,
Satanae pessimo, miserrimisque tenebris
Bene praemissus, et passus digne
A judicibus recte sentientibus atque sanctis,
Beatissimo videlicet Nicolao,
Hadrianoque divino Papa romano,
Et Ignatio martyrium passo,
Et reliquis sedibus orientis
Orthodoxis et sapientibus valde. (Labb. t. VIII, p. 1099); слич. Jager, Photius, стр. 212 и слѣд.

[2]) Ὑπογράφουσι δέ τῇ καθαιρέσει οὐ ψιλῷ τῷ μέλανι τὰ χειρόγραφα ποιούμενοι, ἀλλα τὸ φρικωδέστατον, ὡς τῶν εἰδότων ἀκήκοα διαβεβαιουμένων, καὶ ἑναὐτῷ τοῦ σωτῆρος τῷ αἵματι βάπτοντες τὸν κάλαμον, οὕτως ἐξεκήρυξαν Φώτιον. Nicetas, vita Ignatii, p. 164. Баронiй подъ 869 г.—Jager L. VI, pag. 210 и Fontani вѣрятъ этому разсказу, но Neander въ своей Kirchen Geschichte стр. 311. № 5 и Herg. Photius, t. II. стр. 115,—сомнѣваются.

ніе, по свидѣтельству Ѳеофана лѣтописца [1]), дѣйствительно, подписано было сказаннымъ образомъ.

Восьмое засѣданіе собора, состоявшееся 8-го Ноября 869 года, происходило въ присутствіи императора, но все еще при малохъ числѣ епископовъ. Работа собора этотъ разъ, главнымъ образомъ, обращена была на уничтоженіе свидѣтельствъ, какъ письменныхъ, такъ и личныхъ, о дѣйствіяхъ Фотія противу папства. Всѣ письменныя обѣщанія, какія кто изъ духовныхъ или изъ мірянъ давалъ ему быть вѣрнымъ и чтить его какъ патріарха, равно какъ и акты, писанные на соборахъ, какіе были составлены противу папы Николая и по дѣлу Игнатія, которыхъ одинъ экземпляръ, какъ припомнитъ читатель, былъ уже сожженъ,— были принесены на среду собора и служителями римскихъ легатовъ, предъ лицемъ всѣхъ присутствующихъ, были испепелены въ одной большой мѣдной жаровнѣ. Замѣчательно, что подъ актами были подписи не только высокихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, лицъ, но и лицъ низшаго класса: торговцевъ, ремесленниковъ разнаго рода, и др. Католики, все служащее къ чести Фотія старающіеся перетолковывать къ его униженію, ухищряются относить многочисленность въ пользу его подписей то къ обольщеніямъ слабодушныхъ, то къ угрозамъ противившимся; но не ближе ли и не прямѣе-ли объяснить это участіе къ чести патріарха общимъ сознаніемъ его выдававшагося превосходства какъ умственной, такъ и религіозно-нравственной стороны?.. Являвшіеся на Фотіевыхъ соборахъ, какъ представители отъ антіохійскаго, іерусалимскаго и александрійскаго патріарховъ, Петръ, Василій и Леонтій, бывъ допрошены на соборѣ, имѣли слабость отказаться отъ подписей и признать ихъ не своими. Что касается митрополитовъ, засѣдавшихъ въ соборахъ Фотіевыхъ, то одни изъ нихъ принесли раскаяніе въ томъ участіи, а другіе просто отрекалися отъ своихъ рукоприложеній.

Остальная часть засѣданія посвѣщена была осужденію, еще существовавшихъ, нѣсколькихъ остатковъ иконоборческой ереси, съ произнесеніемъ нѣкоторымъ, не хотѣвшимъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ, анаѳемы.

Слѣдующее *девятое засѣданіе* имѣло мѣсто только по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, именно, 12 февраля 870 г. Открывшійся свободный промежутъ времени употребленъ былъ на приготовленіе соборныхъ рѣшеній къ окончательному формальному утвержденію. Между тѣмъ, въ это время, къ желанному увеличенію все еще малаго числа авторитетныхъ членовъ собора, успѣлъ явиться и представитель отъ александрійскаго патріарха Михаила, архіидіаконъ Іосифъ. Первымъ дѣломъ открывшагося засѣданія была повѣрка уполномочія, съ которымъ явился на соборъ новый делегатъ отъ александрійской каѳедры. Довѣренность признана правильною и удовлетворительною. Патріархъ въ грамотѣ писалъ, что онъ, по отдаленности своего мѣстопребыванія, не имѣя никакого опредѣленнаго понятія о разбираемомъ между двумя патріархами спорѣ, не смѣетъ предрѣшать этого дѣла, а предоставляетъ все благоразсужденію императора, который, какъ высшій начальникъ всѣхъ находящихся на соборѣ членовъ, лучше знаетъ, что подобаетъ творити и что Господу Богу пріятно. Только, съ своей стороны, патріархъ позволяетъ себѣ замѣтить, что, по указанію церковной исторіи, онъ находитъ, что въ іерусалимской церкви не рѣдко бывало по два патріарха. Такъ, когда Наркиссъ, послѣ 12-ти лѣтняго патріаршества, удалился въ пустыню,—имѣлъ пріемниками по себѣ Дія, Германа и Гордія, и потомъ, когда не ожиданно возвратился на свой постъ, взялъ себѣ послѣдняго въ соправители, а когда сей умеръ, раздѣлялъ патріаршескую власть съ нѣкіимъ Александромъ [1]). Очевидно, почтенному патріарху хотѣ-

[1]) Theophanes pag. 509 ed. Bon.

[1]) Eusebii Historia Ecl. V. 12. VI. 10. 11.

лось свести и примирить двухъ противуборствовавшихъ константинопольскихъ іерарховъ. За симъ, римскіе легаты предложили александрійскому представителю, не угодно ли ему будетъ выразить свое согласіе на всѣ дѣянія собора, какія постановлены были въ продолженіе осьми предшествовавшихъ засѣданій. Смиренный монахъ сказалъ, что онъ внимательно читалъ всѣ предъ симъ бывшія засѣданія, и изъявляетъ полное согласіе со всѣми опредѣленіями собора относительно Фотія и Игнатія.

За тѣмъ, по предложенію римскихъ легатовъ, все еще старавшихся всячески очистить папское дѣло отъ малѣйшихъ возраженій, позваны были предъ судъ тѣ свидѣтели, которые подписались, на бывшемъ 861 г. соборѣ противу Игнатія, на актахъ о его удаленіи и спрошены были о ихъ согласіи на рѣшенія теперешняго собора на счетъ востановленія Игнатія и низложенія Фотія. Тогда, малодушные, всѣ они отреклись отъ прежнихъ своихъ подписей, говоря, что подписывали невольно, подъ гнетомъ силы. Одинъ только какой-то консулъ, по имени Левъ, воспротивился изрѣчь и принудить свою руку написать анаѳему Фотію, ссылаясь на то, что дѣло идетъ о вѣрѣ, а Фотія знаетъ онъ за человѣка чуждаго всякой ереси и вполнѣ православнаго. Но когда римскіе змѣи ему прошипѣли въ уши, что Фотіевы дѣла хужѣ всѣхъ ересей и что онъ настоящій приспѣшникъ діавола, несчастный склонился на ихъ сторону и volens-nolens долженъ былъ осрамить себя подписаніемъ анаѳемы на глубоко чтимаго патріарха. Кромѣ сихъ, допрошены были и бывшіе на лицо тринадцать человѣкъ, принадлежавшихъ къ высшему обществу въ Константинополѣ, которые значились подписавшимися подъ актами помянутаго противу Игнатія собора. Всѣ они, малодушные, поколебались подъ давленіемъ правозмогающей силы, и высказались, что присяга дана была ими ложно, что подписи учинены ими подъ вліяніемъ насилія и что они готовы понести, какую угодно собору, епитимію. Но такъ такъ подписавшихся на упоминаемомъ соборѣ было великое число, и всѣхъ призывать и допрашивать было бы слишкомъ долго и утомительно, то, по предложенію императорскаго коммиссара, соборъ нашелъ умѣстнымъ поручить очищеніе совѣсти лжеподписавшихся усмотрѣнію новаго патріарха.

Не оставлены были безъ вниманія и тѣ скоморохи, которые при императорѣ Михаилѣ и въ его присутствіи лицедѣями представляли разныхъ духовныхъ высокаго сана лицъ и съ глумленіемъ разыгрывали разныя досточтимыя священнодѣйствія. Спрошенные на судѣ, какимъ образомъ они могли позволять себѣ такое нечестивое ругательство надъ святыней, всѣ единогласно отвѣчали, что дѣйствовали по приказанію высшей власти и подъ угрозою наказанія и даже лишенія жизни. Западныя эхидны, ни при чемъ не опускавшія изъ виду своей ловитвы, Фотія, спросили подсудимыхъ: „а видѣлъ ли все это Фотій?“ Отвѣтъ былъ: „не знаемъ“. Опредѣленіе епитиміи отложено было до слѣдующаго засѣданія; только восточные епископы высказали свое мнѣніе, что эти жалкіе оскорбители святыни заслуживаютъ всего снисхожденія, такъ какъ дѣйствовали безъ сердечнаго участія, а единственно по слабодушію и изъ страха передъ императоромъ.

Подъ конецъ, потребованы были къ допросу и тѣ три личности, Леонтій, Григорій и Сергій, которые подписывались подъ соборными дѣяніями Фотія, какъ представители отъ патріарховъ. Въ трепетѣ передъ соборомъ и въ страхѣ передъ готовой для нихъ анаѳемой, несчастные принуждены были подписать осужденіе тѣмъ, которыхъ прежде чествили, но которые теперь осуждены были соборомъ, за что и признаны были достойными прощенія.

Наконецъ, открылось послѣднее *десятое засѣданіе*, состоявшееся 28 февраля. Оно было особенно торжественно, и происходило въ присутствіи императора. Стоитъ замѣтить, что въ этомъ засѣданіи принималъ участіе и Анастасій, библіотекарь римской церкви, и присутствовали прибывшіе къ тому времени, въ немаломъ числѣ, послы болгарскіе. Главнымъ

предметомъ занятій для членовъ этого собранія было окончательное утвержденіе, главнымъ образомъ, правилъ или каноновъ, которые выработались изъ пристрастнаго разсмотрѣнія устроеннаго Фотію дѣла.

Первымъ канономъ соборъ постановляетъ—строго слѣдовать правиламъ святыхъ апостолъ и постановленіямъ какъ вселенскихъ, такъ и помѣстныхъ соборовъ и преданіямъ отцевъ, и вслѣдъ затѣмъ, вторымъ канономъ повелѣвается, чтобы декреты папъ Николая (какъ органа Святаго Духа?) и Адріана свято были соблюдаемы подъ страхомъ для священнаго сана низложенія, а для монаховъ и мірянъ отлученія. При семъ, о Фотіи постановляется, что онъ никогда не имѣлъ значенія истиннаго епископа, что его посвященія въ архимандриты и игумены не дѣйствительны и освященныя имъ церкви должны быть вновь освящены.

За симъ, слѣдуютъ правила предупрежденія тѣхъ, яко-бы, злоупотребленій и безпорядковъ, которые, по разумѣнію собора, допущены были Фотіемъ во время его патріаршества. Такъ: Фотій, по мнѣнію собора, склонялъ разными ухищреніями даже низкаго званія людей на свою сторону; соборъ запрещаетъ такой унизительный образъ дѣйствія, и патріархамъ, при посвященіи епископа, велитъ требовать одного исповѣданія вѣры.—Фотій, по убѣжденію собора, былъ яко-бы льстецомъ придворнымъ и пресмыкался у ногъ императора и близкихъ къ нему лицъ, къ униженію своего достоинства; соборъ запрещаетъ епископамъ выходить процессіей на встрѣчу государю или какому нибудь высокому сановнику, сходить съ лошади, что-бы повергнуться на землю для отданія чести.— Фотій яко-бы равнодушно смотрѣлъ на безчинія, творившіяся императоромъ Михаиломъ въ поруганіе надъ церковію; соборъ запрещаетъ такого рода шутовства, и предписываетъ патріархамъ, буде тдѣ замѣчены будутъ подобныя глумленія, возвысить противу нихъ свой голосъ и виновныхъ подвергать наказанію.—Фотія и папы, и на соборѣ обвиняли въ томъ, что онъ, яко-бы, силою одной верховной власти, безъ каноническаго избранія и безъ прохожденія предварительно всѣхъ предшествующихъ степеней священства, возведенъ былъ въ санъ патріарха. Въ предупрежденіе сего впредь, соборъ напоминаетъ вторично десятый канонъ сардикійскаго собора, воспрещающій производить изъ мірянъ во епископы, повелѣваетъ, въ подтвержденіе того правила, согласно толкованію папы Николая, но въ противность разумѣнію грековъ, понимать въ первомъ посланіи ап. Павла къ Тимоѳею, гл. III, ст. VI подлинное греческое слово νέοφυτος (въ славянскомъ переводѣ: „новокрещенный“, а въ русскомъ „новообращенный“) въ смыслѣ не только новаго по вѣрѣ, но и по отношенію къ церкви и постановляетъ, что-бы посвящаемый въ епископы непремѣнно проходилъ предварительно всѣ низшія церковные степени.

Въ подобномъ родѣ—и остальные, изъ числа 27-ми, постановленные соборомъ правила, представляющіе повтореніе прежнихъ, соборами установленныхъ правилъ церковнаго благочинія.

По прочтеніи этихъ правилъ въ услышаніе собора, прочтено было двумя митрополитами громогласно и каноническое утвержденіе ихъ для членовъ собора. Во главѣ утвержденія стоялъ символъ вѣры, за тѣмъ перечислены были всѣ бывшіе до того семь соборовъ съ ихъ анаѳемами на осужденныхъ въ нихъ еретиковъ, и, въ числѣ ихъ, и на иконоборцевъ. Врядъ съ этими достопочтенными соборами, истинными столпами правовѣрія, и члены державнаго собора, выставляя на видъ, что и они собрались для возстановленія нарушеннаго Фотіемъ церковнаго мира, признали справедливымъ и основательнымъ назвать и свое собраніе *осьмымъ* вселенскимъ *соборомъ*, и въ этомъ качествѣ, по прочтеніи всѣхъ, постановленныхъ ими по поводу Фотіева дѣла, правилъ, не поколебались произнести вновь вселенскую анаѳему достойнѣйшему Фотію, вмѣстѣ съ преданнѣйшими ему епископами, Григоріемъ и Евлампіемъ, равно и всѣмъ его приверженцамъ, а декретамъ папъ Николая I-го и Адріана II-го воздать высокую похвалу.

Послѣ сего, когда присутствовавшій императоръ двукратно вопросилъ, всѣ ли согласны съ провозглашенными опредѣленіями собора, и когда послѣдовалъ единогласный утвердительный отвѣтъ, приступлено было къ подписанію тѣхъ опредѣленій. Римскіе легаты предлагали императору первому подписаться подъ актами; но онъ отклонилъ отъ себя эту честь, ссылаясь на примѣръ Константина, Ѳеодосія и Маркіана, и предоставилъ себѣ, въ видѣ уступки, подписаться вслѣдъ за патріархами. Такимъ образомъ первыми подписались римскіе легаты въ качествѣ предсѣдателей собора, за ними—Игнатій въ качествѣ патріарха Константинопольскаго и представители прочихъ патріарховъ. Подъ ними уже нашелъ мѣсто для своей, съ сыновьями Константиномъ и Львомъ, подписи и императоръ, и, за тѣмъ, на осужденіе всему православному міру, начертали свои имена, подъ священнымъ знаменемъ креста, и остальные сто два епископа. Тѣмъ пресловутый соборъ и кончился.

IV. СУЖДЕНІЕ О ДОСТОИНСТВѢ СОБОРА ОСУДИВШАГО ФОТІЯ.

Итоже это былъ за соборъ, который католики величаютъ *осьмымъ* вселенскимъ соборомъ, и которымъ хотятъ дополнить седьмеричное число столповъ, на коихъ божественной премудрости угодно было утвердить созданный ею домъ,—домъ церкви (притчей гл. IX ст. I)? Заслуживаетъ ли онъ почтенное наименованіе святаго, какимъ чествуются предшедствовавшіе семь вселенскихъ соборовъ? Нѣтъ, нѣтъ и много разъ нѣтъ!

Во 1-хъ, если мы обратимъ вниманіе на побужденіе и цѣли, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовали главные его факторы, то увидимъ, что въ основаніи ихъ дѣйствій лежало властолюбіе. Императору Василію, взошедшему на престолъ нечистымъ путемъ, при участіи въ заговорѣ, и вслѣдствіе того опасавшемуся нерасположенія народнаго, надобно было обѣлить себя въ глазахъ своихъ подданныхъ одобреніемъ папы и своего патріарха. Папѣ, черезъ соборъ, на коемъ, вслѣдствіе вынужденной уступчивости со стороны грековъ, предсѣдали его уполномоченные, надобно было востановить свою честь, подорванную соборно обличеніемъ въ нарушеніи правой вѣры, и—мало сего—хотѣлось черезъ вмѣшательство въ происшедшую на Востокѣ по церковнымъ дѣламъ смуту подчинить своей власти и Востокъ на равнѣ съ подпавшимъ уже ей Западомъ. Игнатію настояла надобность въ формальномъ утвержденіи себя въ возвращенной ему, по расчетамъ императора и корыстному участію папы, власти патріаршеской, послѣ достойнѣйшаго и всѣми безгранично уважавшагося Фотія. Такимъ образомъ, императоръ долженъ былъ, для утвержденія себя на верховной власти, угождать и папѣ и Игнатію, могшимъ своимъ авторитетнымъ словомъ сильно тому содѣйствовать; папѣ, имѣвшему въ виду привлечь подъ свою власть Востокъ, приходилось, черезъ своихъ уполномоченныхъ, проползать, для достиженія своей цѣли, между двумя огнями, имѣя въ виду, какъ-бы на соборѣ и верховенство свое поддержать, и двухъ новыхъ властей, отъ коихъ зависѣло допущеніе искомаго имъ преобладанія, не огорчить; Игнатію, желавшему, по апостолу, добра дѣла, епископства (I Тим. III, 1), надобно было, для утвержденія мира церкви, nolens-volens соображаться, на сколько возможно безъ нарушенія нравственныхъ правилъ, съ волею той и другой власти, отъ которыхъ зависило его утвержденіе въ санѣ. И всѣ эти стремленія, пересѣкая другъ друга, собрались и—разразались на личности бѣднаго Фотія. Императоръ долженъ осуждать Фотія какъ опаснаго для себя человѣка, который, по правотѣ души своей и глубокому благочестію, могъ обличать его въ преступномъ занятіи престола и, вообще,

стоять поперекъ его планамъ и распоряженіямъ. О папѣ и говорить нечего; онъ, въ лицѣ своихъ легатовъ, кипящій злобою, готовъ-бы былъ живымъ пожрать своего противника. Игнатію при его монашескомъ смиренствѣ, поневолѣ надобно было соглашаться съ мнѣніемъ товарищей по суду, а иногда и самому высказать осужденіе, что-бы оправдать свое занятіе Фотіева высокаго мѣста, съ котораго считалъ себя неправедно низложеннымъ. Каковъ же долженствовалъ быть судъ подъ вліяніемъ этихъ самоличныхъ видовъ и побужденій судящихъ? Непремѣнно, самый пристрастный, односторонній, несправедливый! Ну, могъ-ли, на примѣръ, императоръ сказать хотя слово въ пользу—Фотія, когда онъ долженъ былъ провидѣть въ немъ смѣлаго обличителя насильственнаго занятія имъ престола и видѣлъ въ немъ на лицо противника папы, благоволеніемъ котораго онъ такъ въ династическихъ видахъ дорожилъ? Можно-ли было отъ папскихъ легатовъ ожидать безпристрастія, когда они и посланы были на соборъ, и облечены властію предсѣдателей именно для того, что бы уничтожить Фотія, какъ злѣйшаго врага папы? Къ стати ли было и Игнатію защищать Фотія, когда онъ считалъ его похитителемъ его престола и нарушителемъ мира церковнаго, не говоря уже о необходимости, покрайней мѣрѣ, не противорѣчить папскимъ органамъ въ видахъ утвержденія своего на патріаршеской каѳедрѣ римскимъ первосвященникомъ и изъ признательности за принимаемое имъ въ немъ участіе? По истинѣ, если въ какомъ судѣ лежало въ основаніи пристрастіе и человѣкоугодіе, то именно въ этомъ разбираемомъ нами соборѣ по силѣ самыхъ, сложившихся такъ, обстоятельствъ. По этому-то и разсудительный Фотій нашелъ безполезнымъ оправдывать себя предъ судомъ, хотя-бы то при своемъ умѣ и дарѣ слова могъ сдѣлать самымъ блистательнымъ образомъ, и ограничился однимъ молчаніемъ и нѣкоторыми краткими, но знаменательными намеками.

Во 2-хъ, посмотримъ, что было предметомъ сужденія на десяти засѣданіяхъ собора. Опредѣленіе или утвержденіе какого нибудь важнаго догмата вѣры? Нѣтъ! Вполнѣ слѣдовало бы и по времени, и по сложившимся обстоятельствамъ рѣшить, въ интересѣ православія, значеніе, дѣлавшейся на Западѣ, прибавки къ символу вѣры filioque, дабы устранить на всегда изъ христіанской среды это яблоко раздора, брошенное злымъ сѣятелемъ вражды. Но и объ этомъ никто на соборѣ не заикнулся. Да, правда, римскіе легаты, такъ строго оберегавшіе честь папы, не позволили бы и коснуться этого предмета. „Какъ смѣть разсуждать о правильности того, что терпится и допускается преемникомъ Петра, верховнымъ главою церкви, предсѣдательствующимъ здѣсь въ лицѣ насъ, его довѣренныхъ пословъ?“ Правда, было и каноническое проявленіе дѣятельности собора по отношенію къ иконопочитанію; но это было только утвержденіе вселенскаго собора, бывшаго 787 г. при императрицѣ Иринѣ, и по причинѣ колебанія умовъ, въ особенности, на Западѣ, въ правильности рѣшеній собора частнымъ образомъ возобновленнаго 842 г. другою императрицею, матерью Михаила III. И такъ, что же составляло предметъ занятій новаго собора? Разборъ препирательства двухъ патріарховъ о правѣ на патріаршую каѳедру! Но развѣ въ этомъ настояла какая надобность, когда Фотій безпрекословно сошелъ съ каѳедры по волѣ императора, а честь папы, нарушенная, хотя и по всей справедливости и заслуженно, соборомъ, составленнымъ отъ Фотія въ Константинополѣ для обличенія отступленія римской церкви отъ правой вѣры, возстановлена и защищена подобнымъ же соборомъ, составленнымъ Адріаномъ II на Фотія, гдѣ онъ проклятъ былъ и въ семъ и въ будущемъ вѣкѣ, и гдѣ акты его были съ яростію попираемы и потомъ, вонзенные на древко, предаваемы были, для всенароднаго поруганія, сожженію, а вмѣстѣ съ этимъ, Игнатій превозносимъ былъ высокими похвалами и провозглашался достойнѣйшимъ патріаршаго престола. Чего, казалось бы, нужно было еще болѣе для возмѣщенія нанесеннаго, хотя—повторя-

емъ—достойно и праведно, ущерба Западной первосвятительской каѳедрѣ и для доставленія благопріятствуемому ею Игнатію желаннаго сана? Нѣтъ римской злобѣ было этого мало; нѣтъ! для папскаго властолюбія этого было не достаточно. „Какъ смѣть посягать на честь Петрова намѣстника? Какъ отваживаться укорять въ неправославіи того, кого дакреталіи ставятъ во главу всего христіанства и выставляютъ высшимъ и всеобщимъ учителемъ всѣхъ вѣрующихъ... Нѣтъ! обиду, нанесенную (мнимой) главѣ церкви, нужно возмѣстить сторицею; надобно, вмѣсто частнаго, помѣстнаго, бывшаго въ Римѣ на Фотія, собора, хотя и вполнѣ сокрушительнаго, составить соборъ широкій, вселенскій, чтобы осрамить папскаго супоста-та, чтобы всѣ вѣдали, что значитъ посягать на честь римскаго папы. И составили, но.... скудный, малочисленный и—безсодержательный, къ постыженію папства и къ чести Фотія, соборъ. Почему члены его, сознавая пустоту собора, нашли нужнымъ замѣстить ее и наполнить давно извѣстными дисциплинарными правилами, какъ напримѣръ о томъ, чтобы на патріаршій престолъ никто не былъ возводимъ, не прошедшій должное время всѣхъ предварительныхъ степеней священства. Можетъ быть, въ числѣ двадцати семи постановленныхъ соборомъ правилъ признать то за новое, чтобы никто, даже изъ вселенскихъ патріарховъ, не смѣлъ, подобно Фотію, произносить осужденіе на римскаго папу на томъ основаніи, что низшіе (?) высшаго не судятъ, а если встрѣтится по дѣламъ римской церкви какое недоумѣніе, то представлять его, со всѣмъ почтеніемъ, на рѣшеніе вселенскаго собора [1]), каковое, однако, рѣшеніе вскорѣ папами было забыто и отвергнуто.

Такимъ образомъ, изъ шумнаго и хлопотливаго дѣла вышло самое скудное послѣдствіе, — нанесенъ ударъ злобы поверженному великому человѣку и брошено въ христіанскій міръ на забвеніе и пренебреженіе нѣсколько незначущихъ и ненужныхъ правилъ [2]). Parturiut montes, nasIitur ridiculus mus.

Въ 3-хъ, взглянемъ и на то, кто были во главѣ суда надъ Фотіемъ и его преверженцами. Все высокія, предержащія власти были безапеллаціонными рѣшителями временной и вѣчной судьбы подсудимыхъ. Во главѣ мірской власти стоялъ самодержавный императоръ; церковная верховная власть сосредоточивалась въ лицѣ предсѣдавшихъ на соборѣ римскихъ легатовъ и другихъ патріаршескихъ представителей, и—самого Игнатія. Ну, по человѣчески разсуждая, можно ли допустить, чтобы всѣ, присутствовавшіе тѣмъ заправителямъ дѣла, члены собора искренно и безъ насилія совѣсти подписывали римскую формулу о проклятіи Фотія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о безусловномъ подчиненіи себя римскому папѣ, безъ чего пріемъ въ соборъ не допускался, и чтобы эти, находящіеся подъ гнетомъ принужденности, члены подавали свой голосъ свободно и независимо, а не соображались съ убѣжденіемъ и направ-

[1]) Labbei t. VIII p. 1140 Can. 21.

[2]) Любопытно знать, какъ Анастасій, присутствовавшій на послѣднемъ засѣданіи собора противу Фотія, очевидно сознавая пустоту и маловажность его каноновъ, старался поддержать его честь. Вотъ подлинный латинскій текстъ мѣста: Nec fatendum creditur, quod tunc universalis jure diceretur, si profide celebrata consisteret, cum et in hac nonnulla, quae ad fidem pertinent, sin defenita, et in ceteris universalibus conciliis multa disposita inveniantur, quae ad fidei doctrinam non pertinent... quamvis non minus in sanctas regulas, quam in catholicam fidem delinquatur, et diabolus non pro fidei pravitate, sed ob perversitatem operum perpetuo maneat condemnatus. *Переводъ*: „И думается, не слѣдуетъ останавливаться на той мысли, что тогда только соборъ можетъ быть названъ вселенскимъ, когда онъ состоялся для утвержденія вѣры; впрочемъ, и на этомъ соборѣ (противу Фотія) опредѣлено было нѣчто касающееся вѣры, и на прочихъ вселенскихъ соборахъ много находимъ такихъ опредѣленій, которые вовсе не касаются ученія вѣры.... Но и то сказать надобно, что грѣхъ содѣвается не менѣе нарушеніемъ святыхъ правилъ, какъ и нарушеніемъ каѳолической вѣры, и діаволъ остается на вѣки осужденнымъ не за не правоту вѣры, а за злыя дѣла". Хитро и изворотливо!

леніемъ своихъ властей, отъ которыхъ зависѣло будущее ихъ положеніе? Не даромъ императоръ, конечно, сознавая такое скользкое положеніе членовъ собора, убѣждалъ ихъ, при сужденіи, оставить всѣ человѣческія страсти, вражду и партійную односторонность. Не напрасно и представитель іерусалимской церкви Илія, на четвертомъ засѣданіи, обращаясь къ восточнымъ представителямъ, говорилъ имъ, что мы-де не потому должны уважать личность Игнатія, что онъ предсѣдаетъ на этомъ престолѣ и въ этомъ начальническомъ положеніи имѣетъ силу и не потому осудить Фотія, что онъ стоитъ здѣсь простымъ человѣкомъ и является бѣднякомъ. И не смотря на такія напоминанія о соблюденіи безпристрастія, предубѣжденіе въ пользу той или другой стороны давало себя видимо чувствовать. Такъ, когда на четвертомъ засѣданіи явились на соборъ два митрополита, Ѳеофилъ и Захарія, и смѣло увѣряли, что они, бывъ отправлены Фотіемъ въ Римъ съ общительною грамотою, извѣщавшею папу Николая о вступленіи его на патріаршій престолъ, имѣли съ нимъ, Николаемъ, общеніе мира и участвовали купно съ нимъ въ совершеніи церковной службы, то римскіе легаты, желая спасти честь папы отъ обнаруживавшагося, такимъ образомъ, непостоянства и противорѣчія въ папскихъ отношеніяхъ къ Фотію, — при пассивномъ молчаніи со стороны прочихъ членовъ собора, — возстали всѣми силами противу этого непріятнаго имъ свидѣтельства, несмотря на то, что митрополиты указывали, какъ на очевидца факта, на сидѣвшаго тутъ же съ ними Марина. И такъ какъ, къ вящшему огорченію легатовъ, эти непреклонные свидѣтели отреклись еще и подписать предложенную имъ римскую формулу, то соборъ, по требованію раздраженныхъ римскихъ пословъ, и удалилъ ихъ изъ присутствія. Другой случай, доказавшій преобладаніе власти и отсутствіе справедливости на соборѣ, имѣлъ мѣсто на шестомъ засѣданіи, и былъ, по разсказу самаго Анастасія, такій: императоръ произнесъ рѣчь, въ которой старался склонить приверженцевъ Фотія къ признанію Игнатія. Тогда одинъ изъ нихъ, епископъ Кесарійскій, обратился къ императору и сказалъ, что если онъ письменно удостовѣритъ, что они могутъ свободно говорить въ свое оправданіе, то онъ надѣется доказать всю несправедливость произносимыхъ противу Фотія рѣчей; и когда онъ, обращаясь къ императору, во услышаніе собора сказалъ, что ему извѣстно и что онъ можетъ доказать, что Игнатій далъ, наконецъ, отреченіе отъ патріаршаго престола, то легаты не могли вытерпѣть этого разговора и удалили его изъ собранія, какъ отлученнаго римскою церковью. За тѣмъ, легатами возглашенъ былъ вопросъ: „кто изъ держащихъ еще сторону Фотія былъ посвященъ Игнатіемъ?“ Заявили себя таковыми три епископа. Послы предложили имъ свою высокочтимую формулу; но епископы устыдились подписать ее и, въ оправданіе свое, сказали, что если императоръ прикажетъ, то они разскажутъ по истинѣ, какъ все было. Послы, убоявшись разоблаченія, поспѣшили смѣлыхъ свидѣтелей удалить изъ собранія, какъ противляющихся. Вотъ такова-то была правда и таково соблюдалось безпристрастіе на соборѣ подъ превозмогающимъ и подавляющимъ вліяніемъ сильныхъ носителей власти!

Наконецъ, въ 4-хъ, обратимъ вниманіе и на число членовъ бывшихъ на соборѣ. На первое засѣданіе явилось не болѣе пятнадцати святителей, изъ которыхъ три были легаты римскіе, и изъ греческихъ пять митрополитовъ и семь епископовъ, и все изъ числа пострадавшихъ за Игнатія. На второмъ засѣданіи присоединился еще десятокъ и такимъ порядкомъ, въ теченіи полугода (отъ 5 сентября 869 года по 28 февраля 870 г.),—времени, какое продолжался соборъ,—при усиленныхъ призывахъ и отъ лица императора, и со стороны Игнатія, къ послѣднему засѣданію, поступавшими послѣдовательно частями, набралось до 110 членовъ и—это изъ 600 епархій, составлявшихъ патріархатъ Константинопольскій, не говоря уже о другихъ патріархатахъ, куда также по-

сылались приглашенія. Что за причина такой малочисленности участниковъ собора. При такомъ ли числѣ были соборы при Фотіи? Число членовъ на нихъ восходило до трехъ сотъ восемнадцати! Западные писатели, вслѣдъ за Анастасіемъ библіотекаремъ, смущаются этимъ малымъ числомъ членовъ дорогого имъ собора и хотятъ объяснять это самовластіемъ Фотія, который, яко-бы, по произволу удалялъ почти всѣхъ посвященныхъ его предшественникомъ и поставлялъ на ихъ мѣсто своихъ сторонниковъ,— и успокоиваютъ себя: одинъ (Анастасій) примѣняя къ собору слова Спасителя: *не бойся малое стадо, зане...* и проч. [1]);—а другой (Гергенрэтеръ), выставляя себѣ то положеніе, что будто бы каноническое достоинство соборовъ никогда не утверждалось на численномъ ихъ значеніи, въ подтвержденіе чего ссылается на примѣръ собора въ Римини, и на слова, обращенныя, по поводу столкновенія съ Фотіемъ, папою Николаемъ къ византійцамъ [2]). Но напрасно защитники папской чести, въ оправданіе малочисленности собора ссылаются на устраненіе всѣхъ посвященныхъ Игнатіемъ по распоряженію Фотія и поставленіемъ на ихъ мѣсто своихъ приверженцевъ. Развѣ положеніе Фотія подъ судомъ было такъ привлекательно и обезпечительно, что, остававшіеся ему неизмѣнно преданными, епископы могли съ благонадежностію его держаться? Напротивъ, въ виду строгаго надъ нимъ суда и угрожавшаго ему навѣрное отлученія, а равно въ виду высокихъ властей, и свѣтской и духовной, желавшихъ его уничтоженія, отъ которыхъ зависѣла будущая судьба ихъ, не должны ли они были смириться предъ соборомъ и сѣсть въ ряду членовъ его? Но нѣтъ! Они предпочли навлечь на себя весь гнѣвъ императора и неблаговоленіе возстановленнаго патріарха и, можетъ быть, потерю своихъ почетныхъ и обезпечивающихъ мѣстъ, но не раздѣлять суда съ прочими членами, что и выразилъ одинъ изъ нихъ, какъ мы разсказали, на седьмомъ засѣданіи собора, сказавши: „проклятъ да будетъ тотъ, кто проклинаетъ своего архіерея“. Вообще, невольно бросается въ глаза это отсутствіе и безучастіе епископовъ изъ среды шести сотъ епархій Константинопольскихъ. Даже изъ тѣхъ, которые были въ числѣ членовъ собора, за не раздѣленіе ими преобладавшихъ на немъ взглядовъ на дѣло Фотія, были удаляемы отъ соучастія. Что же означаетъ такое отрицательное отношеніе большинства высшаго греческаго духовенства къ предмету собора? Какъ ни ухитряйся и ни усиливайся римскіе его панигиристы, къ славѣ своей церкви и къ чести ея главы, дѣло видимое, что въ большинствѣ не было сочувствія къ собору, и наибольшая часть наилучшихъ грековъ расположена была въ пользу Фотія.

Посмотримъ еще, каковы были представители восточныхъ патріарховъ. Католическіе писатели со всею увѣренностію выставляютъ ихъ настоящe уполномоченными отъ своихъ іерарховъ; но мы имѣемъ самое достовѣрное свѣдѣніе, что эти представители были не иные какіе, а только иноки присланные съ Востока калифомъ арабскимъ для выкупа плѣнныхъ магометанъ. По крайней мѣрѣ, это съ достовѣрностію видно изъ тѣхъ грамотъ, какія присланы были патріархами на слѣдующій константинопольскій соборъ, въ которыхъ они увѣдомляютъ о строгости, съ какою поступлено ими было съ бывшими представителями собора за нарушеніе представленныхъ имъ правъ.

Но несочувствіе къ западному элементу въ соборѣ и разногласіе съ римскими представителями открылось уже при самой подписи дѣяній собора. Легаты, прочитывая протоколы засѣданій, замѣтили, что въ одномъ изъ писемъ папы Адріана выпущено было, что относилось къ похвалѣ Людовика германскаго, именовавшагося въ письмѣ императоромъ. Греки не хотѣли этого титула признать за германскимъ государемъ, считая тотъ титулъ исключитель-

[1]) Anast. in praefat. p. 7.

[2]) Mansi XVI. 247. Hadriani II epist. fragm. Mansi XVI. 413. 414.

нымъ достояніемъ византійскаго императора, и когда легаты выразили на то свое неудовольствіе, а греки говорили, что на соборѣ надобно воздавать хвалу Богу, а не человѣку, то легаты не иначе согласились подписать актъ, какъ съ прибавкою: „впредь до усмотрѣнія папы“ [1]).

Послѣдствіемъ такой оговорки было еще болѣе важное дѣло. Нѣкоторые изъ грековъ тайкомъ обратились къ патріарху Игнатію и императору Василію съ указаніемъ, что-де данными отъ членовъ собора подписями подъ принесенною легатами изъ Рима формулою единенія, соборъ Константинопольскую церковь подчинилъ власти Римской, и что прежняя свобода Востока въ церковномъ управленіи можетъ быть обезпечена не иначе, какъ возвращеніемъ отъ пословъ тѣхъ роковыхъ бумагъ. Къ этому одумавшіеся епископы прибавляли, что, вслѣдствіе сдѣланной легатами въ подписи оговорки, папа можетъ испровергнуть весь соборъ и уничтожить всѣ постановленныя на немъ рѣшенія. Императоръ внялъ этому представленію и чиновникамъ, приставленнымъ для ухода за легатами, повелѣлъ, чтобы когда послѣдніе выйдутъ съ своими людьми изъ занимаемыхъ ими помѣщеній, они тихонько вошли въ ихъ комнаты и тайкомъ взяли подписные листы подъ опасной формулой. Легатамъ, дѣйствительно, надобно было выйдти изъ своихъ помѣщеній къ патріарху для переговоровъ, и послушные приставники тайкомъ взяли значительную часть тѣхъ предательскихъ листовъ, не успѣвъ, однако, захватить всего ихъ сбора, такъ какъ легаты, изъ осторожности, подписи наиболѣе важныхъ епископовъ держали въ особо сохранномъ мѣстѣ. Послы, возвратившись въ свои апартаменты, замѣтили это исчезновеніе важныхъ бумагъ, и сообща съ послами германскаго императора Людовика II, обратились немедленно съ жалобою къ императору Василію на похищеніе у нихъ важныхъ актовъ. Большихъ хлопотъ стоило посламъ выручить эти бумаги, и императоръ очень не охотно и съ большимъ неудовольствіемъ возвратилъ имъ взятое, хотя, при возвращеніи, для скраски дѣла, счелъ не лишнимъ воздать честь апостольской каѳедрѣ [1]).

Что же это за сочувствіе собору со стороны самаго главнаго движителя его, императора? Такими ли послѣдствіями увѣнчавались дѣянія другихъ, прежде бывшихъ, соборовъ? Изъ всего видно, что побужденіемъ къ составленію его, и со стороны самихъ грековъ, было не осужденіе Фотія, а утвержденіе независимой власти въ Византіи, какъ свѣтской, такъ и духовной. Вѣдь, если бы византійцамъ удалось овладѣть всею массою отвѣтственныхъ бумагъ, тогда бы, съ противными для греческой стороны обязательствами къ признаніи верховенства папской власти, пропало бы и осужденіе Фотія, которое полагалось въ основаніе собора и которое въ зломысленной формулѣ занимало главное мѣсто.

Но еще болѣе несочувствія и даже непріязненности, а слѣдовательно и подозрительныхъ отношеній греческой стороны къ папскому вліянію высказало препирательство о принадлежности новообращенной болгарской церкви тому или другому патріархату. Князь, принявшій христіанство, ближайшимъ руководящимъ воздѣйствіемъ Фотія, имѣя въ виду обезпечить независимость своей церкви отъ Византіи, которой страна естественно должна была подчиниться вслѣдствіе принятія отъ нея крещенія, считалъ болѣе согласнымъ съ своими государственными видами обратиться къ Риму съ просьбою о присылкѣ къ нему наставниковъ, во главѣ съ указываемымъ отъ него епископомъ. Когда папа, по своимъ своекорыстнымъ разсчетамъ, находилъ не удобнымъ удовлетворить требованію князя и предлагалъ ему для выбора во главу церкви какого-то во-

[1]) LaÞbei t. VIII pag. 831 и 1156. сл. Jager, liv. VI pag. 227.

[1]) LaÞb. tom. VIII p. 990; сл. Jager. h. VI pag. 227 и сл.

все неизвѣстнаго ему Сильвестра, тогда князь, видя, что бывшій тогда папою Адріанъ II, при назначеніи предстоятеля церкви, руководствуется корыстными видами, нашелъ благовременнымъ обратиться къ державшемуся тогда въ Константинополѣ собору съ вопросомъ,—чьему вѣдѣнію должна Болгарія подлежать въ церковномъ отношеніи,—константинопольской или римской каѳедрѣ. Такъ какъ болгарскіе послы явились въ Константинополь къ послѣднему засѣданію, и дѣло ихъ не входило въ программу занятій собора, то императоръ, спустя три дня по окончаніи засѣданій, когда уже члены разошлись, назначилъ для рѣшенія болгарскаго вопроса отдѣльное засѣданіе въ присутствіи Игнатія и представителей римской и прочихъ патріаршескихъ каѳедръ. Когда стоявшій во главѣ болгарскаго посольства, какой-то Петръ, раскланявшись почтительно на всѣ стороны, предложилъ отъ имени Богориса-Михаила вопросъ,—вѣдѣнію какой церкви должна подлежать ихъ новопросвѣщенная страна, Восточной или Западной, то римскіе легаты, изумленные такимъ неожиданнымъ вопросомъ, тотчасъ, съ непреложностію тона, отвѣтили посламъ, что безъ всякаго сомнѣнія болгары принадлежатъ и должны принадлежать римской, и, въ подтвержденіе того, пустились въ разныя доказательства,—историческія, и этнографическія, и іерархическія. Тогда и восточные представители, оставивъ свою уступчивость и подобострастіе, которыя соблюдали на соборѣ по отношенію къ римскимъ посланникамъ, смѣло открыли свои уста и противопоставили имъ такія доказательства, на которыя тѣ не въ состояніи были отвѣчать. Тогда легаты, не имѣя что болѣе возражать, съ крикомъ сказали: „Предъ Богомъ, его ангелами и всѣми присутствующими, заклинаемъ тебя, патріархъ Игнатій, властію свв. верховныхъ апостоловъ, по силѣ письма святѣйшаго востановителя твоего верховнаго первосвященства, Адріана, которое теперь вручаемъ тебѣ, употреби все, съ своей стороны, стараніе, чтобы самому не мѣшаться въ управленіе Болгаріей и не послать туда своихъ священниковъ. Иначе можетъ случиться, что святый апостольскій престолъ, возвративъ тебѣ твои права, чрезъ тебя утратитъ свои собственныя. Если ты имѣешь какую нибудь справедливую жалобу, то предъяви ее торжественно святой римской церкви, твоей покровительницѣ". Игнатій, взявъ письмо, не смотря на всѣ увѣщанія, не сталъ его читать, но осмѣлился отложить это дѣло до другого раза, къ крайнему огорченію легатовъ. Тѣмъ знаменитый споръ и кончился, и результатомъ его было то, что Болгарія, несмотря на все противорѣчіе и угрозы со стороны папскихъ представителей, осталась признанною за патріархатомъ Константинопольскимъ, вслѣдствіе чего вскорѣ и изгнаны были изъ страны насланные изъ Рима духовные лица, и на мѣсто ихъ введены греческіе [1]).

Спрашивается, что такъ развязало языкъ восточнымъ уполномоченнымъ въ спорѣ съ западными легатами и что внушило имъ смѣлость противоборства усильнымъ домогательствамъ, такъ доселѣ уважавшихся, представителей папскихъ? Достиженіе и императоромъ, и Игнатіемъ своихъ цѣлей, заключавшихся у каждаго въ утвержденіи свойственной каждому власти! На соборѣ въ концѣ засѣданій, императоръ, независимо отъ похвалъ, какими онъ превозносимъ былъ на всѣхъ засѣданіяхъ, на которыхъ присутствовалъ, въ особенности, послѣ того какъ говорилъ рѣчи, — провозглашался державнѣйшимъ, благочестивѣйшимъ, христіанѣйшимъ, а Игнатій величаемъ былъ боголюбивѣйшимъ и единственно достойнымъ патріархомъ. Послѣ этого зачѣмъ еще нужно было

[1]) Мы коснулись вкратцѣ этого эпизода въ исторіи жизни Фотія, какъ такого факта, въ которомъ онъ, низложенный, не принималъ никакого участія и который, слѣдовательно, не шелъ къ нашей цѣли. Кому же любопытно знать весь ходъ этого замѣчательнаго спора объ епархіальной принадлежности Болгаріи, тотъ можетъ читать о немъ въ болѣе полномъ изложеніи— изъ православныхъ писателей: У Зернина „Фотій" стр. 63—67 и Лавровскаго „Кириллъ и Меѳодій" стр. 133—149; и у католическихъ: Jager стр. 229—232 и Hergenreter t. II, p. 149—166.

угождать претензіямъ потерявшихъ значеніе легатовъ. Значитъ, какой же въ основаніи имѣли смыслъ осужденія, такъ легко и охотно сыпавшіяся на голову подсуднаго патріарха? Конечно, то имѣлось въ виду, чтобы угодить легатамъ и черезъ нихъ получить желаемое утвержденіе и императору, и патріарху въ своихъ новыхъ и колеблющихся видахъ власти, а не самоубѣжденіе, или независимое сознаніе преступности и не правоты Фотія.

Нѣтъ ничего не вѣроятнаго и въ томъ, что, не безъ вѣдома и не безъ участія императора, не дошли въ сохранности до Рима подлинные акты собора. Василій, при отправленіи легатовъ въ обратный путь, питалъ въ душѣ неудовольствіе на нихъ, какъ по поводу вынужденнаго возвращенія подписныхъ актовъ о соединеніи, такъ и по причинѣ заявленнаго ими протеста противу рѣшенія о Болгаріи. Тѣмъ не мѣнѣе, это свое неудовольствіе, какъ умѣвшій собою обладать повелитель, онъ постарался скрыть и отъѣзжавшихъ угостилъ императорскимъ столомъ, надѣлилъ богатыми подарками и далъ имъ въ провожатые Спафара Ѳеодосія, долженствовавшаго сопровождать ихъ до Диррахіума[1]), а за тѣмъ предоставить ихъ собственному попеченію. Когда, такимъ образомъ, они съ одной своей свитой отправились въ путь по морю, въ направленіи къ Анконѣ, на дорогѣ были далматскими прибрежными жителями ограблены, при чемъ отняты были у нихъ и подлинные акты собора съ ихъ подписями; только нѣкоторые изъ ихъ свиты спаслись, и только изъ боязни передъ этими ущѣлѣвшими была пощажена жизнь легатовъ. Почему, послѣ сдѣланной императоромъ, даже съ нарушеніемъ своего достоинства, попытки удержать у пословъ подлинные списки соборныхъ актовъ, и въ виду протеста со стороны легатовъ противу рѣшеній болгарскаго дѣла,—почему не допустить, какъ и обыкновенно допускаютъ, что провожавшему легатовъ Ѳеодосію, отъ чего-то не смѣвшему ихъ охранять далѣе Диррахіума, было повелѣно подговорить удальцевъ славянскихъ напасть на нихъ во время морскаго плаванія и забрать весь ихъ багажъ.

Послѣ такихъ неблагопріятныхъ послѣдствій заслуживаетъ ли соборъ противу Фотія названія осьмаго вселенскаго, какъ его изволятъ чествовать католики? Анастасій въ своемъ сказаніи о соборѣ говоритъ, что его нельзя называть ни просто *соборомъ*, потому что это имя обще съ другими многочисленными соборами,—ни *вселенскимъ соборомъ*, ибо это имя будетъ одинаково съ семью другими вселенскими соборами. Если назовемъ его *Константинопольскимъ соборомъ*, то и это названіе будетъ не точно, ибо есть и другіе Константинопольскіе соборы. Если-бы мы даже хотѣли назвать его *вселенскимъ Константинопольскимъ и осьмымъ*, то и такъ не обозначится его имя опредѣлительно, потому что онъ не осьмый изъ держанныхъ въ Константинополѣ соборовъ, а только четвертый. По этому, безъ всякаго противорѣчія, онъ долженъ называться *осьмымъ вселенскимъ соборомъ*, чтобы такимъ образомъ и названіе, раздѣляемое имъ съ семью другими соборами, не утаилось, и имя, исключительно ему принадлежащее, обозначилось[1]). Съ греческой стороны, названіе *вселенскаго* сперва отрицалось только тѣми, которые хотѣли остаться вѣрными Фотію, а въ послѣдствіи, когда новымъ собо-

[1]) Нынѣ Дураццо, по славянски Драчъ, Дурачъ.

[1]) Itaque si *synodus* tantum dicatur, non proprie dicatur; habet enim hoc nomen commune cum aliis numerosis conciliis; si *synodus universalis* appelletur, nec sic de hac, quod singulariter possidet, praedicatur; nam hoc nomine cum generalibus septem utitur. Porra si *synodus Cplitana* dicatur, non dicetur proprie; sunt, enim et aliae Cplitanae synodi. Iamvero si *synodus universalis Cplitana et octava* vocetur, nec sic definitive nomen ejus praedicabitur; non enim est octava, sed quarta synodus earum, quae Cpli universaliter celebratae sunt. Nuncupanda est ergo sine omni contradictione *Synodus universalis octava*, ut et appellatio, quam cum septem aliis conciliis sortita est, non celetur, et nomen proprium, quod singulariter possidet, designetur. Anastasius Praefatio in Concilia, VIII p. 8. Переводъ въ текстѣ.

ромъ въ Константинополѣ честь патріарха Фотія была возстановлена, соборъ, бывшій противу него, въ глазахъ всѣхъ грековъ потерялъ всякое значеніе, въ какомъ положеніи остается и донынѣ въ православномъ мірѣ. Да и въ самой Западной церкви честь наименованія осьмаго вселенскаго собора колебалась, потому что, когда не принятъ еще былъ на Западѣ седьмый вселенскій соборъ по причинѣ несогласія тамошнихъ учителей церковныхъ съ постановленіями соборными, происшедшаго отъ неправильнаго ихъ перевода Анастасіемъ, не могло быть и рѣчи объ осьмомъ соборѣ; только когда сдѣланъ былъ другой, болѣе вѣрный переводъ дѣяній седьмаго собора, и онъ (соборъ), по утвержденіи папою Іоанномъ VIII, признанъ былъ во всѣхъ итальянскихъ и франкскихъ областяхъ седьмымъ вселенскимъ соборомъ[1]), только тогда Западные богословы стали признавать и осьмый [2]), но еще въ одинадцатомъ вѣкѣ проявляются сомнѣнія на западѣ во вселенскомъ характерѣ, такъ возвеличеннаго, осьмаго собора. Такъ кардиналъ по имени Деусъ-дедитъ въ различныхъ мѣстахъ своихъ писаній усвояетъ только нѣкоторымъ (quibusdam) признаніе за нимъ вселенскаго достоинства[3]) а въ трактатѣ, написанномъ даже въ тринадцатомъ вѣкѣ доминиканцами противъ грековъ, отдается нѣкоторая честь и греко-православному взгляду, не допускающему обще-соборнаго его значенія[1]). Мало сего—на феррарскомъ соборѣ, во время шестого засѣданія (20 октября 1838 г.) кардиналъ Юліанъ, въ спорѣ съ Маркомъ ефескимъ, упоминая всѣ семь соборовъ, не смѣлъ указать на осьмый,—конечно, въ сознаніи малаго его авторитета, за что и подвергается большимъ упрекамъ отъ католическихъ писателей, хотящихъ видѣть въ томъ со стороны препиравшагося прелата недостатокъ ревности и свѣдѣній [2]). Стоитъ замѣтить и то, что въ греческомъ текстѣ изложенія дѣяній флорентійскаго собора, соборъ этотъ именуется *восьмымъ*, такъ какъ будто бы до этого не было восьмаго, за каковый считаютъ католики составленный противуФотія [3]).

Но мимо всего этого, скажемъ въ концѣ: всякое значеніе этого лже-осьмаго собора совершенно закрывается и уничтожается соборомъ, состоявшимся въ послѣдствіи для возстановленія Фотія въ патріаршескомъ достоинствѣ (о чемъ будетъ рѣчь ниже въ своемъ мѣстѣ), такъ что надобно удивляться непослѣдовательности и самопротиворѣчію папства, что оно, тѣмъ, не менѣе принимаетъ то, что

---

[1]) Sinodo congregata, quam octavam universalem Synodum illuc convenientes appellaverunt, exortum schisma de Ignatii depositione et Photii ordinatione sedaverunt.... In qua synodo de imaginibus adorandis aliter quam orthodoxi Doctores antea definierant et pro favore Romani Pontificis, qui eorum votis de imaginibus adorandis animit, et quaedam contra antiquos canones, sed et contra suam ipsam Synodum constituerunt, sicut qui eamdem Synodum legerit, patenter inveniet. Hincmari Annal. an. 872. (Pertz I. 494); см. также у Baron. an. 869., n. 66.

[2]) Анастасій въ предисловіи къ своему переводу актовъ седьмаго собора, представленному Іоанну VIII говоритъ: Exinterpretata nuper decessori vestrae beatitudinis Adriano.... octava et universali synodo indecorum et inconveniens arbitratus sum, septimam Synodum.... non habere Latinos Mam nulla ratione *octava* dicitur vel teneri poterit, ubi *septima* non habetur.

[3]) Cardinalis Deusdedit Lib. contra invas. II. 9. (Mai, nova Biblioteca Patrum VII. III p. 22): Synodus vero pro Ignatio, quae *a quibusdam octava dicitur*.— L. III Sect IV § 6. p. 103; in synodo universali 210 (sic). Patrum habita pro Ignatio Patr., quae a *quibusdam* octava dicitur; L. IV § 3 p. 109. In synodo universali Patrum 240 (sic) habita pro Ignatio Patriarcha, quae a *suis conditoribus octava*, dicitur.

[1]) Tractatus de concilüs generalibus, in Append. Tract. contra errores graec. (Bibliot. Partum, Lugd. 27—613). Dicendum quoque, praeter istas septem universales synodos, fuit et una alia, *universalis* quidem, sed quia non agit de articulis fidei, non ponitur in numero generalium synodorum ab antiquis Graecis, sed inter alias, quae locales nominantur.

[2]) Baron. an. 869 p. 61—63. Mansi XVI 518—519. О преніи Марка Ефесскаго по сему случаю см. писателя XV вѣка. Praefat. in Synod Photlianam (Mansi XVI. p. 476—477) u Hefele concil. IV, стр. 417—418.

[3]) Baron. loc. cit. n. 64, Mansi X VI. p. 516—517.

разъ было имъ отвергнуто. Да, правда, это можно назвать общею чертою всѣхъ дѣйствій католичества — не стѣсняться въ отверженіи разъ принятаго, и принятіи прежде отвергнутаго, какъ скоро то или другое отвѣчаетъ какой-нибудь предположенной эгоистической цѣли.

V. ФОТІЙ ВЪ ИЗГНАНІИ.

Но каково-бы ни было достоинство собора, составленнаго противу Фотія, рѣшенія его должны были получить свою законную силу, и осужденный патріархъ долженъ былъ отправиться въ назначенное ему заточеніе, мѣстомъ котораго, правда, была одна изъ прекраснѣйшихъ гаваней на европейскомъ берегу Босфора, Стеносъ (по русски: узкій, тѣсный), такъ названная по тѣснотѣ съуживающагося въ томъ мѣстѣ пролива.

Мѣстность занята была многими монастырями, въ которые ссылались и прежде другіе патріархи. Одна изъ обителей построена была даже дядею новаго заточника, патріархомъ Тарасіемъ, который тамъ и обрѣлъ себѣ вѣчное упокоеніе. Сюда-же заточенъ былъ Львомъ армяниномъ и, современный Фотію, патріархъ Никифоръ, защитникъ иконопочитанія. Какимъ себя явилъ, въ этомъ заточеніи, новый преслѣдуемый поборникъ православія, на это, по всей справедливости, можно сказать, что если онъ былъ великъ, находясь въ чести, то еще болѣе великимъ оказался онъ въ уничиженіи и тѣснотѣ. Прежде онъ былъ уклончивъ съ мудростію зміиною и долженъ былъ приспособляться къ обстоятельствамъ, на сколько то можно было безъ нарушенія требованій священнаго долга и сановной чести, а теперь, свободный отъ стѣснительныхъ отношеній, онъ, такъ сказать, выпрямился и явилъ себя истиннымъ героемъ православія. Правда, онъ вполнѣ чувствовалъ всю горечь предподнесенной ему чаши и изливался въ наичувствительнѣйшихъ жалобахъ на свое стѣсненное положеніе; но, тѣмъ не менѣе, остался вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ въ правотѣ греко-восточной вѣры, пребылъ непримиримымъ врагомъ папства, смѣлымъ обличителемъ всѣхъ измышленныхъ имъ самовольныхъ нововведеній и противникомъ всѣхъ его властолюбивыхъ посягательствъ на Востокъ,—въ самыхъ рѣзкихъ тонахъ порицалъ соборъ, его осудившій, какъ соборище беззаконныхъ и злочестивыхъ людей; анаѳему, брошенную на него изъ этого судилища, обращалъ на головы судей не достойно и слѣпо поразившихъ ею его безвинную голову; подкрѣплялъ и утѣшалъ тѣхъ, которые, во множествѣ, не смотря на всѣ свои лишенія, хотѣли оставаться ему вѣрными, а тѣхъ, которые измѣняли ему и переходили на другую сторону, прожигалъ пламенными упреками и старался возвратить на свою сторону. Были и такіе, которые, неизвѣстно по какимъ основаніямъ или поводамъ, распространяли оскорбительный, для доблестнаго поборника Восточнаго православія, слухъ, что онъ, Фотій, наконецъ, смирился, призналъ законность собора и подчинился всѣмъ его постановленіямъ, даже принялъ и римскую формулу съ признаніемъ церковнаго главенства папы. Тогда-то непоступный защитникъ православія возгорѣлся всѣмъ пламенемъ святой ревности, разразился громами и молніями надъ главою того, кто осмѣлился распространять въ народѣ такую унизительную для него ложь. И въ самой столицѣ было у него не безъ друзей, правда, скрытныхъ, съ которыми онъ сносился и которые, бывъ и сами вліятельными лицами, могли дѣйствовать и на другихъ высокопоставленныхъ сановниковъ, покуда, наконецъ, не удалось досягнуть и самаго императора, не могшаго ни сознавать и не цѣнить его высокихъ талантовъ и многообъемлющей учености,—и приблизиться къ его державной особѣ.

Всѣ указанныя нами предъ симъ дѣйствія и стремленія, которыми ознаменовалъ себя Фотій въ изгнанническомъ отлученіи отъ общества, выставлены нами на основаніи его многочисленныхъ писемъ, которыя онъ писалъ изъ своего уединенія къ разнымъ родственнымъ и преданнымъ ему лицамъ. Мы представимъ здѣсь нѣкоторые изъ этихъ писемъ, хотя въ извлеченіи, но въ порядкѣ указанныхъ нами предъ симъ проявленій его дѣятельности, дабы читатель могъ видѣть и созерцать на лицо духовный складъ подвижника вѣры.

Вотъ извлеченіе изъ скорбнаго письма, въ которомъ Фотій изображаетъ свое положеніе во время производства надъ нимъ суда (869—870г.),—письма, написаннаго, къ протоспаѳарію (первому тѣлохранителю царскому), Михаилу. „Тѣло мое разбито болѣзнями, душа—внутренними страданіями. Вся жизнь моя поядается и разслабляется причиняемыми мнѣ отъ людей безпрестанными оскорбленіями. Оставленіе друзьями, арестованіе и тюремное заключеніе моихъ слугъ, удаленіе моихъ родныхъ вслѣдствіе страшныхъ угрозъ, нещадное лишеніе, отнятіе самыхъ необходимыхъ потребностей, даже книгъ моихъ, опустошеніе и разрушеніе священныхъ домовъ, которые мы созидали для умилостивленія Божія, устраненіе всѣхъ поющихъ, читающихъ, и вообще служащихъ во всякомъ богослуженіи,—за тѣмъ, непомѣрно-суровые приказы всѣмъ, чтобы никто не смѣлъ ко мнѣ приближаться,—кратко, все собралось для моего отягощенія. Надобно-ли мнѣ еще упоминать о каждодневныхъ допросахъ, судебныхъ слѣдствіяхъ и обвинительныхъ рѣшеніяхъ не только для меня, но и для моихъ друзей, родственниковъ и слугъ, даже для всѣхъ, кто только подозрѣвается, что не совсѣмъ меня покинулъ,—слѣдствіяхъ и обвиненіяхъ, при которыхъ никто не бываетъ свидѣтелемъ, никто не судитъ, какъ и никто не выступаетъ обвинителемъ. Если они мнѣ иной разъ и даютъ отдыхъ отъ своихъ допросовъ и розысканій, то причиною того не ихъ добрая воля, и не моя какая-нибудь добродѣтель, но особенная милость Божія, отъ которой единственно я ставлю себя въ зависимость, и подъ покровомъ которой я совершаю такъ бурно колеблемое теченіе моей жизни, возметаемый такъ многими и такъ грозными волнами. Вмѣсто родныхъ, вмѣсто друзей, вмѣсто слугъ, вмѣсто пѣвцевъ, вмѣсто всякаго человѣческаго утѣшенія, окружаютъ меня солдаты, сторожа, офицеры и отряды воинскіе. Какъ только не вырвется и не вылетитъ у меня душа изъ тѣла, поражаемаго столькими ударами. Это ставитъ меня въ тупикъ“ [1]).

Въ письмѣ къ брату своему Тарасію, Фотій, уже по осужденіи его соборомъ, такъ выражаетъ свою скорбь: „страданіе достигло высочайшей степени, зло дошло до крайности; кромѣ Бога и упованія на Него, мнѣ не остается никакого болѣе утѣшенія. Вездѣ наблюденіе, угрозы, строгости. Въ сравненіи съ этимъ положеніемъ, все перенесенное мною не имѣетъ значенія. Кто положитъ тому конецъ? Можетъ быть, смерть, которую они мнѣ умыслили. Она, можетъ быть, отниметъ у моихъ враговъ возможность терзать и мучить меня долѣе, либо сама по себѣ освободитъ меня отъ всякихъ тревогъ и напастей“ [2]).

Іоаннъ, митрополитъ Ираклійскій, осужденный и изгнанный наравнѣ съ Фотіемъ, вѣроятно, предварительно писалъ къ нему о своихъ страданіяхъ на мѣстѣ, и вотъ Фотій отвѣчалъ ему на его жалобу: „Ты оплакиваешь свое печальное положеніе, а не знаешь, конечно, каково наше: ибо если бы ты зналъ, что мы терпимъ и какія борьбы мы принуждены выдерживать каждодневно, то ты перестадъ бы насъ занимать твоими бѣдами. Громъ, когда онъ разражается съ трескомъ, намъ внушаетъ теперь меньше страха, потому что мы къ тому привыкли. Что остается дѣлать? Бороться съ несчастіемъ, хорошо зная, что, какъ увѣряетъ Писаніе, настоящая жизнь не

[1]) Photii epist. 78. p. 126—127. Migne h. 3 epistola 25. Baron, an. 870. n. 51.

[2]) См. тамъ-же.

есть жизнь удовольствій и мздовоздаяній, но поприще трудовъ, подвиговъ и борьбы, и что воздаяній вѣнцовъ и наслажденій надобно искать въ другомъ мірѣ: тамъ обрѣтемъ мы ихъ по милости Божіей [1]).

Католическіе писатели хотятъ видѣть въ этихъ письмахъ укорительный отвѣтъ грекамъ, хвалящимся своимъ Фотіемъ,—видѣть малодушіе и паденіе духа подъ тяжестію несчастія. Но странное дѣло—требовать безчувствія и непониманія постигшаго бѣдствія. Для этого надобно быть деревомъ или камнемъ. А дѣло состоитъ въ томъ, остался-ли человѣкъ вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и правиламъ, изъ-за которыхъ подвергся злостраданію. А какимъ явилъ себя Фотій въ этомъ смыслѣ, то увидимъ мы изъ слѣдующихъ его писемъ къ разнымъ лицамъ,—увидимъ, какъ рѣзко онъ отзывается объ осудившемъ его соборѣ и какъ представляетъ его торжествомъ нечестія и лжи надъ святостію и правдою, являемыми въ его лицѣ и его послѣдователяхъ. „Что ты удивляешься тому, пишетъ онъ къ одному пустыннику, по имени Ѳеодосію, что нечестивые съ гордымъ видомъ предсѣдаютъ на собраніи, а почтеннѣйшіе служители Божіи должны стоять предъ ними какъ виновные,—самоосужденные присвояютъ себѣ судъ, а невинность, окруженная мечами, осуждается,—потому, что ни разу не дала отъ себя гласа? Примѣровъ тому много и въ древнія и въ новыя времена. Анна, Каіафа и Пилатъ возсѣдали на судѣ, а Іисусъ, Господь мой и Богъ, и насъ всѣхъ Судія, стоялъ предъ ними какъ подсудимый. Стефанъ, великій воинъ Христовъ и великій мученикъ за Него, стоялъ передъ судомъ, и убійственный Синедріонъ доблестнаго проповѣдника божественной истины велѣлъ побить каменіемъ. Іаковъ, первый изъ епископовъ, получившій святое помазаніе и предстоятельство въ Іерусалимской церкви отъ руки Господней, былъ привлеченъ на судъ и саддукей Ананъ созвалъ верховный совѣтъ, который праведника и приговорилъ не колеблясь къ смерти злодѣевъ. Павелъ, этотъ высокій и великій проповѣдникъ на всю землю, претерпѣлъ тоже, и Ананій какъ по времени предшествовавшій Анану, такъ и по нраву нисколько отъ него не отставшій, велѣлъ благовѣстителя бить по лицу. Если ты вспомнишь такимъ образомъ о Павлѣ, то въ состояніи будешь найти и еще значительное число такихъ соборовъ; зачѣмъ-же бы мнѣ нужно было перечислять и именовать ихъ всѣхъ? Все безумное неистовство и безчеловѣчіе гонителей и тирановъ, свирѣпствовавшихъ противу исповѣдниковъ и мучениковъ Христовыхъ, даетъ тебѣ наглядный видъ бывшаго противу насъ великолѣпнаго Синедріона. Ибо, какъ ясно изъ всѣхъ его рѣчей и разсужденій, засѣдали на немъ такіе, которые, не однажды, но много разъ заслуживали смерти,—возсѣдали съ гордымъ и важнымъ видомъ и величались титуломъ законодателей и судей, а тѣ, *которыхъ не былъ достоинъ весь міръ* (Евр. X, 38), стояли передъ ними какъ виновные, и были присуждены къ смерти. Такъ не удивляйся-же слишкомъ тому, что надъ нами сотворить осмѣлились, и долготерпѣніе, какое Богу угодно являть надъ сими беззаконными, не принимай за знакъ, что Господь Богъ не хочетъ знать дѣлъ человѣческихъ. Нѣтъ, промыселъ Божій ни на мгновеніе не переставалъ бдѣть надъ нами и распоряжаться нами; онъ постоянно управляетъ нашими дѣлами съ премудрымъ, неизреченнымъ и превышающимъ нашъ умъ смотрѣніемъ".

Пусть послѣ этого скажутъ католическіе писатели, перемѣнилъ-ли Фотій, вслѣдствіе постигшей его кары, свой взглядъ на соборъ и подчинился-ли его неправильнымъ рѣшеніямъ.

Въ другомъ дальнѣйшемъ письмѣ къ тому-же Ѳеодосію Фотій не менѣе строгій произноситъ судъ и на участниковъ собора, и въ особенности, на представителей Восточныхъ патріарховъ. „Хотя до сихъ поръ, онъ пишетъ, не бывалое и безпримѣрное было дѣло, чтобы уполномоченныхъ и слугъ безбожныхъ измаильтянъ превращать въ представителей высо-

[1]) См. тамъ-же.

коіерархескаго достоинства, представлять имъ преимущества патріаршихъ каѳедръ и дѣлать ихъ предсѣдателями такого выдающагося изъ ряда собора, но это, однако, не должно тебя такъ крѣпко удивлять: это совершенно отвѣчаетъ и другимъ ихъ (противниковъ) дѣламъ, вполнѣ согласуется и съ прочими ихъ дерзкими поступками. Они именно знали, что благодать священства чужда этимъ пришельцамъ; но такъ какъ они, принимавшіе ихъ въ свою среду, были сами нечестивы и порочны, то они и не могли сыскать другихъ людей, а послѣдніе, будучи посланными отъ враговъ Христовыхъ, не могли быть предстоятелями и руководителями у другихъ людей, какъ именно у призвавшихъ ихъ. Ибо, кто другой могъ быть съ ними въ общеніи и проявлять свое неистовство противу столькихъ и столь достойныхъ епископовъ и іереевъ Божіихъ, какъ именно только эти служители, питомцы и исчадія враждующихъ противу Бога варваровъ. Ихъ полуварварское судище скорѣе слѣдуетъ назвать вертепомъ разбойничьимъ; ни свидѣтелей, ни обвинителей, ни какого-нибудь предмета для обвиненія не могли они найти, хотя сверху до низу все перерыли и переворочали, равно и какое-нибудь учиненное мною дѣло принять за основаніе къ обвиненію меня. Кругомъ стоялъ отрядъ солдатъ, вооруженныхъ мечами и грозившихъ подвижникамъ смертію, такъ что они не смѣли произнести за себя ни слова, заставляли насъ по шести, даже до девяти часовъ стоять на одномъ мѣстѣ, потому что не хотѣли отпускать насъ, чтобы наругаться надъ нами вдоволь, и—не могли натѣшиться нашимъ позоромъ. Это было въ родѣ театральнаго представленія, на которомъ открывали зрителю разныя дивныя сцены и на которомъ одно за другимъ являлись варварскія и богохульныя писанія. Драму кончили очень поздно и притомъ очень неохотно; ничего человѣческаго при этомъ на сцену не являлось, ни въ дѣйствіяхъ, ни въ рѣчахъ, хотя и желали дать тону приличный видъ. Подобно корибантамъ (жрецы Цибелы) и вакхантамъ (жрецы Бахуса), кричали они громко, далеко раздающимся голосомъ: „мы сошлись сюда не для того, чтобы судить, и мы не судимъ васъ дѣйствительно, ибо осудили васъ напередъ, и вы должны только покориться этому осужденію“ [1]).

Далѣе, въ другомъ письмѣ, но съ неменѣе строгимъ и порицательнымъ отзывомъ, пишетъ онъ о соборѣ: „хотя злочестивая, безстыдная и безпримѣрная жестокость (явленная соборомъ на мнѣ и моихъ сторонникахъ) превосходитъ всѣ преступленія Іудеевъ, какіе только солнце видѣло и луна скрывала, превышаетъ безчеловѣчность и преступность болѣзновавшихъ безбожіемъ эллиновъ, неистовство и безумство всѣхъ, какіе есть на землѣ, варваровъ; но ты не поражайся этимъ, и не позволяй себѣ никакой неразумной мысли ропота или хулы противу мудрыхъ совѣтовъ Божіихъ. Я, съ своей стороны, много далекъ отъ того, чтобы удивляться тому, или смущаться тѣмъ, и ты, я не сомнѣваюсь, прійдешь къ одинаковымъ со мною мыслямъ. Я, напротивъ, нахожу—хотя это инымъ и страннымъ покажется—именно въ этомъ фактѣ самыя убѣдительныя доказательства несомнѣннаго и всеобъемлющаго управленія Божественнаго, сверхестественнаго Промысла. Какимъ это образомъ и въ какомъ смыслѣ? Если гнѣвъ имущихъ власть на вѣрныхъ, только потому, что они сохранили свой языкъ и сердце отъ убійственныхъ дѣлъ, такъ тягостно и сильно воспламеняется; если правда всевозможными способами притѣсняется, а ложь въ полномъ блескѣ дерзновенно возносится; если нечестивая наглость оскорбительно подмѣчаетъ всякое дѣйствіе, всякое слово и движеніе; если при такомъ досмотрѣ праведные только воздыхаютъ и обращаютъ взоры и сердце къ Вышнему оку правосудія; если противники подъискиваютъ клеветниковъ и лжесвидѣтелей; если многіе стараются угодить власть имѣющимъ и служить ихъ желаніямъ; если страхъ и угрозы смертію исходятъ на всѣхъ хотя-

[1]) Photii epist. 118 pag. 159; сл. Migne lib. III, ep. 84.

щихъ сказать что нибудь въ защиту правды; если въ добавленіе ко всему этому, кромѣ другихъ многихъ страданій, какія имъ не наказанно могутъ причинять, не дозволяется имъ отнюдь писать и написанное переслать; и если ни противъ одного изъ святыхъ не выставляется свидѣтель, и нисколько противу нихъ не соблюдаются даже употребительныя у варваровъ формы судопроизводства, но такимъ позорнымъ и смѣшнымъ образомъ, такъ безстыдно и безформенно, не сохраняется даже видъ правильнаго суда; если, говорю, принять все это во вниманіе: то какъ можно не видѣть въ этомъ самыхъ сильныхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ Божественнаго промысла, вся премудро устрояющаго, и правосудія, хотя часто не вѣдомыми для человѣческаго ума путями, карающаго неправосудныхъ, и приходящаго на помощь обидимымъ? Чрезъ это свое промышленіе Господь Богъ нашихъ гордыхъ притѣснителей—хотя они на видъ и являются творящими свою власть въ большомъ блескѣ и съ высокою честію—покрылъ стыдомъ и срамомъ, а нашихъ поборниковъ, гонимыхъ, хотя они должны выдерживать крайнее страданіе, исполнилъ блаженства и радости и не престающимъ одобреніемъ и хвалою отъ всѣхъ устъ, какъ неувядающимъ вѣнцомъ, украсилъ. Для тѣхъ же, по причинѣ тяжкихъ ихъ злодѣяній, Провидѣніе уже здѣсь уготовляетъ начало ихъ наказанія и даетъ имъ предчувствовать то невыразимое и неизбѣжное бѣдствіе, которое ожидаетъ ихъ за гробомъ, а этимъ (праведнымъ) воздаетъ справедливую мзду за подвигъ и ввѣряетъ залогъ будущаго неизрѣченнаго воздаянія и столь вождѣленнаго вѣчнаго блаженства. Въ этомъ, какъ мнѣ думается, ты и не можешь не усмотрѣть яснаго и вѣрнаго доказательства несомнѣннаго и надъ всѣмъ бодрствующаго смотрѣнія дивнаго и пресстественнаго промысла Божія“ [1]).

Подобное порицаніе бросаетъ безвинный страдалецъ на осудившій его соборъ и его членовъ и въ короткомъ письмѣ къ митиленскому митрополиту Михаилу, который былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ его приверженцевъ и котораго нерушимую вѣрность онъ часто хвалилъ.—„Какъ Іудейскій синедріонъ, писалъ онъ къ нему, полный злобы на Христа, когда изгналъ учениковъ Господа изъ синагоги, только тѣснѣе связалъ ихъ съ Господомъ и Учителемъ, а себя самого вполнѣ отлучилъ отъ участія въ святыхъ таинствахъ и и въ царствіи небесномъ: такъ и теперь подражатели Іудеевъ, извергшіе послѣдователей апостоловъ изъ церквей, только тѣмъ болѣе сблизили и соединили съ тѣми святыми мужами, очевидцами Божіяго Слова,—ибо общеніе въ страданіяхъ дѣйствуетъ къ укрѣпленію союза въ вѣрѣ и въ жизни; самихъ же себя, самымъ жалкимъ и достоплачевнымъ образомъ, отторгли отъ ученія апостоловъ и отъ нашего правовѣрія, и, отвергши имя, устройство, равно и жизнь христіанъ, въ ненависти ко Христу и убіеніи Господа, вполнѣ себя уравняли съ Іудеями, которымъ возревновали“ [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что Фотій составленный противу него соборъ признавалъ не только незаконнымъ, но и нечестивымъ, и остался неизмѣнно вѣрнымъ своему убѣжденію въ своей правотѣ и непогрѣшимости своихъ вѣрованій и дѣяній. А какъ смотрѣлъ онъ на анаѳему, которую вергнулъ на него злобствовавшій соборъ, то можемъ мы видѣть изъ двухъ его писемъ, изъ которыхъ одно писалъ къ какому то діакону по имени Григорію, а другое къ Клавдіопольскому митрополиту Игнатію. „Давно, пишетъ онъ въ первомъ, еретическій соборъ и все сонмище иконоборцевъ предали насъ анаѳемѣ, да и не насъ однихъ, а и нашего родителя и нашего дядю (патріарха Тарасія), исповѣдника Христова и славу епископовъ. Но анаѳематствуя насъ,—вопреки нашей волѣ и ожиданія, возвели насъ на епископскій престолъ. По этому, пускай равнымъ

[1]) Тамъ же.

[1]) Phot. Epist. 116 p. 157. Baron. an. 870. n. 53. Migne L. II. Ep. 18.

образомъ проклинаютъ насъ тѣ, которые, подобно первымъ, пренебрегаютъ заповѣди Господнія и которые открываютъ свободную и широкую дверь всякой неправдѣ, дабы мы, при нашемъ коснѣніи и дремотѣ, ихъ воздѣйствіемъ пренесены были отъ земли на небо. Какъ первая брошенная на насъ анаѳема возвысила насъ до патріаршества, такъ и эта послѣдняя, надѣемся, вознесетъ насъ тѣмъ выше и приведетъ къ вѣчно блаженной жизни[1]).

Во второмъ письмѣ къ митрополиту пишетъ: „Когда-то анаѳема была страшна и стоила того, чтобы ея избѣгать, именно, когда она была еще произносима проповѣдниками истинной вѣры на злочестивыхъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ наглая и безумная дерзновенность беззаконниковъ, въ противность всѣмъ божественнымъ и человѣческимъ законамъ и вопреки всякому разумному основанію, какъ то наблюдается самими язычниками и варварами, осмѣлилась метать свою анаѳему на поборниковъ правовѣрія,—съ тѣхъ поръ, какъ они варварское неистовство считаютъ церковною законностію, съ тѣхъ поръ эта, столь грозная и страшная кара, обратилась въ басню и дѣтскую игрушку (εἰς μῦθοις καὶ παίγνια μεταπέπτωκε). Этого мало: такая анаѳема для религіозно-расположенныхъ людей сдѣлалась даже чѣмъ-то желательнымъ. Ибо если, на все готовая, дерзость враговъ истины изрекаетъ карательный приговоръ, то, вѣдь, не это дѣлаетъ страшными наказанія, въ особенности церковныя, а дѣйствительная виновность тѣхъ, которые присуждаются къ нимъ; при отсутствіи же виновности, наказанія дѣлаются даже смѣшными и не имѣющими значенія и обращаются въ позоръ опредѣлившимъ ихъ, а тѣмъ, на которыхъ пали они, служатъ только къ большему ихъ прославленію. По этому каждый во святыхъ и праведныхъ тысячу разъ скорѣе согласится быть порганъ и отлученъ со стороны такихъ отвергшихся Христа, нежели быть причастну ихъ неправдамъ, имѣть общеніе съ ними при ихъ похвалѣ и одобреніи, въ ихъ богопротивныхъ и христоненавистныхъ позорныхъ дѣлахъ [1]).

Какъ Фотій поддерживалъ и утѣшалъ въ изгнаніи пребывшихъ ему вѣрными епископовъ, можемъ видѣть изъ слѣдующаго письма, по своему глубокоблагочестивому тону, заслужившаго одобреніе и отъ самихъ католическихъ писателей: „Гоненіе жестоко, но и блаженство у Господа сладостно,—тяжко изгнаніе, но и радости полно царство небесное. *Блажени изгнаніи правды ради, яко тѣхъ єсть царство небесное* (Матѳ. V, 10). Многи скорби и превосходящи всякую мѣру; но будущее блаженство и радость могутъ не только облегчить, но и превратить ихъ, для устрояющихъ свою жизнь въ чаяніи вышняго блага, въ основаніе для утѣшенія и бодрости. Будемъ же держаться подвиговъ, да достигнемъ мзды за подвиги, такъ чтобы съ апостоломъ Павломъ могли мы сказать: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ, прочее соблюдается ми вѣнецъ правды* (2 Тим. IV, 7, 8). Что можетъ быть сладостнѣе или пріятнѣе этихъ словъ торжества? Что сильнѣе и дѣйственнѣе можетъ посрамить общаго врага человѣчества? „Поприще кончилъ, вѣру соблюлъ и теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды“. О высокое слово, утѣшающее всѣ бури страданій, исполняющее душу духовной радости, приводящее гонителей въ изумленіе и замѣшательство, гонимымъ дающее вѣнецъ, немощныхъ укрѣпляющее, поверженныхъ возставляющее и возвышающее. Достигну я блаженства, если мои дѣла будутъ въ согласіи съ моими словами,—купно съ вами, мои достойные сподвижники, молитвами нашей преблагословенной владычицы Богородицы со всѣми святыми. Аминь“ [2]).

---

[1]) Phot. Epist. 113, Gregorio diacono et chartulario pag. 155—сл. Migne lib. II, Ep. 61.

[1]) Phot. Ep. 115 pag. 156 и сл. Migne lib. II Ep. 17.

[2]) Phot. Ep. 186 pag. 266 и сл. Ἀπὸ τῆς ὑπερορίας τοῖς συυδεδιωχμευοις επισκόποις. Ο διωχμὸς κ. τ. λ. Migne l. I ep. 15.

Въ подобномъ ободрительномъ смыслѣ писалъ Фотій и другимъ епископамъ. Приводимъ въ извлеченіи одно изъ такихъ писемъ, замѣчательное тоже по высокохристіанскому духу, писанное епископу Лаодикійскому Ѳеодору. „Я знаю, пишетъ онъ, что многіе изъ вѣрующихъ ищутъ случая проявить великость своей добродѣтели и что они блаженными считаютъ мучениковъ, которымъ жестокость тирановъ доставила вѣчный памятникъ ихъ подвижническаго величія. Теперь такій случай уготованъ, даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ того могъ-бы пожелать самый ревностный подвижникъ. Но я питаю увѣренность, что тотъ, который возстаетъ противу твоего твердаго великодушнаго настроенія, испытаетъ на вѣки памятный позоръ,—крайній и величайшій позоръ отъ своего слабодушія, равно и отъ своего безстыдства, и, отринутый твоею твердостію, оставитъ всякое дальнѣйшее покушеніе, такъ что ты однимъ подвигомъ получаешь два великолѣпныхъ трофея: съ одной стороны, возвеличиваешься какъ побѣдитель, а съ другой, мощной твоей борьбой и терпѣніемъ облегчаешь братіямъ чрезмѣрность ихъ страданій и многочисленныхъ бѣдъ [1]).

Такъ, бодро и не поступно стоявшій, изгнанникъ укрѣплялъ своихъ сторонниковъ въ вѣрности къ нему. Посмотримъ, какъ онъ трактовалъ своихъ измѣнниковъ. Когда тотъ самый Ѳеодоръ, къ которому онъ писалъ одно изъ предъидущихъ писемъ и котораго утверждалъ въ преданности себѣ, наконецъ-таки измѣнилъ ему, то онъ излилъ на него весь справедливый гнѣвъ свой, укорялъ его въ безсовѣстномъ вѣроотступничествѣ и осыпалъ его тысячами многосторонніхъ упрековъ. Когда же и преемникъ этого Ѳеодора, Павелъ, бывшій весьма близкимъ и преданнымъ Фотію, тоже подвергся искушенію и близокъ былъ измѣнить ему и, мало сего, готовъ былъ и другихъ склонять къ тому же,—тогда Фотій писалъ къ нему: „Перебѣжщики (οἱ δράπετα), которые пытаются склонять другихъ къ порицанію этого дѣла, къ переходу вмѣстѣ съ ними въ другій лагерь, не только не могутъ быть оправдываемы ни отъ чего въ предъявляемомъ на нихъ обвиненіи, напротивъ, оказываются вдвойнѣ и даже болѣе виновными. Ибо участіе другихъ въ преступленіи для зачинщика не можетъ дать никакой безвинности, а напротивъ подражаніе ему отъ другихъ, вслѣдствіе поощренія, есть только безпредѣльное увеличеніе начальной неправды. Такій—виновенъ въ побѣгѣ отъ знамени, есть бѣглый, вожакъ бѣглецовъ, соблазнитель другихъ и, что всего тягчае, даже тѣхъ, для которыхъ подобный образъ дѣйствій прежде чѣмъ они стали рабами былъ тяжкимъ преступленіемъ, отъ котораго они клятвенно отрекались. Смотри же, или, скорѣе, смотрите (ибо я придаю тебѣ въ товарищи по твоей затеѣ твоего дѣйствительнаго ученика по замысламъ о предательствѣ), что ты мнѣ можешь сказать, когда прійдется тебѣ давать мнѣ отчетъ въ томъ. А теперь будь здоровъ и не питай никакой мысли о побѣгѣ да и другихъ не склоняй къ побѣгу, а то неизбѣжный и страшный судъ не разрѣшится для тебя одной угрозой [1]).

Были и монахи, которые не хотѣли остаться вѣрными до конца славному изгнаннику, и потому получили отъ него достойныя вразумленія и укоризны. Такъ, пустыннику Саввѣ, которому Фотій посылалъ разрѣшенія многихъ богословскихъ вопросовъ, выставляетъ себя исполненнымъ стыда и скорби, не потому, что онъ проигралъ предъ нимъ всѣ кости, но потому, что онъ Савва, казался принадлежавшимъ къ числу его друзей. А что онъ, прежде такъ косный во всѣхъ своихъ движеніяхъ, такъ скоро и горячо поднялся противу него, это надобно объяснять тѣмъ, что разъ кто оставилъ естественный и разумный путь, у того тотчасъ и всѣ дѣянія и чувства принимаютъ тревожный, не естественный и безразсудный характеръ. Сицилійскій монахъ Митрофанъ, во-

[1]) Phot. Ep. 140 pag. 198 и сл. Theodoro Laodic. Migne lib. II ep. 20.

[1]) Phot. epistola 22 pag. 332 Migne lib. II ep. 40.

стовавшій нѣкогда противу папы Николая и за то почтенный отъ Фотія титуломъ „подвижника гонимаго за Христа“, когда уличился въ уклоненіи на папскую сторону, пораженъ былъ укоризной въ вѣроотступленіи, которая можетъ быть заглаждена только строгимъ покаяніемъ, и которую, однако, подъ конецъ письма, считаетъ не устранимою. А отпаденіе другого монаха, по имени Павла, негодующій защитникъ своего дѣла приравнилъ къ отреченію Петра, невѣрію Ѳомы, предательству Іуды, и требовалъ, чтобы онъ раскаялся въ поступкѣ, болѣе вредномъ для его спасенія, чѣмъ для него, Фотія.

Такъ преогорченный заступникъ православія бичевалъ слабодушіе, измѣнявшее ему и его правому дѣлу.

Но, въ особенности, благочестивая ревность и справедливый гнѣвъ Фотія воспламенились, когда онъ узналъ, что кто-то изъ важныхъ и вліятельныхъ лицъ, котораго не хочетъ или опасается назвать по имени, распространяетъ слухъ, что онъ, Фотій, наконецъ, покоряется собору и готовъ примириться,—что, естественно, встревожило его многочисленныхъ приверженцевъ, такъ охотно и терпѣливо раздѣлявшихъ съ нимъ чашу страданій. Тогда онъ написалъ, или точнѣе надиктовалъ ко всѣмъ преданнымъ ему епископамъ пространное, за нѣсколько пріемовъ начертанное, окружное посланіе, въ которомъ со всею рѣзкостію опровергаетъ взведенную на него клевету, какъ совершенно противную его убѣжденіямъ, и отрицаетъ всякую возможность, съ его стороны, какого либо компромисса съ папствомъ и, вообще, съ противной стороной. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этого замѣчательнаго и достойнаго вѣчнаго памятованія и всеобщаго оглашенія посланія.

„Дивлюсь я, пишетъ Фотій, какъ тотъ, котораго я имѣю въ мысли, такъ скоро забылъ мою натуру (не хочу въ моемъ опроверженіи назвать его по имени, опасаясь, какъ бы онъ сильнѣе и дерзостнѣе не напалъ на меня:—я хорошо знаю, что многіе, безъ указанія на личность высказаннымъ порицаніемъ, легче возвращаются на путь правый, чѣмъ когда доходятъ къ нимъ убѣжденія, съ именемъ пущенныя)—какимъ это образомъ „оный кто-то“ такъ скоро меня потерялъ изъ памяти, что обвиняетъ меня въ такой большой глупости и въ такомъ пренебреженіи божественныхъ законовъ! Что за причина, что онъ такъ возсталъ противу моего убожества? Или, скорѣе, кто двинулъ его на такую необыкновенную высоту, что, когда я ничего не говорю, онъ, однако, слышитъ, и тогда, какъ я ни разу не приходилъ къ подобной мысли, онъ съ высоты собственной фантазіи, какъ съ какой-нибудь башни, проникаетъ въ сердца, проникаетъ въ нихъ и видитъ тамъ то, что не сознавалъ за собой и самъ наблюдаемый? Ему вообразилось, что онъ можетъ знать лучше внутреннее человѣковъ, чѣмъ духъ живущій въ нихъ, хотя и апостолъ Павелъ, конечно не ожидавшій, чтобы явились еще такіе люди, отнюдь не усвоялъ постороннимъ такого знанія (слич. 1 Кор. II, 11).

На какомъ основаніи обвиняюсь я въ такой большой глупости, въ такой измѣнѣ всей церкви и пренебреженіи существующихъ законовъ? Что сдѣлалъ я такого, что измыслилъ, что обнаружилъ я передъ кѣмъ-либо что-нибудь подобное? Пускай „тотъ кто-то“ не думаетъ и не разсуждаетъ себѣ, что-де такъ какъ онъ свою хулу на меня не ясно выразилъ въ своихъ словахъ, то предподнесъ мнѣ нѣчто лучшее противу тѣхъ, которые громко изрыгаютъ на меня порицанія. Вѣдь не слова даютъ вѣсъ мыслямъ, но горечь мысли дѣлаетъ слова жесткими и трудно переносимыми [1]). А если выраженія находятся въ согласіи съ мыслями и горечь мыслей отвѣтствуетъ рѣзкости выраженій, то какую дѣлаетъ разницу, прямыми-ли кто словами выражаетъ свою мысль, или даетъ тоже разумѣть равнозначищими?

---

[1]) Οὐ γὰρ αἱ λέξεις βαρύνουσι τὰς ἐννοίας, τὰς δὲ λέξεις τραχεῖς καὶ δυσφόρους τὸ πικρὸν τῆς διανοίας ἐργάζεται.

Но если онъ „кто-то“, въ виду бури страданій, надъ мной разразившейся, и производимаго на меня со всѣхъ сторонъ давленія отъ окружающихъ меня непріятностей, счелъ меня впавшимъ въ сумашествіе, то этимъ онъ придумалъ-бы нѣчто такое, что можетъ случиться съ человѣкомъ (и только это одно можетъ быть допущено къ извиненію его), такъ какъ чрезмѣрность страданій и оскорбленій въ страждущемъ можетъ произвести смущеніе и паденіе духа. Очень возможно, что онъ въ своемъ мнѣніи хотѣлъ дать большую власть надо мною сатанѣ, чѣмъ какую имѣлъ онъ нѣкогда надъ Іовомъ, ибо надъ душею Іова онъ не имѣлъ никакой власти (Іов. II, 6), а относительно меня этотъ „кто-то“ предоставилъ ему полную власть и надъ моей душею. Что такое мнѣніе онъ о мнѣ возъимѣлъ и вполнѣ его усвоилъ, ясно доказываетъ это тѣмъ, что, кромѣ преступности противу закона, онъ приписываетъ мнѣ полное сумашествіе. Но пускай бы онъ былъ къ такому подозрѣнію (въ сумашествіи) увлеченъ по недомыслію, а то онъ въ этомъ находитъ еще болѣе удобный поводъ къ другимъ укорамъ. Молчу-же о какомъ-нибудь искусственномъ и краснорѣчивомъ оправдавіи меня; но не смѣлъ онъ строить мнѣ еще ковы и отягощать мои страданія прибавленіемъ новыхъ, исшедшихъ отъ него, порицаній, а напротивъ, долженъ-бы былъ какимъ-нибудь утѣшеніемъ и успокоивающею рѣчью смягчить мои страданія и по возможности изыскать какой-нибудь пріемъ утѣшительнаго привѣта. Огорчить же, надругаться, упрекать въ неудачѣ — это ужъ дѣло такого человѣка, который находитъ удовольствіе въ несчастіи ближняго, а не такого, который соболѣзнуетъ и сострадетъ,—не такого, который какъ другъ поступаетъ, а такого, который держитъ себя какъ врагъ и наровнѣ со врагами обижаетъ другихъ.

За симъ, Фотій изображаетъ самыми яркими красками свои страданія; но мы не воспроизводимъ этого описанія, такъ какъ мы имѣли уже случай, предъ симъ, въ своемъ мѣстѣ сообщить достаточныя свѣдѣнія о лишеніяхъ и страданіяхъ мученика правовѣрія.

Затѣмъ, Фотій продолжаетъ: „что это и еще многое другое сатана, — или иной кто, право сказать не умѣю — на меня измыслилъ, и я отъ того долженъ тяжко страдать, этого я не отрицаю; но что это столь великое оскорбленіе меня лишило разума и сдѣлало презрителемъ божественной заповѣди и измѣнникомъ общественному дѣлу, то это такая клевета, которая оскорбительнѣе и тягчае, чѣмъ все, что открытые враги могли бы на меня сказать. А если этотъ „кто-то“ при этихъ словахъ краснѣетъ, отрицаетъ ихъ и говоритъ, что онъ никогда ничего подобнаго не говорилъ и даже не думалъ—ибо грѣхъ, какъ скоро справедливымъ обличеніемъ разоблачается и обнаруживается, то становится отвратительнѣе, чѣмъ какимъ казался прежде, такъ что виновникомъ его не признается болѣе за собственное его рожденіе, разсматривается какъ не законный плодъ и гнусный уродъ, въ особенности, если совѣсть тѣмъ жаломъ, которое премудрый Создатель вложилъ въ природу человѣческую, возбуждается къ сознанію того, что слѣдовалобы дѣлать,—если, говорю я, вслѣдствіе сего, хочетъ утверждать, что ему не только ничего подобнаго не приходило въ голову, но что напротивъ онъ разражался страшными проклятіями и выраженіями отвращенія противу тѣхъ, которые отваживались на то, то спросите его (обращеніе къ епископамъ) подружески, чѣмъ такая рѣчь его рознится отъ утвержденія, что я стою на сторонѣ враговъ и не дѣлаю различія между друзьями и непріятелями: ибо все выходитъ на то, что къ лику страждущихъ причисляютъ какъ насъ, такъ и тѣхъ, которые ратуютъ противу насъ и, вмѣстѣ съ нами, противу Христа,—тѣхъ, которые уничижили кровь Христову, которые, не говоря уже о другомъ, посрамили алтари Господни, презрѣли и поругали святое помазаніе, или, скорѣе, Духа Святаго, отъ Котораго оно исходитъ. Спросите его, прошу васъ, какъ различается одно отъ другаго. Не большимъ только избыткомъ

злорѣчія? Если онъ можетъ доказать, что одно (сказанное имъ) малозначительнѣе и легче, чѣмъ другое (мое толкованіе его словъ), тогда извольте, думайте серьезно, что я говорю безсмыслицу, а его возвеличьте на всѣ лады. Однако-жъ, если-бы онъ могъ доказать, что его отзывы не много разнятся отъ восхваленій, то не отталкивайте его отъ себя. Если же онъ не доказываетъ того, какъ и дѣйствительно не можетъ доказать, то принудьте его энергически къ молчанію, а мое тяжелое положеніе взвѣсьте и примите во вниманіе, что я долженъ терпѣть и отъ козней враговъ, и отъ измѣнъ и укоровъ со стороны друзей.

Какимъ образомъ тотъ, кто такъ говоритъ или думаетъ, какъ меня заставляетъ говорить и думать тотъ мой добрый пріятель,—какимъ образомъ не долженъ быть такой, въ высочайшей степени, сумашедшимъ, являться предателемъ всей церкви, презрителемъ и нарушителемъ преданій отеческихъ, виновнымъ и въ другихъ несчетныхъ беззаконіяхъ—лжи, обманѣ, безбожныхъ и антихристіанскихъ мысляхъ, внутреннемъ разладѣ и всѣхъ возможныхъ, заключающихся въ томъ, безпорядкахъ? Не подходящими ли и живыми красками представилъ мой образъ тотъ отличный живописецъ, который увѣряетъ, что онъ ничего дурнаго обо мнѣ не говорилъ? Если это происходитъ отъ простоты, то мы должны послѣдовать слову Господню: будите мудры яко змія, и цѣли яко голубіе (Матѳ. X, 16); если же это было отъ злой воли, то мы должны предподнести ему другія слова Господа: аще не обратитеся и не будете яко дѣти, не внидите въ царствіе небесное(Матѳ. XVIII, 3),—въ особенности, когда мы еще при этомъ знаемъ, какое наказаніе ожидаетъ того, кто соблазняетъ единаго отъ малыхъ своихъ братьевъ (тамъ же ст. 6 и сл.). А если соблазняющій одного не минуемо наказуется, то потрясающему и испровергающему всю церковь даю я помыслить, въ какомъ ужасномъ грѣхѣ онъ дѣлаетъ себя виновнымъ. Помощію и охраненіемъ Спасителя да не прійдется мнѣ отяготить себя подобнымъ грѣхомъ!“

Въ такомъ же тонѣ огорченный страдалецъ продолжаетъ бичевать и далѣе легкомысленнаго, не оглашаемаго имъ клеветника, покуда наконецъ не спускаетъ своихъ укоровъ до болѣе мягкаго тона. Тутъ онъ обидчика своего называетъ другомъ и братомъ, высказывая надежду, что онъ еще исправится, — изливается въ тихихъ жалобахъ, старается привести къ умиленію сердца, и сторонниковъ своихъ утвердить въ неизмѣнной привязанности къ себѣ. „*Аще соль обулетъ*“, говоритъ Господь, *чимъ осолится?* (Матѳ. V, 13). Если средоточіе моихъ друзей, моихъ братьевъ, моихъ чадъ, моихъ членовъ, которыхъ я разсматриваю какъ собственные и которые дороже мнѣ всѣхъ,—тѣхъ, ради которыхъ я предпочитаю пребываніе во плоти соединенію со Христомъ (Филипп. I, 23, 24), ради которыхъ я подвергаюсь побоямъ и оскорбленіямъ и хлѣбъ мой съ плачемъ разстворяю,—если средоточіе ихъ таково, то чего мнѣ ждать отъ другихъ? Впрочемъ, не всѣ имѣютъ терпѣніе и твердость, а между тѣмъ только претерпѣвый до конца спасенъ будетъ (Марка XIII, 13). Такъ на одиночество и оставленность приходилось жаловаться и Давиду (Псал. XXXVII, 11—13). Павелъ апостолъ испытывалъ ихъ (2 Тим. IV, 11, 16), даже и самъ Господь (Матѳ. XXVI, 56). Послѣ такихъ примѣровъ можетъ-ли удивляться убогій, всѣхъ средствъ лишенный человѣкъ, если „кому-то“, захотѣлось оставить его? Но когда-бы это было только! А то оставляютъ они не меня только, но, по поводу отпаденія отъ меня, они отпадаютъ отъ истины, отъ правовѣрнаго ученія церкви, за которое они до сихъ поръ готовы были претерпѣть все возможное. Вотъ это-то болѣе всего и возмущаетъ мое сердце и меня сокрушаетъ, именно,—видѣть члены, принадлежавшіе къ нашему тѣлу, къ нашей плоти и крови, отдѣленными отъ Христа, Главы, и такимъ образомъ обреченными на погибель. Но и это зло, хотя само по себѣ невыносимое, еще можно-бы было выносить въ виду приведенныхъ примѣровъ; но какъ можно переносить, хотя мы и очень привыкли

къ терпѣнію, то, когда и причина оставленности лукаво приписывается мнѣ же, для чего, однако, не могли привести до сихъ поръ никакого доказательства".

Съ скорбію и сожалѣніемъ вспоминаетъ Фотій о доказательствахъ любви и привязанности, какія предъявлялъ онъ, Фотій, своему неразумному другу, и какія отъ него получалъ онъ взаимно; но, послѣ краткаго перерыва, опять принимаетъ строго обличительный тонъ и выставляетъ, какъ отпадшій другъ его стоялъ прежде высоко и почтенно, и какъ жалко теперешнее неразумное его положеніе. Затѣмъ въ торжественномъ тонѣ изображаетъ онъ побѣду своего дѣла надъ непріязнію и говоритъ, какимъ образомъ сатана съумѣлъ недостойныхъ, уже прежде лишенныхъ духовной чести, изъ общества церковнаго изринутыхъ, настоящее отребіе и прахъ христіанскаго общества, дерзскія и притязательныя личности привлечь для осуществленія своихъ злонамѣренныхъ плановъ и чрезъ нихъ предположилъ одолѣть и разорить всю церковь, но за то и какимъ образомъ Богъ, единъ творяй чудеса, утѣшаяй и укрѣпляяй призывающихъ его въ скорбяхъ, всѣ его умыслы разстроилъ и ему уготовилъ величайшее посрамленіе и тягчайшее пораженіе въ виду того, что всѣ вѣрные сыны церкви стойко напасть выдержали, всѣ его козни и искушенія препобѣдили, а при томъ съ такимъ дружнымъ и рѣшительнымъ единодушіемъ и съ такимъ успѣхомъ, что многіе изъ ихъ противниковъ къ нимъ примкнули. Съ удовольствіемъ останавливается онъ на похвалѣ своихъ сподвижниковъ, которые въ большомъ числѣ присутствовали при этомъ радующемъ зрѣлищѣ и находитъ въ томъ великое утѣшеніе для своихъ страданій. Онъ благодаритъ промыслъ, что Господь Богъ не допустилъ исполниться тому, что измыслилъ на него его неразумный пошатнувшійся другъ, и умоляетъ его теперь со всею нѣжностію не питать болѣе неблагопріятныхъ о немъ мыслей, если только дорога для него сколько нибудь жизнь его духовнаго отца,—проситъ конецъ согласовать съ началомъ и не дать похитить у себя пальмы побѣды; епископовъ же своей стороны проситъ утверждать такого поколебавшагося своими убѣжденіями и бесѣдами, чтобы онъ не увлекался болѣе внушеніями, ведущими къ отпаденію, а возвратился-бы къ прежнему благоразумному своему положенію. Въ заключеніе, на основаніи многихъ текстовъ (Филип. II, 1—3); I, 27—30; I Іоан. II, 27—28) убѣждаетъ ихъ къ любви и согласію, къ постоянству и довѣрію, въ чаяніи той мзды, какая гонимымъ здѣ уготована на небѣ [1]).

Съ такою-то силою нашъ герой православія возсталъ противъ одного изъ своихъ сторонниковъ, котораго не именуетъ, поколебавшагося-было въ своемъ довѣріи и преданности къ нему, и такъ внушительно, вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельствовалъ предъ епископами, къ которымъ направлено было посланіе, свою непреклонность въ антипапскихъ убѣжденіяхъ, укрѣпляя и ихъ въ единомысліи съ собою. Это посланіе, по его обширности и силѣ, имѣетъ особенное значеніе и въ глазахъ католиковъ, слышащихъ въ немъ рѣзское обличеніе своего не правовѣрія [2]).

VI. ПОСТЕПЕНОЕ ВОЗВРАЩЕНІЕ ФОТІЯ НА ПАТРІАРШЕСТВО.

Представленныя нами посланія Фотія, хотя писанныя только къ лицамъ, принадлежавшимъ къ его, впрочемъ, весьма широкому кругу знакомства, не могли не распространяться въ об-

[1]) Phot. Epist. 174. pag. 245—261. Baron. an 871, 27—46. Migne lib. I ep. 11. — Сл. Hergenr. Photius t. II pag. 197—207.

[2]) Выписываемъ мѣсто изъ Баронія, выражающее католическій взглядъ на это, къ поддержкѣ православія направленное, посланіе Фотія: Rursum vero versu-

ществѣ и не напоминать о немъ, какъ неповинномъ страдальцѣ, доходя иногда и до высокопоставленныхъ лицъ, могшихъ вліять на судьбу недостойно униженнаго. Но особенное дѣйствіе на умы общества, болѣе же всего низшаго класса, должно было произвести двукратное землетрясеніе, имѣвшее мѣсто въ Константинополѣ во время собора противу Фотія. Именно, 9 января 869 года, того года, въ которомъ происходилъ этотъ соборъ, имѣвшій свое первое засѣданіе 5 октября, — послѣдовалъ, какъ-бы въ предостереженіе заблуждавшихся и на неправедный путь вступавшихъ умовъ, — послѣдовалъ такой страшный подземный ударъ, что всѣ жители столицы пришли въ ужасъ. Многіе церкви и дома, и большая часть портиковъ были разрушены; самая церковь Софіи подверглась опасности, и только особенными заботами императора была спасена отъ разрушенія. Въ октябрѣ, именно въ томъ мѣсяцѣ, въ которомъ, 29-го числа, Фотій, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ нашего сочиненія, позванъ былъ для рѣшительнаго отвѣта,—вновь повторился прежній страшный ударъ. Опять попадало много церквей и дворцевъ; свинцовая съ патріаршаго жилища крыша обрушилась внизъ, на ипподромѣ мѣдный кранъ съ высоты четырехъ-сторонняго монолита свалился. Представляемъ благочестивому чувству читателя рѣшить, было-ли это совпаденіе просто дѣломъ случая, или проявленіемъ гнѣва небеснаго. Мы, покрайней мѣрѣ, склонны думать, что небо не могло быть невнимательно къ творившемуся на землѣ важному по послѣдствіямъ дѣлу, исходомъ котораго долженствовало выйти раздѣленіе царства Христова на двѣ враждебныя половины и извращеніе заповѣданной вѣры, при чемъ вполнѣ слѣдовало увлекавшимся страстями судіямъ дать предостерегательный голосъ. Въ прежнее время, когда Греки были свободны отъ вліянія чуждыхъ стремленій, въ подобныхъ случаяхъ, поступали иначе. Такъ, когда Іоаннъ Златоустъ, вслѣдствіе гнѣва на него императрицы Евдоксіи, осужденъ былъ на изгнаніе, и когда, вслѣдъ за его выѣздомъ, открылось въ Константинополѣ землетрясеніе, то устрашенная тѣмъ императрица, увидѣвъ въ томъ гнѣвъ Божій за неправедный поступокъ съ святителемъ, немедленно обратилась къ императору, съ ходатайствомъ о возвращеніи его, что́ и было исполнено. Но въ разсматриваемомъ нами случаѣ такому раскаянію не могло быть мѣста. Озлобленные римскіе легаты, заправлявшіе соборомъ и прибывшіе на оный, по приказанію папы, съ рѣшительною цѣлью осудить и уничтожить Фотія, конечно, не могли дать направиться мысли членовъ собора къ какому-нибудь свыше посылаемому, ко вразумленію, знаменію [1]). Потомъ, какъ на

---

tissimus homo, ne in tanto rerum suarum naufragio aliquis ex suis, quos sibi tanto labore conjunxerat, a se desciscens ad adversarios se transferret, encyclicam ad omnes Episcopos suos scripsit, in qua miro artificio, dum unum labantem firmiter statuendum proponit, omnibus, ne fluctuent, opportunum medicamentum apponit, et dum unum severe corripit vacillantem, sollicitos reliquos reddit, ne vel leviter nutent... Juvenies ista artificio miro contexta, si cuncta exacte perlegeris, miraberisque hominem ad fallendum aptissime prae ceteris comparatum. Dictio duriuscula, quae videatur interdum esse concissa non vitio codicis, sed animi depravati affectantis eam orationem, quae solet progredi ab homine ingenti cordis dolore mirum in modum exulcerato.— Baron an 870. num. 26.

[1]) Замѣчательно, какъ римскіе писатели, въ иныхъ случаяхъ даже суевѣрные, когда какое нибудь физическое явленіе можно истолковать въ пользу папства, — въ настоящемъ случаѣ спѣшатъ и стараются объяснить, имѣвшее мѣсто во время собора противу Фотія, землетрясеніе естественнымъ образомъ, боясь, что-бы какъ нибудь не было оно принято въ смыслѣ благоволительнаго вниманія свыше къ подвергавшемуся суду патріарху. Они приписываютъ его береговому мѣстоположенію Константинополя, каковыя-де мѣстности, обыкновенно, подвергаются такимъ потрясеніямъ,—какъ будто-бы для города таковыя явленія были заурядныя и привычныя, такъ что на жителей не производили особенно тяжелаго впечатлѣнія. Iager hist. de Photius p. 244. Gergenr. Photius t. II. pag. 209. А ненавистникъ Фотія и благопріятель Игнатія Никита Пафл. приписываетъ землетрясеніе гнѣву Божію

это явленіе смотрѣлъ самъ Фотій, мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ двухъ его писемъ, писанныхъ къ діакону и хартулярію Григорію и представляемыхъ нами здѣсь въ извлеченіи. Въ первомъ благодаритъ онъ Бога, что онъ не былъ въ это время въ качествѣ патріарха въ городѣ и не имѣлъ необходимости видѣть постигшее его бѣдствіе, которое онъ изображаетъ въ самомъ ужасномъ видѣ, какого не было со времени основанія его Константиномъ. Теперь, продолжаетъ онъ, приходится ему заботиться только о своихъ личныхъ дѣлахъ, и ими ограничивать все свое вниманіе. Если-бы онъ былъ патріархомъ въ городѣ, который теперь болѣе походитъ на могилу чѣмъ на городъ, то пришлось-бы ему трепетать *изъ — зачужихъ грѣховъ* и испытывать совмѣстное страданіе и сильнѣйшую скорбь въ виду ихъ страданій, а при этомъ еще бояться, что-бы, вслѣдствіе прикосновенности къ ихъ грѣхамъ по званію пастыря и наставника, не подвергнуться подобному же наказанію. Отъ всего этого, какъ обыкновенно думаютъ, злый умыслъ людей, а собственно говоря, милость и любовь божественныя меня избавили. Вообще, въ этомъ письмѣ Фотій проводитъ ту мысль, что кара послѣдовала свыше за грѣхи людскія, отнюдь не отваживаясь прямо высказать, что бѣда обрушилась на городъ за несправедливость, ему въ немъ оказанную. Но Ѳеодоръ діаконъ, которому было писано то письмо, вѣроятно, желая угодить или утѣшить изгнанника, въ отвѣтѣ своемъ на письмо, приписывалъ бѣдствіе гнѣву Небесъ за причиненное ему тяжкое оскорбленіе. Во второмъ письмѣ къ нему Фотій прямо отвергаетъ эту льстивую мысль и пишетъ: „я лично, съ своей стороны, не дерзнулъ-бы сказать, что городъ за учиненныя противу меня неправды сдѣлался обширнымъ кладбищемъ, убѣждаю и тебя такъ не думать. Ибо кто я такой, — хотя и несказанное зло потерпѣлъ, что бы могъ вызвать такое грозное проявленіе гнѣва Божія? Я и безъ того, въ силу общаго закона природы и сочувствія, страдаю еще болѣе чрезъ то, что городъ терпитъ, чѣмъ чрезъ то, что мнѣ злаго сго обитатели сдѣлали. Если же они страждутъ за то, что по всей имперіи лишили церкви ихъ благолѣпія, самовольно презрѣли таинства христіанскія,— епископовъ священнослужителей Божіихъ удалили съ ихъ каѳедръ и изъ ихъ церквей совсякою хитростію и со всякимъ насиліемъ и, при господствѣ христіанства, допустили совершить дѣла и безобразія языческія, достопочтенныя чиноположенія и таинства религіи предали совершенному забвенію или, вѣрнѣе, полному уничтоженію, если, говорю, за всѣ эти злодѣянія должны были обрѣсти праведное наказаніе: то я, конечно, противу этого сказать ничего не могу, развѣ бы вышній судъ открылъ въ нихъ еще большія, совершенныя ими, злодѣянія“ [1]).

Вотъ такъ—то благочестивый Фотій смотрѣлъ изъ своего заточенія на потрясшее всю столицу землетрясеніе; онъ видѣлъ въ немъ гнѣвъ и кару Божіи, но не за него лично, а за тѣ вредныя и оскорбительныя для церкви послѣдствія, какія произошли отъ его неправеднаго осужденія.

Надобно думать, что этимъ грознымъ физическимъ явленіемъ, имѣвшимъ мѣсто во время производившагося надъ Фотіемъ суда, низшій классъ столичнаго населенія, видѣвшій въ томъ явленіи знаменіе гнѣва небеснаго на беззаконность суда, былъ вполнѣ расположенъ въ пользу неповиннаго страдальца, жалѣлъ о его бѣдственномъ положеніи и желалъ скорѣйшаго возвращенія его въ столицу.

Что касается до высшей и придворной аристократіи, то нельзя отрицать, чтобы и въ ея

за то, что не слишкомъ строго поступлено было съ Фотіемъ на судѣ. Οὐκ εἰκῇ δὲ ταῦτα παρηκολούθηκε τὰ σημεῖα, ἀλλὰ τῆς μελλούσης αὖθές ἀκαταστασίας καί ταραχῆς διὰ τοῦ ταραχοποίου δαίμονος ἐπί τῆς ἐκκλησίας ἐνίστατο τεκμήρια σαφῆ, ἅπερ ἴσως οὐκ ἄν σύνεπεσεν, εἰ... τὰ καὶ αὐτὸν (др. αὐτῶν) ἐκρίθη μετὰ τὸν αποστολικὸν θεσμόν. Nicet. p. 268.

[1]) Phot. epist. 174. p. 261 edit. Londini.

средѣ не было личностей, которыя, или по прежнимъ дружескимъ отношеніямъ, или, просто, изъ уваженія къ его таланту и знанію, сохранили, хотя втайнѣ, полную къ нему расположенность. По крайней мѣрѣ, Ваганъ, тотъ самый, который, по порученію императора, являлся на соборѣ главнымъ обвинителемъ Фотія, теперь въ изгнанническомъ и уничиженномъ его положеніи оказываетъ себя преданнѣйшимъ его другомъ. Фотій заболѣлъ въ своемъ стѣсненномъ заточеніи, и просилъ его прислать ему изъ столицы какого нибудь поискуснѣе доктора и, вообще, похлопотать объ облегченіи его положенія; Ваганъ отвѣчалъ ему, что ничего не можетъ сдѣлать въ его пользу, но тѣмъ не менѣе остается по прежнему тайнымъ его другомъ, по примѣру Іосифа Аримаѳейскаго. Вотъ какъ Фотій отвѣчалъ ему на его письмо: „Дѣйствительно, Іосифъ Аримаѳейскій былъ тайнымъ другомъ и ночнымъ ученикомъ Господа и Бога нашего; но онъ потомъ, сбросивъ оковы таинственности, показалъ болѣе пламенную привязанность къ своему учителю и большую смѣлость, нежели тѣ, которые любили Господа явно. Онъ снялъ съ древа тѣло Господне, пригвожденное нечестивцами, и служилъ ему, сколько могъ. Когда ты перестанешь бояться любить меня только ночью и содѣлаешься сыномъ свѣта и дня, тогда ты скажешь что нибудь достойное сравненія съ мужествомъ Іосифа. И хотя тебѣ не прійдется снимать тѣла съ древа, все же избавишь мою душу отъ безчисленныхъ искушеній, золъ, напастей и ежеминутно угрожающей смерти. Если же исполнить все это мѣшаетъ тебѣ мірская дружба, или привязанность твоя къ свѣту, то ты напрасно придумалъ прибѣгнуть къ Іосифу, и безъ дѣла приводишь его въ примѣръ“. [1]).

Конечно, и не одинъ Ваганъ былъ тайнымъ приверженцемъ достойнѣйшаго іерарха, а и многія другія изъ высокихъ, близкихъ къ императору лицъ, которыя подчасъ могли ему напомипать о бѣдномъ изгнанникѣ, бывшемъ нѣкогда другѣ самого императора, и бросить въ пользу недостойно уничиженнаго слово похвалы и примиренія. Отъ чего и могло произойти то умилостивительное письмо, съ которымъ Фотій, наконецъ, обратился къ императору, и которымъ надѣемся не обременить читателя, представляя его здѣсь вполнѣ, по примѣру другихъ жизнеписателей патріарха, какъ блистательный образецъ краснорѣчія, живопись его положенія и доказательство его высокаго и мощнаго духа.

„Внемли, всемилостивѣйшій государь, пишетъ онъ, я не стану говорить тебѣ ни о прежней нашей дружбѣ, ни о страшныхъ клятвахъ, ни о взаимныхъ обязательствахъ, ни о помазаніи твоемъ и царскомъ вѣнчаніи. Не стану напоминать тебѣ и о томъ, что ты изъ нашихъ рукъ принималъ пречистыя и страшныя Христовы тайны, ни о той связи, которая соединяетъ насъ чрезъ воспріемничество мое отъ купели твоего сына, подающаго прекрасныя надежды. Не стану, говорю я, напоминать тебѣ обо всемъ этомъ, но укажу тебѣ на правду, которая для всѣхъ должна быть одинакова. Язычники и варвары, если произносятъ надъ кѣмъ смертный приговоръ, лишаютъ того жизни. Кому же оставляютъ жизнь, того не допускаютъ умирать отъ голоду, или другихъ безчисленныхъ бѣдствій. Мы же живемъ жизнію, которая хуже смерти. Находясь въ заточеніи, мы лишены всего: родныхъ, друзей и всякаго общенія съ людьми. Когда божественный Павелъ находился въ узахъ, то ему не запрещалось пользоваться услужливостію близкихъ и знакомыхъ; скажу болѣе: когда вели его на смертную казнь, то самые язычники и ненавистники имени Христова изъявляли состраданіе къ нему. Прошедшее научаетъ насъ, что такое же обращеніе испытывали люди, извѣстные по своей злонамѣренности, а не первостепенные служители Божіи. Но мы лишены даже книгъ: новое и похвальное придумали на насъ истязаніе! Спрашивается, на какой конецъ? Вѣрно для того, чтобы мы не слышали и слова Божія. Да не разразится въ твое цар-

[1]) Phot. epist. p. 91 ed. Lond.

ствованіе зловѣщее предсказаніе: „Будетъ въ тѣ дни голодъ въ хлѣбѣ, и голодъ въ слушаніи слова Господня [1])“. Зачѣмъ, повторяю, отобрали у меня книги? Если я оскорбилъ кого, то тѣмъ скорѣе нужно оставить мнѣ книги, да еще приставить истолкователей, чтобы я могъ извлечь изъ чтенія большую пользу и вѣрнѣе убѣдился въ моемъ проступкѣ. Если я никого не обидѣлъ, то зачѣмъ же обижаютъ меня? Ни одинъ вѣрующій не испытывалъ ничего подобнаго отъ невѣрныхъ. Многострадальный Афанасій часто лишаемъ былъ престола отъ еретиковъ и язычниковъ, но ни одинъ изъ его преслѣдователей ни разу не приказывалъ отнимать у него книги. Дивный мужъ, Евстаѳій, также много видѣлъ бѣдъ отъ Аріянъ, но и у него не отбирали книгъ. Павелъ исповѣдникъ, Іоаннъ Златоустъ, славный Флавіанъ, множество другихъ... Но что я перечисляю тѣхъ, имена которыхъ начертаны въ небесной книгѣ? Для чего вспоминаю святыхъ и православныхъ епископовъ? Константинъ Великій приговорилъ къ ссылкѣ Евсевія, Ѳеогонія и другихъ съ ними еретиковъ, но не лишилъ ихъ имущества, не велѣлъ отбирать у нихъ и книгъ; ибо онъ устыдился отнять средства у тѣхъ, которыхъ по той причинѣ наказалъ и ссылкою, что они вели себя необдуманно. Нечестивый Несторій также былъ сосланъ; равно Діоскоръ, злосчастный Петръ, Северъ и многіе другіе; однако никто изъ нихъ не былъ лишенъ книгъ. Но что я говорю о давно минувшемъ? Многіе, еще теперь живущіе, помнятъ нечестиваго Льва, который, по врожденнымъ свойствамъ, дѣйствительно походилъ болѣе на лютаго звѣря, чѣмъ на человѣка. Когда онъ низложилъ Никифора и отправилъ его въ ссылку, то не разлучилъ его съ книгами; послѣдній не страдалъ и отъ голоду въ такой степени, какъ мы страдаемъ. Хотя Никифоръ и желалъ въ такой же мѣрѣ погибели своему безбожному гонителю, въ какой желалъ продолженія своего правленія, все же Левъ боялся самаго названія убійцы и не велѣлъ рубить на куски тѣла преданныхъ Никифору людей, какъ это обыкновенно дѣлается только съ разбойниками и предателями. Нечестивый и кровожадный, однако онъ не лишалъ свою жертву общенія съ другими, не отбиралъ имущества; потому что онъ имѣлъ страхъ предъ христіанствомъ, и не хотѣлъ свирѣпствовать съ большею силою, нежели съ какою свирѣпствовали язычники. Послѣдніе, обрекая мучениковъ на смерть, не препятствовали имъ услаждаться общеніемъ съ друзьями, не отбирали имущества у близкихъ къ нимъ. Левъ не запрещалъ и псалмопѣнія, доставлявшаго отраду многимъ отшельникамъ, которые заточены были вмѣстѣ; онъ не разрушалъ домовъ Божіихъ и священныхъ храмовъ, боясь, какъ видно, свирѣпствовать противъ священныхъ предметовъ, хотя и не стыдился обижать людей. Что же со мною дѣлаютъ? О горе мнѣ! Придумано все новое, превосходящее всякое сравненіе! Я заточенъ, лишенъ родныхъ, вѣрныхъ слугъ, лишенъ и пѣнія съ съ отшельниками. Вмѣсто друзей, родныхъ, отшельниковъ, пѣвчихъ, словомъ всѣхъ, съ кѣмъ только я имѣлъ общеніе,—ко мнѣ приставили стражу и окружили меня сонмами воиновъ. Оскорблены домы Божіи; подвергшіеся обидамъ бѣдные изгнаны, пожитки ихъ расхищены подобно военной добычѣ. Для какой цѣли дѣлается все это? Для той, чтобы болѣе уязвить меня, несмотря на то, что я и безъ того жестоко уязвленъ. Не позволяется отправлять службу Божію моимъ ставленникамъ, налагается запрещеніе на самые храмы, сооруженные мною по обѣту, въ очищеніе моихъ согрѣшеній. Но слѣдовало бы подумать, не причиняемъ ли мы всѣмъ этимъ оскорбленій самому Богу. Дѣйствительно, оскорбленъ Тотъ, Кто самъ добровольно принялъ на себя бремя бѣдныхъ. Римскіе гражданскіе законы допускаютъ тѣ-

[1]) Слова взятыя изъ пророка Амоса, но нѣсколько неправильно приведенныя. Въ подлинномъ текстѣ говоритъ такъ: *и посмю гладъ на землю, не гладъ хлѣба, не жажду воды, но гладъ слышанія слова Господня.* (Амосъ VIII, 11).

лесное наказаніе преступниковъ для ихъ духовнаго исправленія; но мы до сихъ поръ не знаемъ и по слуху, чтобы кто нибудь придумывалъ терзанія и гоненія на душу; а теперь самимъ привелось испытать; ибо это причиняетъ намъ лишеніе книгъ и отнятіе возможности очищенія отъ грѣховъ; въ первомъ замѣчается уничтоженіе способовъ созерцать внутреннимъ окомъ, а второе губитъ и растраиваетъ наилучшіе изъ всѣхъ дѣйствій. Отъ начала міра не было слышно, чтобы человѣкъ начиналъ войну противъ человѣческой души. Какъ будто не могли насытить злобу терзанія, которымъ подвергнуто тѣло, т. е. изгнаніе, плѣнъ, голодъ, содержаніе подъ стражею, отъ которыхъ ежедневно все болѣе и болѣе изсякаетъ жизненная сила; пощада же состоитъ въ томъ, что, вмѣстѣ съ жизнію, не отнимается ощущеніе огорченій. Что можетъ быть страшнѣе того рода смерти, той невыносимой пытки, когда ощущаешь страданіе умирающаго, а, между тѣмъ, со смертію не лишаешься ощущенія скорби? Послѣднее должно почесться лучшимъ утѣшеніемъ для умирающаго. Размысли объ этомъ, государь, и, если совѣсть твоя спокойна, то придумай еще что нибудь противъ меня; можетъ быть, ты что ни есть и позабылъ. Если же совѣсть уличаетъ тебя, то помни, что и ты не избѣгнешь осужденія за гробомъ, когда всякое раскаяніе будетъ безполезно. Я прошу тебя небывалымъ до сихъ поръ образомъ, но за то совершенно соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ, какихъ также доселѣ не случалось. Останови, государь, теченіе золъ, на сколько это въ твоей власти, или прекрати жизнь мою, и притомъ, какъ можно скорѣе, а не томи меня медленнымъ мученіемъ,—или же уменьши и положи мѣру скорбямъ, которыми я удрученъ. Вспомни, что и ты смертный, хотя и государь. Подумай, что всѣ мы имѣемъ одинаковую плоть, сильные земли, цари и всякій простой человѣкъ. Не забывай, что всѣ мы имѣемъ общаго Господа, Творца и Судію. Не измѣняешь ли твоей обычной кротости, удручая меня? Зачѣмъ же оскорбляешь свою природную доброту? Не заставляешь ли ты думать, что твое милосердіе не болѣе, какъ лицемѣрство, и кротость твоя только личина? Не дѣлаешь ли ты самъ себя посмѣшищемъ, ожесточившись на меня? Я не добиваюсь престола, не добиваюсь и славы, не жду радостныхъ дней и счастливыхъ успѣховъ; прошу только о томъ чего не лишаютъ узниковъ, въ чемъ не отказываютъ плѣннымъ, что допускается человѣколюбиво и скованнымъ варварамъ. Вотъ до чего дошло мое положеніе, что я долженъ, какъ милости, выпрашивать у императора Римлянъ, этого образованнѣйшаго народа... Какого роду моя просьба? Прошу, чтобы мнѣ позволено было жить жизнію, которая не была бы страшнѣе самой смерти, или чтобы скорѣе прекратили дни мои. Постыдись законовъ природы; имѣй уваженіе къ законамъ человѣческимъ; постыдись законовъ общихъ для всего Римскаго государства. Берегись, чтобы про тебя не стали разглашать, что ты придумалъ дѣло, доселѣ неслыханное, т. е., что ты, будучи верховнымъ властителемъ, по преимуществу обязаннымъ быть милосернымъ и кроткимъ, изгналъ и преслѣдуешь архіепископа, предалъ его въ жертву голоду и другимъ безчисленнымъ бѣдствіямъ, не взирая на то, что онъ самъ молилъ за тебя, — архіепископа, котораго имѣлъ прежде другомъ, который былъ воспріемникомъ твоего сына, который своими руками совершилъ миропомазаніе надъ тобою и императрицею, возложивъ на васъ власть, который любилъ тебя искренно, предъ которымъ ты произносилъ страшныя клятвы и исповѣданія вѣры, которому предъ всѣми далъ явное доказательство своей любви и уваженія“ [1]).

Жаже въ своемъ „Фотіи“ (Pitra ed. p. 258), по своей ожесточенной непріязни къ поборнику

[1]) Phot. ep. p. 136 seq. Tigne lib. I, 16; на лат. яз. у Baron. an. 871 n. 18 seq.; на франц. яз. у Jager. p. 254 и сл.; на нѣмец. яз. у Herg т. II, стр. 244 и сл.; на рус. яз. у Зернина стр. 69 и сл. и „Вѣр. и Раз.“ 1889 г., кн. II. отд. церк. стр. 409 въ извлеченіи.

православія, все перетолковывающій къ его невыгодѣ, и въ настоящемъ случаѣ говоритъ, что представленное нами письмо не было принято благосклонно и не имѣло никакихъ благопріятныхъ для писавшаго послѣдствій. Напротивъ, послѣдствіемъ такого обращенія къ императору было то, что Фотію облегчено было его изгнанническое стѣсненное положеніе, такъ что онъ нашелъ нужнымъ благодарить императора, за оказанную ему милость, отдѣльнымъ, хотя небольшимъ письмомъ, которое было таково: „Я воображалъ, что, по твоемъ восшествіи на престолъ, я часто буду имѣть поводъ высказывать тебѣ благодарность за благодѣянія, какихъ я ожидалъ, для себя, моихъ друзей, родныхъ, близкихъ и вообще за все, что ты могъ бы сдѣлать въ мою пользу, безъ ущерба и отягощенія для себя. Къ такой надеждѣ располагало меня, съ одной стороны, искреннее расположеніе мое къ тебѣ, проникнутое не лицемѣрною преданностію, а съ другой, значеніе безчисленныхъ клятвенныхъ обѣщаній и увѣреній, которыя ты выражалъ мнѣ даже противу моего желанія, въ присутствіи другихъ. Но теперь надежды мои такъ глубоко пали, что я, хотя поздно и некстати, хочу приносить твоему величеству благодареніе—но за что и по какому поводу? За то, что наказанія, идущія для разбойниковъ и злодѣевъ, которыя мы должны были переносить до истощенія, ты благоволилъ смягчить до умѣренности“ [1]).

Такіе опыты приближенія къ императору не обходимо склоняли его державное вниманіе къ Фотію, заставляли вспоминать о его отличной учености и широтѣ знаній, въ особенности, при содѣйствіи придворныхъ друзей, оставшихся и при уничиженномъ его положеніи ему вѣрными. По настроенію, конечно, такихъ друзей, императоръ Василій, лично устраняя себя отъ сношенія съ заточникомъ, но употребляя въ посредство діакона и протоспаѳарія Ѳеофана, предложилъ Фотію три, лично интересовавшіе императора, вопроса по Священному Писанію.

[1]) Phot. ep. 198, p. 141. Baron. an. 871 n. 23.

Первый вопросъ касался мѣста въ 3-й кн. царств. IV, 30, 31, гласящаго такъ: *И умножися мудрость Соломонова зѣло, паче смысла всѣхъ древнихъ человѣкъ, и паче всѣхъ смысленныхъ Египетскихъ. И умудрися паче всѣхъ человѣкъ, и умудрися паче Гефана Езраилитина, и Емана, и Халкада, и Дарды, сына Самадова: и прославися имя его во всѣхъ странахъ окрестъ.* Императору желалось знать, кто были эти упоминаемые въ текстѣ четыре мудреца. По всей вѣроятности, льстивые почитатели императора, дѣйствительно стяжавшаго имя мудраго въ исторіи, часто сравнивали его съ Соломономъ, указывая на это мѣсто. По толкованію Фотія, Еманъ, Халкадъ и Дарда, упоминаемые въ текстѣ, были древніе человѣки, мудрецы Египетскія до Моисея, потомки Зары, сына Іуды и Ѳамари, извѣстные какъ сочинители пѣсней, коихъ имена и нѣкоторые псалмы носятъ. Гефанъ же и Геманъ (Фотій почему-то насчитываетъ, вмѣсто четырехъ библейскихъ, пять мудрецовъ) должны быть современники Соломона, знаменитые пѣвцы и музыканты. Гефанъ былъ потомокъ Мерара, третьяго сына Левіи (1 Паролип. VI, 1, 44—47); Геманъ былъ сынъ Іоиля, внукъ пророка Самуила изъ рода Кааѳа, втораго сына Левіи (1 Паролип. VI, 33—38). Въ толкованіи этомъ позволилъ себѣ ученый Фотій разойтись съ прочими греческими толкователями, которые всѣхъ вышепоименованныхъ мудрецовъ относятъ ко времени царствованія Соломона.

Второй вопросъ касался способа помазанія на царство пророка Давида, интересовавшій императора по сходству занятія имъ царскаго престола съ израильскимъ царемъ изъ пастуховъ и по неимѣнію, вслѣдствіе того, законныхъ правъ на верховную власть. Василій первоначально вѣнчанъ и помазанъ былъ на царство при жизни Михаила III, въ качествѣ соправителя или цесаря; за тѣмъ, на одной торжественной церемоніи, провозглашенъ былъ единодержавнымъ государемъ, и, недовольствуясь симъ, думалъ еще короноваться при окончаніи предположенныхъ имъ церковныхъ по-

строекъ. Подобный порядокъ въ утвержденіи на царство имѣлъ мѣсто и въ исторіи Давида. Первоначально помазанъ онъ былъ на царство еще при жизни Саула (1 царст. II, 4), потомъ, въ другой разъ, по смерти Саула (2 царст. II, 4), и наконецъ, по признанію израильскихъ колѣнъ, въ Хевронѣ, и, однако же, не довольно сего, возложилъ на себя еще, въ присутствіи „всѣхъ людей“, вѣнецъ побѣжденнаго царя аммонскаго города Раввафа (2 царст. XX, 30). Василій чувствовавшій еще подъ собою нетвердость династической почвы, желалъ знать, не слѣдуетъ ли и ему, по примѣру Давида, принимавшаго помазаніе нѣсколько разъ,—для вящшаго утвержденія себя на престолѣ, еще разъ короноваться. Фотій, въ отвѣтъ на это, объяснилъ, что Давидъ, собственно, имѣлъ одно помазаніе, — то, которое получено имъ было отъ Самуила, а тѣ другія помазанія, о которыхъ, по принятому у евреевъ способу выраженія, говорится въ Писаніи, не суть настоящія помазанія, а ими именуются только разныя правозглашенія, разные способы признанія лица въ верховной власти. Въ соотвѣтствіе съ этимъ, и онъ, Василій императоръ, имѣетъ полное основаніе довольствоваться однимъ тѣмъ помазаніемъ, какое сообщено ему было имъ, Фотіемъ, еще при жизни Михаила III, не имѣя ни малѣйшей нужды въ повтореніи обряда.

Третій вопросъ касался значенія мѣста въ книгѣ 1 царств. IX, 24, въ которомъ говорится о чести, оказанной Самуиломъ Саулу чрезъ предложеніе ему, въ отличіе отъ прочихъ гостей, *плеча*, въ то время, когда искавшій заблудшихъ овецъ отца своего, Саулъ предуказанъ былъ пророку свыше въ цари Израиля. Фотій такому способу отличительнаго угощенія плечемъ животнаго далъ въ объясненіе такой смыслъ, что царь, по своему званію, долженъ взять на „рамена“ свои заботы о благосостояніи ввѣреннаго ему промысломъ народа. По поводу такого толкованія, умный Фотій косвенно напоминаетъ императору и о своемъ страдальческомъ положеніи, подавляющемъ и умъ, и память, и слово, и самыя руки, и призываетъ его къ облегченію его страданій[1]).

Подобныя, умныя и убѣдительныя, обращенія Фотія къ императору, подобныя толкованія Ветхозавѣтнаго Писанія, свидѣтельствующія о многознаніи и широкой учености Фотія, при благопріятныхъ отзывахъ во дворѣ о забытомъ изгнанникѣ со стороны тайныхъ друзей его, не могли не склонить вниманія Василія къ достойнѣйшему человѣку. Кромѣ сего, императоръ не могъ не видѣть, что посредство собора, удалившаго Фотія отъ кормила церковнаго управленія, нисколько не послужило къ умиротворенію церкви, такъ какъ масса послѣдователей Фотія не переставала представлять собою особенную церковь, держащуюся его началъ, — началъ православія Восточной церкви, независимости ея отъ папства и сознанія уклоненія римской церкви отъ правилъ преданнаго правовѣрія. Не благопріятное же отношеніе папы Адріана II къ Василію и Игнатію изъ-за Болгаріи, которой они не хотѣли уступить ему, и которой онъ такъ сильно желалъ, располагало императора имѣть подъ рукою такого человѣка, который бы, въ случаѣ открытой борьбы, могъ постоять за интересы религіи и имперіи, а таковымъ, въ виду Игнатія, слабаго, дряхлаго восьмидесяти-лѣтняго старца, сокрушеннаго бурями и невзгодами жизни, могъ быть именно только Фотій, боецъ неодолимый, непоступно стоящій за свое дѣло, не павшій и въ заточеніи подъ гнетомъ разнообразныхъ страданій и лишеній. Бояться же папскаго гнѣва и дорожить благорасположеніемъ Рима Василій, чувствуя себя наконецъ твердо сидящимъ на престолѣ, не имѣлъ никакого повода. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ сама собою указывала на сокрытый подъ спудомъ монастырскаго уединенія свѣтильникъ, и Фотій, наконецъ, по шестилѣтнемъ заточеніи, былъ вызванъ съ недальнихъ береговъ Босфора въ Константинополь,

---

[1]) Ep. 91 p. 133 sqq. Migne Lib. III ep. 32. Baron. an. 871 n. 25.

и водворенъ, по близости императора, въ одномъ изъ великолѣпныхъ дворцевъ города, Магнавра именуемомъ. Понятно, что человѣкъ, обладающій такимъ запасомъ свѣдѣній, какимъ обладалъ Фотій, не могъ оставаться безъ дѣла. Императоръ немедлено поручилъ ему воспитаніе своихъ двухъ старшихъ сыновей, Константина и Льва, изъ которыхъ перваго былъ еще и крестнымъ отцемъ, а вскорѣ за тѣмъ, и двухъ младшихъ, Александра и Стефана [1]).

Такое близкое отношеніе къ императорскому семейству давало человѣку большой почетъ и открывало широкое вліяніе, такъ что не только придворные съ уваженіемъ стали относиться ко вновь появившемуся свѣтилу, но и прежніе недруги сдѣлались друзьями и заискивали его расположенія. Такъ какъ царскіе сыновья, по своей еще молодости, не могли требовать отъ Фотія всей его ученой дѣятельности и оставляли ему довольно свободнаго времени: то стали

[1]) Никита Пафлагонянинъ такъ разсказываетъ эту, поразившую всѣхъ, перемѣну отношеній императора къ Фотію. Фотій зналъ слабую струну императора,—зналъ, какъ его озабочиваетъ низкое его происхожденіе изъ простолюдья, и потому, на досугѣ отшельническаго уединенія, измыслилъ средство, какъ успокоить душу властителя, смущаемую непрочностію царственнаго положенія вслѣдствіе плебейскаго происхожденія. Для этого выдумалъ онъ, яко-бы, написать родословную императора, въ которой показалъ его происхожденіе отъ армянскаго царя Тиридата, отросли знаменитаго рода Арзацидовъ, обращеннаго въ христіанство Григоріемъ-просвѣтителемъ. Отъ этого Тиридата, онъ, Фотій, и вывелъ цѣлую линію предковъ Василія подъ вымышленными именами, а когда дошелъ до отца императора, то принявъ во вниманіе названія членовъ семейства Василіева и совокупивъ начальныя буквы ихъ именъ: Василія, супруги его Евдокіи и сыновей ихъ: Константина, Льва, Александра и Стефана, какъ бы въ пророческомъ духѣ, предсказываетъ, что у него родится сынъ по имени Веклас, котораго и изображаетъ чертами Василія, представляетъ государемъ, долженствующимъ превзойти славою своихъ дѣлъ всѣхъ властителей міра. Этотъ льстивый вымыселъ хитрецъ, яко-бы, написалъ на самомъ старомъ папирусѣ александрійскими буквами и, сдѣлавъ изъ того книгу, обложилъ ее оберткой, снятой съ древнѣйшей рукописи, чтобы, такимъ образомъ, таинственному писанію придать видъ глубокой и почтенной древности. Въ такомъ видѣ произведеніе лжи и лукавства, при посредствѣ пріятеля, діакона Ѳеофана, имѣвшаго смотрѣніе за императорской библіотекой и пользовавшагося у императора за свои знанія не малымъ вниманіемъ, было внесено въ придворное книгохранилище. И вотъ, когда императору довелось однажды быть въ своей библіотекѣ, Ѳеофанъ осмѣлился обратить вниманіе государя на рѣдкую рукопись и представилъ ее на его воззрѣніе. Любознательный Василій потребовалъ объясненія смысла и содержанія манускрипта отъ книгохранителя. Ѳеофанъ отказался отъ объясненія, говоря, что это не его ума дѣло, и что эту таинственную рукопись можетъ разобрать изъ всей имперіи одинъ только Фотій, по его всеобъемлющей учености. Фотій немедленно призванъ былъ ко двору изъ своего томительнаго заточенія и получилъ приказаніе разобрать и разъяснить недоступную рукопись. Притворщикъ взялъ рукопись, какъ будто для него вовсе не извѣстную, сильно углубился въ нее, какъ въ первый разъ имъ видимую, и, разумѣвши ея смыслъ, просилъ доложить императору, что содержаніе ея онъ можетъ открыть только лично, кабинетно. Это и дозволено ему было,—и такимъ образомъ началась затѣмъ новая пріязнь Василія съ Фотіемъ. Хронистъ, чтобы поддержать вѣроподобность разсказа, прибавляетъ: „такова ужъ человѣческая природа, что благопріятныя, хотя и нелѣпыя, предсказанія увлекаютъ, обезоруживаютъ и совершенно порабощаютъ человѣка, жадно ищущаго славы“.

Подобный же разсказъ находимъ и у Симеона, по-крайней мѣрѣ, въ существенныхъ чертахъ.

Что же надобно думать о представленномъ нами разсказѣ? Здравая и безпристрастная критика никакъ не можетъ допустить его вѣрности. Во 1-хъ, потому, что оба писателя стоятъ въ предвзятыхъ враждебныхъ отношеніяхъ къ Фотію, и, изъ привязанности къ Игнатію, мечутъ всякую грязь лжи и клеветы на перваго. Что мудренаго, если съ радостію приняли и внесли въ свои хроники выдуманную какой нибудь праздной головой басню, для объясненія перемѣны въ отношеніяхъ императора къ изгнанному? Во 2-хъ, ни той, ни другой сторонѣ не было не малѣйшей надобности въ измышленіи льстивой генеологіи: ни измышляющему Фотію, потому что безъ всякихъ особенныхъ ухищреній, при помощи обыкновенныхъ прошеній и ученыхъ услугъ, открывалась надежда на возстановленіе милости императора,—ни принимающему вымыслъ властителю, потому что за шесть лѣтъ времени, сколько пробылъ Фотій, Василій успѣлъ изрядно утвердить и обезпечить свой царственный авторитетъ дѣяніями и внѣшней и внутренной политики, и ими въ глазахъ

обращаться къ нему и другіе молодые люди, жаждавшіе знанія, такъ что предоставленный ему дворецъ сдѣлался настоящимъ училищемъ, чѣмъ еще болѣе возвысилась его честь и достоинство. Общество видѣло въ немъ свѣтильникъ не только всякаго знанія, но и добродѣтели, и чтило въ немъ доблестнаго подвижника вѣры, до мученичества постоявшаго за правоту и независимость своей церкви. Вслѣдствіе такого общаго, окружавшаго его почтенія, онъ, не будучи еще формально возстановленъ въ патріаршество, а имѣлъ сильное вліяніе на остававшуюся ему вѣрную часть церкви и позволялъ себѣ, не встрѣчая противорѣчія ни откуда, открыто посвящать изъ круга преданныхъ себѣ лицъ не только во священство, но и въ епископы. Такъ что на дѣлѣ болѣе онъ являлся господствующимъ въ церкви и патріархомъ, чѣмъ согбенный подъ бременемъ лѣтъ, немощный старецъ Игнатій.

Какія отношенія образовались между двумя патріархами, настоящимъ — Игнатіемъ и бывшимъ и имѣющимъ вновь быть — Фотіемъ, о томъ историки говорятъ разно. Одни утверждаютъ, что оба патріарха легко между собою примирились и пришли въ дружественныя отношенія другъ къ другу, такъ что Фотій, во время предсмертной болѣзни Игнатія, посѣщалъ болящаго и старался облегчить его страданія отъ своихъ врачебныхъ свѣдѣній. Сказаніе это основывается на отзывѣ самого Фотія, сдѣланномъ на составившемся впослѣдствіи, для утвержденія его въ патріаршескомъ санѣ, соборѣ. Другіе, утверждаясь на словахъ Никиты пафлагон. и Стиліана, говорятъ, что Фотій постоянно мыслилъ зло на Игнатія, старался вредить ему всячески до конца жизни и даже, будто-бы, былъ причиною его смерти. Какому изъ этихъ двухъ противуположныхъ свидѣтельствъ вѣрить? Мы вѣримъ первому. Во-первыхъ принимая во вниманіе нравственно религіозный уровень Фотія, мы не можемъ допустить вражды его противу Игнатія; во-вторыхъ, благосклонное вниманіе императора къ Фотію обезпечивало послѣднему обладаніе каѳедрою патріаршескою, а престарѣлость и болѣзненность, сокрушеннаго треволненіями жизни, Игнатія, указывавшія на близость расчета съ

общества заслонить не только низкое свое происхожденіе, но и преступное занятіе престола. Интересно представить себѣ, какъ бы смотрѣли другъ другу въ глаза патріархъ и императоръ: первый, какъ изобрѣтатель ложнаго родословія, а вторый, какъ доброхотный приниматель завѣдомо лживаго вымысла. Не встрѣчались-ли бы они между собою съ знаменательной улыбкой, какъ авгуры у Цицерона, или, скорѣе, не бѣгали-ли бы другъ друга, сознавая себя обманщиками и лицедѣями? А что Константинъ багрянородный въ своей исторіи царствованія Василія македонянина говоритъ о царственномъ происхожденіи своего дѣда, каковымъ приходился ему Василій, — ему, конечно, какъ не прославившему своего царствованія, за литературными занятіями, никакими особенными дѣлами, интересно было ввести въ сказаніе о прославленномъ дѣдѣ вымышленный разсказъ, какъ нѣчто истинное и достовѣрное. Католическіе же писатели, изъ ненависти къ Фотію, въ обличеніе его лживости, съ особенною охотою и подробностію говорятъ объ этомъ, по ихъ убѣжденію, Фотіевомъ вымыслѣ. Къ сожалѣнію, и умѣренный жизнеописатель Фотія, Гергенрётеръ, нѣкоторое время сомнѣвавшійся въ дѣйствительности этого вымысла Фотіемъ, въ сочиненіи своемъ о немъ (т. II, стр. 262), увлекшись примѣромъ другихъ критиковъ, рѣшился приписать разсказанное дѣло разсчетливой изобрѣтательности удрученнаго патріарха.

Но еще нелѣпѣе разсказъ Стиліана, епископа неокесарійскаго, тоже однако изъ противниковъ Фотія, о возвращеніи ему расположенія императорскаго. Онъ приписываетъ эту перемѣну чарамъ нѣкоего монаха, по имени Ѳеодора Сентабарена, близкаго пріятеля Фотіева, который, будто-бы явствами и питіями, навороженными отъ него и преподнесенными императору подкупнымъ поваромъ, вызвалъ въ немъ неодолимую и слѣпую любовь къ Фотію, или, говоря попросту, приворожилъ къ нему. Чего, подумаешь, невѣжество и злоба не придумаютъ для объясненія самыхъ простыхъ вещей! Тогда какъ всѣми признававшееся превосходство ума и знанія въ человѣкѣ обращало на него общее вниманіе, а положеніе дѣлъ императора и престарѣлость Игнатія прямо указывали на новое подобающее мѣсто изгнаннику, въ это время приписывать вызовъ человѣка изъ заточенія колдовству — не есть-ли это верхъ безумія и зломыслія?...

этою жизнію, ускоряли то обладаніе; въ третьихъ, могъ-ли Фотій, если его отношенія къ Игнатію были враждебны, во услышаніе и въ глазахъ всего собора, въ которомъ, по крайней мѣрѣ, многіе знали дѣйствительность взаимныхъ отношеній между патріархами, провозгласить о своихъ нѣжно-дружескихъ отношеніяхъ къ усопшему собрату? А наконецъ, при сужденіи о достовѣрности свидѣтельствъ, надобно принять во вниманіе, что эти свидѣтельства о враждебныхъ взаимныхъ отношеніяхъ исходятъ отъ двухъ неблагопріятствующихъ Фотію писателей, которые, въ своей злобѣ противу него, какъ мы уже не разъ видѣли, взводили на него самыя нелѣпыя клеветы.

Но какъ бы то ни было, Игнатій, удрученный старостію и болѣзнію, скончался 23 октября 878 года, и былъ погребенъ со всею подобающею его сану торжественностію, и — черезъ три дня, волею императора, на патріаршій престолъ возведенъ былъ Фотій. Нѣкоторые изъ католическихъ писателей хотятъ приписать такое быстрое возстановленіе Фотія въ патріаршествѣ единственно вліянію сильной партіи, бывшей за него, которому императоръ не имѣлъ довольно твердости противиться. Напрасно этому одному обстоятельству приписывать рѣшеніе такого важнаго и вліятельнаго дѣла въ судьбахъ церкви. Хотя, бывшимъ подъ предсѣдательствомъ римскихъ легатовъ, соборомъ, вмѣстѣ съ удаленіемъ Фотія, казалось и былъ прекращенъ раздоръ между Восточной и Западной церквами, но, тѣмъ не менѣе, Римъ не переставалъ питать дерзкіе виды на подчиненіе себѣ всего Востока. И умный Василій, каковымъ единогласно признаетъ его исторія, не могъ не видѣть, что, въ виду столкновеній съ папскимъ властолюбіемъ и неизбѣжной необходимости бороться съ корыстными притязаніями Рима, надобно было обезпечить престолъ представителя цареградской церкви лицемъ достойнѣйшимъ и по обширному знакомству съ наукою церковною, и по образованности умственной, и по энергической твердости характера, и по безукоризненности нравственной, пользующимся, при томъ, уваженіемъ и любовію громаднѣйшаго большинства въ цѣлой имперіи. А такимъ лицомъ былъ въ то время только Фотій. Если-бы даже возстановленіе Фотія и зависѣло отъ многочисленной партіи его приверженцевъ, то и это не было бы дурнымъ основаніемъ для повторительнаго выбора его на вліятельную среду.... Этотъ сонмъ приверженцевъ и почитателей Фотіевыхъ, конечно, не безъ основанія сталъ на его сторонѣ, особенно, въ то время, когда императоръ и патріархъ были противъ него, но зная его высокія качества,—его высокообразованный умъ, непреклонность его воли, непоколебленной даже страданіями шестилѣтняго заточенія, и правоту, цѣльность его вѣры, не нарушенной примѣсью западныхъ заблужденій;—качества, которые выставляли его благонадежнымъ борцомъ противу притязаній Рима, чувствовавшихся всѣмъ Востокомъ.

VII. СОБОРНОЕ УТВЕРЖДЕНІЕ ФОТІЯ НА ПАТРІАРШЕСТВѢ.

Какъ ни основателенъ и авторитетенъ былъ призывъ императоромъ Фотія на патріаршество, но надобно было подтвердить его формально, такимъ же соборнымъ рѣшеніемъ, какимъ онъ лишенъ былъ патріаршества. Вслѣдствіе этого, Василій и Фотій принужены были обратиться къ папѣ съ письмами, въ которыхъ извѣщали его о вступленіи на престолъ патріаршій Фотія по волѣ императора и клира, и просили его о вступленіи съ новымъ патріархомъ въ общеніе, для прекращенія, наконецъ, церковнаго соблазна. На папскомъ престолѣ сидѣлъ тогда Іоаннъ VIII, не такъ суровый и притязательный, какъ были Николай и Адрі-

анъ. Кромѣ того, этотъ папа былъ тогда въ стѣсненномъ положеніи. Съ одной стороны, возстаніе нѣкоторыхъ графовъ итальянскихъ, изъ которыхъ сполеттскому, Ламберту, удалось захватить всю область папскую и даже самого Іоанна держать, какъ плѣнника, въ ватиканѣ; съ другой, все яростнѣе усиливавшіеся набѣги на южную Италію Сарацинъ, успѣвшихъ овладѣть уже нѣкоторыми твердыми пунктами, не могли не заставить папу искать помощи отъ императора византійскаго, и съ этимъ вмѣстѣ измѣнить и политику относительно Фотія, дальнѣйшее упорство въ непризнаніи котораго могло только раздражить Василія. По этому папа не могъ позволить себѣ по отношенію къ Фотію быть слишкомъ строгимъ и требовательнымъ: онъ избралъ для себя средній путь, такъ что-бы и удовлетворить домогательству византійской стороны, и поддержать честь и правоту своихъ предшественниковъ, Николая и Адріана, осудившихъ Фотія. Въ такомъ примирительномъ духѣ и написаны имъ были два письма — и къ императору, и къ Фотію. Въ первомъ письмѣ онъ пишетъ, что, хотя Фотій и заслуживалъ совершенно своего осужденія, принимая въ соображеніе единодушное согласіе всѣхъ патріарховъ и епископовъ, даже поставленныхъ Игнатіемъ, соглашается признать его патріархомъ, и снимаетъ съ него анаѳему, но только на слѣдующихъ четырехъ условіяхъ: а) что-бы Фотій предварительно заслужилъ помилованіе публичнымъ моленіемъ предъ имѣющимъ быть соборомъ „о милосердіи“; б) что-бы впредь никакой мірянинъ не былъ допускаемъ на патріаршескую каѳедру, а только священники или діаконы константинопольскаго клира; в) что-бы Фотій непремѣнно отказался отъ всѣхъ іерархическихъ правъ на Болгарію и никого не рукополагалъ въ эту землю, какъ введенную въ христіанство стараніями папъ; и г) чтобы не преслѣдовались епископы и священники посвященные Игнатіемъ. Въ письмѣ къ Фотію, написанномъ въ сущности въ томъ же духѣ, замѣчательно то, что, требуя отъ Фотія общенія съ епископами Игнатія, папа послѣднимъ угрожаетъ отлученіемъ, ежели они не признаютъ Фотія патріархомъ, о чемъ напомнилъ въ отдѣльномъ письмѣ тремъ главнѣйшимъ врагамъ Фотія, Митрофану, Стиліану и Іоанну. Посламъ же своимъ въ Царь-градѣ приказалъ отлучать отъ церкви всѣхъ, кто будетъ противиться общенію съ Фотіемъ. При выполненіи условія о Болгаріи, положено было въ Римѣ считать бывшіе противу Фотія соборы въ Римѣ и Царѣ-градѣ какъ бы не существовавшими. Этотъ приговоръ подписанъ былъ 17-ю епископами въ присутствіи папы. Оба посланія привезены были въ Константинополь кардиналомъ Петромъ, назначеннымъ присутствовать на имѣвшемъ быть соборѣ въ качествѣ надзирателя и руководителя, вмѣстѣ съ Павломъ Анконскимъ и Евгеніемъ Остійскимъ, которые посланы были еще прежде Адріаномъ II по дѣламъ Болгаріи, съ приказаніемъ явиться затѣмъ въ Константинополь.

Когда помянутые легаты (Римскіе явились въ столицу, соборъ, на третій же день, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 879 г., былъ созванъ въ церкви св. Софіи, — соборъ, составившійся по всей формѣ, со всѣми принадлежностями вселенскаго собора. — Предсѣдателемъ былъ Фотій, по званію патріарха, хотя папою въ этомъ званіи и не признанъ былъ. Легаты, слѣдуя своей инструкціи, замѣтили это; но на соборѣ имъ отвѣчали, что Фотій давно уже признанъ законнымъ патріархомъ, что онъ возвращенъ на каѳедру волею императора, единогласнымъ желаніемъ столицы и согласіемъ трехъ патріарховъ. Въ оправданіе такихъ, какъ бы односторонніхъ распоряженій, члены говорили, что восточные епископы лучше могли обсудить это дѣло, какъ очевидцы, чѣмъ Римскій епископъ изъ далека. Количество явившихся на соборъ членовъ было поразительно. Оно доходило до трехъ сотъ восьмидесяти трехъ епископовъ, подвѣдомыхъ Фотію: какая разница отъ насильственнаго собора, бывшаго десять лѣтъ тому назадъ противу Фотія, на который подъ

конецъ, едва могли нагнать до 100 членовъ съ небольшимъ. Восточные патріархи, съ своей стороны, прислали истинныхъ, не ложныхъ представителей съ граматами, въ которыхъ прежнихъ, яко-бы отъ ихъ имени дѣйствовавшихъ, пословъ признавали обманщиками, такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, были только лазутчиками, посланными отъ Сарацинскихъ властителей для выкупа плѣнныхъ,—и увѣдомляли, что двое изъ этихъ лжепредставителей, за присвоеніе себѣ незаконныхъ правъ, преданы проклятію. Въ этихъ же граматахъ патріархи удостовѣряли, что они никогда не прекращали общенія съ Фотіемъ. Отъ Александрійскаго патріарха уполномоченнымъ былъ священникъ Косма, отъ Атіохійскаго—архіепископъ Мартирополькій Василій, отъ Іерусалимскаго—священникъ Илія,—но не тотъ Илія, который довольно видно фигурировалъ на соборѣ противу Фотія.

Всѣхъ засѣданій было семь. Мы не будемъ выставлять занятія каждаго изъ этихъ засѣданій [1]), но остановимъ наше вниманіе на болѣе важныхъ опредѣленіяхъ, или дѣяніяхъ, состоявшихся на соборѣ. На первомъ засѣданіи легаты поднесли Фотію архіерейское облаченіе, придавая этой церемоніи тотъ смыслъ зависимости, въ какомъ папою препровождался палліумъ архіепископамъ западной церкви; но Фотій съумѣлъ этому дару Запада (Timeo Danaos et dona ferentes) придать тотъ смыслъ, что папа предъ лицемъ всего собора признаетъ Фотія патріархомъ. На второмъ засѣданіи прочитаны были письма, присланныя Восточными патріархами съ ихъ представителями, и такъ какъ въ нихъ прямо обличался обманъ, по какому явились отъ лица ихъ преставители на прежнемъ противу Фотія соборѣ и вѣстѣ выражалось въ нихъ и неизмѣнное ихъ уваженіе къ Фотію, то соборъ 869 г. противу Фотія торжественно былъ отмѣненъ, и Фотій такъ же торжественно и единогласно былъ признанъ патріархомъ Константинопольскимъ, равнымъ по правамъ Римскому. Дѣло о Болгаріи, которое наиболѣе занимало Іоанна, хотя о немъ неоднократно заводима была рѣчь, было отклонено на томъ основаніи, что Болгары торжественно признали надъ собою власть византійскихъ императоровъ и что опредѣленіе споровъ о земельныхъ границахъ принадлежитъ свѣтской власти. Фотій, зная, какъ папа дорожилъ этимъ пріобрѣтеніемъ, къ успокоенію его, говорилъ передъ легатами, что любовь чужда своекорыстію и что расширеніе предѣловъ епархіи только увеличиваетъ труды и безпокойства пастыря.—Относительно требованія папы, чтобы міряне не допускались къ занятію мѣста Цареградскаго патріарха, соборъ постановилъ, что каждая церковь въ этомъ дѣлѣ имѣетъ свои правила, давностію освященныя, которымъ и должна свободно слѣдовать. Многіе изъ присутствовавшихъ, въ особенности Прокопій, архіепископъ Кесаріи каппадокійской, съ жаромъ возстали противъ такого рѣзкаго отдѣленія мірянъ отъ духовныхъ, превращающаго духовенство въ непроницаемую касту. А Захарій халкидонскій припомнилъ вновь, приводившіеся имъ и прежде, великіе примѣры Нектарія константинопольскаго, Амвросія медіоланскаго, Ефрема антіохійскаго, Евсевія кесарійскаго и многихъ другихъ, изъ мірянъ сдѣлавшихся свѣтилами церкви; относительно Фотія же замѣчалъ, что канонъ, на который ссылался папа, какъ на воспрещающій возведеніе изъ мірянъ на высшія іерархическія мѣста, къ личности Фотія неидетъ, такъ какъ онъ, собственно, никогда не былъ человѣкомъ занятымъ мірскими дѣлами, человѣкомъ міра, а былъ усерднѣйшимъ сыномъ науки, отца и матъ имѣлъ пострадавшихъ за вѣру, и самъ въ Арменіи и Месопотаміи обратилъ на путь истины огромное число заблуждавшихся, даже, можно сказать, обратилъ ко Христу цѣлые народы.

[1]) Отдѣльно занятія каждаго засѣданія въ благопріятномъ для Римской стороны смыслѣ сообщены у Jager. p. 330, а въ истинномъ, въ неискаженномъ смыслѣ у Геттэ. См. „Вѣра и Раз.“ 1889 г. п. 9 Май. кн. I отд. церк. стр. 264.

На послѣднихъ двухъ засѣданіяхъ торжественно, въ присутствіи самого императора, въ остановленіе дальнѣйшаго распространенія самовольной прибавки къ символу: Filioque, прочитанъ былъ Никео-цареградскій символъ, принятый и всѣми послѣдующими соборами. Послѣ прочтенія символа, соборъ присовокупилъ, въ томъ числѣ и представители древняго Рима: „Всѣ мы такъ вѣруемъ; въ этой вѣрѣ мы крещены; и мы признаемъ нашими отцами и нашими братьями всѣхъ тѣхъ, которые вѣруютъ подобнымъ образомъ. Если кто либо будетъ настолько безразсуднымъ, что станетъ составлять другое исповѣданіе вѣры и предлагать его вѣрующимъ или явнымъ еретикамъ; или если кто станетъ переиначивать это ученіе чуждыми выраженіями, прибавками или убавками, то, если онъ клирикъ—мы низлагаемъ его, и анаѳематствуемъ его, если онъ мірянинъ". Въ актахъ собора, при описаніи этого дѣянія, приводится и письмо папы Іоанна VIII, въ которомъ онъ осуждаетъ, какъ преступниковъ, и ставитъ на одномъ мѣстѣ съ Іудою всѣхъ, кто дерзнетъ измѣнить въ чемъ нибудь Никейскій символъ. Католическія писатели отрицаютъ подлинность этого письма. Но достаточно въ опроверженіе этого отрицанія сказать, что, писавшій письмо на Востокъ, Іоаннъ VIII и у себя на Западѣ ревностно отстаивалъ неприкосновенность Никейскаго символа, къ чему обязывало его и самое зависимое, вышеуказанное его положеніе [1]). Соборъ заключился слѣдующимъ заявленіемъ со стороны легатовъ римскихъ: „если кто не признаетъ Фотія патріархомъ и не находится въ общеніи съ нимъ, то да будетъ часть его съ Іудою и да не признаютъ его христіанином". Затѣмъ, акты собора скрѣплены были подписями всѣхъ его членовъ. Во главѣ же ихъ, по усиленной просьбѣ членовъ собора, стояли подписи императора съ сыновьями, Львомъ, Александромъ и Стефаномъ; подпись императора сопровождалась заявленіемъ, по которому онъ принимаетъ седьмый вселенскій соборъ, признавалъ Фотія законнымъ патріархомъ и уничтожалъ всякое значеніе того, что было сдѣлано противу него, Фотія.

Соборъ, окончивъ свои засѣданія, вознесъ молитвы за императора и выразилъ свою радость хвалебными возгласами въ честь его и въ честь двухъ патріарховъ, Фотія и Іоанна.

Такимъ образомъ, побѣда на соборѣ осталась на сторонѣ Востока и правды его. Папа Іоаннъ, льстившійся получить на немъ и обладаніе Болгаріею и достигнуть признанія верховенства Запада надъ Востокомъ, не былъ порадованъ ни тѣмъ, ни другимъ. Легаты возвратились въ Римъ и извѣстили папу обо всемъ происходившемъ на соборѣ. Ими принесены были письма отъ императора и Фотія. Первый благодарилъ римскаго епископа за содѣйствіе къ умиротворенію церкви и извѣщалъ о единогласномъ на соборѣ, изъ 380-ти душъ состоявшемъ, признаніи Фотія въ патріаршемъ достоинствѣ, но промолчалъ и ни словомъ не проговорился на счетъ зависимости Восточной церкви отъ Рима. А Фотій, извѣщая о ходѣ дѣлъ на соборѣ подъ его предсѣдательствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, давалъ знать папѣ Іоанну, что онъ не испрашивалъ извиненія у собора, какъ того требовалъ папа, и не испрашивалъ потому, что ни онъ, ни кто либо изъ членовъ его не считалъ его виновнымъ, а прощенія просятъ и къ милосердію прибѣгаютъ только виновные.

Что осталось дѣлать бѣдному папѣ, такъ жестоко обманутому въ своихъ расчетахъ и пришедшему въ такое стѣсненіе отъ обоюду? Возстать открыто противу императора и признать соборъ, состоявшійся по его желанію, не состоявшимся, — было не удобно, потому что собственные его представители подписали дѣянія собора,—и безтактно, потому что надобно было раздражить императора, выславшаго уже флотъ для защиты южной Италіи отъ Сарацинъ, который успѣлъ уже одержать

[1]) См. дѣльную защиту подлинности письма у Геттэ въ его статьѣ, помѣщенной въ „Вѣр. и Раз." 1888 г. Май, кн. I, отд. церк. стр. 634.

блистательную побѣду; по отношенію къ Фотію, — нельзя было не признать за нимъ патріаршаго достоинства, потому что папа самъ, въ Римѣ, уничтожилъ опредѣленія бывшихъ прежде противу Фотія въ Римѣ и въ Константинополѣ соборовъ, и назвалъ его „святѣйшимъ патріархомъ, братомъ и сослужителемъ“,—не могъ возстать и противу общаго голоса Востока, единогласно признавшаго патріарщество за Фотіемъ, не навлекая на себя подозрѣнія въ упорствѣ — нарушать вселенскій миръ и продолжать расколъ въ христіанствѣ. Какое-же нашелъ папа средство выпутаться изъ этого затруднительнаго положенія? Онъ заподозрилъ своихъ легатовъ въ неисполненіи на соборѣ даннаго имъ порученія, обвинивъ ихъ въ излишней уступчивости, и, признавъ ихъ дѣйствія неправильными и, слѣдовательно, не обязательными, возобновилъ прежнія свои требованія. По этому-то, отвѣчая императору, папа, хотя и не позволялъ себѣ отрицать общепризнанное патріаршество Фотія, но въ письмѣ своемъ вставилъ такую, свойственную изворотливой папской канцеляріи, кляузулу, что дѣяній соборныхъ онъ не прійметь и не признаетъ за ними никакой твердости, если легаты его что либо допустили противу апостольскаго наставленія. Въ отвѣтѣ же Фотію, хотя и подтверждалъ еще разъ возстановленіе его на патріаршество, но замѣчалъ, что дѣлаетъ это единственно „изъ милосердія“ misiricorditer, и укорялъ его въ недостаткѣ христіанскаго смиренія, что не хотѣлъ испросить прощенія, какъ онъ приказывалъ, предъ соборомъ; и, наконецъ, вопреки выраженному прежде братскому общенію, не удержался и здѣсь пустить такую ограничительную кляузулу, что онъ тогда только обниметъ Фотія какъ брата и будетъ считать его возлюбленнѣйшимъ сослужителемъ, если онъ будетъ стараться оказывать достодолжное уваженіе и постепенно возрастающую вѣрность къ святой Римской церкви.

Что предпрійметь вновь папа послѣ этого выраженнаго недовѣрія къ дѣйствіямъ легатовъ на соборѣ, недостигшихъ вовсе, имѣвшихся при посылкѣ ихъ въ виду, цѣлей? Хотя вѣрность ихъ дѣйствованія самъ папа могъ считать довольно обезпеченною чрезъ приставленіе къ нимъ, для надзора и руководства, какъ мы видѣли, кардинала Петра, тѣмъ не менѣе, для полнѣшаго изслѣдованія дѣла на мѣстѣ, или, скорѣе, что-бы показать видъ изслѣдованія, отправилъ, въ концѣ того-же 880 года, въ которомъ происходилъ соборъ, или въ началѣ слѣдующаго 881 г., въ Константинополь діакона Марина, того самого, который предсѣдательствовалъ на соборѣ, осудившемъ Фотія. Само собою разумѣется, какъ долженъ былъ вновь посланный слѣдователь посмотрѣть на дѣянія собора, опровергшаго соборъ, бывшій подъ его предсѣдательствомъ, и уничтожившаго всѣ его рѣшенія во вредъ и къ пораженію Фотія. Онъ представилъ папѣ уступчивость легатовъ еще болѣе въ преступномъ и неодобрительномъ видѣ. Тѣмъ болѣе, что раздраженъ былъ заключеніемъ, которому подвергнутъ былъ въ Константинополѣ по повелѣнію императора, выведеннаго изъ терпѣнія его гордымъ и заносчивымъ поведеніемъ въ столицѣ, нежеланіемъ отвергнуть соборъ, бывшій при Игнатіи подъ его рѣшительнымъ вліяніемъ, какъ отвергнутый всѣмъ Восточнымъ клиромъ, и не признаніемъ послѣдняго, въ пользу Фотія состоявшагося, собора.

Католическіе, равно какъ и нѣкоторые православные, писатели говорятъ [1]), что немедленно по возвращеніи Марина, въ озлобленіи своемъ, естественно долженствовавшаго представить дѣла собора въ возможно-безпорядочномъ и неудовлетворительномъ видѣ, папа подвергъ Фотія новому отлученію. Но Іоаннъ VIII, когда Маринъ возвратился въ Римъ, былъ наканунѣ смерти, и 15-го декабря 882 года самъ предсталъ на загробный судъ. Почему, и принимая во вниманіе мягкость характера Іоан-

[1]) См. Зернина „Фотій“, стр. 79 и Н. Надеждина ст. подъ названіемъ: „Восточная Каѳолическ. церковь“ въ энциклопедическомъ лексиконѣ изд. Плюшара 437.

на, вѣроятнѣе полагать, что новая анаѳема грянула на Фотія отъ Марина, заступившаго мѣсто Іоанна VIII и не преминувшаго, конечно, воспользоваться своею властію для пораженія ненавистнаго и уже разъ имъ осужденнаго противника. За симъ Фотій, огражденный отъ дальнѣйшихъ нападеній со стороны Рима, которыя теряли все болѣе и болѣе свое значеніе въ глазахъ Востока, могъ съ полною свободою употреблять свою власть на благоустроеніе ввѣренной ему и дотолѣ возмущаемой папскими вторженіями, церкви, тѣмъ болѣе, что императоръ не только не охладѣвалъ къ нему, но все болѣе и болѣе подчинялся его вліянію.

VIII. ВТОРИЧНОЕ И БЕЗВОЗВРАТНОЕ ЗАТОЧЕНІЕ ФОТІЯ, И КОНЧИНА ЕГО.

Но когда звѣзда Фотія возсіяла во всемъ своемъ блескѣ, императоръ, высоко или, вѣрнѣе, по достоинству его цѣнившій и удостоивавшій полнѣйшаго своего довѣрія, умираетъ, 886 г. августа 29, и на престолъ его, за смертію старшаго сына, взошелъ слѣдующій, Левъ, недостойно прозванный философомъ, получившій образованіе отъ многоученаго Фотія и, тѣмъ не менѣе, непріязненно на него смотрѣвшій. Непріязнь эта происходила отъ того, что новому императору хотѣлось видѣть на патріаршескомъ престолѣ самаго младшаго брата своего Стефана, который для того предварительно и прошелъ всѣ требующіеся степени духовнаго служенія. Но на пути стояла великая личность,—личность, блиставшая непререкаемыми всякаго рода достоинствами и пользовавшаяся всеобщимъ уваженіемъ: надобно было устранить ее. И при дворѣ легко сыскались такіе угодники, которые, чтобы подслужиться императору, охотно взялись устроить желаемое дѣло. Уже въ послѣдніе годы царствованія Василія можно было при дворѣ замѣчать двѣ партіи: одна состояла изъ приверженцевъ и почитателей достойнѣйшаго Фотія, сближавшихся съ нимъ любовію къ наукѣ, ревностію по чистотѣ вѣры и по самостоятельности церкви, а тѣ, которые чувствовали себя затмѣнными великостію преимуществъ Фотія и не имѣли доступа къ императору,—ютились около наслѣдника престола, Льва, въ надеждѣ торжества во время ожидаемаго его царствованія. Эти послѣдніе стали изыскивать разныя клеветы на благороднаго человѣка и, между прочимъ, указывали на подозрительную близость его съ нѣкіимъ Сантавареномъ, пользовавшимся особеннымъ вниманіемъ покойнаго императора и оклеветавшимъ наслѣдника передъ отцемъ въ злоумышленіи на его жизнь, вслѣдствіе чего наслѣдникъ Левъ разгнѣваннымъ императоромъ заточенъ былъ въ особое зданіе, Марпоритою называвшееся, и лишенъ былъ красныхъ сапоговъ, какъ принадлежности званія престолонаслѣдника. Лѣтописцы прибавляютъ, что Сантаваренъ не удовольствовался оклеветаніемъ, но совѣтывалъ императору выколоть преступному сыну глаза, чего, однако, Фотій вмѣстѣ съ сенаторами своимъ предстательствомъ не допустили, хотя обвиненный все-таки остался въ заточеніи, покуда несчастный не былъ освобожденъ заступничествомъ попугая [1]). Вражда доходила до та-

[1]) Былъ во дворцѣ попугай, весьма говорливый и переимчивый; научилъ-ли кто его, или онъ самъ подмѣтилъ, только часто болталъ: „жаль, жаль царевича Льва!“ Однажды императоръ устроилъ великолѣпный пиръ въ той самой залѣ, гдѣ находилась клѣтка съ попугаемъ; были приглашены сенаторы и вельможи. Едва только усѣлись за столъ, какъ вдругъ попугай заболталъ свои привычныя слова; всѣ присутствовавшіе погрузились въ задумчивость и не дотрогивались до кушаній. Когда же императоръ спросилъ о причинѣ общей печали, то они со слезами на глазахъ сказали ему: „какъ можемъ мы ѣсть, когда эта лишенная разума птица обличаетъ насъ, одаренныхъ разумомъ и преданныхъ тебѣ? Она склоняетъ своего государя на

кой нелѣпой клеветы, что будто бы Сантаваренъ, по внушенію Фотія, совѣтывалъ Василію назначить себѣ преемникомъ одного изъ его, Фотія, родственниковъ: обвиненіе до того не вѣроятное, что не вѣрятъ ему и латинскіе писатели, такъ охотно вѣрящіе всякому вздору, взводимому на ненавистнаго имъ Фотія. Присоединилось еще къ тому и отвнѣ особенное обстоятельство, послужившее къ очерненію Фотія. Папа Стефанъ VII (онъ же считается и V) прислалъ къ покойному императору Василію обширное письмо, въ которомъ изображалъ почтеннаго патріарха въ самыхъ черныхъ краскахъ и представлялъ, будто-бы, самыя не отразимыя доказательства его всесторонней преступности. Новый императоръ прочиталъ письмо и, не провѣривъ его истинности, такъ возмутился клеветливымъ его содержаніемъ, что тутъ же рѣшилъ ознаменовать начало своего царствованія удаленіемъ патріарха, столько лѣтъ, какъ писалъ папа, волновавшаго церковь. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ посягательствъ на честь и санъ Фотія было то, что, далеко не умный, императоръ, хотя и имя философа носившій, изъ мести, велѣлъ взять его вмѣстѣ съ Сантавареномъ подъ стражу и предать суду. На судѣ за Фотіемъ не оказалось никакой вины; одинъ Сантаваренъ уличенъ былъ въ покушеніяхъ противу державныхъ правъ новаго императора. Когда донесено было ему о ходѣ и результатахъ суда, то, не нашедши никакого правдоподобнаго основанія для обвиненія Фотія, въ досадѣ излилъ всю злобу свою на Сантаварена. Несчастный сперва подвергнутъ былъ тѣлесному наказанію, потомъ сосланъ былъ въ Аѳины и, недовольно сего, по приказанію не переставшаго злобствовать повелителя, былъ ослѣпленъ и сосланъ въ Азію... Что касается Фотія, то хотя онъ на судѣ и чистъ явился, но державной волѣ, для достиженія своихъ, во чтобы то ни стало, цѣлей, надобно было обвинить Фотія въ поступкахъ недостойныхъ патріаршескаго сана и вредныхъ интересамъ церкви и государства, чтобы очистить мѣсто для излюбленнаго брата. И обвинителей, и вины легко было сыскать, чтобы лишить Фотія, хотя и безвиннаго, степени патріаршества. Епископы Андрей Стратилатъ и Іоаннъ Агіополитъ, недруги патріарха, отправились въ Софію; взошедъ на амвонъ, они во всеуслышаніе обвинили невиннаго патріарха въ небывалыхъ преступленіяхъ и торжественно провозгласили его низложеннымъ... (О несправедливость! О своекорыстіе людское!) За тѣмъ въ 886 году Фотій и отправленъ былъ въ ссылку въ одинъ армянскій монастырь, по названію Бордонъ [1]); но гдѣ этотъ свѣтильникъ вѣры и науки угасъ, съ достовѣрностію сказать не можно: въ дальнемъ-ли мѣстѣ заточенія, или въ родныхъ предѣлахъ Греціи. Извѣстно только то, что Фотій умеръ въ 891 году февраля 6 дня, и что останки его находятся не далеко отъ Константинополя, въ церкви пророка Іереміи, при жизни переданной имъ одному женскому монастырю при Мердозогарѣ [2]). И на мѣсто его, по волѣ воцарив-

---

милость, а мы, наслаждаясь здѣсь яствами, позабыли невиннаго царевича. Если доказано будетъ, что онъ дѣйствительно злоумышлялъ на твою жизнь, то мы готовы убить его своими руками, и кровію его смоемъ преступленіе. Если же онъ невиненъ, то до какихъ же поръ будетъ торжествовать клевета?“ Тронутый такими словами, императоръ просилъ присутствующихъ продолжать пиръ и далъ обѣщаніе снова разсмотрѣть дѣло Льва, который вскорѣ, послѣ этого, дѣйствительно былъ освобожденъ и возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ. Theophan Contin. 349—321. См. Зернина „Фотій“ ст. 82.

[1]) Продолжатель Ѳеофана пишетъ: ἐν τῇ μονῇ τῶν Αρμενιανῶν τῇ ἐπονομαζομένῃ τοῦ Βόρδονος; равно и у Кедрина стоитъ Ἀρμενιανῶν. Напротивъ у Семеона магистра: ἐν τῃ μονῇ τῶν Αρμενιανῶν τῇ λεγομένῃ τοῦ Γόρδονος, — у Льва грамматика монастырь названъ именемъ Τοῦ Βόρδου. Георгій Амартолъ у Allatius de VIII synodo Photiana cap. 5 p. 81 имѣетъ такъ же: Αρμενιανῶν τῇ ἐπονομαζωμένῃ τοῦ Βόρδωνος; такъ же и у Baron. an. 886. n. 15: Armenorum.

[2]) Leo Gr. p. 258: Ἀπετέθη το σῶμα αὐτοῦ ἐν τῇ μονῇ τῇ λεγομένῃ της Ἐρημίας (τοῦ Ἱερεμίου Georg. mag. cap. 16. p. 844. Symion. Mag. pag. 692 Georg. Hamar. Cont. p. 760. n. 16) ἐν τῷ Μερδοσαγάρῃ, οὔσης

шагося Льва, поставленъ былъ младшій его братъ Стефанъ, какъ говорятъ византійскіе писатели, воспитанникъ и ученикъ низложеннаго Фотія.

Невольно просится подъ перо и выходка злобы, которою папа Стефанъ VI (V) ознаменовалъ горькое заточеніе Фотія. По вступленіи на патріаршій Константинопольскій престолъ соименнаго Стефана, Стиліанъ епископъ Неокесарійскій, заклятый врагъ Фотія и угодникъ Рима, тотчасъ отправилъ къ папѣ Стефану письмо, въ которомъ выражался, что Фотій былъ „изгнанъ изъ церкви императора". Но вслѣдъ за тѣмъ получено отъ Льва увѣдомленіе, что „Фотій добровольно удалился съ патріаршества", внушенное, можетъ быть, стыдомъ такого не праваго удаленія достойнѣйшей личности и замѣны ея своимъ малодостойнымъ родственникомъ. И вслѣдствіе этого противорѣчія въ извѣщеніяхъ, злобный папа потребовалъ отъ императора посольства въ Римъ, для обсужденія тамъ всего дѣла. Но, разумѣется, посольство отправлено не было, и злобная затѣя римскаго первосвященника кончилась ни чѣмъ. И преемникъ его Формозъ, вступившій на папскій престолъ въ годъ кончины Фотія (891 г.), вздумалъ показать ревность свою по католической вѣрѣ проклятіемъ противуборника по его смерти; но и самъ, какъ-бы въ возмездіе за то, по своей смерти подвергся еще большему поруганію. За то, что онъ, въ противность римскимъ канонамъ, бывши уже епископомъ одной епархіи (портуенской), позволилъ себѣ занять римскій престолъ, тѣло его вырыто было изъ земли, облечено въ первосвященническіе ризы, посажено на папскомъ престолѣ и допрашивалось, какъ живое существо; приставленный адвокатъ отвѣчалъ за него и, вслѣдствіе найденнаго оправданія не достаточнымъ, безжизненный подсудимый признанъ былъ виновнымъ, совлеченъ первосвященническаго облаченія, подвергнутъ усѣченію трехъ пальцевъ на рукѣ, за тѣмъ самой головы, и въ такомъ видѣ брошенъ въ Тибръ.

И такимъ образомъ, Фотій, начиная съ властолюбиваго папы Николая I, сдѣлался предметомъ проклятія и ненависти для всѣхъ папистовъ въ теченіи тысячи лѣтъ до нынѣ, и ни одинъ изъ ихъ писателей не коснется его имени безъ того, чтобы не осыпать его всякого рода бранью, и не одинъ собесѣдникъ въ живой бесѣдѣ не дастъ себѣ произнести его имени безъ содроганія,—и все потому, что онъ первый имѣлъ духъ открыто возстать противу властолюбія папы и поддерживать самостоятельность Восточной церкви, которую римскій епископъ нагло хотѣлъ себѣ подчинить, наравнѣ съ Западомъ.

IX. МИССІОНЕРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ФОТІЯ.

Излагая доселѣ исторію тревожной жизни знаменитаго патріарха, мы, кромѣ отношеній его къ Болгаріи, не касались его миссіонерской дѣятельности, тогда какъ смѣлая и открытая борьба его съ могущественнымъ папствомъ, представлявшимъ собою половину христіанскаго міра, — борьба, исходившая изъ чистой ревности по вѣрѣ, необходимо заставляетъ предполагать въ немъ великаго подвижника вѣры, не могшаго смотрѣть равнодушно на коснѣніе человѣчества въ заблужденіяхъ язычества или неправославія, какъ у цѣлыхъ народовъ, такъ и частныхъ сектъ. И дѣйствительно, онъ весь проникнутъ былъ мыслію, что первою и главнѣйшею заботою патріарха должно быть распространеніе христіанства, какъ въ одномъ письмѣ къ брату своему Сергію и пишетъ: „невѣрующіе и еретики, и всѣ ведущіе дурную жизнь должны быть поучаемы въ словѣ и тщательно руководимы: это—овцы, неимущія пастыря и требующія бо́льшаго пас-

πρότερον καθολικῆς ἐκκλησίας αὐτός δε Φώτιος ἐποίησεν αὐτήν μονὴν γυναικείαν.

тырскаго вниманія и огласительнаго наставленія“ [1]). А преданнѣйшій ученикъ Фотія на соборѣ, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ его въ 872 году, восхищенный заслугами своего великаго учителя для церкви, говорилъ во услышаніе всѣхъ, что „шестидесятый епископъ Византіи (разумѣя Фотія) миссіонерскою дѣятельностью превзошелъ всѣхъ своихъ пятьдесятъ девятерыхъ предшественниковъ, что онъ почти всю землю просвѣтилъ своими ученіями и тысячи людей вывелъ изъ заблужденія: свидѣтели тому—страна армянъ, месопотамія и всѣ народы, которые, бывъ прежде преданы варварскому и грубому образу жизни, его ученіемъ освободились отъ прежняго заблужденія и приведены имъ къ свѣту истиной вѣры“ [2]).

И прежде всего, благочестивая ревность Фотія обращена была на борьбу съ *еретическими* проявленіями своего времени. Рожденный среди разгара иконоборческой ереси, племянникъ знаменитаго защитника правовѣрія, патріарха Тарасія, онъ еще въ юности, вмѣстѣ съ родителями и дядею, ратовалъ противу ереси иконоборства и на ряду съ ними былъ анаѳематствованъ всѣмъ еретическимъ соборомъ [3]). А когда сдѣлался патріархомъ, то во 2-мъ письмѣ своемъ къ папѣ Николаю говоритъ о веденной имъ продолжительной войнѣ противу иконоборцевъ, окончившейся плѣненіемъ многихъ въ послушаніе Христово [4]).

Но ревность Фотія противу иконоборцевъ далеко простиралась и за предѣлы Имперіи, въ которой, собственно, ересь была распространена. Въ Сициліи былъ монахъ, по имени Ѳеофанъ, находившійся въ перепискѣ съ Фотіемъ, который (Ѳеофанъ) энергически ратовалъ на островѣ противу иконоборческой ереси, поддерживавшейся тамъ однимъ, нарочно туда посланнымъ отъ императора, чиновникомъ (Chartularius). Фотій, укрѣпляя его въ борьбѣ съ злочестіемъ, въ письмѣ къ нему такъ говоритъ: „Всесвятая Тріединица этого злобожнаго, купно съ его двумя единомыслящими родственниками, твоими божественными устами и проповѣдію другихъ поборниковъ истины въ конецъ сокрушитъ. А тебя и твоихъ сподвижниковъ эта свирѣпствующая ересь пускай не удивляетъ, потому что зло сіе не совсѣмъ еще побѣждено, любовь вѣрующихъ еще не достаточно испытана. Къ тому еще, мы не можемъ проникнуть въ бездну судебъ Божіихъ, по которымъ Господь допускаетъ, чтобы народъ Его доселѣ потрясаемъ былъ бурею невѣрія. Конецъ же всего тотъ, *да искусніи тѣмъ явлени будутъ*, какъ говоритъ мудрый апостолъ Павелъ“ (1 Кор. XI, 19). Затѣмъ Фотій дѣлаетъ краткое опроверженіе иконоборческаго заблужденія, представляя, что, такъ какъ оно хочетъ разумѣть Христа не описуемымъ и человѣчески не представляемымъ, то этимъ оно дѣлаетъ Его чистымъ Божествомъ и отрицаетъ Его вочеловѣченіе, и такъ какъ Его образу отказываетъ въ почтеніи, то тѣмъ не оказываетъ его и Изображаемому,—утверждаетъ, что знаетъ Бога, а на дѣлѣ отрицаетъ Его. При этомъ Фотій замѣчаетъ, что онъ не думаетъ давать наставленіе благочестивому иноку, а только пишетъ ему, какъ единомыслящему, въ ободреніе, черпая какъ бы капли изъ богатаго моря догматовъ, когда притомъ на лицо находится неисчерпаемое богатство свято-отеческихъ мѣстъ на ряду съ исторіею древнихъ временъ отъ начала проповѣди евангельской до утвержденія чистой и непорочной вѣры Христовой. По этому Гергенретеръ догадывается, что Фотій, когда писалъ приведенное письмо, не былъ еще патріархомъ, потому что въ немъ ничто не указы-

---

[1]) Anphiloch. quaest 200 p. 941 (Ep. 54 ad. Sergium p. 107, 108).

[2]) Synod. Phot. act. III mansi XVII, 460.

[3]) Phot. ep. 113 ad. Georg. Diac. p. 155 (Tigne l. II ep. 64). Ἀνεθεμάτισαν ἡμᾶς χρόνοις μακροις πᾶσα σύνοδος αἱρετικὴ καὶ πᾶν εἰκονομάχων συνέδριον, οὐχ ἡμᾶς δέ μόνον, ἀλλὰ καὶ πατερα καὶ θεῖον ἡμέτερον, ἄνδρας ὁμολογητάς Χριστοῦ καὶ ἀρχιέρεων σεμνολόγημα.

[4]) Ep. 2 ad. Nicol. Baron. an. 861 n. 50: κύκλω, πάλιν οἱ ἀσεβεῖς οἱ μὲν την εἰκόνα Χριστοῦ διαπτύοντες καὶ Χριστον αὐτον ἐν ταύτῃ διασίροντες... πρὸς οὓς ἡμῖν ὁ πόλεμος ἀναῤῥεπισθεὶς καὶ χρόνῳ συχνῳ συχροτηθεὶς εἰς τὴν υπακοήν τοῦ Χριστοῦ πολλούς ἠχμαλώτευσε. Τίς δέ μοι δοίη καὶ το παν ἰδεῖν αἰχμαλωτεζόμενον...

ваетъ на таковый санъ. Кромѣ того, еще ранѣе, Фотій, какъ можно видѣть изъ его міріобибліона, постарался собрать святоотеческія мѣста въ опроверженіе иконоборцевъ, гдѣ и указываетъ, въ какихъ писаніяхъ находятся свидѣтельства въ пользу иконопочитанія, какъ то можно видѣть, на прим., изъ cod. 29, 52, 119. Оставаясь вѣренъ своимъ юношескимъ воспоминаніямъ, Фотій и въ позднѣйшее время, когда былъ уже патріархомъ, съ особенною ревностію препирался съ иконоборцами, опровергалъ ихъ возраженія и пользовался всякимъ случаемъ приводить ихъ въ православіе.

Вторая ересь, съ которою Фотій горячо боролся, была ересь *монофизитская*, не хотѣвшая признавать вселенскаго Халкидонскаго собора, бывшаго въ 451 г., при императорѣ Маркіанѣ, и допускавшая, вопреки опредѣленіямъ этого собора, одно только божеское естество во Іисусѣ Христѣ (единоестественники). Этою ересью заражены были въ то время Армяне, держащіеся, впрочемъ, ея и въ наше время и нашею церковію къ общенію съ нею не допускаемые. Такъ какъ Армяне неоднократно подвергались завоевательнымъ нападеніямъ со стороны Арабовъ, силившихся покорить ихъ своей власти, то естественно было ихъ странѣ сближаться съ Греціею, чтобы получить отъ нея противу угрожавшаго непрестанно непріятеля помощь, каковую Греки нерѣдко съ успѣхомъ и оказывали. Во время Фотія княземъ страны былъ нѣкто Ашодъ или Асутій, изъ рода Ардцруніевъ, который, по свидѣтельству Армянскихъ лѣтописей, начиная съ 859 года, и царствовалъ въ странѣ, съ отличною славою, въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ, а католикосомъ, со времени вступленія его на престолъ, былъ славный Захарія, извѣстный и по своему ревностному пастырству, и въ качествѣ національнаго писателя. Съ этими-то двумя выдающимися личностями и имѣлъ Фотій, въ интересѣ исправленія вѣрованій, сношенія. Католикосъ Захарія, ознакомившись съ Фотіемъ въ бытность свою въ Константинополѣ, выражалъ ему въ одномъ своемъ письмѣ сомнѣніе въ правотѣ Халкидонскаго собора, который-де представляется ему въ противорѣчіи тремъ предшествовавшимъ вселенскимъ соборамъ. „Насъ, пишетъ онъ, Греки, да и ты отчасти въ своемъ окружномъ посланіи, называютъ учениками Іакова Занзала или Юліана галикарнаскаго, а то и Петра (Фулина) антіохійскаго, или Евтихія, и говорятъ, что мы слѣдуемъ ихъ ученіямъ. Напрасно! мы ученики святаго Григорія Просвѣтителя“. Да и не одинъ Захарія такъ защищалъ свое вѣроисповѣдное убѣжденіе, а и многіе изъ бывшихъ тогда въ Константинополѣ Армянъ заявляли свои протесты противъ рѣшеній Халкидонскаго собора, какъ это видно изъ писемъ Фотія, къ сожалѣнію, не дошедшихъ до насъ въ подлинномъ греческомъ, а только въ переводѣ на латинскій, да и то несовсѣмъ правильномъ.

Фотій въ отвѣтномъ письмѣ своемъ напрягаетъ всю силу своего ума и краснорѣчія, чтобы подвигнуть Армянскаго патріарха къ признанію отвергаемаго имъ четвертаго вселенскаго собора и препобѣдить давнюю нелюбовь его единоземцевъ къ грекамъ, осуждавшимъ ихъ несогласіе съ соборомъ. Противу разностей въ порядкахъ церковнаго благочинія Фотій не возставалъ,— хотя многіе изъ нихъ не могли быть ему неизвѣстны,— потому что, въ видахъ единенія, не придавалъ имъ важности, да и по благоразумію, имѣя въ виду соглашеніе, не хотѣлъ увеличивать число пунктовъ разномыслія, ограничивался же указаніемъ и разъясненіемъ однѣхъ догматическихъ разностей, соблюдая, при томъ, всю деликатность и почтительность къ лицу католикоса; въ каковомъ смыслѣ онъ восхваляетъ его ревность по вѣрѣ и его отличное благочестіе и величаетъ его не только бывшими въ употребленіи титулами, но и увѣнчиваетъ его названіемъ высокопочтеннаго преемника апостола Ѳаддея и послѣдователя Григорія Просвѣтителя[1]), и затѣмъ вну-

[1]) Заглавіе письму дано такое: Illustri attaque omnigenere virtutum fulgenti, dilectissimo Domino nostro Zachariae, viro apostolico et magni Thaddaei Apostoli

шительно убѣждаетъ его не увлекаться собственнымъ убѣжденіемъ, но прежде всего слѣдовать Священному Писанію и не обращать вниманіе на лжемудрованія тѣхъ, которые по своимъ самовольнымъ взглядамъ толкуютъ и извращаютъ слово Божіе.—Затѣмъ, Фотій обращается къ исторіи собора и разсказываетъ, какимъ образомъ случилось, что Армяне не приняли четвертаго вселенскаго собора. Изложивъ разныя обстоятельства, тому воспрепятствовавшія, и, въ особенности, указавъ на тоненіе со стороны Персовъ, не дозволившихъ Армянамъ отправить отъ себя членовъ на соборъ и получить вѣрное извѣстіе о ходѣ дѣлъ, говоритъ: „и вотъ такимъ-то образомъ Армяне пришли къ монафизитизму и къ прибавкѣ, сдѣланной Петромъ Фуллономъ, къ трисвятому стиха: „распныйся за ны“, въ противорѣчіе рѣшеніямъ Халкидонскаго собора и вѣрованію пяти патріарховъ, и дошли до рѣшительности произнести анаѳему на Грековъ и отдѣлиться отъ общенія съ православною церковію“. Такое не благопріятное отношеніе къ Греціи, замѣчаетъ Фотій, было необыкновенно пріятно тогдашнему Персидскому царю, бывшему во враждебныхъ отношеніяхъ къ Христіанскому царству. Онъ похвалилъ бывшаго тогда католикоса Нерзеса и далъ ему, согласно сдѣланному обѣщанію, въ усыновленіе своего сына, и, кромѣ того, предоставилъ ему и благопріятствующимъ ему епископамъ завѣдываніе и распоряженіе податями со всей Армянской области... Вслѣдъ за симъ, почтительнѣйше проситъ Фотій католикоса поразмыслить, можно-ли допустить, что такое большое число епископовъ собралось въ Халкидонѣ только для того, чтобы утвердить заблужденіе, а еще болѣе, что все христіанство согласилось принять состоявшіяся на соборѣ опредѣленія, если бы они противны были правой вѣрѣ. Онъ убѣждаетъ патріарха не поддаваться заблужденію и не увлекаться обманомъ, но питать довѣріе къ Греціи, которая, въ дѣлѣ распространенія христіанства, паче всѣхъ странъ послужила человѣчеству, какъ своимъ превосходствомъ вообще во всѣхъ родахъ знанія, такъ, въ особенности, своими великими учителями церкви. Еще разъ ставитъ на видъ патріарху, что совершенно невѣроятное дѣло, что-бы церковь спокойно предавалась заблужденію, вмѣняя, между тѣмъ, себѣ въ непремѣнное правило слѣдовать во всемъ ученію апостоловъ и отцевъ церкви, и вмѣстѣ доказываетъ, что Халкидонскій соборъ нисколько не состоитъ въ противорѣчіи съ тремя предшедшими соборами, но, напротивъ, находится съ ними въ совершенномъ согласіи. Не довольствуясь и симъ, для вящшаго преклоненія Захаріи къ принятію четвертаго собора, Фотій не тяготится поднять, на основаніи Епифанія, хотя и въ краткомъ видѣ, и всю исторію четырехъ соборовъ. Первые два были для утвержденія правой вѣры во Святую Троицу,—одинъ противу Арія, для утвержденія божественности Сына Божія, Іисуса Христа, другой для утвержденія божественности третьяго лица Святыя Троицы, Духа Святаго. Оба собора были подтверждены согласіемъ Армянскихъ представителей: первый, Никейскій, отъ Армянскаго католикоса Аристина бывшаго на немъ представителемъ отъ свят. Григорія Просвѣтителя вмѣстѣ съ папою Селивестромъ и остальными 347 присутствовавшими на немъ епископами;—вторый, Константинопольскій I-й, —отъ католикоса Нерзеса, присутствовшаго на немъ вмѣстѣ съ знаменитыми столпами церкви: Дамасомъ, папою римскимъ, Нектаріемъ Константинопольскимъ, Кирилломъ Іерусалимскимъ и Мелетіемъ Антіохійскимъ. Послѣдніе два собора составлены были для установленія образа разумѣнія тайны воплощенія Христова: первый, ефесскій, въ осужденіе Несторія раздѣлявшаго въ лицѣ I. Христа два естества и два лица, а другой, Халкидонскій противъ Евтихія хотѣвшаго знать въ I. Христѣ токмо Бога. На опредѣленія перваго, постановленныя 200-ми епископами, выражено Армянскою церковію полное согласіе въ лицѣ бывшаго тогда въ ней патріарха Исаака, наравнѣ съ Целестиномъ римскимъ, Кирилломъ Александрійскимъ, Ювеналіемъ Іерусалимскимъ, Іоанномъ

Антіохійскимъ и Прокломъ, подписавшимся еще епископомъ Кезическимъ, а не Константинопольскимъ. Дошла очередь до втораго собора по предмету воплощенія, Халкидонскаго; предстояло судить Евтихія, отпрыскъ Савеліевой секты и его защитниковъ, Хрисафія и Діоскора, изречь судъ о беззаконномъ судѣ надъ Флавіаномъ и о разбойничьемъ сунодѣ; созванъ былъ императоромъ Ѳеодосіемъ, по предложенію римскаго папы, Льва, вселенскій соборъ, который и состоялся при императорѣ Маркіанѣ, и изрекъ противъ Евтихіанъ и Яковитовъ, отъ лица пяти патріарховъ, осужденіе въ томъ, что они отождествленіемъ естества и лица уничтожаютъ и Троичность Божества. И что же? Армянянской церкви не угодно было признать рѣшеній этого собора изъ-за того только, что не было отъ нея представителей, по не зависившимъ отъ нея политическимъ обстоятельствамъ, хотя соборъ и призналъ истинность предшедшихъ соборовъ, одобренныхъ и Армянскими святителями. Не странно-ли это? Разумно-ли? Основательно-ли?.. Вѣдь, если бы, говоритъ благочестивый Фотій, эти пять патріарховъ отступили отъ истинной вѣры, то нѣтъ сомнѣнія, что они были бы оставлены Богомъ и низложены со своихъ священныхъ каѳедръ, точно такъ, какъ Израильскій народъ, возставшій противу Бога, лишенъ своей славы [1]). Возражаютъ, что Халкидонскій соборъ составленъ былъ только изъ желанія Пульхеріи отмстить за безвинное убіеніе праведнаго Флавіана. На это отвѣчаетъ Фотій: „напротивъ, онъ созванъ былъ по волѣ Божіей и по указанію четырехъ патріарховъ, и, къ тому еще, былъ совершенно единодушенъ“. Такимъ-то пространнымъ и многосодержательнымъ писаніемъ пытался Фотій склонить упорствующаго патріарха къ принятію четвертаго вселенскаго собора, устанавливающаго правильный взглядъ на сугубое естество Богочеловѣка Іисуса.

Письмо къ князю Асутію гораздо короче, но такъ же мягко и деликатно. Въ заглавіи онъ величаетъ его княземъ великой Арменіи, государемъ преславнымъ, благочестивымъ, могущественнымъ и высокой почетъ у своихъ имѣющимъ, и — затѣмъ прямо высказываетъ свою ревностную заботу сообщить Армянамъ ученіе истины, въ особенности, имѣя въ виду, что ихъ страна пользуется уже покровомъ небесной благодати, и они уже тѣсно соединены со Святою церковію, исключая только одного пункта, что отвергаютъ Халкидонскій соборъ, какъ противный, яко бы, Богу и истинѣ. А между тѣмъ, этотъ соборъ принялъ низложеніе и осужденіе Несторія и въ самомъ осваніи разрушилъ его богопротивное ученіе. Непонятно, какимъ образомъ этотъ, столько благочестивый и Богомъ благословенный, народъ можетъ порицать и считать нечестивымъ четвертый соборъ, когда онъ вполнѣ согласенъ съ предшествовавшимъ третьимъ, одобреннымъ почтенными представителями Арменіи, соборомъ. Содержащіяся, въ посланныхъ въ Константинополь писаніяхъ, возраженія оказались бы совершенно незначащими и не состоятельными, если бы въ нихъ этотъ соборъ, наравнѣ съ другими, благоговѣйно принимался. Великіе патріархи, первопрестольный древняго Рима, Александрійскій и Іерусалимскій (Антіохійскій почему то въ переводѣ опущенъ) четвертый соборъ точно такъ-же признали, какъ и пятый, шестый и седьмый. Никто не можетъ противиться вѣрѣ, распространенной по всей землѣ; самыя врата адовы одолѣть ея не могутъ. По сему да блюдетъ себя князь отъ тѣхъ, которые именемъ только отличаются

---

ac S. Çregorii sedem tenenti, magistro atque inspectori regionis Ararat atque populi borialis primati magno pastori exercituum Ascenez, in pontificali eminentia constituto et pignus futurae inter Angelos renumerationis habenti Protius Aep. Cpl. novae Romae salutem sanctitati vestrae dicit.

[1]) По латинскому переводу Mai spicilegium p. 450. Quod si hi (quinque patriarchae) reapse a vera fide descivissent, sine dubio a Deo derelicti sanctisque locis iussent depulsi, haud secus quam populus Israeliticus Deo rebellis gloria sua spoliatus est. Гергенретеръ находитъ что этотъ аргументъ, буквально, sehr schwach; но намъ кажется, что онъ свидѣтельствуетъ только о глубоковѣрующей и благочестивой душѣ Фотія.

отъ Антихриста и которые преподносятъ душамъ смертельный ядъ, отвлекая ихъ отъ ученія Святаго Духа и его доказательствъ. Затѣмъ входитъ Фотій въ краткое опроверженіе заблужденія, но говоритъ, что не намѣренъ широко его вести, потому что князь, при своей мудрости и любви къ истинѣ и согласію, не имѣетъ нужды въ дальнѣйшихъ доказательствахъ, да и въ неоднократно посланныхъ имъ къ католикусу письмахъ они въ достаточной полнотѣ представлены. Онъ умоляетъ князя—подъ руководствомъ святыхъ соборовъ, твердо держаться истинной вѣры и не уклоняться отъ праваго пути, потому что, кто исповѣдуетъ одну природу во Христѣ, тотъ призываетъ на себя осужденіе Евтихія, и, зараженный ложнымъ мнѣніемъ Сасанитовъ, [1]) — отрицается подчинить себя единой Главѣ, становится приверженцемъ многихъ главъ (поликефалосъ), и вмѣстѣ ученикомъ Манеса; а кто не исповѣдуетъ во Христѣ двухъ различныхъ природъ, но вмѣсто ихъ принимаетъ два лица, тотъ подпадаетъ наказанію Несторія. Вѣдомо, что церковь отвергаетъ оба заблужденія и учитъ признавать во Христѣ одно лице и два отдѣльныя и несліянныя естества. Почему пускай князь научаетъ свой народъ, народъ Христовъ, и ведетъ его къ познанію истинной вѣры, такъ какъ для Бога нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ если мы разумѣемъ Его истиннымъ познаніемъ, прославляемъ Его при свѣтѣ православнаго вѣдѣнія, и при томъ пребываемъ съ глубокосердечною и постоянною любовію. Это обезпечитъ князю особенную защиту Неба и стяжаетъ ему какъ временное, такъ и вѣчное спасеніе. При этомъ Фотій на память препровождаетъ частицу животворящаго креста Господня [2]).

Эти два и, вадобно полагать, бывшіе другія увѣщательныя посланія не остались безъ нѣкоторыхъ послѣдствій, но далеко не въ такой мѣрѣ, что-бы удовлетворить желаніямъ Фотія. Армянамъ, послѣ содержанія вѣры въ „одноестественность“ Христа въ продолженіи четырехъ вѣковъ, трудно было измѣнить свое укоренившееся неправославное вѣрованіе. Впрочемъ, въ 862 году, подъ предсѣдательствомъ католикоса, состоялся-таки сунодъ, постановившій пятнадцать каноновъ противу заблужденій Несторія, Евтихія, Діоскора, а такъ же Теопасхитовъ (богострадальниковъ), но только въ выраженіяхъ темноватыхъ и мало опредѣленныхъ, изъ опасенія народа [1]). И такимъ образомъ Армяне доселѣ остаются въ иновѣріи и находятся подъ отлученіемъ православной Восточной церкви, хотя и прикрываютъ себя достопочтеннымъ именемъ Григорія Просвѣтителя [2]).

Третья группа еретиковъ, съ которой Фотію, во время перваго своего патріаршества, пришлось бороться, была секта *Павликіанъ*,—уродливое порожденіе сумасбродной секты, гностикоманихейской. Родоначальникомъ этой секты былъ одинъ Сиріецъ, по имени Константинъ, но произвольно принявшій имя ученика апостола Павла, Силы или Силуана (Сильвана),

[1]) Отрасль еретиковъ, раздѣлявшихъ заблужденіе Евтихія, которые подъ предводительствомъ Абдесу или Абдискія перешли изъ области Сасаны въ Арменію.

[2]) См. оба эти Фотіева письма въ Латинскомъ переводѣ Mai Spicilegium Romanum, X, II, 449 — 469, и у Migne patres Greci Constantinopolitani p. 703—718. Если Армяне не имѣютъ этихъ писемъ на своемъ языкѣ, то пускай-бы читали ихъ въ указанномъ нами переводѣ: можетъ быть, и вразумились бы, и познали-бы свое заблужденіе, и чрезъ то освободились бы отъ лежащей на нихъ анаѳемы отъ православнаго міра.

[1]) Hic annus exhibet Concilium Schirachavense in urbe ejusdem nominis majoris Armeniæ celebratum praesente Asciut Pacratide, Armenorum principe; id antem coëgit Zacharias Cathol Arm., qui literis a Photio Cplitano acceptis pro Concilio Chalced. episcopos ditionis suæ colligens synodum celebravit, in qua canones 15 editi contra errores Nestorii, Eutychetis, Dioscori, Theopaschitarum et Manichaeorum confirmata, etiam vebris subobscuris (ob populi metum) synodo Chalcedonensi. Mausi not. ad. Pag. crit. an. 862 n. 1; См. такъ же t. 19. Coll. Concil. et. vet. col. 213.

[2]) См. краткое изъявленіе о перстосложеніи молитвенномъ, печатаемое въ началѣ Часослововъ и Слѣдованныхъ (съ возслѣдованіемъ) псалтырей.

посланнаго вмѣстѣ съ Іудою, братомъ Господнимъ, для сообщенія Антіохійскимъ христіанамъ рѣшенія, послѣдовавшаго на Іерусалимскомъ соборѣ относительно соблюденія обрядоваго закона Іудейскаго (дѣяній XV, 22), и, въ послѣдствіи, вѣрно сопутствовавшаго ему въ дѣлѣ евангельской проповѣди. Отчего и послѣдователи его назвались Павликіанами, какъ-бы тоже учениками ап. Павла. Сущность ученія ихъ заключалась въ принятіи двухъ началъ, одного добраго, и другаго злаго, со всѣми выводимыми отсюда безобразными правилами, какъ въ нравственно-религіозномъ, такъ и гражданско-политическомъ смыслѣ. Первоначально, Сильванъ распространялъ это ученіе въ Арменіи, а потомъ въ сопредѣльныхъ странахъ. Когда же онъ, по повелѣнію императора Константина Погоната, былъ побитъ каменіемъ, то сталъ распространять ересь одинъ изъ военачальниковъ его, по имени Семеонъ, принявшій, для приданія большаго значенія предпринятому дѣлу, имя другаго ученика и спутника Павлова, Тита. Когда же другой императоръ, Константинъ Копронимъ, вздумалъ населить пришельцами изъ Азіи, именно изъ Сиріи и Арменіи, подвластную себѣ Ѳракію, тогда, вмѣстѣ съ многочисленными переселенцами изъ Арменіи, перешла въ Европу и секта Павликіанъ, и именно, въ Грецію, гдѣ проникла въ самый Константинополь; такъ какъ она пользовалась здѣсь полною свободой, подъ защитой самого императора Никифора, то и широко распространила свое вредное ученіе. Къ счастію, благочестивая императрица Ѳеодора, положившая конецъ иконоборству, обратила строгое вниманіе и на Павликіанъ, но, не смотря на самыя энергическія мѣры, немогла уничтожить ихъ и дала имъ возможность, вмѣстѣ съ забалканскою частію Ѳракіи, уступленной новообращенному Богорису Михаилу, перейти въ Болгарію, гдѣ и переродилась въ извѣстную секту Богомиловъ. Противу этихъ-то сектантовъ—павликіанъ Фотій ополчился всею своею ревностію и силою своего убѣдительнаго слова и написалъ четыре книги въ опроверженіе ихъ ученія, о которомъ сообщимъ свѣдѣніе ниже, въ своемъ мѣстѣ.

Конечно, такъ ревновавшій о православіи патріархъ подвизался и противу другихъ, имѣвшихъ мѣсто въ его время, разномыслій въ вѣрѣ, которыхъ слѣды съ теченіемъ времени исчезли. Но такъ какъ никакихъ памятниковъ этой борьбы Фотіевой до насъ не дошло, то мы и молчимъ объ этихъ трудахъ его въ пользу правовѣрія.

Но Фотій ревность свою по вѣрѣ обращалъ не только на секты, заблуждавшія въ православіи и уклонявшіяся въ ереси, но сѣти апостольской ловитвы распростиралъ и на цѣлые *народы*, коснѣвшіе въ язычествѣ или въ Іудействѣ, или увлекшіеся магометанствомъ. Такъ мы говорили уже, какъ Фотій старался утвердить новообращенныхъ *болгаръ* въ принятой ими вѣрѣ, какъ заботился о просвѣщеніи ихъ въ дѣлѣ христіанства поставленіемъ для нихъ ревностныхъ епископовъ и благонадежнаго духовенства, и какъ, наконецъ, по продолжительномъ препирательствѣ съ папами, успѣлъ окончательно усвоить Болгарію православію, въ которомъ и находилась она цѣлую тысячу лѣтъ, обязанная ему и сохраненіемъ своей самостоятельности.

Вслѣдъ за Болгаріей, блеснулъ свѣтъ отъ свѣтоноснаго патріарха (Фотій отъ греческаго φῶς свѣтъ,—свѣтлый, свѣтящій) и на нашихъ предковъ *Россовъ*, сидѣвшихъ въ непроглядной тьмѣ язычества. Фотій самъ, приглашая восточныхъ патріарховъ на соборъ для опроверженія нововведеній въ Римской церкви, въ соборномъ посланіи своемъ къ нимъ такъ говоритъ о томъ, вслѣдъ за сказаніемъ о Болгарахъ: „И не только этотъ народъ (Болгары) промѣнялъ первое нечестіе на вѣру во Христа, но даже и многими многократно прославленные и въ жестокости и скверноубійствѣ всѣхъ оставляющіе за собою, такъ называемые Руссы (τὸ Ρώς), которые, поработивъ находящихся кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ Римской державы,—въ настоящее время даже и сіи промѣ-

няли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовію поставивъ себя въ чинѣ подданныхъ (ἐν ὑπηκόων τάξει) и друзей (нашихъ), вмѣсто грабленія насъ и великой противъ насъ дерзости, которую имѣли не задолго. И до такой степени разгорѣлись въ нихъ желаніе и ревность вѣры, что приняли епископа и пастыря и лобызаютъ святыни (θρησκεύματα) христіанъ съ великимъ усердіемъ и ревностію". Что же это за народъ, зовомый Руссы или Россы, о обращеніи которыхъ въ христіанство говоритъ съ такимъ удовольствіемъ Фотій? Греческіе лѣтописцы не говорятъ, какой это былъ народъ, называя его только по имени τὸ Ρώς и отзываясь только о его жестокости и варварствѣ, но не говорятъ прямо, откуда. изъ какой страны онъ пришелъ и сдѣлалъ нападеніе. Но нашъ лѣтописецъ, Несторъ, принявъ во вниманіе совпаденіе по времени похода Аскольда и Дира на Константинополь съ описываемымъ греческими историками нападеніемъ Россовъ на столицу Имперіи, прямо говоритъ, что то были Варяго-Руссы, съ которыми Аскольдъ и Диръ, пришедшіе вмѣстѣ съ Рюрикомъ въ Новгородъ и не получившіе себѣ тамъ удѣловъ, отправились искать счастія въ Константинополѣ и, встрѣтивъ на пути Кіевъ и нашедши въ немъ единоземцевъ, остановились въ немъ, прогнавъ властвовавшихъ тамъ козаръ. Вотъ какъ Несторъ говоритъ объ этомъ въ своей лѣтописи: „Въ лѣто 6374 (866), иде Аскольдъ и Диръ на Греки и пріидоша въ 14 лѣто Михаила цесаря. Цесарю же отшедшю на Агаряны и дошедшю ему Черные рѣки, вѣсть епархъ посла къ нему, яко Русь на Царьгородъ идетъ, и вратися царь. Си же внутрь суду шедше, много убійство крестяномъ сотвориша и во двоюсту людей Константинъ градъ оступиша. Царь же, дошедъ, въ градъ внидѣ и съ патріархомъ Фотіемъ сущіи въ церкви святыя Богородица во Влахернахъ всенощную мольбу сотвориша... Таже Божественную ризу святыя Богородица съ пѣснями износяща въ море скутъ омочивши, тишинѣ-же сущи и морю укротившуся, абіе буря съ вѣтромъ въста и волнамъ великимъ засобь безбожныхъ Русси ладья возмете, и къ брегу привержени и избіени, яко мало отъ нихъ таковыя бѣды избѣгнути, въ свояси съ побѣженіемъ возратишася".

Изъ этого сказанія лѣтописца мы видимъ, что, по молитвѣ Фотія, купно съ множествомъ вѣрующаго народа, послано было на, грозившихъ столицѣ конечнымъ разореніемъ, Руссовъ необыкновенное физическое явленіе, — буря, разметала ихъ суда и большую ихъ часть потопила и погубила. И если мы не смѣемъ приписывать Фотію такой власти надъ стихіями, какою обладалъ пророкъ Илія, по молитвѣ своей затворявшій небо и низводившій дождь на землю, то не можемъ отказать въ умилостивительной силѣ молитвы, не *двухъ или трехъ* человѣкъ, но цѣлыхъ тысячъ народа, всеусердно обращавшихся къ лику Богоматери въ Влахернской церкви [1]). Открытое же и при-

[1]) Князь Д. Э. въ „энциклопедическомъ словарѣ" изд. Плюшара въ своей статьѣ, подъ именемъ „Аскольдъ и Диръ" т. III, стр. 309, въ угожденіе духу времени, не стѣснился чудо внезапно поднявшейся бури приписать естественному порядку, и говоритъ, что „наставшая совершенно тишина (сама по себѣ) предвѣщала бурю и дѣйствительно поднялся сильный вѣтеръ и потопилъ ладьи руссовъ". Какъ будто-бы Норманы, коихъ вся дѣятельность вращалась на морѣ и состояла въ переѣздахъ изъ одного прибрежнаго пункта въ другой, не могли различить необыкновенной бури отъ обыкновенной, явленія естественнаго отъ сверхъестественнаго, чтобы не признать въ немъ гнѣвъ Божій и могущество христіанскаго Бога; какъ будто-бы Руссы, долженствовавшіе, въ предвѣдѣніи Божественномъ (Дѣян. XVII, 26), развиться въ такое великое и могущественное государство, не заслуживали той благопопечительности вседѣйствующаго промысла, чтобы для обращенія ихъ на путь свѣта и истины произведено было нѣкоторое вразумительное уклоненіе отъ порядка природы; какъ будто-бы между молившимися во множествѣ не было вѣрующихъ, отъ всего сердца вопіявшихъ ко Господу о спасеніи, которымъ обѣщана Спасителемъ властъ творить такія же чудеса, какія творилъ и Онъ на землѣ, да и еще большія (Іоанн. XIV, 12). Но, и не зависимо отъ этихъ соображеній, достаточно для убѣжденія въ дѣйствительности чудес-

мое воздѣйствіе Фотія на обращеніе Руссовъ проявилось въ послѣдовавшихъ событіяхъ.

Испытавши гнѣвъ Божій, свидѣтельствуютъ греческіе писатели, Руссы возвратились въ отечество и, спустя немного времени, отправили пословъ въ Константинополь просить себѣ крещенія. Фотій немедленно послалъ имъ епископа: по однимъ—это былъ Кириллъ, по другимъ—Михаилъ, первый Кіевскій митрополитъ. Подробно описываетъ это событіе Константинъ Багрянородный; епископъ принятъ былъ Руссами благосклонно. Князь ихъ поспѣшилъ собрать вѣче, на которомъ присутствовали, кромѣ многочисленнаго народа, вельможи и старцы, особенно приверженцы къ язычеству. Предсѣдательствовалъ самъ князь. Послѣ нѣкоторыхъ разсужденій о своей вѣрѣ и о христіанской, приглашенъ былъ въ собраніе самъ епископъ. Когда его спросили, что онъ возвѣститъ имъ и чему учить будетъ, онъ открылъ Евангеліе и началъ благовѣствовать о Спасителѣ и совершенныхъ имъ чудесахъ, а также о чудесахъ, совершенныхъ Богомъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Выслушавъ это, Руссы сказали: „Если и мы не увидимъ чего-либо подобнаго и въ особенности того, что ты говоришь о трехъ отрокахъ въ пещи, то совершенно не повѣримъ тебѣ и не будемъ слушать твоихъ рѣчей". Епископъ же, не колеблясь, отвѣтилъ: „хотя и не должно искушать Бога, однако, если вы отъ всего сердца рѣшили приступить къ Нему, просите, что хотите, Богъ непремѣнно сдѣлаетъ по вѣрѣ вашей". Язычники предложили бросить самое Евангеліе въ разженный огонь съ обѣщаніемъ увѣровать въ христіанскаго Бога, если только оно останется невредимымъ. Тогда епископъ, поднявъ глаза и руки къ небу, воззвалъ: „Господи Іисусе Христе Боже нашъ! прослави и нынѣ святое имя Твое предъ очію сего народа",—и бросилъ книгу въ пылавшій огонь. Прошло достаточно времени, костеръ потухъ и весь горючій матеріалъ обратился въ пепелъ, осталось невредимымъ одно Евангеліе и даже кисти связывавшихъ его шнурковъ не потерпѣли никакого поврежденія или измѣненія. Увидя это, варвары, пораженные величіемъ чуда, безъ колебанія начали креститься".

И объ этомъ-то событіи Фотій, какъ о совершившемся подъ его вліяніемъ, такъ радостно повѣдалъ восточнымъ епископамъ, въ приведенномъ выше нами мѣстѣ его посланія, словами, что такъ называемые Руссы промѣняли эллинское и нечестивое ученіе на чистую и непорочную вѣру христіанскую.

Въ Россахъ Фотій побѣдилъ закоренелое язычество; въ 851 году пришлось ему имѣть дѣло и съ Магометанами. Въ его время поклонники Магомета, называющіеся у Византійцевъ и у насъ Сарацинами, Агарянами и иногда Исмаильтянами, сильно распространяли владычество свое въ христіанскомъ мірѣ и успѣли уже оторгнуть отъ Византійской имперіи многія христіанскія области, а въ царствованіе Ѳеофила, къ крайнему его уничиженію и огорченію, разрушили и городъ его родины, Амморію. При своей гордой увѣренности въ превосходствѣ Магомета и его ученія передъ христіанствомъ, прежде нежели приступать къ рѣшительнымъ мѣрамъ изувѣрной жестокости, они старались напередъ мѣрами льстиваго убѣжденія склонять въ свою вѣру, какъ напр., въ началѣ царствованія Михаила III поступили съ 42-мя Амморейскими мученниками. Въ особенности же эта самоувѣренная любопрительность развилась въ нихъ со времени извѣстнаго калифа Гарунъ-Альрашида, который поселилъ въ нихъ вкусъ къ наукамъ и философическимъ изслѣдованіямъ. Вслѣдствіе такого убѣжденія въ превосходствѣ ислама и стремленія къ его распространенію, отправлено ими было въ Царь-градъ посольство съ хульнымъ для Божества Святыя Троицы вопрошеніемъ: „какимъ образомъ вы, хри-

---

наго характера бури, согласнаго свидѣтельства, отчасти, современныхъ греческихъ писателей,—каковы патріархъ Фотій въ Окружномъ посланіи § 35, продолжатель Константина Багрянороднаго, самъ Багрянородный въ Basilius Macedo, n. XCVII, ed Paris p. 211, Кедринъ, Зонара ibide p. 173 и Михаилъ Глика, ed. ibide, p. 298.

стіане, допуская единаго Бога, вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляете его на три, исповѣдуя Отца, Сына и Духа Святаго. Если можете, то объясните это, или пришлите намъ такихъ мужей, которые бы могли разсуждать объ этомъ и выдержать съ нами споръ". Конечно, такій ревностный поборникъ святой вѣры, каковъ былъ Фотій, не могъ оставаться хладнокровнымъ предъ гордыней, возносящейся на умъ Христовъ. Еще въ юности онъ посланъ былъ отъ императорскаго двора на магометанскій Востокъ въ званіи посла, какъ онъ говорилъ, къ Ассиріянамъ, а по другимъ—къ Персамъ, гдѣ онъ, конечно, не могъ не познакомиться самымъ близкимъ образомъ съ новою религіею и гдѣ, конечно, не молчалъ въ виду ея нелѣпости. Хотя, надобно замѣтить, что Фотій, по свойственному ему благоразумію, не позволялъ себѣ своимъ препирательствомъ слишкомъ раздражать могущественныхъ и грозныхъ сосѣдей; тѣмъ не менѣе, апокрисіарій Іерусалимскаго патріарха Илія такъ возгласилъ о вліяніи Фотія на Масульманскій міръ на четвертомъ засѣданіи собора, бывшаго въ 879 году: „Въ такой мѣрѣ возсіяла доблесть нашего святѣйшаго вселенскаго Патріарха въ странахъ Востока, что сами Сарацины, окрѣпшіе въ невѣріи, присылали къ святѣйшему нашему владыкѣ письма, въ которыхъ одни просятъ о наставленіи ихъ и удостоеніи спасительнаго крещенія, равно и принятіи на службу и въ подданство нашимъ святымъ императорамъ; другіе же, еще не думая перемѣнять вѣры, выражаютъ желаніе сдѣлаться, чрезъ посредство нашего святѣйшаго патріарха, подданными нашего богоизбраннаго императора. Смотрите, вотъ подлинныя письма Эмировъ Восточныхъ! Не отъ Бога ли идетъ такая благодать?" Такъ многодаровитый Фотій умѣлъ привлекать къ себѣ превосходствомъ своего ума, основательностію убѣжденій, и у мѣста снисходительностью и сноровкою, самыхъ упорныхъ иновѣровъ и ознакомлять ихъ съ вѣрою Христовой. Но въ 846 году вступилъ на масульманскій престолъ одинъ изъ ближайшихъ потомковъ Гарунъ-Альрашида, по имени Мотавакиль, не представлявшій себѣ въ дѣлѣ религіи такой свободы, какую имѣли его высокоумные предшественники, и потому питавшій большую преданность корану, а вслѣдствіи того и особенно не благоволившій къ христіанамъ. Такъ какъ на совѣтѣ, бывшемъ по этому поводу у императора, необходимо присутствовалъ Фотій, не какъ патріархъ, какимъ онъ еще тогда не былъ, но какъ высокій, весьма приближенный къ государю сановникъ, то, конечно, выборъ для пренія ни на кого болѣе пасть не могъ, какъ на его даровитаго ученика Константина (впослѣдствіи Кирилла), отличавшагося и многознаніемъ, и ревностію по вѣрѣ. Взявъ съ собою на помощь Асикрита (a secretis) Георгія, отправился онъ на дальній Востокъ въ страны Ирака (Вавилонія) въ городъ Самару, стоявшій на Восточномъ берегу Тигра и бывшій въ то время столицею Калифовъ[1]). Продолжительны были пренія съ Са-

[1]) Пользуемся настоящимъ случаемъ подѣлиться съ г-дами славянофилами сдѣланнымъ нами открытіемъ мѣста, куда отправился Кириллъ на защиту вѣры Христовой. Обыкновенно заставляютъ его путешествовать то въ Мелитену, какъ напр., Горскій въ своей статьѣ о первоучителяхъ; Бѣляевъ въ своихъ „Конст. Мее.", — статьѣ помѣщенной въ „Душеполезномъ чтеніи"; и мы въ нашемъ сочиненіи: „Жизнь и подвиги первоучителей славянскихъ Кирилла и Мее.", Харьк. 1862 года; — то въ столицу Агарянскаго царства, великолѣпный Багдадъ къ эмиру Эль-Мутениму, какъ Муравьевъ въ „Житіи Святыхъ Кирилла и Мее." По тщательномъ розысканіи и соображеніи нами дѣла ни то, ни другое указаніе мѣста не оказывается справедливымъ. Константинъ отправлялся не въ Мелитену, городъ дѣйствительно бывшій подъ управленіемъ Эмира Милитенскаго и стоявшій на лѣвомъ берегу Тигра въ нижнихъ его частяхъ, и не великолѣпный Багдадъ, но—въ Самарру (правильное Саррамарраа), городъ въ Ираке (Вавилоніи), стоявшій также на Восточномъ берегу Тигра; ибо въ этотъ городъ временно перенесено было тогда пребываніе калифовъ однимъ изъ ближайшихъ предшественниковъ Альмотовилля, при которомъ имѣло мѣсто проповѣдническое путешествіе Константина,— Аль-Мотасемомъ. Свѣдѣніе это мы нашли въ Geschichte der Araber bis Untergange des Chalifat; nach dem. Englischen des Vilh *Guthrie* und Ih. *Gray*, bearbeitet

рацинскими мудрецами; изувѣры, досадуя, что не могли одолѣть христіанскаго философа своими лжеумствованіями и возраженіями, рѣшились погубить его ядомъ. Но, по милости Божіей, поборникъ вѣры остался цѣлъ и возвратился въ свою страну не только здравъ и невредимъ, но еще съ честію и дарами отъ масульманскаго князя, къ особенному удовольствію, посылавшаго его, Фотія.

Въ 857—58 году, когда Фотій былъ уже патріархомъ и когда, слѣдовательно, для него открылась не только большая возможность, но и прямая обязанность дѣйствовать къ распространенію святой вѣры, явилось новое къ тому отвнѣ призваніе. Козары, жившіе на западной сторонѣ Каспійскаго моря (которое потому въ восточныхъ географіяхъ и называется Козарскимъ) и впослѣдствіи занимавшіе отъ устьевъ Волги все побережье Азовскаго и Чернаго морей до самаго Кіева, ознакомлены были издавна съ христіанскою вѣрою, но слабо и зачаточно и потому жившіе среди нихъ магометане, евреи и даже язычники, пользуясь полною свободою вѣроисповѣданія, старались каждый выхвалять свою вѣру и привлекать къ ея принятію, такъ что правящая власть, каганы, не знали, на какую сторону обратиться и какую вѣру предпочесть. Между тѣмъ съ греками, не только считавшимися, но дѣйствительно бывшими тогда наиболѣе просвѣщеннымъ народомъ, козарскіе властители были въ пріязненныхъ отношеніяхъ и даже входили съ ними въ родственные союзы.

Такъ, когда имъ понадобилось для защиты своихъ владѣній отъ набѣговъ кочующихъ народовъ построить въ нынѣшней странѣ козаковъ, на берегу Дона, крѣпость, назвавшуюся впослѣдствіи Сарклъ или „бѣлая вежа“, то для сооруженія ея обратились къ греческому императору Ѳеофилу съ просьбою прислать имъ искусныхъ зодчихъ, что и было охотно исполнено. Юстиніанъ же II, свергнутый съ престола Тиверіемъ, нашелъ убѣжище у хана козарскаго и женился на его дочери, которую послѣ и вѣнчалъ царскимъ вѣнцемъ.

Равно и Левъ Исаврянинъ, желая примирить съ собою козарскій народъ, женилъ сына своего Константина, прозваннаго впослѣдствіи Копронимомъ, тоже на дочери козарскаго князя, нареченной въ крещеніи Ириной (не та это Ирина, которая возстановила православіе, но другая, гораздо прежде бывшая), а отъ этого брака у Копронима родился сынъ Левъ, прозванный даже по матери Козаринъ или Хозаринъ. При такой близости отношеній Козаръ къ просвѣщенной Греціи вполнѣ свободно имъ было обратиться къ царствующему тогда въ Греціи Михаилу III съ просьбою о воспособленіи имъ въ дѣлѣ религіи. Почему и отправлено было ими къ императору посольство, которое объясняло, что народъ ихъ хотя и вѣдаетъ Единаго Вышняго Бога и поклоняется Ему, обращаясь лицемъ на востокъ, но держится нѣкоторыхъ постыдныхъ обычаевъ, и

---

von Chrisi. Gotlob Heyne. Въ т. II, на стр. 573 и сл. говорится: Als Berbek von den Chaliphen gebracht ward der sich damals zu Samarra (замѣчаніе внизу Оріенталиста Рейске: eigentlich: Sarramarraa) in Irac, ungefär 30 Meilen von Baghdad aufder östlichen Seite der Tigris aufhilt et c. По сему не глумленія и не упрека въ самовольной выдумкѣ заслуживаетъ наша Четія Минея, которая,—а вслѣдъ за нею и „Начертаніе Церковной исторіи“ Арх. Иннокентія, изд. 2, Спб. 1821 г., отд. II, стр. 54,—представляетъ Константина путешествующимъ въ „Сарацинскій городъ Самара именуемый“.

Надобно полагать, что святитель Димитрій Ростовскій эту мѣстность обозначилъ по соображенію съ другими происшествіями этого времени у Агарянъ, которыя Византійскими писателями представляются совершающимися въ городѣ Самарѣ. Такъ, напр., Петръ Аѳонскій, принадлежащій по времени житія своего къ началу IX столѣтія, — когда плѣненъ былъ Аравитянами, то, говорится въ Четіи Минеи, отведенъ былъ со многими плѣнниками во градъ Аравійскій, называемый Самара, и тамо всажденъ бысть въ темницу (см. въ Чет. Мин. Житіе Петра Аѳонскаго, подъ 12 Іюня). Такъ же и Амморейскіе 42 мученика, когда принуждены были уступить превозмогшей силѣ Агарянъ,—отведены были въ Самару, обозначаемую стоящей при рѣкѣ Ефратской (?) (см. Чет. Мин., страданія Св. мучениковъ Амморейскихъ подъ 6 Марта).

потому, съ одной стороны, евреи убѣждаютъ ихъ принять ихъ вѣру и правила, а съ другой стороны, сарацины, обѣщая имѣть съ ними вѣчный миръ и даже дѣлая имъ значительные подарки, неотступно твердятъ, что ихъ вѣра лучше всѣхъ; вслѣдствіе того каганъ ихъ, держась существовавшей доселѣ между греками и ихъ народомъ дружбы и уважая истекающую отъ Бога власть греческаго императора, испрашиваетъ у него въ этомъ дѣлѣ совѣта и проситъ прислать къ нему какого нибудь книжнаго человѣка, для пренія съ евреями и сарацинами, обѣщаясь въ случаѣ пораженія ихъ принять вѣру греческую. Императоръ не могъ не уважить подобнаго прошенія пословъ Хозарскихъ. Тѣмъ болѣе, горящій ревностію по вѣрѣ Фотій не могъ не дорожить этимъ благопріятнымъ случаемъ пріобрѣсти цѣлый народъ для христіанства. Почему и царь, и патріархъ, вызвавъ немедленно Кирилла изъ его уединенія и передавъ ему рѣчи Козаръ, повелѣли ему, взявъ на помощь брата, идти къ нимъ для объясненія существа христіанской вѣры и для защищенія славы Пресвятыя Троицы, на которую дерзко посягали и іудеи, и сарацины. Братья выразили совершеннѣйшую готовность на такій апостольскій подвигъ, хотя бы даже пришлось умереть за вѣру Христову. Царь, довольный ихъ усердіемъ, отправилъ ихъ въ Тавриду (нынѣшній Крымъ) со всею подобающею честью, снабдивъ всѣмъ потребнымъ для пути. Почтительно приняты были проповѣдники, когда пришли въ резиденцію кагана, ибо имѣли съ собою и вѣрительную грамоту отъ византійскаго императора. Константину довелось ратовать и съ козарами, и съ іудеями, и съ сарацинами. (Меѳодій, какъ менѣе занимавшійся книжнымъ дѣломъ, большую часть оставался въ бездѣйствіи, помогая только брату своему богоугодною молитвою). Преніе продолжалось нѣсколько дней и всякій разъ въ присутствіи кагана. Нападенія были самыя открытыя и нещадныя; зловѣріе напрягало всѣ усилія къ опроверженію христіанства; но Константинъ побѣдоносно одолѣлъ и сарацинъ, и іудеевъ, и козаръ [1]), такъ что каганъ, вмѣстѣ съ своею дружиною и со многими изъ народа (но отнюдь не всѣми), увѣровалъ во Христа и принялъ крещеніе, отвергши языческое непотребство и беззаконные браки; блаженные учители для поддержанія начатаго дѣла должны были оставить тамъ нѣсколько священниковъ изъ Херсона. Отпуская проповѣдниковъ, каганъ написалъ къ императору благодарственную грамату, въ которой похвалялъ способность присланныхъ имъ двухъ мужей, умѣвшихъ хорошо объяснить сущность христіанской вѣры и ея главнѣйшихъ догматовъ, и извѣщалъ, что послѣ его крещенія вся его земля не умедлитъ креститься.

Но еще ближе ревнителю вѣры были тѣ церкви, которыя подчинены были Халкидонскимъ соборомъ вѣдѣнію Константинопольской высшей каѳедры и которыя находились среди варварскихъ народовъ, гдѣ онѣ были какъ овчія убѣжища среди окружавшихъ волковъ. Таковы были церкви провинціи Хихіи, составлявшей часть древней Азіатской Сарматіи и принадлежавшей Эвксинскому Понту. Такъ, сочувствуя успѣху христіанства въ странѣ Фотій, въ ободреніе воспорскаго архіепископа Антонія, пишетъ, что Скиѳскій Понтъ, прежде такъ не гостепріимный (ἄξεινος), подъ его воздѣйствіемъ теперь сдѣлался не только гостепріимнымъ (εὔξεινος), но и благочестивымъ, такъ какъ благочестіе въ немъ высоко процвѣтаетъ,— хвалитъ дѣятельность епископа и удивляется ея силѣ, въ особенности, по поводу обращенія евреевъ отъ чего ожидаетъ себѣ подобныхъ

---

[1]) Преніе Константина съ противниками предлагается въ житіи его въ сокращенномъ видѣ, и дѣлается ссылка на болѣе обширный трактатъ, въ которомъ оно изложено Константиномъ пространнѣе, въ 8-ми частяхъ, и въ этомъ видѣ переведено Меѳодіемъ на славянскій. Къ сожалѣнію этого полнаго трактата, изъ котораго мы могли бы наилучше узнать высоту учености и силу краснорѣчія Константина до насъ не дошло; но крайней мѣрѣ до сихъ поръ нигдѣ не найдено, а сохранились только одни изъ него отрывки.

плодовъ [1]). Что дѣло христіанства на Воспорѣ и вообще въ Тавридѣ, при поддержкѣ Фотія не ослабѣвало, свидѣтелями того могутъ быть участвовавшіе въ соборѣ въ пользу Фотія, въ качествѣ архіепископовъ Лука Воспорскій, вѣроятно преемникъ помянутаго Антонія, и Павелъ Херсонскій, преемникъ того Георгія II-го, при которомъ святый Кириллъ обрѣлъ мощи Климента, папы римскаго [2]).

Такимъ образомъ, можно съ вѣроятностью сказать, что и та Херсонская купель, такъ для насъ дорогая, въ которой принялъ крещеніе равноапостольный князь Владиміръ, устроена была съ благословенія Фотія, такъ какъ Херсонская епархія подчинена была Константинопольской каѳедрѣ.

Но, наконецъ, „Свѣтоносный“ возсіялъ свѣтомъ своимъ для цѣлаго племени, для цѣлой группы родственныхъ между собою и съ нами Славянъ. Ростиславъ, князь моравскій, вмѣстѣ съ другими двумя князьями отправили, въ 862 году, къ Византійскому императору Михаилу посольство съ такимъ заявленіемъ,— что хотя они и народъ ихъ и приняли христіанскую вѣру отъ Западныхъ латинскихъ священниковъ, но, не разумѣя ихъ языка и слыша разные толки отъ вошедшихъ къ нимъ разныхъ учителей и изъ волохъ, и изъ грековъ и изъ нѣмцевъ, по простотѣ своей (мы словени простачать), не знаютъ, чего держаться, и не вѣдаютъ существа вѣры, ограничиваясь только исполненіемъ внѣшнихъ обрядовъ, и потому просятъ прислать имъ такого учителя, который истолковалъ бы имъ дѣло новопринятой ими вѣры на ихъ родномъ языкѣ и наставилъ-бы ихъ на истинный разумъ и правду. Царь собралъ совѣтъ, на которомъ, конечно, по званію патріарха наиболѣе вѣскій голосъ принадлежалъ Фотію; было разсуждено, что если для проповѣданія иноязычнымъ племенамъ избирались доселѣ Солунскіе братья, то кого приличнѣе было послать теперь въ единоязычныя страны, какъ не ихъ же? Почему царь, призвавъ Константина, положительно сказалъ, что другой никто не можетъ такъ хорошо исполнить этого дѣла, какъ онъ самъ при содѣйствіи брата своего игумена Меѳодія. Константинъ съ радостію принялъ на себя новое посланичество, но подъ условіемъ, если моравы имѣютъ письмена, потому что просвѣщать народъ безъ письменъ, тоже что писать бесѣду на воду, и легко такимъ образомъ заслужить имя еретика; когда же онъ узналъ, что моравы письменности не имѣютъ, то изобрѣлъ новую славянскую азбуку, примѣнивъ греческія буквы. Первое приложеніе новаго изобрѣтенія было сдѣлано на переводѣ начальныхъ словъ евангелія Іоанна и затѣмъ переведены были прочія необходимыя для богослуженія книги. Эти первоначальные труды были показаны царю, Фотію и всему освященному собору. Съ ними св. братія радостно отправились въ славянскія страны. Фотій, имѣя въ виду, что проповѣдники отправляются на дальній Западъ, бывшій подъ властію папской іерархіи и рознившійся въ порядкахъ и убѣжденіяхъ церковныхъ отъ Востока, предостерегалъ ихъ отъ сдѣланныхъ Римскою церковью уклоненій отъ вселенской вѣры и строжайше наказывалъ держаться Восточнаго православія. Пришедши въ Моравію, они были приняты отъ князя съ особенною честію; на первыхъ же порахъ они получили порученіе,—научить изобрѣтенной ими грамотѣ приготовленныхъ имъ учениковъ. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ пребыванія своего въ Моравіи, при содѣйствіи многихъ наученныхъ ими помощниковъ братья успѣли широко распространить между жителями принесенное ими православіе. По замѣчанію жизнеописателя Кирилла, согласно пророческому слову, отверзлись тогда уши глухихъ и услышана быша словеса книжныя, и языкъ гугнивыхъ сдѣлался ясенъ. Папа Николай I, узнавши о великихъ успѣхахъ проповѣднической дѣятельности братьевъ, потребовалъ ихъ къ себѣ на лицо, дабы испытать

[1]) Phot. ep. 96 p. 136 ed. Montae. Ἀρχιεπισκόπῳ I. II ep. 13 p. 828 ed. Migne.

[2]) Le Quien. Oriens. christianus I pag. 1328—1331.

духъ ихъ ученія. Но Николая путешественники уже не застали въ живыхъ (ум. въ 867 году ноября 13). Его преемникъ, папа Адріанъ, удостовѣрившись въ правильности ихъ ученія и одобривъ славянскій языкъ и изобрѣтенныя ими письмена, свободно допустилъ обоихъ учительствовать въ единоязычной съ ними странѣ. Къ сожалѣнію, въ это время Кириллъ скончался, а Меѳодій былъ рукоположенъ въ епископа Моравіи Паннонской, и въ этомъ званіи, при помощи своихъ учениковъ, успѣлъ далеко распространить православіе за предѣлами своей области—въ Сербіи, Чехіи, въ Венгріи, Хорватіи, Долмаціи, Галиціи и въ самой Польшѣ. Но Византія, не смотря на долгое отсутствіе посланныхъ ею вѣропроповѣдниковъ, не теряла ихъ изъ памяти и вида. Императоръ, на этотъ разъ уже Василій Македонянинъ, вмѣстѣ съ раздѣлявшимъ съ нимъ всѣ важныя дѣла патріархомъ вытребовали себѣ на лицо архіепископа Меѳодія для того, что-бы увѣриться въ духѣ его ученія на Западѣ, которое и было вполнѣ одобрено, какъ императоромъ, такъ и Фотіемъ; послѣ чего Меѳодій отпущенъ былъ съ честію „до своего стола“ [1]).

Такимъ образомъ, Фотій является начальнымъ просвѣтителемъ въ дѣлѣ православной вѣры, не только нашей страны Россіи, но и прочихъ странъ славянскихъ, съ тою только разницею, что родная Русь и Болгарія просвѣщенны были святою вѣрою при непосредственномъ участіи знаменитаго патріарха, а прочія славянскія страны при посредствѣ подручныхъ ему вѣроучителей, святыхъ Кирилла и Меѳодія.

X. УЧЕНЫЕ ТРУДЫ ФОТІЯ.

Но геніальный первосвятитель дѣйствовалъ къ просвѣщенію не только современнаго ему человѣчества мѣрами учительства и миссіонерства, но и оставилъ послѣ себя множество безсмертныхъ всякаго рода умственныхъ произведеній, чрезъ которыя сдѣлался свѣтильникомъ для человѣчества всѣхъ временъ и мѣстъ. Это Платонъ христіанскій, поражающій высотою своихъ идей; это Цицеронъ христовой школы, блистающій красотою слова, обиліемъ мыслей и поразительностію оборотовъ; это Гомеръ, подъ вѣяніемъ евангельскаго духа, умѣющій и двигать на подвиги, и достойно прославить ихъ; это Полигисторъ, одаренный отъ Вышняго духа словомъ знанія (γνώσεος, по славянски—разума; 1 Кор. XII, 8), для котораго въ предѣлахъ его времени ничего не было неизвѣстнаго. Выразимъ это болѣе краткими, но восторженными словами ученаго эллиниста, преосвященнаго Порфирія въ его „Толкованіи двухъ бесѣдъ Фотія по случаю осады Константинополя русскими“: „Фотій—это первый нашъ другъ, нашъ первый просвѣтитель, нашъ первый историкъ, нашъ Гомеръ и нашъ Павелъ“. Присоединимъ и похвалу, восписываемую сочинителемъ „Начертанія церковной исторіи“ (на основаніи знаменитаго Англійскаго богослова Каве) прославляемому нами іерарху: „по учености онъ выше писателей не токмо девятаго вѣка, но и почти всѣхъ прочихъ вѣковъ; по *Виѳліоѳикѣ*, содержащей извлеченія изъ 380 писателей, это—повѣствователь единственный, филологъ весьма свѣдущій и критикъ проницательный; по книгѣ о *должностяхъ царя*—премудрый политикъ; *по отвѣтамъ на 313 вопросовъ*—глубокій законоискусникъ; по письмамъ, коихъ насчитывается до

[1]) Мы коснулись вскользь миссіонерской дѣятельности свв. Кир. и Меѳ., на сколько она соприкасалась съ участіемъ въ ней Фотія, котораго мы исключительно имѣемъ въ виду въ этомъ нашемъ сочиненіи. А кому желательно ближе знать жизнь и дѣянія свв. Первоучителей, для того открыта цѣлая библіотека писанныхъ о нихъ монографій.

248, — философъ, врачъ, математикъ и богословъ“ [1]).

Но не простираемся далѣе въ похвалахъ собственныхъ и благопріятственныхъ многодаровитому іерарху, потому что похвала отъ лица, поставившаго себѣ цѣлію возставить отъ недостойнаго забвенія историческую личность, всегда будетъ казаться пристрастною, преувеличенною, невѣрною, а потому объ учености и письменныхъ трудахъ Фотія мы представимъ отзывы самыхъ его противниковъ и порицателей.

И. во главѣ этихъ отзывовъ сообщимъ сужденіе о рѣдкостномъ талантѣ и превосходствѣ ученыхъ трудовъ Фотія — сужденіе одного злѣйшаго его поносителя, не рѣдко упоминавшагося нами въ семъ сочиненіи, аббата Жаже (Jager). „Никита (Паѳлагонянинъ), пишетъ онъ, самый рьяный порицатель поведенія Фотія, постоянно представляетъ его самою выдающеюся личностію своего вѣка, стоющею, по своему генію и знаніямъ, быть поставленной наравнѣ съ величайшими учеными прошедшихъ вѣковъ. Онъ владѣлъ познаніями (отзывъ уже самого Жаже) самыми разнообразными: зналъ и краснорѣчіе, и поэзію, и философію, и право каноническое, и богословіе. Медицина и политика не имѣли для него ничего сокровеннаго; онъ уразумѣвалъ тайны одной и прозрѣвалъ глубины другой съ одинаковою проницательностію. Одаренный неистощимою ревностью къ труду, онъ читалъ все, все изучалъ, и извлеченія, какія онъ намъ оставилъ, показываютъ, что онъ умѣлъ извлекать пользу изъ всего. Его талантъ писать приближается весьма часто къ древнимъ. Въ самыхъ его писаніяхъ, направленныхъ противу латинской церкви, мы замѣтили особенную изворотливость и красоту слога, которая покрываетъ слабость его доказательствъ (взглядъ католика). Иногда даже воспаряетъ онъ до высокаго краснорѣчія: примѣры того представляетъ намъ посланіе, написанное имъ Восточнымъ епископамъ. Но когда на его сторонѣ истина, то его перо часто порождаетъ образцы, достойные древности“ [1]).

Другой, болѣе умѣренный и менѣе ожесточенный противникъ Фотія, Гергенретеръ такъ отзывается о его умственномъ превосходствѣ и достоинствѣ его сочиненій: „если Фотій какъ человѣкъ и христіанинъ, какъ епископъ и высшій іерархъ и является намъ съ большими нравственными слабостями (сужденіе католика), то, съ другой стороны, какъ ученый и писатель, какъ литераторъ, философъ и теологъ, видится въ блистательномъ свѣтѣ.... И о его учености, равно и о достоинствѣ его трудовъ, какъ католическіе, такъ и не католическіе ученые до послѣдняго времени постоянно давали самый благопріятный отзывъ, и если въ нравственномъ отношеніи они видѣли себя вынужденными осуждать его, за то въ научномъ тѣмъ выше его ставили. Правда, не мало изъ восписанныхъ ему похвалъ преувеличены: ученѣйшимъ мужемъ почти на всѣ столѣтія онъ не былъ, равно не былъ и величайшимъ геніемъ своего вѣка; но совершенно не обыкновенная и чрезвычайная до его времени многосторонность его ума всегда должна поражать; въ столь многихъ областяхъ знанія, какъ онъ, выдѣлялись только очень не многіе во все продолженіе среднихъ вѣковъ, и если онъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ, по вкусу своего вѣка, является болѣе компиляторомъ, чѣмъ оригинальнымъ и самопроизводительнымъ писателемъ, то надобно, однако, сказать, что онъ и здѣсь успѣлъ проявить самостоятельное сужденіе и выставилъ себя производительнымъ и богатымъ мыслями писателемъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ новѣйшихъ историковъ греческой

[1]) См. Начерт. Церк. исторіи архимандрита Иннокентія изд. 1 С.П.Б. 1817 отдѣл. 1, вѣкъ XI, стр. 482. Гергенретеръ Phot. t. III стр. 4, въ такомъ видѣ представляетъ приведенное нами мѣсто изъ Cave: Vir infinitae lectionis, stupendae eruditionis, omnium *non sui modo, sed et omnium paene saeculorum doctissimus*... librorum helluo voracissimus, censor κριτικώτατος.... *historicus summus*, philologus instructissimus, criticus perspicacissimus. Cave Hist. lit. p. 463 ed Genev 1720 f.

[1]) Смотр. Жаже Photius, edition II-ème p.

литературы судитъ о Фотіи такъ: „этотъ блистательнѣйшій умъ Византійскаго періода освѣщалъ вторую половину девятаго столѣтія богатствомъ образованія, самостоятельнымъ сужденіемъ и широкою начитанностію въ свѣтскихъ сочиненіяхъ; онъ обладалъ вкусомъ, хотя и не писалъ со вкусомъ. Чѣмъ менѣе счастіе благопріятствовало ему въ политикѣ и въ богословской полемикѣ, тѣмъ плодовитѣе развивалась въ тиши досуга его ученая дѣятельность. Онъ занимаетъ почетное мѣсто, именно: какъ проницательный критикъ въ греческой литературѣ, средоточіемъ которой была для него церковная письменность со всѣми тонкостями богословскаго знанія, какъ-то видимъ въ его письмахъ,—какъ устроитель церковнаго права и составитель словаря, пригоднаго какъ для свѣтскаго, такъ и для духовнаго чтенія; и то, и другое сочиненіе позднѣйшими писателями были полагаемы въ основанія своихъ трудовъ“. Bernhardi[1]) Grundiss der griech. Literatur 2. Bearbeitung I. S. 597. H.

Но Гергенретеръ не довольствуется сими похвалами, а приводитъ въ дополненіе и отзывъ Жаже, который нами приведенъ предъ симъ, и кромѣ того многіе другіе нами подъ симъ ниже указываемые [2]).

Вотъ таково-то сужденіе католическаго міра и другихъ инославныхъ писателей о высотѣ ума Фотіева и достоинствѣ его ученыхъ произведеній! [3])

Бросимъ теперь хотя краткій взглядъ на болѣе замѣчательныя изъ нихъ, дабы ближе познакомить читателей съ духомъ и направленіемъ ихъ творца.

Долго ученые всѣхъ христіанскихъ исповѣданій трудились надъ собираніемъ и изданіемъ многочисленныхъ трудовъ Фотія, но все то были не полныя, частичныя, часто невѣрныя попытки. Только въ наше время, именно въ 1860 году, спомоглось аббату Миню (G. S. Migne), при содѣйствіи ученаго епископа брюггскаго Малу (Malou), въ предпринятой и изданной имъ Patrologia graeca, t. 61—до 104 представить возможно—полное собраніе сочиненій Фотія, хотя ученые и въ немъ видятъ еще недостатокъ нѣкоторыхъ его трудовъ. Издатели

---

[1]) Гергенр. Photius t. III, стр. 4.

[2]) Эти хвалебныя выдержки суть слѣдующія: *Leo Allatius*, de VIII Synodo Photiana. Bomae 1662 praef. Photius.... equestri nobilique loco natus, praeclara eruditione atque doctrina conspicuus, magnarum etiam aliarum artium instructissimus. — *Turrian.* Praef in Constitutiones Apostolorum Phot. incredibilis lectionis et acris judicii avctor eruditissimus. *Çerard Voss* de Historia Çraec. L. II c. 25. Photius Patriar. Cpl., omnium suae aetatis doctissimus pr., и пр. См. Гергенретера, т. III, стр. 4, въ выноскѣ.

[3]) Тѣмъ не менѣе, недоброжелатели Фотія старались, кромѣ его нравственности, омрачить и ученость его тѣмъ, что онъ-де преданъ былъ болѣе языческой мудрости, чѣмъ ученію церкви (πρὸς τὰ ελληνικὰ φιλοσοφώτερον διέκειτο ἢ τὰ ἐκκλησιαστικά.... Theophanis Continuator pag. 670. Напрасно. Фотій почерпнутую имъ отъ язычества мудрость употреблялъ на поддержаніе христіанства, подобно какъ и великія святители церкви, Василій Великій, Григорій Богословъ и І. Златоустъ, которые учились даже въ языческихъ школахъ, но вынесенныя ими изъ нихъ свѣдѣнія употребляли на уясненія и утвержденіе истинъ евангельскихъ.

Но непріязнь къ Фотію не ограничилась однимъ этимъ унизительнымъ для него сужденіемъ: она простерлась до нелѣпѣйшаго объясненія, отъ куда взялись у него познанія. Недоброжелатели Фотія разсказывали слѣдующее: Фотій въ молодости, будто-бы, случайно встрѣтился съ однимъ Еврейскимъ магомъ, который сказалъ ему: „Что дашь мнѣ, молодой человѣкъ, если я сдѣлаю, что вся языческая мудрость перейдетъ въ уста твои, и ты превзойдешь всѣхъ ученостію?“ „Отецъ мой охотно отдастъ тебѣ за это половину всего своего имущества“, отвѣчалъ Фотій.—„Не нужно мнѣ твоего богатства“,—возразилъ магъ;—не нужно также, чтобы и отецъ твой зналъ объ этомъ. Но пойди со мною и отрекись отъ креста, на которомъ мы распяли Христа; я же тебѣ дамъ за это неслыханный талисманъ: обладая имъ, ты счастливо проживешь всю жизнь, будешь постоянно богатъ, всѣхъ превзойдешь мудростію, и не будетъ знать никакихъ огорченій“. Фотій, выслушавъ искусителя, исполнилъ все, чего тотъ требовалъ. Съ тѣхъ поръ онъ безпредѣльно предался чтенію запрещенныхъ Еврейскихъ книгъ и занялся предсказательными и астрономическими чародѣйствіями (μαντικῆς καὶ ἀστρολογικῆς τερατειάς. Theoph. Cont. pag. 670).

всѣ его творенія раздѣлили на пять разрядовъ: 1) творенія экзегетическія, 2) догматическія, 3) увѣщательныя или проповѣднническія, 4) историческія и 5) каноническія. Мы слѣдуемъ порядку времени ихъ произведенія.

А. Словарь Фотія.

Однимъ изъ первыхъ по времени произведеній Фотія является лексиконъ или словарь, носящій подлинное названіе: λέξεων συναγωγή. Это есть трудъ молодыхъ лѣтъ Фотія, когда онъ читалъ разныхъ древнихъ ораторовъ и историковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, и встрѣчалъ въ нихъ нѣкоторыя устарѣлыя и сдѣлавшіяся малопонятными слова и выраженія, и отдѣлялъ ихъ въ особенный сборникъ, располагая ихъ по алфавитному порядку. Въ составъ словаря вошли и рѣченія и обороты словъ поэтовъ, всегда отличающіеся особенною своеобразностію, и потому скорѣе прозы дѣляющіеся трудными къ уразумѣнію. Впрочемъ, не безъ предшественниковъ и готовой помощи составленъ былъ Словарь: многіе и до Фотія трудились въ подобномъ родѣ, и онъ, гдѣ слѣдуетъ, воспользовался ихъ трудами для полноты своего собранія. Но за то и трудъ Фотія,—такъ какъ предшествовавшіе ему лексикографы до насъ не дошли, — полагается въ основаніи греческой лексикографіи, начиная отъ Свиды, написавшаго въ XI столѣтіи, въ царствованіе Алексѣя Комнина, „Словарь историческій и географическій“, до новѣйшихъ лексикографовъ, когда хотятъ придать своимъ трудамъ требуемую полноту. Ближайшая цѣль и польза Фотіевой юношеской работы—помогать читающимъ греческихъ писателей, какъ свѣтскихъ, такъ и церковныхъ, въ разумѣніи ихъ. Наилучшее изданіе этого вспомогательнаго труда явилось въ послѣднее время: именно, какой-то ученѣйшій нѣмецъ, по имени S. A. Naber, издалъ его въ 1864 году въ Лейденѣ (Leidae) подъ заглавіемъ: (Фотій) Photii patriarchae Lexicon, въ двухъ волюмахъ, in 8°, и обнаружилъ свою широкую ученость и начитанность тѣмъ, что почти къ каждому приводимому и объясняемому Фотіемъ слову умѣлъ отыскать мѣсто, гдѣ оно у какого писателя употреблено.

Б. Миріобиблъ.

Но важнѣйшее изъ твореній Фотія, которое стяжало ему наибольшую славу въ потомствѣ и обезсмертило имя его въ ученомъ мірѣ—это его *Миріобиблъ*, т. е. тысяча книгъ, или библіотека. Подлинное названіе его, данное ему самимъ Фотіемъ. Ἀπογραφὴ καὶ συναρίθμησις τῶν ἀνεγνωσμένων ἡμῖν βιβλίων, ὧν εἰς κεφαλαιώδη διάγνωσιν ὁ ἠγαπημένος ἡμῶν ἀδελφὸς Ταράσιος ἐξῃτήσατο ἐστὶ δὲ ταῦτα εἰκοσι δεόντων ἐφ ἑνὶ (al. ἑνός) τριακόσια, т. е. описаніе и перечисленіе прочитанныхъ нами книгъ, содержаніе которыхъ просилъ изложить по главамъ возлюбленный братъ нашъ Тарасій; такихъ книгъ 300 безъ 20, взятыхъ одинъ разъ [1]). Это есть собраніе разсказовъ, критикъ и извлеченій изъ 280 прочитанныхъ Фотіемъ книгъ. Поводомъ къ подобному сочи-

[1]) Данныя издателями труду Фотія названія „Библіотеки“ и „Миріобибла“ въ самомъ началѣ показались многимъ слишкомъ преувеличенными. Но Андрей Шоттъ, который первый снабдилъ твореніе латинскимъ переводомъ въ 1606 году, такъ оправдывалъ приличіе и годность этихъ названій для труда Фотіева. Neque libris modo titulus bibliothecae datur, sed hoc amplius et hominibus, ut Dionysium longinum rhetorem Eunapius Sardianus ἔμψυχον Βιβλιοθήκην vinum adeo musaeum appellare non dubitat (Prolegom. in Photii biblioth., ed. 1653).

ненію, какъ видно изъ помѣщеннаго въ началѣ его, въ качествѣ предисловія, письма къ брату, былъ отъѣздъ Фотія, въ качествѣ посла, въ Ассирію, по приказанію императора и сената. Тарасій, частію въ утѣшеніе себѣ по случаю его отъѣзда, а частію просто изъ любоучености, просилъ его сообщить ему содержаніе прочитанныхъ имъ безъ него книгъ. И Фотій, взявъ писца, началъ составлять на память рецензіи прочитанныхъ имъ, нѣкоторыхъ даже давно, книгъ, и скорѣе чѣмъ ожидать было можно, исполнилъ запрошенную отъ брата услугу. Почему, казалось-бы, трудъ такъ поспѣшно и на память исполненный, и не стоилъ-бы особенныхъ похвалъ, какъ не могшій обойтись безъ важныхъ недостатковъ и промаховъ. Но вотъ какъ судитъ о достоинствѣ этого труда Фотіева злѣйшій его противникъ и ругатель, тотъ же Жаже (Jager), котораго отзывъ вообще о достоинствѣ твореній Фотія мы привели выше: „Библіотека Фотія—это есть краткій, общій и критическій отчетъ о всѣхъ книгахъ, прочитанныхъ имъ во время досуговъ, какіе предоставляли ему его политическія занятія, въ качествѣ-ли государственнаго секретаря, или въ качествѣ посланника; это есть родъ ученаго журнала, который можетъ служить образцемъ, и превосходнѣе котораго, можетъ быть, никогда ничего не будетъ. Его братъ, Тарасій, раздѣлялъ съ нимъ этотъ родъ труда, когда они жили вмѣстѣ въ столицѣ имперіи. Разлука ихъ не прервала, однако, этого ученаго сообщества: Фотій, хотя и издалека, сообщалъ своему брату свѣдѣнія о своихъ ученыхъ занятіяхъ и посылалъ ему свои критическія замѣчанія о твореніяхъ, какія пришлось ему разобрать. Авторы этихъ твореній принадлежатъ всѣмъ родамъ письменности: они—и филологи, и поэты, и ораторы, и философы, и богословы, числомъ до двухъ сотъ восьмидесяти, которыхъ большая часть до насъ не дошла. Надобно было имѣть умъ строгій, широкое пониманіе и рѣдкое терпѣніе, чтобы разобрать эти 280 столь различныхъ твореній, и не пропустить ничего. Надобно было имѣть разумъ дивный, чтобы сообщить интересъ матеріямъ самымъ отвлеченнымъ, и чтобы осыпать цвѣтами разсужденія самыя сухія. Сужденія, произносимыя имъ о столькихъ различныхъ произведеніяхъ, и извлеченія, изъ нихъ дѣлаемыя, подсказаны вкусомъ самымъ здравымъ, критикою самою разсудительною и просвѣщенною, и, мало того, приправлены чертами веселости и игры, которыя дѣлаютъ чтеніе ихъ пріятнымъ и пикантнымъ, даже тогда, когда предметъ ихъ вовсе къ тому не располагаетъ. Всѣ, которые спеціально изучили „Библіотеку“ Фотія, приходили отъ нея въ удивленіе и ставили ее въ первомъ ряду ученыхъ твореній“.

Таковъ отзывъ ожесточеннаго врага о твореніи Фотія. Само собою разумѣется, что тѣ изъ писателей, которые умѣли сохранить болѣе или менѣе безпристрастіе относительно автора, тѣмъ съ большою похвалою говорятъ о важности и значеніи Фотіевой библіотеки. Таковы: *Hanke* de byzantinarum rerum scriptoribus. Lips. 1677, p. 394—396. *Cave* Historia literaria, ed. Genev. 1720 p. 463 и сл. Const. Wolf. Dissert. de Photio, Ephemeridum eruditorum inventore. Vitebergae 1688. Chr *Iunker* Sched. hist. de Diariis eruditorum. ed. Lips. 1692 p. 72. *Fabricius Bibl.* gr. IX p. 381—519, ed vet. t. X p. 678—776. t. XI p. 1 и сл. ed. Harl. *Schröckh.* Kirchen Geschichte, XXI S. 196—198. *Schöll* Gesch. der griechischen Literatur, по переводу Dr. Пиндера. А кому желательно познакомиться на лицо съ такъ прославленнымъ сочиненіемъ Фотія, тому, не упоминая о старыхъ его изданіяхъ XVII и XVIII вѣковъ, прямо указываемъ на изданія, появившіяся въ нашемъ вѣкѣ: Имман. *Беккера*, вышедшее въ Берлинѣ, въ 1824 г., на одномъ греческомъ, въ двухъ томахъ, in 4-to подъ латинскимъ заглавіемъ: Photii Bibliotheca, на основаніи рукописей, одной венеціанской и трехъ парижскихъ, — и *Миня* Photii opera t. III и IV, съ греческимъ, очищеннымъ отъ ошибокъ Беккера текстомъ и съ стариннымъ, несовсѣмъ исправнымъ, переводомъ латинскимъ. Сл. Гергенретера т. III, стр. 15 и 13.

B. Амфилохіи.

(Τὰ Ἀμφιλόχια или Ἀμφιλόχεια, а также Ἀμφιλόχια Quaestiones Amphilochianae или Amphilochia).

Полное названіе сочиненія таково: ἀμφιλόχια ἤ λόγων ἱερῶν συλλογή, εν ᾗ ζητήματα τῆς θείας γραφῆς διαλύεται πρὸς Ἀμφιλοχιον τὸν ὁσιώτατον μητροπολίτην Κυζίκου ἐν τῷ καιρῷ τῶν πειρασμῶν (у другихъ τοῦ πειρασμοῦ) т. е. Амфилохіи или собраніе священныхъ словъ, въ которомъ разрѣшаются вопросы по Божественному писанію для Амфилохія, преподобнѣйшаго митрополита Кизическаго во время напасти. Это новое твореніе многоученаго Фотія, получившее свое названіе, какъ видѣли, отъ Амфилохія, Кизическаго святителя, друга его, къ которому оно большею частію было писано, представляетъ собою весьма значительное число изслѣдованій (до 333) по разнымъ вопросамъ изъ священнаго писанія, догматическихъ и экзегетическихъ разсужденій, въ особенности, по поводу встрѣчающихся въ библіи разныхъ кажущихся противурѣчій и, затѣмъ, розысканій о теологическихъ, миѳологическихъ, грамматическихъ, историческихъ и другихъ научныхъ задачахъ. Эти разсужденія Фотіемъ были написаны въ различныя времена, но главнымъ образомъ во время перваго заточенія, потому что во многихъ изъ нихъ находимъ жалобы сочинителя на свое стѣсненное положеніе, на недостатокъ въ книгахъ и писцахъ, на тягость гоненія, и кромѣ того, во время втораго изгнанія Фотія, къ которому можно бы было отнести происхожденіе труда, Амфилохія уже не было въ живыхъ. Не всѣ однако-жъ вопросы шли отъ Амфилохія; многія изъ писемъ Фотія носятъ на себѣ и другой адресъ. Вслѣдствіе такихъ случайныхъ и разнообразныхъ къ многоученому заточнику обращеній на счетъ разрѣшенія затруднительныхъ вопросовъ, и самое собраніе отвѣтовъ не могло представлять въ себѣ что-либо связное и по одному плану составленное. Отвѣты Фотій давалъ—частію отъ своего ума и богатства свѣдѣній, а частію на основаніи отцевъ церкви.

Для большаго выясненія дѣла и предоставленія самому читателю на разрѣшеніе выписываемъ здѣсь нѣсколько вопросовъ изъ полнаго собранія:

Вопросъ первый. О заповѣди Христа, Матѳ. X, 9, 10; Лук. IX, 3. X, 4, XXII, 30; Марк. VI, 8, и вообще о мнимыхъ библейскихъ противорѣчіяхъ. Это разсужденіе признается однимъ изъ содержательнѣйшихъ.

Вопросъ второй. Какъ согласить Быт. II, 2, съ Іоан. V, 17.

Вопр. третій. Почему Христосъ исцѣлилъ зрѣніе слѣпорожденному бреніемъ отъ плюновенія, а не другимъ чѣмъ?

Вопросъ четвертый. Въ объясненіе словъ апостола Іуды, ст. 23: *ненавидяще и яже отъ плоти осквернену ризу.*

Вопросъ пятый. Если все подчиненное необходимости не вмѣняемо, а съ другой стороны, соблазны должны (непремѣнно) прійдти въ міръ (Матѳ. XVIII, 7,), то представляется несправедливымъ того, кто къ тому принужденъ былъ, подвергать проклятію и наказывать за грѣхъ.

И прочіе тому подобные вопросы, интересующіе всякаго мыслящаго христіанина, числомъ, какъ выше нами показано, свыше 300 [1]).

---

[1]) Эти такъ названные „Амфилохіи“ Фотія давно обращали на себя вниманіе ученыхъ и издаваемы были то въ одномъ греческомъ текстѣ, то съ латинскимъ переводомъ, но все въ неполномъ, недостаточномъ видѣ, по той мѣрѣ, какъ въ той или другой библіотекѣ отыскивались составляющія Сборникъ статьи. Только нашему столѣтію, по истеченіи тысячи лѣтъ, послѣ многихъ поисковъ, посчастливилось изготовить два полныхъ, удовлетворительнѣйшихъ изданія, изъ коихъ одно принадлежитъ западному католицизму, а другое — восточному православію. Первое принадлежитъ извѣстному ученому Аббату, И. П. *Миню*, который, воспользовавшись предварительными трудами ученѣйшихъ кардинала Маи и епископа Малу (Malou), напечаталъ возможно въ удовлетворительной полнотѣ

Г. Толкованія Фотія на священное Писаніе.

Нельзя думать, чтобы ревность Фотія по благочестію ограничилась только тѣми случайными объясненіями мѣстъ изъ священнаго писанія, какія мы указывали въ представленныхъ нами „Амфилохіяхъ“. Нѣтъ, онъ ставилъ себѣ въ священную обязанность свои обширныя богословскія свѣдѣнія употреблять на уясненіе душеспасительныхъ божественныхъ истинъ, и дѣйствительно, мы много находимъ тому опытовъ и указаній, но только въ разсѣянномъ, по разнымъ толкованіямъ другихъ писателей, видѣ, а отнюдь не въ цѣлостномъ собраніи, какъ другія его творенія.

Съ четвертаго еще столѣтія сдѣлалось у церковныхъ писателей обычнымъ составлять для объясненія священнаго писанія сборники толкованій св. отцевъ. Первоначально писались они одни, а впослѣдствіи дѣлались къ нимъ прибавленія, въ видѣ краткихъ объясненій или замѣчаній. Первымъ составителемъ таковыхъ сборниковъ признается Олимпіадоръ, епископъ Александрійскій, жившій въ концѣ пятаго или шестого столѣтія; за нимъ слѣдовали Экуменій, греческій писатель X вѣка, употреблявшій въ объясненіе дѣяній апостольскихъ, посланія Іакова и посланій Ап. Павла, писанія Іоанна Златоуста, — епископъ Никита, въ толкованіи на Іова, затѣмъ Евфимій, Макарій и Андрей пресвитеръ. Сборники эти у грековъ сперва назывались просто Ἑρμηνείαι διαφόρων πατέρων, потомъ σείραι, а у латинянъ catenae (и то и другое — цѣпи, какъ бы связки или вязки, потому что толкованія привязывались одно къ другому). Въ подобныхъ-то сборникахъ приводятся въ сокращенномъ или полномъ видѣ толкованія Фотія на разныя мѣста священнаго писанія. Таковы: Codex Marcianus 27 saec. 10 (Graeca D. Marci bibliotheca Venet 1740 p. 23.24.) cat. in 4 Evang. (sigc. LXXXVI 4) съ схоліями Фотія, въ особенности на Марка и Луку. Cod. Marc. 495 saec. 14 (catal. cit. p. 259 sign. XCI 4) Златоустъ на Іоанна и Матѳія съ схоліями Фотія; cod. Paris 194 membr. saec 10 olim Coisl. (catal. II p. 30) Cat. in Mth. et Mc. cum scholiis Photii, и проч. Изъ печатныхъ сборниковъ сюда относятся: Corderii Catena Graeco-latina in Matth. t. I Catena in Luc. Antwerp. 1628 p. 415—562. Cat. in oh. Antwerp. 1630 p. 123, 128 p. и др.

Судя по этимъ слѣдамъ толкованій Фотія, видно, что онъ богословскую ученость свою преимущественно упражнялъ на объясненіи мѣстъ Новаго Завѣта. Западные потрудились розыскать и эти мѣста въ разныхъ толковыхъ Сборникахъ, или, такъ называемыхъ ими „катенахъ“, Гергенретеръ въ своемъ „Фотіи“ т. 3 посвящаетъ цѣлыя 19 страницъ (73—91) указанію этихъ истолковательныхъ мѣстъ.

Что касается до толкованій Фотія на Ветхій Завѣтъ, то Каве, Фабрицій и другіе приписываютъ ему цѣлую книгу толкованій на пророчества: Liber Prophetarum cum expositione, находящуюся въ Ватиканской библіотекѣ. Кромѣ

въ своемъ изданіи Photii opera omnia in 5 classes distributa, tom. I (collectio patrum Graecorum t. Ci pars 1—190, 1227,—1296). Paris 1860 a. Второе изданіе, собственно для восточной церкви, послѣ недостаточнаго въ концѣ прошедшаго столѣтія напечатанія „Амфилохій“, въ количествѣ 79-ти вопросовъ, Евгеніемъ Булгаромъ въ его τῶν τοῦ Θεοδορίτου т. 5, стр. 141—145, было давно приготовлено къ напечатанію извѣстнымъ греческимъ ученымъ, Константиномъ Экономосомъ, но, за смертію его въ 1857 году, въ слѣдующемъ 58-мъ г. исполнено было сыномъ его, Сафакломъ, врачемъ и хирургомъ и членомъ многихъ ученыхъ обществъ. Въ основаніе текста положена рукопись святой Аѳонской горы. Книгѣ предположено богатое предисловіе съ свѣдѣніями о жизни и писаніяхъ Фотія, въ особенности, „объ Амфилохіяхъ“. Трудъ посвященъ Его Величеству Государю Императору Александру II, какъ могущественнѣйшему защитнику православія. Заглавіе труда — слѣдующее: Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Φωτίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως τὰ Ἀμφιλόχια ἢ λόγων ἱερῶν συλλογή, ἐν ᾗ ζητηματα τῆς θείας χραφῆς διαλυεται ἐκ κώδηκος της κατά τόν Ἄθωνα Μεγάλης Λαύρας Ἐκδιδόντος Σοφοκλεοῦς Κ. τοῦ ἐξ Οἰκονόμων. Ἀθήνησι, τυποις Φ. Καραμπίνου καὶ Κ. Βαφα ΑΘΝΗ. (4) стр. ξδ 412.

сего, въ одной рукописи XIII столѣтія, содержащей въ себѣ толкованія на псалмы, дѣлается два замѣчанія, которыя ясно говорятъ, что Фотій писалъ толкованіе на псалтырь, или, по крайней мѣрѣ, составлялъ сборникъ святоотеческихъ толкованій на вдохновенное твореніе псалмопѣвца.

Ученые не допускаютъ истинности этихъ показаній [2]); но мудрено и согласиться, чтобы Фотій, по своей учительской ревности по званію архипастыря и при богатствѣ своихъ богословскихъ свѣдѣній, могъ оставлять безъ вниманія весь Ветхій Завѣтъ, не могшій быть обойденнымъ по тѣсной и существенной его связи съ Новымъ. Уже одни выставленныя нами въ „Амфилохіяхъ“ мѣста изъ Ветхаго Завѣта, которыя разъясняются не единственно сами по себѣ, но и по сношенію съ Новымъ Завѣтомъ, сами по себѣ показываютъ, какъ близокъ былъ Ветхій Завѣтъ учительному вниманію Фотія; относительно же псалтыря онъ жалуется, что эта книга такъ часто читается и поется въ церкви и такъ мало разумѣется. Въ этой жалобѣ слышится прямое указаніе на сознаніе потребности объясненія книги [1]).

Д. Каноническіе труды Фотія.

Такій ревнитель правовѣрія и благочестія, каковъ былъ Фотій, конечно, не могъ оставлять церкви безъ огражденія ея законами благоустройства и благочинія, и въ этомъ смыслѣ, составленъ имъ такъ извѣстный во всемъ христіанскомъ мірѣ *Номоканонъ*. Конечно, нельзя думать, чтобы это собраніе церковныхъ правилъ было первымъ опытомъ развитія церковнаго законодательства. Нѣтъ, и до того времени много было подобныхъ опытовъ. Рѣшенія соборовъ свято хранились въ государственныхъ и церковныхъ архивахъ, и оттолѣ извлекались для составленія кононическихъ сборниковъ, какъ это мы можемъ заключить изъ ссылокъ, дѣлаемыхъ отцами соборовъ, въ 381 и 431 годахъ, въ Константинополѣ и въ Эфесѣ, а равно и на Карѳагенскомъ (съ 391 — 419), на существовавшія въ ихъ время собранія постановленій бывшихъ прежде ихъ соборовъ. Не останавливаясь на поименованіи сихъ болѣе давнихъ сборниковъ, указываемъ на болѣе близкое ко времени Фотія и болѣе полное послѣ нихъ собраніе церковныхъ правилъ патріарха Антіохійскаго (VI вѣка) Іоанна Схоластика, содержащее въ себѣ постановленія (4) четырехъ вселенскихъ соборовъ: Никейскаго, Константинопольскаго, Эфескаго и Халкидонскаго, равно и 6-ти помѣстныхъ соборовъ, съ присовокупленіемъ и шестидесяти восьми правилъ св. Василія Великаго. Недовольствуясь симъ, патріархъ сдѣлалъ выписку изъ разныхъ Юстиніановыхъ Новеллъ, относящихся къ церковнымъ дѣламъ, и, наконецъ, желая сообщить всему труду своему большую степень совершенства, присовокупилъ каждому титлу соотвѣтствующія постановленія изъ гражданскихъ законовъ, что и подало основаніе къ нареченію Сборника *Номоканономъ*, отъ словъ Νομος, гражданскій законъ, и κάνων, церковное правило.

Прошло еще два столѣтія со времени І. Схоластика, и — церковь успѣла накопить новый запасъ правилъ, обезпечивающихъ ея благосостояніе. Фотію предоставленъ былъ почтенный трудъ собрать во едино и эти позднѣйшія

[1]) Крамеръ, который съ особеннымъ усердіемъ занимался изслѣдованіемъ этихъ сборниковъ толкованій, такъ говоритъ въ своихъ: „Exercitationes in Catenas Patrum Graecorum“ Vitembergae 1712.—Catenam Patrum eruditi appellare solent seriem quamdam interpretationum ex diversorum Ecclesiae graecae latinaeque doctorum scriptis, a scriptoribus nunc antiquioris nunc recentioris memoriae ita contextam et quasi colligatam, ut variae sententiae de eodem commate divinioris Scripturae interpretando uno conspectu legenti exhibeantur.

[2]) Gergenr. Photius, t. III, стр. 71.

[1]) Герг. тамъ-же стр. 72.

постановленія церковныя и, такимъ образомъ, завершить каноническое законодательство. Сперва, онъ составилъ собраніе каноновъ, почти въ такомъ же размѣрѣ, какъ и у I. Схоластика, т. е. не включивъ въ составъ его болѣе четырехъ вселенскихъ и шести помѣстныхъ соборовъ, и при томъ, въ порядкѣ времени, что и назвалъ Συναγώγη (собраніе). Затѣмъ, для облегченія въ дѣловомъ пріисканіи статей, предпринялъ новое изданіе каноновъ въ порядкѣ матеріальномъ, присоединивъ къ нимъ и законы гражданскіе, каковый трудъ свой и назвалъ Σύνταγμα (сводъ). Сборникъ раздѣленъ на четырнадцать книгъ, въ свою очередь, дѣлящихся на много главъ, изъ которыхъ каждая трактуетъ своего рода матеріи. Въ составъ Сборника введены каноны церкви, и, главнымъ образомъ, грече ской, начиная отъ правилъ апостольскихъ до седьмого вселенскаго собора включительно. Причемъ присоединены были, не въ интересѣ собственно Фотія, а къ чести восточной православной церкви, каноны соборовъ, державныхъ Фотіемъ въ 861-мъ и 879-мъ годахъ, въ защиту собственнаго лица и къ отраженію притязаній папскихъ. Но такъ какъ и это собраніе оказалось неудобнымъ въ практикѣ, по причинѣ его объемистости, трудности къ пріобрѣтенію и повторенія однихъ и тѣхъ же мѣстъ въ разныхъ статьяхъ, то Фотій ограничился однимъ численнымъ указаніемъ на статьи, приводимыя въ подтвержденіе главныхъ положеній, въ особенности, когда надобно было указывать на гражданскіе законы; въ такомъ преобразованномъ видѣ, сборникъ и получилъ наименованіе Номоканона, и, какъ содержащій въ себѣ соединеніе всѣхъ и соборныхъ и гражданскихъ правилъ, служащихъ къ благоустроенію церковному, поступилъ въ священное наслѣдіе и руководство какъ намъ, сынамъ Россіи, такъ и всему православному Востоку и, въ формѣ Кормчей книги, легъ въ основаніе нашего каноническаго права [1]).

[1]) См. Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ, барона Розенкампфа. Москва, 1829, стр. 36—43.

Но Фотій не былъ только собирателемъ и, по обстоятельствамъ, иногда истолкователемъ чуждыхъ законовъ, но былъ и творцомъ или издателемъ собственныхъ опредѣленій, на сколько то совмѣстно съ высокою духовною властію патріарха. Верховные правители церкви, съ давняго времени, были поставляемы, по долгу служенія своего, въ необходимости писать посланія или въ разрѣшеніе какихъ нибудь юридическихъ случаевъ, или, просто, отвѣты на дѣлаемые вопросы, каковыя рѣшенія, основанныя на здравомъ разсужденіи, и становились впослѣдствіи общеобязательными правилами для церкви. Таковы письма древнихъ отцевъ,—патріарховъ Александрійскихъ Діонисія, Петра, Тимофея, Григорія Неокесарійскаго, Василія Великаго и другихъ. Подобные памятники іерархической заботливости о пасомыхъ остались и отъ Фотія, именно, въ числѣ пяти писемъ, писанныхъ къ разнымъ высшимъ духовнымъ лицамъ и найденныхъ въ разныхъ, и восточныхъ, и западныхъ, книгохранилищахъ, подъ заглавіемъ: Φωτίου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως κανονικὰι διατάξεις περὶ διαφόρων ἐγκλημάτων, т. е. Фотія архіепископа Константинопольскаго каноническія рѣшенія по разнымъ юридическимъ случаямъ.

Первое письмо хвалитъ одного епископа за то, что онъ, не смотря на свою мудрость и опытность, не довѣрилъ своей прозорливости и не произнесъ самъ суда въ разбиравшемся дѣлѣ, но обратился за разрѣшеніемъ къ патріаршескому синоду и не прежде приступилъ къ судебному разслѣдованію дѣлъ внѣшнихъ, какъ когда улажены были споры внутренніе.

Второе письмо обсуждаетъ такой случай сквернословія (μιαιροφαγία), донесенный Фотію однимъ епископомъ. Нѣсколько христіанъ вздумали воспользоваться сокровищемъ изъ могилы язычника, и начали копать землю, но все безполезно. Тогда они рѣшили между собой, что

Bieneri de collectionibus canonum ecclesiae graecae schediasma. Berolini, 1827. Maii Spicilegium Romanum t. VII, Praef. p. VII. 309.

если-де мы не зарѣжемъ какой-нибудь собаки и не поѣдимъ ея мяса, то земля не выдастъ намъ искомаго сокровища. Но сдѣлавъ это, они узнали, что вкусили запрещенной пищи; тогда они обратились съ раскаяніемъ къ епископу и молили его о прощеніи и разрѣшеніи отъ сдѣланнаго ими грѣха. Фотій объяснилъ, что за осквернение положено сорокодневное покаяніе, вмѣстѣ съ различными молитвами. Но здѣсь примѣшано и другое нечестіе, которое увеличиваетъ ихъ преступленіе, именно то, что они употребляли нечистую пищу съ тою цѣлью, чтобы примить съ собою землю, какъ существо, сознающее и обладающее чудотворною силою. Впрочемъ, все надобно рѣшить по характеру виновныхъ, по прежнему образу ихъ жизни и поведенію, равно какъ и по большей или меньшей ихъ простотѣ или хитроумію.

Въ слѣдующемъ третьемъ письмѣ Фотій рѣшаетъ случай принятія въ священный санъ блудника. Святитель не спрашиваетъ при этомъ, завѣдомо-ли епископъ допустилъ блуднаго духовнаго до исполненія должностей, что, конечно, очень дурно, но спрашиваетъ о томъ, зналъ-ли онъ, епископъ, то лицо за таковое, когда сообщалъ ему посвященіе, что гораздо преступнѣе. Если епископъ завѣдомо посвящалъ виновнаго въ блудѣ, то онъ долженъ быть лишенъ и епископскаго, и священническаго званія[1]). Если же онъ сдѣлалъ это по невѣдѣнію, и затѣмъ, получивъ свѣдѣніе о грѣховности имъ посвященнаго, запретилъ ему священнодѣйствіе, а послѣ разрѣшилъ ему опять исполненіе должности, то епископъ долженъ быть запрещенъ на нѣкоторое время, ибо иное дѣло прямо забывать Бога, а иное дѣло—по заблужденію считать себя исполнившимъ заповѣдь Божію, когда она въ дѣйствительности не исполнена. Однако, означенное временное запрещеніе для епископа только тогда должно имѣть мѣсто, когда другія заслуги и добродѣтели его не перевѣшиваютъ его преступленія, а если этого нѣтъ, то онъ долженъ навсегда понести помянутую эпитимію[1]). Впрочемъ, все это имѣетъ силу только тогда, когда виновный или будетъ обличенъ во грѣхѣ достовѣрными и неопровержимыми свидѣтелями, или самъ въ немъ сознается, а не тогда, когда начальникъ его (πρόεδρος) говоритъ, что онъ посвящалъ его, какъ блудника, или по посвященіи, узнавъ его грѣхъ, временно запретилъ, а потомъ опять допустилъ до отправленія должности.

Въ четвертомъ письмѣ патріархъ выражаетъ свое изумленіе и неудовольствіе по поводу противузаконнаго и неразумнаго поступка одного епископа, въ которомъ онъ, впрочемъ, и прежде еще замѣчалъ слѣды особенной страстности, но далеко не въ такой необыкновенной мѣрѣ, какъ онъ проявилъ ее въ послѣднихъ, далеко неожиданныхъ, выходкахъ. Фотій рѣшаетъ дѣло такъ, что епископъ, дѣйствовавшій такъ неразумно, если настоящее серьезное увѣщаніе не поможетъ, долженъ быть чувствительнымъ наказаніемъ вразумленъ—не уклоняться болѣе отъ пути правды. А если настоящее посланіе его не вразумитъ, то, конечно, онъ не долженъ быть запрещенъ отъ священнодѣйствія и завѣдыванія церковнымъ имуществомъ, но наложеніе духовныхъ наказаній и руководство одушевленныхъ существъ,—такъ какъ онъ самъ души не имѣетъ, — по силѣ, данной намъ о Святомъ Духѣ, власти, болѣе не должно быть ему дозволено.

Въ пятомъ письмѣ рѣшается слѣдующій случай. Одинъ священникъ, не дожидаясь согласія родителей и противъ ихъ воли, обвѣнчалъ ихъ дѣтей. Бракъ по волѣ родителей былъ расторгнутъ; новобрачившіеся вступили въ другіе браки съ другими лицами и, при содѣйствіи родителей, получили благословеніе. Теперь спра-

[1]) Epist. Photii ed. Londin. lib. I pag. 389. Παντελῶς ἔστω καθῃρημένος τῆς ἀρχιερωσύνης τε καὶ ἱερωσύνης. Сл. Nomocan. I, 23. IX, 14.

[1]) Ἐπὶ χρόνους δέ τινας ἔφημεν ἐπισχεθῆναι αὐτόν, ἐάνπερ τὰ ἄλλα αὐτοῦ προτερήματα καί ἡ τῆς ἄλλης ἀρετῆς περιουσία δύναται ἀντιπαλαντευθῆναι τῷ τοιούτῳ αὐτοῦ παραπτώματι, εἰ δὲ μή, διμνεκὲς τὸ ἐπιτίμιον ἕξει. Тамъ-же.

шивали патріарха, какому наказанію долженъ подлежать тотъ священникъ, который далъ благословеніе первому сочетанію. Фотій въ отвѣтѣ различаетъ два случая: одинъ тотъ, что священникъ не зналъ противной воли родителей, или тотъ, что онъ имѣлъ о томъ свѣдѣніе. Въ первомъ случаѣ, хотя онъ совершенно невиновенъ въ какомъ-нибудь произвольномъ тяжкомъ грѣхѣ, однако и не совершенно свободенъ отъ всякой вины, такъ какъ долженъ былъ освѣдомиться о согласіи родителей и черезъ то уготовить себѣ выходъ изъ затрудненія. Почему, если его не слѣдуетъ отрѣшать отъ должности, то непремѣнно онъ долженъ быть на опредѣленное время воспрещенъ отъ священно-служенія и постомъ, молитвою и другими дѣлами покаянія загладить свой грѣхъ. Во второмъ случаѣ, когда онъ согрѣшилъ не по невѣдѣнію, а знавши несогласіе родителей на бракъ, то онъ нарушилъ тѣмъ не одинъ церковный, но и естественный законъ, по которымъ и тотъ и другой бракъ, заключенный безъ согласія родителей, признается недѣйствительнымъ, и потому должно постигнуть его полнѣйшее наказаніе...

Это — рѣшеніе Фотія на разные юридическіе случаи, заключавшіе въ себѣ ясные признаки правонарушенія. А кромѣ того, обращались къ нему съ разными „недоумѣнными“ вопросами, о разрѣшеніи которыхъ его просили. Въ особенности, извѣстны намъ такія вопрошенія, обращенныя къ Фотію отъ Льва, митрополита италійской области Калабріи, которая тогда принадлежала къ византійскому патріархату. Вслѣдствіе чего, будучи подчиненнымъ въ іерархическомъ порядкѣ Фотію, онъ тѣмъ свободнѣе обращался съ разными вопросами къ его высокому уму и состоявшему при немъ изъ мѣстныхъ митрополитовъ синоду, когда еще при этомъ былъ когда-то и его ученикомъ. Вопросы главнымъ образомъ возникали изъ столкновеній съ сарацинами, часто безпокоившими берега Италіи своими нападеніями.

Первый вопросъ касался крещенія, совершеннаго мірянами. Въ основаніе рѣшенія положены слѣдущія два правила: 1) міряне, позволяющіе себѣ крестить въ странѣ свободной и христіанской, гдѣ нѣтъ недостатка въ священникахъ, должны быть строго наказуемы и навсегда устранены отъ поступленія въ духовное званіе и отъ совершенія всякихъ церковныхъ дѣйствій. 2) Крещенные таковыми, согласно апостольскимъ правиламъ, должны быть вновь крещены и мѵропомазаны. Но тѣ, которые были крещены мірянами въ средѣ варварской, гдѣ не было священниковъ, не должны быть перекрещиваемы, а только помазуемы мѵромъ.

Второй вопросъ касается священниковъ и діаконовъ, которыхъ жены, бывши въ плѣну, были обезчещены варварами. Въ отвѣтѣ различается два случая: 1) обезчещены ли онѣ были съ ихъ добраго согласія; въ такомъ случаѣ, мужья должны или развестись съ ними, или оставить свою священную должность; 2) или же обезчещеніе произошло невольно. Это могло случиться тоже двоякимъ образомъ: или такъ, что съ потерпѣннымъ принужденіемъ соединено было и нѣкоторое согласіе, или такъ, что никоимъ образомъ со стороны женъ согласія не было. Въ первомъ случаѣ супруги не могутъ быть въ сожитіи или, если мужья желаютъ оставить такихъ женъ при себѣ, должны сложить съ себя свое званіе; во второмъ случаѣ, потерпѣвшія жены безпрекословно остаются при своихъ мужьяхъ.

Третій вопросъ такой: можно-ли крестить дѣтей въ занимаемыхъ сарацинами мѣстахъ? Отвѣтъ Фотія: дозволяется это, если сами матери приносятъ дѣтей для крещенія, потому что, замѣчаетъ патріархъ, церковь Божія не воспрещаетъ, чтобы нѣжныя еще сердца дѣтей воспринимали божественную благодать крещенія, хотя, впослѣдствіи, сдѣлавшись возрастными и полновластными, они могутъ избрать себѣ жизнь и добрую, и порочную.....

Четвертый вопросъ состоитъ въ томъ, — можно-ли допускать, что-бы Святые Дары къ содержимымъ въ плѣну у сарацинъ христіанамъ

принссили женщины? Отвѣтъ—утвердительный: можно, но только подъ условіемъ, чтобы эти женщины были добраго нрава, почти дѣвственницы или находились-бы уже въ почтенныхъ лѣтахъ,—вообще оказывали-бы себя достойными занимать степень діакониссъ [1]).

Пятый срамный вопросъ, относящійся до тѣхъ же мерзостныхъ агарянъ: могутъ-ли мальчики, осквернённые сарацинами, быть допускаемы къ святому Причащенію? Отвѣтъ: могутъ, но подъ условіемъ, если на то отъ нихъ не было согласія.

Къ такимъ же каноническимъ посланіямъ могутъ быть отнесены и посланія Фотія къ Захарію, митрополиту антіохійскому, о трехгодичномъ искусѣ поступающихъ въ монашество, и къ другому митрополиту — о доступѣ женщинъ къ алтарю [2]).

Д. Полемическія творенія Фотія.

Приступаемъ къ такому ряду твореній знаменитаго патріарха, гдѣ онъ наиболѣе проявилъ свою ревность по православію, что составляло главную черту всей его дѣятельности. Въ порядкѣ времени, ставимъ на первомъ мѣстѣ—

1) Четыре книги противу Павликіанъ [3]).

Выше, излагая миссіонерскую дѣятельность патріарха, касались мы общихъ мѣръ, какія онъ употреблялъ ко вразумленію этихъ заблудшихъ чадъ церкви, возмнившихъ возвеличить себя въ глазахъ правовѣрующихъ именословнымъ происхожденіемъ отъ апостола Павла. Теперь остановимъ ближе наше вниманіе на четырехчастномъ его писаніи противу Павликіанъ.

Критики, ближайшимъ образомъ обслѣдовавшіе сочиненіе, нашли, что трудъ, главнымъ образомъ, сложился изъ тѣхъ проповѣдей, которыми высокій ревнитель правовѣрія громилъ лжемудрствующихъ. Свѣдѣнія же, которыя употреблены имъ, какъ въ содержаніе поучительныхъ словъ, такъ и въ основаніе обличительныхъ писаній, заимствованы имъ были отъ самихъ Павликіанъ, которые обращались отъ своего заблужденія въ правую вѣру и притомъ откровенно высказывали содержавшееся ими странное вѣрованіе. Цѣлію сочиненія поименованныхъ книгъ было удаленіе отъ правовѣрныхъ опасности увлеченія еретическими толками, довольно распространившимися въ народѣ, и поданіе правомыслящимъ средствъ къ опроверженію и обличенію еретичествующихъ черезъ открытіе происхожденія ихъ секты и чрезъ обнаруженіе нелѣпости ея ученія. Поэтомъ и все сочиненіе раздѣляется на двѣ части: на историческую (кн. I-ая) и догматико-полемическую (кн. II-ая—IV-ая). Въ первой книгѣ послѣ небольшого введенія о поводахъ къ сочиненію, излагается исторія Павликіанъ и ихъ вождей въ краткихъ очеркахъ. Производится ихъ имя отъ какого-то Павла, сына Каллиника, или отъ Павла и его брата Іоанна (Павлоіоаннъ). Затѣмъ излагаются главные пункты ихъ ученія: двойственность принимаемыхъ ими началъ, ложное толкованіе ученія о Святой

---

[1]) Значитъ, при Фотіѣ существовали діакониссы: отмѣна ихъ учеными изслѣдователями относится къ XII-му столѣтію.

[2]) Мы, по характеру нашего сочиненія, рѣшенія и отвѣты Фотія излагали кратко, выставляя одно сущность мысли, а кому желательно знать ихъ въ полномъ видѣ, тотъ можетъ читать ихъ у Hergenröther'a, Photius, т. III, стр. 128—153.

[3]) Послѣ неоднократныхъ отрывочныхъ изданій означеннаго творенія, наконецъ удалось издать его ученѣйшему Хр. Вольфу, бывшему членомъ и даже приглашавшемуся быть предсѣдателемъ нашей Академіи Наукъ, удалось издать его вполнѣ по одному ватиканскому кадексу подъ заглавіемъ: Διήγησις περὶ τῆς τῶν νεοφάντων ἀναβλαστήσεως. Въ Anecdota Graeca. Hamburgi 1722, t. I—II. in 8 e. По этому изданію творенія Фотія явилось и у Balland. Bibliotheca Patrum. t. XIII, pagina 602—604, и у Migne, t. CII, p. 15—264.

Троицѣ, ихъ ложное пониманіе Христа и Тайной Вечери, пренебреженіе ко кресту, хуленіе на святыхъ, и неправильное толкованіе Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, въ особенности, на апостола Петра; далѣе раскрывается устройство церкви у Павликіанъ, ихъ отношеніе къ истинной Церкви и Евангелію, ихъ безнравственная жизнь. Такъ какъ ересь разсматривается, какъ продолженіе и развитіе стараго манихейства, то въ краткихъ чертахъ Фотій присоединяетъ и исторію первоначальныхъ манихеевъ, указавъ напередъ на существовавшую въ его время по этому предмету церковную литературу. Именно, ее составляли: Кириллъ Іерусалимскій,—прославленный чудомъ Епифаній, церковные дѣписатели, теперь для насъ вовсе неизвѣстные: Титъ Бострскій, Серапіонъ Тмуисскій, и въ особенности диспутъ Архелая. Засимъ возвращается къ исторіи ереси, выводитъ ея тождество, въ существенномъ, съ старымъ манихействомъ, выставляетъ на видъ расколъ, происшедшій въ самой сектѣ между послѣдователями Ваана и Сергія, и продолжаетъ излагать до появленія смѣлаго Хризохереса, равно и старанія императоровъ и епископовъ обращать ихъ мѣрами и кроткими, и карательными.

Изложивъ исторію происхожденія и развитія ереси Павликіанъ, въ слѣдующихъ трехъ книгахъ высокій учитель доказываетъ нелѣпость ихъ ученія во всѣхъ отношеніяхъ. И именно:

Во второй книгѣ, въ особенности, опровергаетъ ихъ заблужденіе, что, якобы душа человѣческая происходитъ отъ Благого Бога, а тѣло и весь матеріальный міръ отъ злого начала. Фотій съ силою доказываетъ, что тѣло и душа имѣютъ одного Творца, что весь видимый міръ есть дѣло Единаго Всевышняго Бога, что Отецъ І. Христа есть купно и творецъ неба и земли, равно Богъ и закона, и Богъ благодати. И вслѣдъ за этимъ опроверженіемъ, съ чувствомъ обращается къ заблудшимъ, чтобы они сознали нелѣпость и несостоятельность исповѣдуемаго ими ученія, и обратились къ истинной вселенской вѣрѣ.

Въ третьей книгѣ, состоящей изъ 20-ти главъ, поучающій Фотій продолжаетъ свое опроверженіе, а именно, нападаетъ на пренебреженіе, питаемое еретиками къ Ветхому Завѣту и его законодательству, которое, по ихъ понятію, есть порожденіе злого начала,—на непризнаваніе святости брака и, вообще, на принятіе двухъ противоположныхъ началъ. Въ орудіе къ ихъ опроверженію и вразумленію патріархъ употребляетъ мѣста изъ Новаго Завѣта, и именно, изъ евангелій и посланій апостола Павла.

Въ четвертой книгѣ, состоящей изъ 33-хъ главъ и написанной Фотіемъ уже въ заточеніи (первомъ), какъ это видно изъ жалобы его на расхищеніе бывшихъ прежде въ его рукахъ книгъ, по адресу къ іеромонаху и игумену Арсенію, къ которому писалъ онъ и прежде много писемъ, сѣтующій патріархъ излагаетъ на память содержаніе прежде-писаннаго и дастъ преданному ему радѣтелю правовѣрія совѣтъ, какъ ему слѣдуетъ бороться съ противляющимися, и, въ особенности, рекомендуетъ пользоваться словами Спасителя, угрожая имъ вѣчнымъ наказаніемъ и, такимъ образомъ, дѣйствуя къ ихъ спасенію. Затѣмъ, и самимъ наставляющимъ приводятся изъ Писанія новыя мѣста въ доказательство, что между закономъ и благодатію нѣтъ враждебной противоположности, но что, напротивъ, между ними надобно принимать совершенное согласіе, что одинъ и тотъ же Богъ былъ творцемъ и вещественнаго, и духовнаго міра, и что въ строеніи самаго тѣла человѣческаго очевидно дѣйствіе премудраго Промысла Божія.

Что поученія Фотія не оставались безъ вліянія на омраченные умы Павликіанъ, видно изъ того одного, что патріархъ многія свѣдѣнія о ихъ ученіи получалъ изъ устъ самихъ обращавшихся между ними.

2) Сочиненіе Фотія о Святомъ Духѣ.

Но самое важное изъ многихъ твореній Фотія, которыя привлекли и доселѣ привлекаютъ вниманіе всего христіанскаго міра, и которыя сдѣлали автора всюду извѣстнымъ,—это плоды

борьбы его съ папствомъ, возмнившимъ стать во главу церкви, въ лицѣ притязательнаго Николая I-го, и въ этомъ самомнѣніи позволившаго себѣ дѣлать отступленія даже отъ существенныхъ догматовъ вселенской церкви. Таково сочиненіе его о Святомъ Духѣ, извѣстное въ подлинникѣ по изданію I. Гергенретера: Photii Constantinopolitani liber de Spiritus sancti mystagogia, quem notis variis illustratum ac theologicae crisi subjectum nunc primum. Ratisbonae Man. 1857, in. 8°. Греческое названіе сочиненія: Φωτίου Πατριάρχου λόγος περὶ τῆς τοῦ ἁγίου πνεύματος μυσταγωγίας.

Извѣстно, что во время Фотія, въ IX столѣтіи, Римская церковь позволила себѣ или начала дѣлать отступленія отъ Символа вѣры чрезъ прибавленіе въ немъ, въ исповѣданіи о Святомъ Духѣ: и отъ Сына (Filioque). Вотъ противу этого-то дерзкаго посягательства на неприкосновенную святыню общепризнаннаго правила вѣры Фотій, ревнуя по правовѣрію, и написалъ помянутое сочиненіе. Первоначально оно написано было въ формѣ письма, писаннаго по указанію рукописей, однѣхъ на имя митрополита Евсевія, другихъ—на имя епископа Бэды. Предметъ сочиненія — не общее ученіе о божественности и личности Святаго Духа, какъ можно-бы подумать по заглавію его, а единственно о образѣ исхожденія Его отъ Отца, въ разумѣніи котораго погрѣшали Западные. Это ученіе объ исхожденіи Святаго Духа отъ Единаго Отца Фотій считалъ такъ важнымъ и существеннымъ, что, по его представленію, и самое личное бытіе, и божество Духа подпадаетъ вопросу, даже все ученіе о Святой Троицѣ колеблется. Поэтому ревнитель правой вѣры не только напрягъ всѣ силы своего ума къ опроверженію заблужденія, но и далъ волю чувству, чтобы придать силы своимъ доказательствамъ, заимствуемымъ изъ Священнаго Писанія и Предапія. Во главу доказательствъ поставленъ, конечно, извѣстный текстъ изъ Евангелія Іоанна: *Духъ, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуетъ о Мнѣ.* (XV, 26), который и истолковывается во всей его полнотѣ и достаточности для опредѣленнаго вѣрованія. Въ доказательство удовлетворительности даннаго догмату на соборѣ выраженія, указываетъ на вѣрованіе въ него въ такомъ видѣ въ теченіе цѣлыхъ восьми вѣковъ отъ вселенскихъ соборовъ и святыхъ отцевъ. Возраженіе же, дѣлаемое Латинянами на основаніи словъ Спасителя у того-же евангелиста Іоанна: *Онъ* (Духъ истины) *отъ Моего пріиметъ* (XVI, 14), энергически опровергаетъ на основаніи контекста. Другое возраженіе, дѣлаемое западными въ свою защиту, на основаніи словъ апостола Павла въ посланіи къ Галатамъ: *посла Богъ Духа Сына Своего* (IV, 6), опровергаетъ съ большою настойчивостью, порицаетъ употребляемый противниками способъ доказыванія, выводя изъ него самое нелѣпое заключеніе, и выраженіе: „Духъ Сына“ толкуетъ только въ смыслѣ единодушія, а отнюдь не въ смыслѣ „изведенія“ (προβολῆ). Третье возраженіе со стороны противниковъ, которое Фотій подвергаетъ своему суду въ своей полемикѣ, состоитъ въ ихъ ссылкѣ на нѣкоторыхъ Отцевъ Церкви и, въ особенности, на своихъ западныхъ, какъ-то: на Амвросія Медіоланскаго, Августина Иппонійскаго и Іеронима Стридонскаго. Умный антагонистъ нашелся отразить это возраженіе такъ, что не уронилъ чести приведенныхъ западныхъ учителей и въ постыженіе римскихъ „хульниковъ“, указываетъ на авторитетъ римскихъ папъ, начиная отъ Дамаса до Адріана III, которые всѣ принимали Символъ безъ вставки Filioque. А это — свидѣтели такіе, которыхъ авторитетъ выше, чѣмъ Амвросія и другихъ, потому что они не просто отцы, но „отцы отцевъ“. Засимъ вновь возвращается къ выраженіямъ: „Духъ Сына“ и „Духъ Христовъ“, и, по соображенію ихъ съ контекстомъ и съ другими мѣстами, истолковываетъ ихъ въ противномъ римскому смыслѣ. Наконецъ, обозрѣвъ предметъ со всѣхъ сторонъ, Фотій, въ краткомъ заключеніи, обвиняетъ своихъ противниковъ въ непослушаніи Христу и Его апосто-

ламъ, равно и всѣмъ седьми вселенскимъ соборамъ, уличаетъ ихъ въ упорномъ сопротивленіи очевиднѣйшимъ логическимъ выводамъ, во лжи и клеветѣ на апостола Павла и на отцевъ церкви, и обѣщается еще въ послѣдствіи вновь подвергнуть строжайшему разсмотрѣнію приводимыя латинами, въ защиту своего заблужденія, мѣста изъ отцевъ и обличить ихъ вполнѣ въ обманѣ и злохитрой изворотливости. Но подобнаго дополнительнаго писанія до сихъ поръ не отыскано.

За то существуютъ—

3) Небольшія полемическія статьи.

Такова статья, несомнѣнно принадлежащая Фотію и представляющая собой сокращеніе изложеннаго предъ симъ опроверженія на принятое латинами разумѣніе догмата о Святомъ Духѣ [1]). Надобно полагать, что статья сочинена въ краткомъ видѣ на тотъ конецъ, что-бы опроверженіе заблужденія и предостереженія отъ него православныхъ распространялись тѣмъ удобнѣе и шире. Почему она и является во многихъ спискахъ то въ полномъ, то въ усѣченномъ видѣ, хотя по ограниченности и малости своей и не должна была вызывать такого вниманія.

Другое, къ числу тоже небольшихъ писаній Фотія, относящееся, его сочиненіе есть собраніе вопросовъ и отвѣтовъ относительно митрополитовъ [2]). Вопросы, какіе въ немъ разбираются и сопровождаются отвѣтами, суть слѣдующіе: 1) въ чемъ римляне несправедливо поступили? Отвѣтъ указываетъ на папу Либерія подписавшаго осужденіе Аѳанасію Великому; 2) сколько и какъ законные патріархи не были признаваемы римлянами, безъ всякаго отъ того для нихъ вреда? Отвѣтъ указываетъ на Флавіана Антіохійскаго; 3) какіе патріархи, бывъ изгнаны по нерасположенію къ нимъ императоровъ, были потомъ возвращены на свои каѳедры другими—православными? Отвѣтъ: изгнанный Анастасій. 4) Какой епископъ былъ осужденъ, а между тѣмъ его посвященія остались дѣйствительными и посвященные не потерпѣли отъ того никакого вреда? Отв.: Павелъ Самосатскій. И въ подобномъ духѣ остальные шесть вопросовъ. Очевидно, статья составляла планъ, или предначертаніе большого сочиненія, которое однако не состоялось. Предположеніе сдѣлано во время второго патріаршества Фотія, причемъ имѣлось въ виду оправдать тѣ перепетіи, которыя ему пришлось испытать во время своихъ іерархическихъ смутъ.

Третье небольшое сочиненіе Фотія направлено противу первенства римскаго престола, противу говорящихъ, что Римъ есть первенствующая каѳедра [3]). Сочиненіе имѣло большой ходъ. Полагаютъ, что оно есть отрывокъ какого-нибудь большаго сочиненія Фотія, такъ-какъ его главное стремленіе было — смирить превозношеніе и дерзкую притязательность папы быть верховнымъ судьею надъ всею Церковью.

---

[1]) Статья появилась первоначально въ сочиненіи греческаго монаха XI вѣка, Евѳимія Зигабена, извѣстномъ подъ именемъ: Panoplia Dogmatica Euthymii Zigabeni: Догматическое всеоружіе Зигабена, въ которомъ сочинитель предложилъ себѣ опровергнуть всѣ еретическія заблужденія. Изданіе вышло въ 1810 году, in. Vallachia Gr. Tergobysti, p. ριβ′. seq. на латинскомъ Библіотека Patrum Maxima. Luqd. t. XIX. p. 1 и сл. И отсюда распространена по др. изданіямъ.

[2]) См. Fontani Novae deliciae eruditorum. Florentiae 1785, t. I, pars II, p. 1—80. И изъ него перепечатано у Migne CIV. pag. 1219—1232 и у Ualetta epist. Photii pag. 559 и сл.

[3]) Это сочиненіе появилось въ первый разъ у Алексѣя Аристена, діакона константинопольской церкви въ XIII-мъ вѣкѣ, въ его Synopsis epistolarum canonicarum; отсюда перенесено въ Snil. Beveregii συνοδικόν, sive panaecta canonum oecumenicarum 1677, t. II. ad calcem, затѣмъ перепечатано въ Novae deliciae eruditorum hontani t. I, pars I, pag. 8, и, наконецъ, въ syntagma canonum Athen. ed. Rhalli et Potli t. IV, pag. 409 seq. Balus. Photii epist. p. 567 seq.

Е. Письма Фотія.

Мы можемъ понять, и при изложеніи жизни великаго патріарха видѣли то на самомъ дѣлѣ, что онъ своей ревности по вѣрѣ и благочестію не могъ ограничивать одними непосредственными своими воздѣйствіями и распоряженіями, но долженъ былъ входить по разнымъ предметамъ и поводамъ часто въ сношенія съ посторонними, иногда весьма отдаленными разстояніемъ, лицами. Послѣ многихъ и продолжительныхъ поисковъ за этими остатками благочестивой ревности патріарха, со стороны западныхъ ученыхъ, отыскано ихъ до 263-хъ, которыя всѣ и включены, на вѣчную сохранность, въ двухъ прекрасныхъ изданіяхъ, одномъ французскомъ Migne'я, другомъ лондонскомъ Кн. Валетты [1]). Ихъ дѣлятъ на слѣдующіе пять разрядовъ: 1) письма догматическія и экзегетическія (84), 2) увѣщательныя (57), 3) утѣшительныя (15), 6) исправительныя и наказательныя, (64) и, наконецъ, 5) смѣшаннаго содержанія (43). Можемъ вообразить себѣ, зная въ патріархѣ свѣтильника свѣтящаго и горящаго, какимъ духомъ проникнуты эти письма, бывши свободными изліяніями его высокаго ума и пламеннаго чувства. Въ обличеніи заблужденій и оборонѣ православія—это буря сокрушительная, молнія разящая, которой ничто не можетъ сопротивляться; въ ученіи и толкованіи—это вѣрный отголосокъ святыхъ соборовъ и отцевъ; въ убѣжденіи—увлекающій и непреодолимый витія, по силѣ доводовъ и умозаключеній; въ утѣшеніи—это вѣрный и вмѣстѣ проникнутый глубокимъ благочестіемъ другъ, который падающаго подъ тяжестію несчастія умѣетъ поднять и ободрить упованіемъ на промыслъ Божій,—то надеждою въ близкомъ будущемъ, то указаніемъ на воздаяніе вѣчной жизни; въ исправленіи и наказаніи—это, можно сказать, „мѣрило праведное“, которымъ, самымъ строгимъ образомъ, опредѣляется и качество внушеній и выговоровъ согрѣшившему и самая мѣра наказанія. Слогъ въ письмахъ, хотя вообще отзывается нѣкоторою искусственностью того вѣка, согласно содержанію, бываетъ, то высокій и пламенный, какъ въ посланіяхъ полемическихъ, то ровный и спокойный, какъ въ писаніяхъ поучительныхъ, то фамиліарный и даже игривый, какъ въ письмахъ родственныхъ и пріятельскихъ. Вообще же досточтимый патріархъ старался свой образъ выраженія приспособлять къ тону Священнаго Писанія, въ особенности же апостола Павла, котораго преимущественно чтилъ и восхвалялъ.

Католики, вообще ненавидящіе Фотія, не терпятъ ничего исходящаго отъ него. Подобнымъ образомъ смотрятъ они и на его письма и всячески критикуютъ. Тѣмъ не менѣе, и надъ нѣкоторыми изъ нихъ чувство правды беретъ верхъ и велитъ достойному похвалы воздать похвалу. Такъ Dupin Nouvelle Bibl. t. VII, p. 104 о письмахъ Фотія говоритъ: La delicatesse du style de Photius et la finesse de son esprit paraissent particulièrement dans ses lettres aussi bien que son érudition etc., т. е. изящество стиля Фотія и тонкость его ума въ особенности въ его письмахъ равно какъ и его ученость

[1]) Первый опытъ изданія писемъ Фотія сдѣланъ Дёгелемъ, библіотекаремъ аугсбурскимъ, который напечаталъ ихъ до 37 (Augsburg, 1601) греческимъ текстомъ. Въ 1651 году вышло другое изданіе Montagu (Montacucii), болѣе полное, именно въ числѣ 249 и съ латинскимъ переводомъ, которыя адресованы частію къ восточнымъ епископамъ, священникамъ и монахамъ, частію къ императорамъ, Михаилу III и Василію Македонянину и къ другимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Въ 1860 году вышло новое изданіе Migne'я въ числѣ 263-хъ писемъ, раздѣленныхъ на три книги. Въ 1864 году появилось въ Лондонѣ новое изданіе Валетты съ 260-ю письмами: Φωτίου τοῦ σοφωτάτου καὶ ἁγιωτάτου πατριάρχου ΚΠ. ἐπιστολαὶ, αἷς δύο τοῦ αὐτοῦ παρήρτηται πονηματία. Μετὰ προλεγομένων περὶ τόῦ βίου καὶ τῶν συγγραμμάτων Φωτίου κ. τ. λ. ὑπὸ Ἰωάννου Ν. Βαλέττα. Ἐν Λονδίνῳ D. Nutt. 270. Strand. 1864, 4, pag. 581.

и пр. Другій, Remy Ceillier, t. XIX, p. 452, n. 36—такъ отзывается о письмахъ: Une grande netteté dans le style, beaucoup de force et de précision dans le raisonnement, de l'élévation dans les pensées, de la pureté dans les expressions, de la noblesse dans les sentiments, une critique fine et judicieuse, un tour d'eloquence, délicat, persuasif et gracieux, c'est ce que l'on remarque principalement dans ses lettres, т. е.: большая чистота въ стилѣ, много силы и точности въ умствованіи, высоты въ мысляхъ, чистоты въ выраженіяхъ, благородства въ чувствахъ, критика тонкая и разсудительная, обороты краснорѣчія изящные, убѣдительные и пріятные,—вотъ что главнымъ образомъ замѣчается въ его (Фотія) письмахъ.

Самъ Гергенретеръ, употребившій въ своемъ „Фотіѣ“ (т. III, стр. 229 и слѣд.) цѣлыя двѣ страницы на критику, къ униженію литературнаго достоинства писемъ Фотія, подъ конецъ отдѣленія, однако, говоритъ, что „хотя мы не можемъ согласиться съ излишними похвалами, исходящими отъ нѣкоторыхъ ученыхъ въ честь писемъ Фотія, но, однако, съ другой стороны не смѣемъ и унижать ихъ такимъ образомъ, какъ это дѣлается часто въ послѣднее время; въ извѣстной тонкости, разнообразіи и приспособительности нельзя имъ отказать: то доказываютъ многія изъ приведенныхъ нами въ нашемъ сочиненіи писемъ [1]). И самъ Жаже (L' Abbé Jager), написавши цѣлую книгу въ порицаніе Фотія, подъ конецъ, однако, своего браннаго сочиненія не могъ удержаться, чтобы не похвалить и не напечатать нѣкоторыхъ утѣшительныхъ писемъ умнаго патріарха, какъ прекраснѣйшихъ образцевъ древнехристіанскаго краснорѣчія, и какъ благопотребныхъ къ практической жизни при потерѣ родныхъ и близкихъ [2]).

Ж. Слова и поученія Фотія.

Если Фотій былъ такъ обиленъ и изліятеленъ въ сообщеніяхъ съ посторонними и дальними, то тѣмъ болѣе долженствовалъ онъ, какъ архипастырь добрый и ревностный, быть сообщительнымъ при исправленіи обязанности ближайшей,—въ проповѣдываніи слова Божія своей паствѣ. А между тѣмъ, проповѣдей его до сихъ поръ отыскано не болѣе двадцати двухъ по разнымъ публичнымъ библіотекамъ, да и тѣ далеко не всѣ напечатаны. Большая часть ихъ говорены на господскіе и богородичные праздники. Мы останавливаемъ вниманіе на трехъ изъ нихъ: первой, интересной по своему высокому краснорѣчію, которая говорена была по случаю освященія сооруженной Василіемъ Македонянином, въ его палатѣ, церкви, и на другихъ двухъ говоренныхъ имъ по поводу нападенія Руссовъ на Констан-

[1]) Wenn nun auch manche Gelehrte die Briefe des Photius über Gebühr gepriesen haben, und wir ihre Lobsprüche wie die der neueren Griechen auf in bescheidenes Mass zurüchzuführen uns genöthigt sehen, so dürfen wir auch von der anderen Seite deren Werth nicht in der Art herassezen, wie es vielfach in euerer Zeit geschicht; eine gewisse Feinheit, Mannigfaltigkeit und Gewandtheit ist ihnen nicht abzusprechen, wie viele der von uns oben benuzten Briefe erhärten. Hergenröther. t. III, pag. 231.

[2]) Parmi ses lettres, nous en trouvons de condoléance. Une est adressée á un même éveque de Nicomédie sur la mort d'un jenne clerc dont la perte lui causait une grande douleur (t); une autre, à une réligieuse, Eusébie, supérieure d'un couvent, sur la mort de sa soeur. Une troisième est écrite à son frère Taraise, sur la mort de sa fille. Ces deux dernières méritent d'être citées comme faisant partie des plus beaux morceaux que l' antiquité chretiènne nous offre dans le genre consolatoire. Elles sont d'un usage trop fréquent dans la vie pour que nous ne les tirions pas de l'obscurité ou elles sont restées jusqu'à présent. Histoire de Photius, par L' Abbé Jager, livre X pag. 411.

тинополь (εἰς τὴν ἔφοδον τῶν Ῥῶς), по національному для насъ интересу. Въ первомъ словѣ [1]) Фотій восторженно описываетъ великолѣпіе новосозданнаго храма. „Это новая, говоритъ витія, еще болѣе великолѣпная палата въ великолѣпной палатѣ. Можно подумать, что это не дѣло рукъ человѣческихъ, а дѣло божественной сверхъестественной силы: такою красотою она сіяетъ. Ходъ представляетъ осуществленіе сказанія объ Орфеѣ, одушевляющемъ бездушное, а входя во внутренность воображаешь себя вдругъ перенесеннымъ на небо. Все здѣсь блеститъ золотомъ, серебромъ, мраморомъ; столбъ и полъ, и все окружающее ослѣпляетъ и приводитъ въ восторгъ, а сіяющій вверху величественный образъ Христа съ окружающимъ его сонмомъ ангеловъ, и на алтарѣ изображеніе Пресвятой Дѣвы, апостоловъ, мучениковъ, пророковъ и патріарховъ, отъ которыхъ какъ будто-бы слышатся ихъ гласы: отъ Давида: коль возлюбленна селенія Твоя, Господи (Псал. LXXXIII, 2)!—отъ патріарха Іакова: нѣсть сіе, но домъ Божій и сія врата небесная! (Быт., XXVIII, 17) и отъ „истиннозрящаго“ сына Восорова, Валаама: коль добри доми твои, Іакове, и кущи твоя, Израилю (Числ. XXIV, 5) — невольно возбуждаютъ въ стоящемъ во храмѣ благочестивыя чувства и возносятъ душу къ небу“. Въ заключеніе, проповѣдникъ призываетъ къ засвидѣтельствованію благодарности и радости предъ императоромъ сперва сына, затѣмъ сенатъ, а послѣ и всѣхъ предстоящихъ и выражаетъ желаніе, ходатайствомъ Преблагословенной Дѣвы, всѣмъ сподобиться милости Божіей и радости въ вѣчной жизни.

Изъ намѣченныхъ выше двухъ „словъ“, сказаныхъ Фотіемъ по поводу нападенія нашихъ предковъ варяго-руссовъ на Константинополь, первое обращаетъ на себя вниманіе началомъ, выражающимъ сильное возбужденіе духа и изумленіе: „Что это такое? что за тягостное и великое несчастіе? что за грозный Судъ Божій? Откуда это явилась къ намъ страшная гиперборейская гроза, разразившаяся надъ нами такими громами и молніями?“ и прочее.

Во второмъ „словѣ“ умный Фотій, умѣвшій всякій случай обращать къ назиданію паствы, и случаемъ нападенія Россовъ на столицу, въ виду произведеннаго ими въ городѣ и окрестностяхъ разгрома, воспользовался для того, чтобы перенесть вниманіе обитателей на кончину міра, которую изображаетъ самыми яркими красками, такъ: „Пускай предъ твоими мысленными очами обращается страшное таинство втораго пришествія (Христова); что сокровенно было, то стало открытымъ: блудодѣянія, хищенія, прелюбодѣйство, любостяжаніе, брань, клевета, зависть, убійство, нечестіе. Совѣсть, какъ строгая обличительница, всѣ эти злодѣянія и подобныя имъ будетъ порицать и во всеуслышаніе оглашать, показывать все это нагимъ, лишеннымъ всякаго прикровенія. Помышляй себѣ объ этомъ, а впереди зри пламень неугасимый, тьмы ангеловъ, окружающихъ престолъ Судіи, весь родъ человѣческій, призванный къ суду и для отданія отчета въ своихъ дѣлахъ, грѣшниковъ отъ праведныхъ отлученныхъ и строгимъ и страшнымъ онымъ гласомъ осужденныхъ, преданныхъ мучителямъ и влекомыхъ къ наказанію, и ни единаго слова утѣшенія со стороны не слышащихъ, часто взирающихъ другъ на друга и испускающихъ стоны безсилія, всѣхъ призывающихъ на помощь умоляющимъ взоромъ, жалкимъ видомъ, печальнымъ лицомъ, глубокими вздохами и слезами и,—ни отъ кого не получающихъ помощи. О, какое тогда будетъ раскаяніе, а пользы никакой! Какое будетъ смущеніе и терзаніе души и ни одного сочувствующаго! Какой будетъ плачъ и страданіе сердца и ни одного помогающаго! Ни другъ, ни братъ, ни отецъ, ни мать, ни другой кто изъ близкихъ

[1]) Проповѣдь напечатана у Lambecius not. ad Codinum pag. 187 и слѣд. Paris. 1655; также у Combefis. Originum rerumque Constantinopolitarum e variis auctoribus Manipulus. Paris. 1664. in-4°, pagina 296—303, также у Миня, CII, pagina 517—562. Начало проповѣди: Φαιδρὸν ὁρῶ τῆς παρούσης ἡμέρας τὸν σύλλογον. Можно читать слово и у Бандури, Antiquit. Constantinopolitane lib. VI, par. III, pad. 100—104.

или родныхъ не явится для освобожденія, и, такимъ образомъ, жалостно гонимые, смущаемые, біемые, разметаемые, и перепуганные будутъ преданы огню и червію[1])".

3. Нравоучительныя изреченія Фотія.

Какъ добрый, богатый человѣкъ, благоупотребляя свое богатство, раздаетъ его не только большими частями, но и сыплетъ въ народъ малыми долями: такъ и Фотій, богато одаренный отъ Бога и талантами, и знаніями, дѣйствовалъ къ просвѣщенію и наставленію человѣчества не только крупными произведеніями своего ума, но и предложеніемъ мелкихъ поучительныхъ изреченій; таковое собраніе найдено было въ Ватиканской библіотекѣ подъ заглавіемъ: Παραίνεσις διὰ γνωμολογίας, въ числѣ 214 изреченій съ прибавленіемъ отдѣльно четырехъ[2]).

Подобный запасъ поучительныхъ изреченій образовался у Фотія отъ его обширнаго чтенія, которымъ захватывалъ не только христіанскихъ, но языческихъ писателей, каковы: Пиѳагоръ, Исократъ, Демосѳенъ, Платонъ, Плутархъ и другіе. Читая ихъ, онъ отдѣлялъ встрѣчающіяся въ нихъ замѣчательныя мѣста, умножая ихъ, съ ходомъ чтенія, болѣе и болѣе. Но много въ нихъ и собственныхъ его мыслей, какъ это видно изъ того, что многоученые критики ко многимъ изреченіямъ не могли подыскать ничего отвѣтствующаго у другихъ писателей, какъ языческихъ, такъ и христіанскихъ. Многое взято и изъ Священнаго Писанія, въ особенности изъ Ветхаго Завѣта, чрезъ совокупленіе нѣсколькихъ стиховъ въ одну сентенцію. Нравственность, которой они поучаютъ, не носитъ на себѣ типа спеціально-христіанскаго, а есть общечеловѣческая, разумная, хотя образъ выраженія — библейскій, христіанскій, такъ что, читая ихъ, думаешь читать какъ-бы продолженіе Притчей Соломона или Сириха. Большая ихъ часть предостерегаютъ противу разныхъ пороковъ, какъ-то: гнѣва, гордости, неумѣренности, блуда, скупости, клеветы на ближняго, а многія указываютъ и на качества, требующіяся отъ начальниковъ и правителей.

Для ближайшаго ознакомленія читателя съ характеромъ разсматриваемыхъ нами изреченій, или сентенцій Фотія, выписываемъ ихъ здѣсь нѣсколько образцовъ.

1) Страхъ Божій и послушаніе родителямъ, почтеніе къ старшимъ и уваженіе къ сверстникамъ здравоумнымъ (σωφρονοῦσιν) составляютъ твердѣйшее основаніе добродѣтели.

2) Лучше быть бездѣтнымъ, чѣмъ имѣть дурныхъ дѣтей: ибо это послѣднее непрестанно вонзаетъ острое и нестерпимое жало скорби, а первое причиняетъ печаль вмѣстѣ со временемъ проходящую.

6) Косный на зло не бываетъ скоръ и на подозрѣніе другого во злѣ.

7) Кто, улучивши случай огорчить обидчика, отмщенія не сдѣлалъ, тотъ ясно показалъ, что, когда и нѣтъ такого случая, онъ сохранилъ бы мысль свою чистою отъ взаимнаго оскорбленія, не по недостатку силъ то сдѣлать, а по великодушію.

8) Мужъ великаго ума не обращается въ какихъ попало дѣлахъ, но ищетъ проявить себя въ дѣлахъ не ниже его ума; впрочемъ, и то добродѣтель, если кто и не имѣетъ такой вы-

[1]) Оба слова Фотія, сказанныя по поводу нашествія Руссовъ, прекрасно истолкованы нашимъ ученымъ эллинистомъ, преосвященнымъ Порфиріемъ Успенскимъ въ изданной имъ книгѣ: Четыре бесѣды Фотія, святѣйшаго патріарха Константинопольскаго. Спб., 1863. Отрывокъ же изъ втораго слова Фотія, см. въ Monumenta graeca, ad Photium pertinentia, изд. J. Hergenröther. Ratisb., 1869, pag. 18 и сл. См. также перев. Е. Ловягина въ Христ. Чтеніи, 1882 г. №№ 8—10, — „Двѣ бесѣды святѣйшаго патріарха Фотія по случаю нашествія Россовъ".

[2]) Подъ означеннымъ заглавіемъ собраніе нравоучительныхъ реченій Фотія, напечатано Гергенретеромъ въ приведенныхъ нами предъ симъ его Monumenta Graeca, стр. 20 и сл.

соты, но не пренебрегаетъ и тѣмъ, что по силамъ.

12) Кто по случаю чужихъ несчастій нахваталъ себѣ богатства, тотъ хотя и думалъ бы облагодѣтельствовать имъ кого-нибудь, но не будетъ чрезъ пожертвованіе филантропомъ и благодѣтелемъ, а все, по произведенному хищенію, останется мизантропомъ и тираномъ.

13) Не имѣть друзей и не хотѣть ихъ пріобрѣтать—вѣрный признакъ звѣроподобной души и чуждающагося общества животнаго (θηριώδους γνώμης καὶ ἀκοινωνήτον ζώου).

19) Кто расположилъ своихъ подвластныхъ бояться болѣе закона, чѣмъ его, тотъ устроилъ себѣ безмятежную жизнь, ибо и умыслы противу своей жизни устранилъ и благорасположеніе подначальныхъ вмѣсто того пріобрѣлъ и заботу о правленіи облегчилъ и согласіе водворилъ.

И. Философскія сочиненія Фотія.

Какъ извѣстно, Фотій, какъ человѣкъ, обладающій всеобъемлющею того времени ученостью, занимался преподаваніемъ всякаго рода наукъ, начиная отъ философіи до грамматики, каковымъ учительствомъ, какъ мы знаемъ, воспользовался и нашъ первоучитель, святый Кириллъ, заслужившій, по заимствованной отъ знаменитаго учителя мудрости, имя философа. Въ послѣднее время и найдены были отрывки тѣхъ лекцій, которыя Фотій преподавалъ своимъ ученикамъ по части философіи, а именно: по логикѣ или діалектикѣ,—найдены въ Мюнхенской публичной библіотекѣ, въ принадлежащемъ ей № 222-й, шелковомъ, весьма цѣнномъ кодексѣ XIII вѣка, заключающимъ въ себѣ толкованія или примѣчанія Аммонія и Фотія на Введеніе (εἰσαγωγή) Порфирія и на категоріи Аристотеля, — а также и другія философическія сочиненія,—кои и напечатаны Гергенретеромъ въ приведенныхъ нами не разъ его: „Photius“, Monumenta graeca, (стр. 12 и сл.). Вотъ, по крайней мѣрѣ, оглавленіе этихъ лекцій Фотія по логикѣ: 1) о родѣ (περὶ τοῦ γένους); 2) о видѣ (περὶ ἴδους); 3) о разности (περὶ διαφορᾶς); 4) о собственномъ (περὶ ἰδίου); 5) о случайномъ (περὶ συμβεβηκότος); 6) объ общемъ (παρὶ τῶν κοινῶν); 7) объ общности рода и разности (περὶ κοινωνίας γένους καὶ διαφορᾶς). Въ обозрѣніи категорій Аристотеля трактуется о количествѣ, о качествѣ, объ отношеніи, о дѣйствіи и страданіи, о мѣстѣ и положеніи, о времени.

Нѣтъ сомнѣнія, что не этими только скудными остатками ограничивалось философское наставничество Фотія, но обнимало болѣе предметовъ; только трактаты о нихъ не дошли до насъ, а нѣкоторые отрывки изъ нихъ можно находить и въ Амфилохіяхъ, и въ изреченіяхъ.

І. Стихотворенія Фотія.

Патріархъ Фотій обладая широкимъ и сильнымъ умомъ, для философскихъ разсужденій и для другихъ безчисленныхъ дѣлъ, требовавшихъ напряженнаго дѣйствія мысли, въ то же время, обладалъ и богатою фантазіею и живостью чувства, для того чтобы пускаться въ область поэзіи. Да, отъ Фотія сохранилось намъ нѣсколько поэтическихъ опытовъ, но они мало извѣстны, и только немногіе изъ нихъ напечатаны. Въ исторіяхъ литературы и библіографіяхъ приводятся десять одъ Фотія, найденныя будто бы съ стихами Ѳеодора Продрома въ принадлежавшемъ прежде бывшему въ Парижѣ іезуитскому коллегіуму кодексѣ. Три оды Фотія, найденныя сицилійцемъ Петромъ Марангой между стихотвореніями другихъ

авторовъ въ одной рукописи барбаринской библіотеки, напечатаны имъ подъ названіемъ: Anecdota graeca. Romae. 1850, и впослѣдствіи кардиналомъ Mai spicilegium Romanum, t. IV, pag. 30 seq. Первая изъ этихъ одъ выводитъ Василія молящимся за народъ; во второй церковь представляется величающею христолюбиваго императора и благодарящею Бога, что Онъ даровалъ ей такого повелителя; третья есть просто стихотвореніе въ похвалу монарху, но только не совсѣмъ конченное, или не сполна списанное. Судя по выставленнымъ на нихъ указаніямъ ἦχος α′ β′, надобно полагать, что они были пѣты или назначались для пѣнія.— Время, когда они были сочинены, судя по разлитому въ нихъ довольному духу автора, должно упадать на второе его патріаршество. Католическіе писатели осуждаютъ всѣ три стихотворенія за излишнюю лесть императору. Напрасно: тогда и безпристрастную исторію надобно обвинить въ лести, ибо и она очень хвалитъ императора. Вотъ какъ русскій энциклопедическій лексиконъ (изд. Плюшара) т. IX подъ именемъ „Василій Македонянинъ“ стр. 64 отзывается о его царствованіи: „Объявленный императоромъ, Василій мудростью и правосудіемъ своего правленія заставилъ забыть, что тономъ онъ обязанъ злодѣйству. Возстановивъ въ имперіи порядокъ, онъ старался ввести повсюду строгое отправленіе правосудія, и исправить злоупотребленія, вкравшіяся во всѣ отрасли государственнаго управленія, въ продолженіе царствованія его предшественника, и началъ составлять сводъ законовъ, который хотя и оконченъ былъ при сынѣ и преемникѣ его Львѣ, но удержалъ имя Базиликъ, или законовъ Василіевыхъ“. А вотъ какъ отзывается и французскій Dictionair historique t. I подъ именемъ Basyle I Le Macédonien о его правленіи: „Il donna ses premiers soins a fermer les plaies de l'Eglise et celles de l'Etat: il se fit craindre de Sarasins d'Orient, s'empara de Iesarée, vainquit ceux, qui oséront lui resister, et força les autres à lui demander la paix. Il avais deja reduit les Manichaeux et il pensa a reparer d'autres maux. Le trésor public était épuisé par les profusions de Michel. Une sage économie remplit ce vide; tous les exagesations furent recherchees et punies“. А если и дѣйствительно былъ нѣкій излишекъ въ похвалахъ императору, то почему его не признать какъ обычную дань поэзіи?

Что касается внѣшней формы стихотвореній, то напрасно стали-бы мы искать въ нихъ древняго соблюденія количества слоговъ, различенія долгихъ и краткихъ, а видимъ въ нихъ одно удержаніе ударенія. Древній языческій ритмъ потерялъ значеніе для слуха христіанскаго, открытаго болѣе для существа дѣла. Представленныя нами три стихотворенія принадлежатъ къ роду анакреонтическихъ, и первое состоитъ изъ двадцати пяти четырехстрочныхъ строфъ, въ которыхъ каждый стихъ имѣетъ по семи слоговъ; второе—изъ двадцати четырехъ, тоже четырехстрочныхъ строфъ, стихами во столько-же слоговъ, и третье—только съ пятью строфами въ четыре стиха изъ восьми слоговъ [1]). Стоитъ замѣтить еще, что каждая изъ четырехстрочныхъ строфъ начинается буквами въ алфавитномъ порядкѣ, первая буква А, вторая буква В и т. д.

---

[1]) Вотъ прозаическій переводъ третьяго стихотворенія въ четырехстрочныхъ строфахъ:

Хвалебную пѣснь отъ моихъ устъ
Приношу Тебѣ, Творецъ:
Изъ глубины сердца моего
Восходитъ она къ Тебѣ.
Глубину Твоей мудрости,
Бездну Твоего совѣта,
Вседержитель, какое слово
Можетъ воспѣть?
Какъ могъ-бы языкъ человѣческій
Повѣдать Твое величіе?
О, глубокая, высокая мудрость
Превосходящая всякое слово
Ты правишь всѣмъ
И тамъ, горѣ, и здѣ, низу.
На Тебя, Единаго, Ты вѣси то,
Возлагаю я мою надежду.
Ты нынѣ, о Міродержитель,
Мой Богъ, мой Господь и Царь,
Покрый Твоею десницею
Народъ, Тобою мнѣ данный.

Приписываютъ еще Фотію сочиненіе стихиры въ честь ближайшаго по патріаршеству его предшественника, Меѳодія, много пострадавшаго отъ иконоборныхъ императоровъ за защиту иконъ и черезъ то стяжавшаго досточтимое имя исповѣдника. Она напечатана у Болландистовъ въ ихъ Acta Sanctorum Jun. t. II, pag. 960, и дѣйствительно находится въ составѣ нашей православной службы въ честь этого исповѣдника, чтимаго и греческою, и нашею церковію пвдъ 14 іюня. Къ удовольствію читателя, мы приводимъ здѣсь и греческій подлинникъ этой стихиры и славянскій переводъ ея въ нашей, подъ сказаннымъ числомъ, іюньской минеѣ.

Εὐφροσύνως σήμερον ἡ ἐκκλησία τοῦ θεοῦ στολίζεται, ἀγαλλομένη κραύγουσα· ἐλαμπρύνθη μου τὸ κάλλος ὑπὲρ πᾶσαν πόλιν· ἴδοὺ γὰρ τῶν ἀρχιερέων τὸ μέγα κειμήλιον, ὁ ἔνδοξος Μεθόδιος, τὴν πορείαν πρὸς οὐρανὸν ἐποιήσατο. Δεῦτε οὖν, φιλεορτοι, τῶν ὀρθοδόξων τὸ σύστημα χοροστατήσαντες ἅμα τὴν θέεαν λάρνακα, ἰαμάτων πλημύραν λαβόντες παρ αὐτῆς ἱκετεύωμεν αἰτυσασθαι χριστὸν τὸν θεὸν τοῦ ῥυσθῆναι τὴν οἰκουμένην ἀπὸ πάσης αἱρέσεος. Migne CII. 576, 577.

Весело днесь церковь Божія одѣвается, и радуется зовущи: уяснися моя доброта паче всякаго града: се бо святителей великое сокровище славный Меѳодій, шествіе къ небесемъ сотвори. Пріидите убо празднолюбцы православныхъ соборъ, ликъ составльше купно, окрестъ божественныя раки, исцѣленій токи пріемше отъ нея, молитеся Христу Богу, избавити вселенную отъ всякія ереси [1]).

Надобно думать, что и вся служба въ честь Меѳодія принадлежитъ преемнику его Фотію и что есть много и другихъ стихиръ его сочиненія, только не обозначенныхъ его именемъ.

К. Остальныя произведенія Фотія.

Кромѣ означенныхъ доселѣ произведеній Фотія, какъ несомнѣнно и вполнѣ ему принадлежащихъ, въ разныхъ исторіяхъ литературы и библіографіяхъ значатся подъ его также именемъ или отрывки его сочиненій, какъ отдѣльные его труды,—или сочиненія, вовсе ему не принадлежащія,—или такія, происхожденіе которыхъ сомнительно.

Не рѣдко находимыя въ рукописяхъ у разныхъ лицъ и въ разныхъ книгохранилищахъ подъ его именемъ отрывки или изреченія изъ его Амфилохій, или писемъ, признавались отдѣльными его произведеніями.

Таковы: а) разсужденія de officio principis,—весьма часто являвшееся въ печати изслѣдованіе de septem synodis, небольшой отрывокъ de monachorum oratione и другій de sacrificiis, которыя въ рукописяхъ и печати выдаются, какъ отдѣльныя сочиненія Фотія, а въ дѣйствительности суть только отрывки изъ извѣстнаго поучительнаго посланія его къ новообращенному болгарскому князю Михаилу.

б) Напечатанное у Каве въ видѣ отдѣльнаго сочиненія Фотія disputatio compendiaria de Spiritu Sancto, которое есть только извлеченіе изъ втораго окружнаго его посланія.

в) Часто встрѣчающееся въ рукописяхъ и въ печати simbolum fidei въ значеніи отдѣльнаго сочиненія, въ дѣйствительности есть только извлеченіе изъ двухъ общительныхъ писемъ, которыя Фотіемъ, по вступленіи своемъ на престолъ патріаршескій, отправлены были—одно къ папѣ Николаю, а другое—къ восточнымъ патріархамъ.

Второй изъ указанныхъ разрядовъ, состоящій изъ сочиненій, напрасно приписываемыхъ Фотію, образовался на основаніи разныхъ невѣрныхъ указаній и ошибочныхъ предположе-

[1]) Замѣчательно, что Болландисты, помѣщая въ своихъ Acta Sanctorum житіе патріарха Меѳодія и приведенную нами стихиру, въ принадлежности которои Фотію они не сомнѣваются, въ концѣ ея дѣлаютъ замѣчаніе: Precatio sancta, quam utinam auctor irritam non fecisset, in vehendo perniciosissimum schisma, т. е. молитва святая, да только когда-бы сочинитель не сдѣлалъ ее тщетною, вводя пагубнѣйшую схизму.

ній. Таковы: а) Encomium S. Lucilliani Martyris, которое приписывается нашему Фотію, а въ дѣйствительности есть дѣло другаго Фотія, сосудохранителя и лагофета.

б) Первоначально, какъ кажется, написанное на латинскомъ, а потомъ переведенное и на греческій сочиненіе: Brontoscopia sive tonitruum observatio et consideratio ex Photio Romano juxta interpretationem verbalem Joh. Laurentii Lydii, отысканное первоначально въ одномъ ватиканскомъ Кодексѣ, по сужденію ученыхъ, не имѣетъ ни малѣйшаго права на принадлежность Фотію, а по всей вѣроятности, приводимое Фотіемъ въ своей Библіотекѣ, или Миріобиблѣ въ сочиненіи Іоанна Лаврентія Филадельфійскаго de prognoscitis et tempestatibus, было поводомъ къ отнесенію сочиненія на счетъ Фотія.

в) Liturgia Photii, которую приводитъ Mai въ своемъ Nova Collectio, t. I, praef. de Photio § VII in fine и которой вовсе не существуетъ,—по всей вѣроятности, есть смѣшеніе съ Photius de Liturgia.

Къ третьему разряду отнесли мы сочиненія, принадлежность которыхъ Фотію еще сомнительна и подлежитъ критическому обсужденію. За таковыя учеными признаются: а) Epitome de septem synodis, приписываемое обыкновенно Фотію, но подъ сомнѣніемъ, потому что мало сходно съ тѣми изложеніями вѣры, какія Фотій представилъ—и въ пространномъ видѣ, въ письмѣ къ болгарскому князю, и въ краткомъ видѣ, въ общительныхъ посланіяхъ къ папѣ и восточнымъ патріархамъ.

б) Трактатъ объ иконопочитаніи, приписываемый Фотію, но возбуждающій сомнѣніе тѣмъ, что по мыслямъ въ немъ заключающимся мало сходенъ съ тѣми изложеніями, какія находимъ о томъ-же предметѣ въ Амфилохіяхъ и другихъ Фотіевыхъ письмахъ.

в) Указывается иногда въ библіографіяхъ толкованіе Фотія на твореніе Іоанна Лѣствичника. Но это толкованіе, по убѣжденію очень многихъ ученыхъ принадлежитъ Иліи Критскому.

Наконецъ, изъ сочиненій Фотія есть много и пропавшихъ безслѣдно, а между тѣмъ ихъ первое появленіе и существованіе подтверждено несомнѣнными доказательствами. Таковы: а) трактатъ въ опроверженіе Юліана отступника, на который Фотій въ своемъ одномъ писаніи указываетъ самъ.

б) Другое сочиненіе, написанное въ обличеніе еретика Антіохійскаго, упоминаемое у Свиды [1]).

в) Тоже считать надобно пропавшими многія изъ діалектическихъ и философическихъ трактатовъ Фотія, на которые онъ самъ указываетъ въ своихъ Амфилохіяхъ. Такіе труды могли образоваться подъ перомъ Фотія, когда онъ, до вступленія на патріаршество, занимался учительствомъ и давалъ учащимся лекціи, какого рода было, напримѣръ, изложеніе Платонова ученія объ идеяхъ. Надобно думать, что подобнымъ образомъ пропало много изъ проповѣдей Фотія и изъ стихотвореній, и истолкованій на Священное Писаніе, какъ о томъ можемъ заключать изъ собственныхъ его указаній на производство и существованіе подобныхъ трудовъ [2]).

XI. СУЖДЕНІЕ О ДОСТОИНСТВАХЪ ФОТІЯ.

Такимъ образомъ, мы представили полную картину жизни Фотія со всѣми ея фазами и колебаніями, и — образъ его явился чистымъ, незапятнаннымъ и, согласно имени его, свѣтлымъ (Φώτιος отъ φώς—свѣтъ). Высоту умственной его стороны, богатство и разнообразіе его свѣдѣній, широту его учености и начитанности

[1]) Suidas sub voce Leontius: καὶ οὗτος ἐν Ἀντιοχείᾳ ἐγένετο αἱρετικός· ἔγραψε καὶ κατ' αὐτοῦ Φώτιος ὁ πατριάρχης. οὗτος γὰρ περὶ τοῦ ὁμοουσίου διελέχθη πρὸς Φλαβιανὸν τολμηρὰ καὶ βλάσφημα ληρωδήματα.

[2]) Болѣе полныя и подробныя свѣдѣнія объ этихъ, неподлинныхъ, сомнительныхъ и утраченныхъ писаніяхъ Фотія, см. Герг. Photius, t. III, стр. 242—260.

мы представили предъ симъ въ длинномъ рядѣ его разнообразныхъ ученыхъ твореній. Но и независимо отъ сего, требовалось большаго ума, чтобы быть государственнымъ секретаремъ, и въ этомъ званіи нести всю тягость управленія, затрудненнаго разными несогласіями и борьбами партій. Онъ назначаемъ былъ и посланникомъ въ азіатскія, магометанскія государства, по его словамъ, въ Ассирію, а, по другимъ, въ Персію, и, конечно, такое назначеніе отъ благочестивой императрицы Ѳеодоры послѣдовало не безъ убѣжденія въ его особенномъ умѣ и его отличной проницательности, что и доказалъ онъ самымъ дѣломъ, приведши то государство, въ которое посланъ былъ, не смотря на естественную враждебность его ко всему христіанскому, въ миролюбивое отношеніе къ Греціи и въ дружелюбное къ своему лицу [1]). А принятое имъ на себя и со всѣмъ усердіемъ исполнявшееся учительство доказываетъ въ немъ собраніе разнообразнѣйшихъ свѣдѣній для того, чтобы удовлетворять требованіямъ всѣхъ, искавшихъ тогда просвѣщенія. Словомъ, по уму и учености Фотій былъ настоящимъ свѣтиломъ своего вѣка, не померкшимъ и для послѣдующихъ вѣковъ.

Но это былъ свѣтильникъ, не дающій только свѣтъ, но и горящій пламенемъ согрѣвающимъ и—подчасъ попаляющимъ. Многоученый патріархъ, обладая обширнымъ запасомъ свѣдѣній, не давалъ ему лежать праздно, но, движимый ревностію по благочестію, употреблялъ его на защиту и распространеніе святой вѣры. Такъ, еще въ юности своей, вмѣстѣ съ достаточными родителями ратовалъ онъ противу иконоборческой ереси и, въ ознаменованіе этой, достохвальной борьбы, удостоился исповѣднической чести проклятія отъ одного изъ иконоборческихъ соборовъ, державныхъ при императорѣ Ѳеофилѣ [1]), покуда эта гидра не была имъ поражена окончательно и соборнѣ въ правленіе Ѳеодоры. Не меньшую ревность, какъ мы видѣли, проявлялъ онъ и въ пораженіи Павликіанъ, исповѣдывавшихъ двуначаліе, управляющее міромъ, и въ миссіонерской своей дѣятельности, орудіями которой употреблялъ святыхъ Кирилла и Меѳодія, и въ борьбѣ чрезъ нихъ съ мусульманами, гордившимися своимъ просвѣщеніемъ, и въ религіозномъ утвержденіи Хозаръ, колебавшихся между іудействомъ и мусульманствомъ, и во вразумленіи Армянъ [2]), заразившихся ересію монофизитизма, и въ просвѣщеніи Болгаръ, преданныхъ язычеству, и въ уясненіи и въ утвержденіи христіанскаго ученія во всемъ юго-западномъ славянскомъ мірѣ. Но что составляетъ вѣнецъ его славы,—не пощадилъ и главы Римской церкви, когда увидѣлъ, что онъ слишкомъ далеко, противу каноновъ, простеръ свою власть и дерзнулъ отступить отъ вселенскаго православія и отъ общепринятыхъ правилъ церковнаго чина. И вотъ отселѣ-то всѣ сыры-боры и загорѣлись на ревнителя вѣры; и поэтому-то поводу пошли на него и цѣлую тысячу лѣтъ неслись изъ католическаго міра разныя проклятія [3]),

---

[1]) Theophan. contin. III, 9, p. 95—98. Zonar. t. III, p. 117 ed. Basil. Hammer Constantinopel II, s. 237 и сл.— О связяхъ Фотія съ восточными эмирами говоритъ Илія Іерусалимскій. Concil. Photti act. IV. Mansi XVII, 484. Также и Николай Мистикъ въ epist. II ad Amiram Creteasem (Mai spicil. Roman. t. II, стр. 167 и 168) упоминаетъ о благопріятныхъ отношеніяхъ къ магомет. властителямъ.

[1]) О такомъ соборѣ, бывшемъ при Ѳеофилѣ во Влахернской церкви, говорится у Fabric. Bibl. graeca t. XII, 416, ed, Harl.

[2]) Не отозвалось-ли это вразумленіе въ событіи, имѣвшемъ по новѣйшимъ извѣстіямъ мѣсто въ армянской странѣ? Именно, недавно въ селеніи Кульпы, Сурмалинскаго уѣзда, Эриванской губ., находящемся вблизи, извѣстныхъ на Кавказѣ, Кульпинскихъ соляныхъ промысловъ, 195 армянъ, жителей того селенія, подали уѣздному начальнику заявленіе о желаніи перейти изъ армяно-грегоріанскаго вѣроисповѣданія въ православіе. Причемъ не требовали никакихъ льготъ или пособій, а просили только прислать имъ поскорѣе православнаго священника, по указанію котораго они могли-бы начать строить въ Кульпахъ православный храмъ.

[3]) По счету Жаже, славный Фотій пораженъ анаѳемой отъ девяти папъ: сначала Львомъ IV, Бенедиктомъ III, какъ принадлежащій къ партіи Грегорія

лживыя клеветы, уничижительныя порицанія, разнаго рода самыя дикія измышленія и неосновательнѣйшія подозрѣнія.

Хотя брань, исходящая изъ устъ открытаго и заклятаго врага, какъ пристрастная и тревожнымъ раздраженіемъ возбужденная, и не заслуживаетъ вниманія въ глазахъ всякаго разсудительнаго человѣка и, по пословицѣ, разносится вѣтромъ: тѣмъ не менѣе обратимъ вниманіе на правдивость тѣхъ нареканій, которыми разные писатели и, главно, католическіе, стараются чернить достославоне имя Фотія.

Гоненіе отъ враговъ начинается на него, если можно такъ выразиться, отъ самой утробы материнской. Современная лживая лѣтопись Метафраста говоритъ, что отецъ его женатъ былъ на монахинѣ, похищенной изъ монастыря; когда бывшій въ дружбѣ съ отцомъ его нѣкій инокъ Михалъ изъ Синнады увидѣлъ ее въ тягости, то воскликнулъ: „о, если-бы былъ кто такой, что могъ-бы убить и ее, и дитя въ ней сущее! Потому что я вижу въ ней другую Евву, которая носитъ во чревѣ своемъ змія, зародышъ мужескаго пола. Вижу, что по Божію попущенію, онъ будетъ патріархомъ на посрамленіе всечестнаго Святаго Креста, что онъ многихъ соблазнитъ, чтобы клятвопреступно попрать крестъ Христовъ, что онъ своими злоухищреніями лишитъ многихъ царствія небеснаго“... Когда отецъ, выслушавъ такія предсказанія, отвѣчалъ, что если таково будетъ имѣющее родиться дитя, то онъ готовъ убить его вмѣстѣ съ матерью, — провѣщатель на это сказалъ: „ты не можешь остановить того, что Богъ допускаетъ, заботься только о себѣ“. Но симъ не довольствуется нелѣпый баснословъ; онъ продолжаетъ разсказывать и о томъ, что порожденіе рокового дитяти произошло. Когда будущій Фотій явился на свѣтъ, говоритъ онъ, то мать позвала игумена монастыря св. Максимины, по имени Іакова, и бросилась предъ нимъ, вмѣстѣ съ новорожденнымъ, на колѣни со слезами умоляя удостоить дитя крещенія, потому что, говорила она, видѣла во снѣ дракона, вышедшаго изъ ея чрева, а благочестивый исповѣднихъ Илларіонъ, монахъ Далматова монастыря, растолковалъ, что она во чревѣ носитъ настоящаго, воплощеннаго сатану. Игуменъ, тѣмъ не менѣе, взялъ дитя, окрестилъ его и далъ ему имя Фотій. Такіе-то разсказы ходили въ народѣ о необыкновенномъ человѣкѣ, если только не выдумалъ ихъ самъ Метафрастъ, побуждавшійся къ тому желаніемъ оправдать своего высокаго милостивца, императора Леона, недостойно удалившаго отъ себя въ заточеніе славнаго патріарха, бывшаго ему учителемъ. Разсказъ такъ баснословенъ, что и католическіе писатели, весьма падкіе на всякія неблагопріятныя о Фотіѣ извѣстія, отвергаютъ его, какъ незаслуживающій никакой вѣры.

Въ ограниченіе учености Фотія и въ доказательство его непризваности къ занятію такого высокого въ церковномъ порядкѣ сана, каково патріаршество, указываютъ на то, что въ складѣ его образованія преобладало знакомство съ древнею классическою мудростью и не доставало богословскихъ свѣдѣній, такъ существенно необходимыхъ въ званіи высокаго предстоятеля церкви. Напрасный укоръ! Между многими предметами, какіе Фотій преподавалъ въ своей школѣ, будучи еще мірянином, важное мѣсто занимало и богословіе, преподававшееся съ подкладкою философіи. Въ „Амфилохіяхъ“ находимъ довольно мѣстъ, которыя свидѣтельствуютъ о таковыхъ занятіяхъ. Такъ, напримѣръ, въ вопросѣ 15-мъ, стр. 68 изд. Migne'я находимъ, что Фотій предлагалъ своимъ слушателямъ на разрѣшеніе мѣсто изъ евангелія Іоанна (глав. XIV, 28): „Отецъ Мой болій Мене есть,“ приводимое обыкновенно противъ Божескаго достоинства І. Христа; а въ „Amphil.“ cap. X, p. 180 ed. Migne, при разсужденіи по вопросу о произвольности смерти Спасителя, напоминаетъ, что объ этомъ вопросѣ было разсуждаемо на учеб-

---

Асбесты; затѣмъ—Николаемъ I, Адріаномъ II, Іоанномъ VIII, Мариномъ, Адріаномъ III, Стофаномъ V и Формозомъ. См. Jager. Histoire de Photius edition II-ème, стр. 392.

ныхъ диспутахъ. Вообще, богословское ученіе подъ ферулой Фотія состояло въ изученіи святоотеческихъ писаній и разсужденіяхъ по догматическимъ и библейскимъ вопросамъ. Что Фотій наобходимо долженствовалъ быть отлично знакомъ съ богословскими науками, уже можно заключить и изъ того, что въ Византіи церковно-богословскіе вопросы были въ ходу и разбирательство ихъ, такъ сказать, составляло моду. Отъ этого происходило, что многіе, бывъ избраны изъ мірянъ, на высокія церковныя должности, какъ напримѣръ, Тарасій и Никифоръ, оказывались вполнѣ на высотѣ своего положенія. Этимъ-же объясняется и тотъ фактъ, что въ письменной дѣятельности Фотія нерѣдко встрѣчаемъ переписку его съ свѣтскими лицами, интересовавшимися богословіемъ. Само собою разумѣется, что, когда Фотій вступилъ на патріаршескій престолъ, то занятія его по богословію, сдѣлавшись обязательными, усугубились и свѣдѣнія церковныя значительно расширились Поэтому, напрасно упрекаютъ его западные, что онъ недостойно занялъ патріаршеское мѣсто, не бывъ, якобы, приготовленъ къ тому соотвѣтственнымъ образованіемъ и что поэтому все его возстаніе противу запада проистекло будто-бы изъ недостатка его церковно-богословскихъ свѣдѣній [1]).

Противники далѣе говорятъ, что Фотій, вращаясь въ вихрѣ двора, гдѣ обыкновенно господствуютъ искательство, лесть, обманъ, поклонничество, самолюбіе, гордое презрѣніе къ низшимъ, не могъ не заразиться, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми изъ этихъ пороковъ и не проводить ихъ въ своей высоко-властной дѣятельности, какъ тому много примѣровъ было и есть, что молодые люди, вступившіе въ придворную жизнь съ прекрасными, нравственными задатками, дѣлались рабами суеты и думали только о возвышеніи своей чести и увеличеніи выгодъ житейскихъ. Но будто-бы всякому члену двора належитъ необходимость испортиться въ нравственномъ отношеніи и подчинить себя увлеченію неблагородными, низкими, предосудительными страстями?! Сколько мы знаемъ высоко-благородныхъ людей изъ придворныхъ, которые ознаменовали себя самыми достославными дѣяніями и общеполезными жертвами! Почему-же именно Фотію надобно было непремѣнно испортиться при дворѣ и получить дурное направленіе. Правда, что императоръ Михаилъ III былъ непорядочная, распущенная личность; но когда онъ состоялъ подъ вліяніемъ благочестивой матери его, возстановительницы иконопочитанія Θеодоры, то она могла сдерживать дурные порывы властительнаго самосознанія и не давать ему творить соблазны открыто. А когда мать была удалена, при дворѣ, оставался братъ ея, въ качествѣ сопротивителя, любитель и покровитель просвѣщенія, сильно упавшаго тогда въ Греціи подъ давленіемъ иконоборныхъ императоровъ, извѣстный Варда, который тоже какъ дядя хорошо сдерживалъ наклонность державца къ разгулу, и, какъ чтитель науки, былъ другомъ Фотія и щитомъ противъ вліянія дворскихъ соблазновъ. А когда не стало и Варды, то одно названіе патріарха должно было удерживать Фотія въ предѣлахъ долга и подобающей святости, какъ то доказываютъ неопровержимо всѣ его творенія, какъ до патріаршества, такъ и въ патріаршествѣ вышедшія, которыя всѣ дышатъ духомъ благочестія. Да если-бы и не было всѣхъ этихъ обезпечительныхъ условій чистоты и непорочности нрава, то достаточно было одного строго-христіанскаго воспитанія, подъ вліяніемъ пострадавшихъ за вѣру родителей, и задушевной преданности наукѣ, чтобы сохранить свою природу чистою отъ скверны плоти и духа. Поэтому совершенно напрасно западные думаютъ унизить и очернить Фотія вліяніемъ двора, гдѣ онъ самъ могъ сіять, какъ свѣтлая и просвѣтительная личность.

[1]) Mich. mon. Uita Theodori. c. XII, p. 128. ed Migne: καὶ τοῦτο εἶχεν ἔργον ἐπιμελὲς, πᾶσαν ἐπιέναι Γραφήν, παλαίαν τε καὶ νέαν, πατέρων τε αὖ πάντων τοὺς λόγους ἀνερευνᾶν, τίνα τε τούτων ἕκαστος καταλέλοιπεν ὑπομνήματα, καὶ πάντα μὲν ὡς εἰκὸς καὶ τοῖς θείου πατράσι φιλοπόνως ἐκτεθειμένα, σὺν ὑδηγίᾳ ἐπῄει τοῦ πνεύματος.

Далѣе — противники говорятъ, что Фотій, движимый честолюбіемъ, придворною жизнію усиленнымъ, и обезпечиваемый высокимъ благоволеніемъ, пріобрѣтеннымъ обычною при дворѣ лестію и угодливостію, дерзнулъ посягнуть на, занимавшееся святою личностью Игнатія мѣсто патріарха и дѣйствовать къ изгнанію его. Но они говорятъ такъ на основаніи сказаній открытыхъ враговъ Фотія, Анастасія Библеотекаря и Семеона Логоѳета, которые потому не заслуживаютъ ни малѣйшей вѣры. Но полной вѣры заслуживаютъ тѣ показанія, которыя давалъ самъ Фотій о своемъ занятіи патріаршаго престола. Стоитъ только припомнить его два общительныя посланія къ папѣ Николаю, въ которыхъ онъ выражалъ свое нежеланіе занять престолъ и заявлялъ, что только долженъ былъ уступить принужденію и силѣ. Если сего не довольно, то указываемъ на письмо его къ Вардѣ, въ которомъ онъ выражалъ свои жалобы по поводу оскорбленій и притѣсненій, чинимыхъ Игнатію и его сторонникамъ и въ которомъ онъ не могъ быть не откровеннымъ по близкой пріязни къ Вардѣ. „Я зналъ прежде, нежели испыталъ, пишетъ онъ:—что не достоинъ святительской власти и пастырскаго званія. По этой причинѣ, когда меня привели и силою привлекли, мнѣ трудно было выдерживать творившееся надо мною; лучше-бы меня поразила тогда мгновенная смерть, чѣмъ подвергаться насильственному для меня избранію. Еще никогда бѣдная душа моя не испытывала, ежедневно, столько и притомъ такихъ золъ, предчувствіе и ожиданіе которыхъ уже прежде смущали меня и приводили въ трепетъ. Человѣкъ, по непонятному, врожденному свойству, предчувствуетъ несчастія, особенно если угрожаютъ ему непосредственно. Стѣсненный и взволнованный мрачными ожиданіями я плакалъ, молилъ, словомъ, сдѣлалъ все, чтобы устранить отъ себя насильственное рѣшеніе приступившихъ ко мнѣ, и чтобы меня миновала чаша многоразличныхъ заботъ и соблазновъ “[1]).

[1]) Montacutii epist. VI. pag. 69—70.

Правда, ревнители папства противу этого говорятъ, что Фотій былъ извѣстный лицемѣръ, употреблявшій лицемѣріе, какъ средство, для достиженія своихъ честолюбивыхъ видовъ. Но это опровергается и строго-благочестивымъ воспитаніемъ отъ религіозныхъ родителей, не могшимъ зарождать порока лукавства, и преданностью наукѣ, всегда болѣе или менѣе далекой отъ неправды, и всею остальною дѣятельностью въ званіи патріарха, всегда открытою и смѣло служащею истинѣ.

Указываютъ далѣе на то, что Фотій быстро занялъ патріаршую каѳедру, вопреки, яко-бы, каноническимъ правиламъ, прошедши за недѣлю званіе и чтеца, и иподіакона, и діакона, и священника. На это, не пускаясь въ дальнія опроверженія, довольно было-бы замѣтить, зачѣмъ нужно было болѣе продолжительное прохожденіе низшихъ степеней священства такому высоко и широко просвѣщенному мужу и притомъ поучавшему и другихъ въ богословіи. Ни лишне принять въ соображеніе и то, что избранный извѣстенъ былъ также съ практической стороны, какъ человѣкъ, украшенный добродѣтелями, потребными и приличествующими для высокаго духовнадо сана. Но и независимо отъ сего, такое спѣшное возвышеніе оправдывается практикою и Западной, и Византійской Церкви,—не разъ приводившимися уже нами примѣрами Амвросія Медіоланскаго, Нектарія, Тарасія и Никифора Константинопольскихъ.

Еще менѣе можно допустить, чтобы Фотій, какъ упрекаютъ его католики, могъ производить истязанія, или, покрайней мѣрѣ содѣйствовать истязанію и тиранству надъ низложеннымъ Игнатіемъ. Этому противорѣчатъ письма его къ Вардѣ, въ которыхъ онъ слезно молитъ его быть милостивымъ къ неповиннымъ страдальцамъ, захотѣвшимъ быть вѣрными осужденному патріарху, равно и къ самому Игнатію. Вотъ извлеченіе изъ перваго: „...Не взирая на то, что я много перенесъ уже, какъ будто недостаточно было причиненнаго мнѣ зла (разумѣетъ насиліе, употребленное противу него при избраніи на патріаршество),— придумали

еще новый способъ мученій: чтобы изъ-за меня терпѣли зло другіе. Томятъ голодомъ клиръ и значительнѣйшихъ изъ моихъ подчиненныхъ. Все это дѣлается на тотъ конецъ, чтобы на мою же голову опрокинулись упреки ихъ и проклятія, когда они, размысливъ и сообразивъ свое положеніе, придутъ къ заключенію, что ихъ постигло бѣдствіе изъ-за меня. Я не буду говорить о томъ, что у меня отнята значительнѣйшая часть моихъ средствъ, и что я лишенъ половины моей власти. Пусть похвально поступили похитившіе и то, и другое, и искусно придумали, какъ начать на меня гоненіе. Если-бы, сообразно съ моимъ желаніемъ, исполнили то, о чемъ я просилъ (я разумѣю здѣсь освобожденіе отъ ига и бремени, которыя несу), то я былъ-бы еще благодаренъ, когда-бы меня лишили моей власти; но надо мною издѣваются; видно, стало досадно, что мнѣ оставлена еще какая-нибудь власть; чѣмъ же медленнѣе меня лишаютъ остального, тѣмъ мнѣ невыносимѣе. Такъ тотъ, кто оставляетъ свою жертву полумертвою и недобитою, поступаетъ жесточе того, кто отнимаетъ жизнь однимъ ударомъ. Въ обоихъ случаяхъ убійство; но въ одномъ убійца дѣлаетъ муку мгновенною, а въ другомъ, какъ-бы не довольствуясь скорымъ лишеніемъ жизни, истерзавъ и измучивъ несчастнаго, заставляетъ испытать ужасныя муки прежде, нежели его оставитъ жизнь. Таково и мое положеніе: ежедневно наносятъ мнѣ удары и причиняютъ раны, такъ что я теперь уподобляюсь полуубитому. Какъ кажется за то, что я вовсе не хотѣлъ власти, мнѣ оставили только половину ея; если-бы я самъ просилъ раздѣлить власть, тогда-бы меня выслушали вполнѣ. Но какъ полуубитый не можетъ жить,—такъ и мы не можемъ оставаться при столь уменьшенной власти. Мы позоръ и безчестіе не только для нашихъ предшественниковъ, но и для преемниковъ, если только между послѣдними не будетъ кого-нибудь еще болѣе жалкаго сравнительно съ нами, въ случаѣ, когда изъявитъ желаніе подвергнуться игу, не взирая на участь, постигшую насъ. Но мы готовы оставить наше мѣсто, только бы прекратился позоръ. Если-же не оставимъ, то будемъ причиною скорби для другихъ, а этого достаточно, чтобы потребовать насъ къ отвѣту. Мы отрясаемъ прахъ отъ ногъ нашихъ, оставляемъ престолъ, лишь бы перестали коварствовать противъ насъ. О, божественное правосудіе! О, божественные законы! О, судъ Божій! За то, что мы возлюбили васъ, насъ ненавидятъ; за то, что мы не переступили васъ, насъ презираютъ; за то, что мы побораемъ по васъ, насъ бѣгутъ"...[1])

Но вотъ отрывокъ и другаго письма Фотія къ тому же Вардѣ, въ которомъ онъ сострадаетъ мученіямъ, какія перенесъ одинъ изъ преданныхъ Игнатію, по званію священникъ, и проситъ властвовавшаго временщика объ облегченіи ихъ. „...Когда посмотрю я на страждущихъ священниковъ,—на всѣхъ вмѣстѣ и на каждаго въ частности,—когда посмотрю, какъ за одинъ только проступокъ подвергаютъ, заковываютъ ихъ въ цѣпи, отрѣзываютъ имъ языки (Господи, не помни нашихъ прегрѣшеній!), то какъ не сказать мнѣ, что умершіе счастливѣе насъ? Могу-ли утѣрпѣть, чтобы не сказать: „Несу я, несчастный, возложенное на меня иго въ доказательство моихъ согрѣшеній?" Человѣкъ несчастный, не имѣющій покровителей, лишенный даже здраваго смысла (это обстоятельство должно заставить скорѣе пожалѣть его, чѣмъ негодовать на него) вынесъ разомъ столько бѣдствій: онъ проданъ въ рабство, содержался подъ стражею, что въ высшей степени безпощадно, лишенъ языка; послѣднее тѣмъ болѣе возмутительно, что онъ священникъ. Я много заступался за него, много просилъ—и что же?—Я, жалкій, получилъ въ отвѣтъ только слова, несогрѣтыя состраданіемъ: свидѣтели тому всѣ присутствующіе. Но если они не помнятъ, то не забудетъ того Богъ. Когда я въ дѣлѣ, столь очевидномъ и бросающемся въ глаза, лишенъ надежды, и

[1]) Тамъ-же, ep. III pag. 65—68. Βάρδᾳ Μαγίστρῳ Πατρικίῳ καὶ Κουροπαλάτῃ.

сталъ посмѣшищемъ, какого же успѣха могу я ожидать тамъ, гдѣ исходъ мнѣ неизвѣстенъ? Какъ могу я молить объ отпущеніи грѣховъ твоихъ и всего народа, и какъ могу разрѣшать, когда впервые заступился передъ тобою за одного только, и до такой степени лишенъ надежды и до такой степени обманутъ, что пишу со слезами, смѣшанными съ кровію. Отъ тебя зависитъ, будетъ-ли это письмо мое первымъ или послѣднимъ. Свидѣтельствуюсь Господомъ и объявляю, что, если ты рѣшился обманывать меня и презирать меня за то, что я обратился къ тебѣ съ столь разумными просьбами и увѣщаніями: если этому несчастному не будетъ оказано утѣшенія и облегченія, на сколько это возможно, то я не буду утруждать тебя моими письмами, но замолчу, оплакивая мою участь и въ сознаніи моего безсилія. Ибо, послѣ ежедневныхъ искушеній и невзгодъ, которыми мнѣ самому ежедневно угрожаютъ, мнѣ болѣе ничего не остается, какъ ожидать погибели, да еще имѣть горькое сознаніе, что между смертными я самый несчастный» [1]).

Возможно-ли, чтобы человѣкъ, подвергавшій (едва выговаривается это слово) или какимъ-нибудь образомъ содѣйствовавшій истязанію несчастнаго Игнатія и его сторонниковъ, могъ писать такія сочувственныя письма къ лицу, предъ которымъ не имѣлъ никакого побужденія лицемѣрить?...

Да и вообще, нельзя допустить по человѣчеству, чтобы такой высокообразованный человѣкъ, просвѣщенный и человѣческою и божественною мудростію, могъ унизить себя до безчеловѣчныхъ поступковъ съ своимъ предмѣстникомъ, достаточно уже пораженнымъ потерею высоко цѣнимаго имъ сана и осужденіемъ на изгнаніе. Право, нельзя не удивляться душевному складу католическихъ писателей, что они считаютъ легкимъ и удобоисполнимымъ для образованнаго христіанина дѣломъ, — совершать разныя варварства и жестокости безъ крайняго насилія для себя и своей совѣсти. Или фанатизмъ, которымъ они проникнуты, представляетъ удобоисполнимымъ то, что для здравомыслящаго кажется вовсе не возможнымъ?

Ставимъ на видъ главное обвиненіе, какое паписты возводятъ на Фотія, именно то, что, будто-бы онъ, на основаніи перенесенія Константиномъ Великимъ столицы имперіи изъ Рима въ Византію, возмечталъ о первенствѣ и главенствѣ Константинопольской каѳедры, и потому возсталъ противу папы Николая I, обличая его въ нарушеніи существеннаго догмата вѣры и въ разныхъ отступленіяхъ отъ общепринятыхъ въ церкви правилъ, чѣмъ и положилъ начало схизмѣ (отъ σχίω — колю, расколъ), или раздѣленію церкви на Восточную и Западную. Хотя укоризна эта тысячу разъ дѣлаема была православнымъ и тысячу разъ блистательно опровергаема, тѣмъ не менѣе, не хотимъ и мы оставить этой укоризны безъ посильнаго отраженія. Нѣтъ! Не Фотій поднялъ роковое дѣло взаимнаго разлада и противоборства двухъ церквей, а папа Николай I, своею гордостію, властолюбіемъ и притязательностью. Фотій никакъ не могъ мечтать о правѣ на первенство и главенство своей церкви, ибо онъ зналъ опредѣленіе второго вселенскаго собора, усвоившаго вторую степень каѳедрѣ Византійской; зналъ и подтвержденіе этого опредѣленія четвертымъ вселенскимъ соборомъ, бывшимъ въ Халкидонѣ; зналъ, что и вся послѣдующая практика, въ теченіи вѣковъ признавала святость и неприкосновенность этого опредѣленія, и Фотій вопреки общему убѣжденію никакъ не могъ прійти къ слишкомъ смѣлой мысли присвоить себѣ верховное значеніе во вселенской церкви. Нѣтъ! Это властолюбивый Николай поднялъ всю исторію раздѣленія церкви, гордо и повелительно потребовавъ къ себѣ на судъ двухъ спорящихъ патріарховъ Византійскихъ... Кто далъ ему, равно-честному, право звать на судъ двухъ достопочтенныхъ епископовъ, когда дѣло ихъ

[1]) См. Montacutii, выше приведенная epist. VI, pag. 69 и 70.

могло быть разобрано только соборомъ? И затѣмъ, когда препиравшіеся іерархи восточной церкви не явились предъ судилище папы, на какомъ основаніи могъ онъ не признать Фотія? Очевидно, западный іерархъ хотѣлъ воспользоваться происшедшимъ въ византійскихъ церковныхъ дѣлахъ замѣшательствомъ къ расширенію своей власти, и,—неограничиваясь нѣкоторымъ подчиненіемъ себѣ западныхъ епископовъ, на основаніи появившихся въ то время лжеисидоровскихъ декреталій,—подчинить себѣ и восточныхъ. Поэтому не правъ-ли былъ Фотій, молчавшій, покуда неблагопріятныя отношенія папы касались собственно только его лица,—не правъ-ли, говоримъ, онъ былъ, когда возсталъ противу него со всею силою своего характера и краснорѣчія, обличая его въ нарушеніи общепринятыхъ соборныхъ правилъ, установившихъ равностепенность каѳедръ римской и константинопольской,—возстать не въ защиту и какое-нибудь оправданіе себя, а въ охраненіе цѣлости и неприкосновенности вѣками установившагося строя церковнаго. Поэтому не правдиваго Фотія, а властолюбиваго Николая надобно по всей справедливости признать первоначальною и единственною виною злополучнаго раздѣленія Церкви.

Другой ударъ, нанесенный миру церкви паною и послужившій къ ея расколу, (σχίσμα) было нарушеніе имъ неприкосновенной цѣлости вселенскаго Символа вѣры чрезъ прибавленіе въ немъ Filioque, а вмѣстѣ съ тѣмъ и допущеніе другихъ, болѣе или менѣе важныхъ уклоненій отъ общепризнанной нормы православія. Могъ-ли молчать строгоправославный предстоятель Византійской церкви, въ виду распространяющагося въ христіанствѣ неправовѣрія тѣмъ болѣе, что оно начало проникать и въ состоящую подъ его вѣдомствомъ область? Слѣдовательно, папа и здѣсь былъ началомъ зла, а Фотію пришлось только останавливать теченіе зла и далѣйшее его распространеніе, для чего и составленъ имъ былъ многочисленный соборъ,—не безъ участія самыхъ западныхъ,—на которомъ папа Николай I и осужденъ былъ справедливо, какъ еретикъ и преданъ церковной анаѳемѣ. Третій поводъ, поданный Николаемъ I къ возстанію противу Западной церкви и усиленію раздѣленія,—это вмѣшательство папы въ дѣла Болгаріи. Еще въ отвѣтѣ на письмо императора Михаила, которымъ послѣдній извѣщалъ папу объ удаленіи Игнатія и возведеніи на его мѣсто Фотія, вслѣдъ за гордымъ обѣщаніемъ прислать свое высоковластное рѣшеніе объ обоихъ состязавшихся іерархахъ изъ Рима, послѣ того какъ получитъ подробныя свѣдѣнія отъ своихъ епископовъ, Николай I вслѣдъ за симъ, какъ какій мздоимный судія, потребовалъ себѣ взятки; онъ просилъ, чтобы отдали ему какъ мы уже и выше показывали, Эпиръ, Иллирію, Македонію, Ѳессалію, Ахаію, Дакію, Мизію и Дардонію и возвратили Римской церкви Калабрію и Сицилію. Но когда получить этой добычи не удалось, стяжатель накинулся на Болгарію, которая только что трудами и заботами Фотія обращена была въ христіанство. Правда, что Болгарскій князь, не успѣвши еще, такъ сказать, сообразиться въ новомъ вѣроисповѣдномъ положеніи, когда въ его область стеклись разные проповѣдники толковавшіе разно, самъ обратился къ папѣ съ разными запросами, клонившимися къ устроенію юной церкви; но папа все-таки долженъ былъ принять во вниманіе достоподражаемый примѣръ столь чтимаго въ Римѣ апостола Павла, который старался благовѣствовать не тамъ, гдѣ уже было имя Христово, дабы не созидать на чужомъ основаніи, но тамъ, гдѣ о Немъ не имѣлось еще извѣстія (Рим. XV, 20, 21). Между тѣмъ онъ послалъ въ обращенную подъ византійскимъ вліяніемъ Болгарію своихъ клевретовъ, которые начали тамъ сѣять вражду и недовѣріе къ византійскимъ проповѣдникамъ: порицать женатыхъ священниковъ, перекрещивать и вновь муропомазывать крещенныхъ послѣдними дѣтей и чинить другія продерзости въ нарушеніе издавна установленнаго чина. Самъ же Николай I, какъ нѣкій лжецъ, на вопросъ невѣдущаго Бориса: сколько настоящихъ патріарховъ,—

изволилъ указать, какъ мы о томъ уже говорили и выше, только на Римскаго, Антіохійскаго и Александрійскаго;—а на другой вопросъ: который патріархъ вторый послѣ римскаго, не задумываясь, объявилъ: Александрійскій. Какая низкая ложь, недостойная не только священноначальника, но и простого мірянина! „О сокрытіе истины въ неправдѣ“, (Рим. I, 18) сознательно разсчитанное на возвышеніе себя и униженіе собрата! Могъ-ли, долженъ-ли былъ мужъ правды допустить такое извращеніе истины,—не въ личномъ интересѣ, а въ интересѣ церковнаго установленія, опредѣлившаго константинопольскому патріарху второе мѣсто по римскомъ. И Фотій достойно и праведно разразился противу Николая громоноснымъ посланіемъ, блистательнѣйшимъ образцемъ прочувствованнаго краснорѣчія, къ восточнымъ епископамъ съ оглашеніемъ уклоненій со стороны западнаго епископа дерзкихъ отступленій отъ каноновъ единой святой соборной церкви и съ приглашеніемъ на соборъ для осужденія тѣхъ отступленій. На этотъ столь важный соборъ, дѣйствительно, собралось свыше тысячи членовъ.

Такимъ образомъ, не Фотій является виновникомъ несчастной схизмы, а Николай, своими антиканоническими уклоненіями отъ правой вѣры потрясши церковь, и не Фотія слѣдовалобы осыпать проклятіями, какъ старавшагося остановить посягательство на цѣлость вѣры, а Николая, въ гордомъ самомнѣніи дерзавшаго посягать на оную. Но мы, вѣрные духу церкви, содержимой нами въ цѣлости отъ блаженныхъ Отцевъ первыхъ вѣковъ христіанства, вмѣняемъ себѣ въ святую обязанность молиться „о мирѣ всего міра и соединеніи церквей“ и приглашать всѣхъ ко „взаимной любви, да единомыслiемъ исповѣмы Отца и Сына, и Святаго Духа“,—безъ всякой къ символу прибавки.

За симъ, слѣдовало-бы превознесть Фотія зо тотъ геройскій духъ, съ которымъ онъ перенесъ всѣ страданія и лишенія, съ какими соединено было первое его изгнаніе (подробностей о второмъ изгнаніи неизвѣстно), за ту стойкость въ своихъ антипапистическихъ убѣжденіяхъ, которую онъ сохранилъ и подъ гнетомъ тяжкихъ скорбей печальнаго заточенія, за то сочувствіе, съ какимъ онъ раздѣлялъ страданія своихъ единомыслящихъ и друзей, за ту силу убѣжденія, съ какой онъ поддерживалъ колеблющихся въ вѣрности ему и разилъ тѣхъ, которые измѣняли ему; но обо всемъ этомъ достаточно было выше сказано, и мы думаемъ, что нами воздана ему вполнѣ подобающая честь во всѣхъ отношеніяхъ. Скажемъ только подъ конецъ вкратцѣ о его достоинствахъ, — скажемъ, что онъ былъ человѣкъ высокаго ума, всесторонняго образованія и обширнѣйшей учености и начитанности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкомъ высоконравственнымъ, святымъ въ христіанскомъ смыслѣ, непоколебимымъ поборникомъ правовѣрія, ревностнѣйшимъ, равноапостольнымъ распространителемъ Христовой вѣры, преслѣдователемъ и обличителемъ ересей, мужественнѣйшимъ страстотерпцемъ, нѣжнѣйшимъ другомъ, благотворителемъ и подпорою бѣдствующихъ, утѣшителемъ скорбящихъ и, вообще, другомъ человѣчества.

Мы выше уже высказали, что брань католиковъ противу Фотія, какъ исходящая отъ предубѣжденія, всасываемаго ими вмѣстѣ съ молокомъ матери и внушаемаго папами, не заслуживаетъ вниманія со стороны православнаго; но не можемъ умолчать объ одномъ феноменальномъ произведеніи нашего вѣка, трактующемъ о Фотіи, въ которомъ католичество, кажется, хотѣло сказать послѣднее слово объ этой міровой личности: разумѣемъ сочиненіе д-ра I. Гергенретера, бывшаго профессора церковной исторіи и каноническаго права, а нынѣ кардинала римской церкви, подъ заглавіемъ: „Photius, Patriach von Constantinopel, Sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. Nach handschriftlichen und gedructen Quellen von Dr. I. Hergenröther. Regensburg, 1867—1869“, въ трехъ большихъ томахъ, отъ 719 - 880 страницъ средняго шрифта. Еще никогда исторія патріаршества Фотія не была представлена въ такой полнотѣ и подробности, какъ въ поиме-

нованномъ сочиненіи. Сколько надобно было употребить труда на произведеніе, писавшееся въ продолженіе десяти лѣтъ, сколькихъ стоило стараній и заботъ изысканіе источниковъ свѣдѣній о славномъ патріархѣ! Сколько посѣщено и осмотрѣно библіотекъ, для отысканія требовавшихся документовъ, въ разныхъ кодексахъ и рукописяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые, въ добавленіе къ сочиненію, изданы самимъ авторомъ, каковы: приведенныя уже нами въ сочиненіи: „Photii Constantinopolitani lib. de Spir. Sanct. Mystagogia. Ratisbonae, 1857“, и „Monumenta graeca ad Photium ejusque historiam pertinentia. Ratisbonae. 1869“. Зато сочиненіе вышло блестящее, полное, ученѣйшее, разсматривающее жизнь Фотія во всѣхъ ея фазахъ, обогащеное міріадами подстрочныхъ указаній на различнѣйшіе источники,—и греческіе, и латинскіе, и новѣйшихъ временъ, почему можемъ сказать, что сочинитель справедливо награжденъ кардинальскимъ пурпуромъ.

Но что открывается предъ взоромъ православнаго, да и всякаго безпристрастнаго читателя? Сочиненіе оказывается само себѣ противорѣчащимъ, само себя уничтожающимъ. Ибо то, что желательно сказать сочинителю въ обвиненіе Фотія, то опровергается тутъ же приводимыми имъ источниками. Такъ, ему хочется показать, что Фотій былъ честолюбецъ и движимый этой страстію низложилъ Игнатія и самъ занялъ его мѣсто, а въ то же время приводитъ два его посланія къ папѣ Николаю, въ которомъ новопоставленный патріархъ слезно жалуется на насильственное отторженіе его отъ мирныхъ занятій наукою и на невольное занятіе имъ не соотвѣтствующаго его силамъ поста. Хочетъ авторъ представить Фотія гонителемъ, или, по крайней мѣрѣ, недоброжелателемъ изгнаннаго Игнатія, и въ то же время представляетъ новаго патріарха умоляющимъ Варду, собственно низложившаго Игнатія, о пощадѣ неповиннаго страдальца и ему преданныхъ. Сочинитель желаетъ выставить Фотія льстецомъ, и, не смотря на то, представляетъ его публично обличающимъ императора въ преступномъ, убійственномъ занятіи престола; хочетъ выставить его лицемѣромъ и малодушнымъ, а по представляемымъ документамъ уничижаемый является глубоко, искренно убѣжденнымъ героемъ вѣры, непреклонно стоящимъ за свои убѣжденія и готовымъ до смерти пострадать за правоту своего дѣла. Но не продолжаемъ указаній на эти самопереканія до конца, а скажемъ кратко: сочинитель думалъ забросать грязью золото, а оно все-таки сіяетъ. Сочинитель видѣлъ въ приводимыхъ имъ источникахъ все достоинство и превосходство патріарха, но, въ угожденіе папству и своему предубѣжденію, долженъ былъ по возможности скрывать доблести Фотія, извращать факты изъ его жизни и измышлять ему различныя недостатки.

Къ таковому же взгляду по прочтеніи одного только тома, на другой годъ по выходѣ его, пришелъ и покойный Н. И. Костомаровъ, который въ отзывѣ своемъ, помѣщенномъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1868, т. I, стр. 631, такъ говоритъ о произведеніи Гергенрётера: „При всѣхъ достоинствахъ сочиненія, писателю мѣшаетъ пристрастіе, предвзятое убѣжденіе въ пользу папизма и предубѣжденія противъ враждебной стороны. Обставившись источниками, которые исключительно держатся противнаго взгляда на Фотія и на его партію, Гергенретеръ, хотя нерѣдко и сознаетъ ихъ невѣрность, но также нерѣдко поддается соблазну довѣрять имъ тогда, когда нѣкоторые изъ нихъ черезчуръ даже бросаются въ глаза своею недобросовѣстностью. Такимъ образомъ не нужно быть слишкомъ глубокомысленнымъ и опытнымъ историкомъ, чтобы остеречься дать первое мѣсто Никитѣ Пафлагонцу. Писатель этотъ явно выдумываетъ небылицы, явно клевещетъ, безпрестанно самъ себя обличаетъ ошибками, анахронизмами и противорѣчіями; а между тѣмъ, часто указывая его черезчуръ очевидныя невѣрности, авторъ, однако, руководствуется имъ въ качествѣ главнаго источника. При всемъ желаніи нѣмецкаго ученаго наклонить мысли и чувства читателя на западную сторону, самые

факты, въ книгѣ изложенные, уничтожаютъ нерѣдко выводы автора и представляютъ въ иномъ свѣтѣ дѣло; а источники, которымъ онъ хочетъ заставить вѣрить и приводитъ изъ нихъ мѣста, сами себя обличаютъ. По прочтеніи его книги останется въ душѣ читателя не совсѣмъ тотъ образъ, какой хотѣлъ бы составить авторъ".

Такимъ образомъ, мы, православные, оставляя безъ вниманія всѣ обвиненія, взводимыя сочинителемъ на достойнѣйшаго Фотія, тѣмъ не менѣе остаемся признательны къ его высокопочтенству (reverendissime) за возможно полное отыскавіе источниковъ свѣдѣній о пререкаемомъ патріархѣ, которыми наша духовная публицистика и не преминетъ въ свое время воспользоваться для его чести и прославленія и которыми и мы въ подходящихъ мѣстахъ не оставляли пользоваться въ настоящемъ нашемъ сочиненіи.

Что касается до другого католическаго писателя о Фотіѣ, почетнаго каноника Парижа и Нанси, профессора въ Сорбонѣ, аббата Жаже, написавшаго: „Histoire de Photius, Patriarche de Constantinopole deuxième édition. Paris. 1845, то мы представляемъ одобрять это сочиненіе нѣмецкому его сообщнику, хотя болѣе умѣренному, представляемъ ему находить этотъ трудъ отвѣтствующимъ цѣли, съ проницательнѣйшимъ употребленіемъ Фотіевыхъ писемъ, съ отличнымъ изученіемъ того времени, довольно острымъ сужденіемъ, съ особеннымъ искусствомъ разсказа и другими отличіями". Такъ онъ говоритъ въ своемъ Praefatio къ изданной имъ Liber de Spiritus Sancti Mystag. стр. IV. А въ предисловіи къ своему „Photius" t. I. стр. VII говоритъ: „Жаже болѣе воспользовался письмами Фотія, чѣмъ то дѣлалось прежде, но часто бываетъ несчастливъ въ ихъ переводѣ и толкованіи; его изложеніе изящно и заманчиво, образъ представленія фактовъ еще часто является въ зависимости отъ Маймбурга, Флери" [1]).

[1]) Вотъ латинскій подлинникъ перваго мѣста: „Photii Patriarchae historiam non ita pridem gallico sermone cl. Jager eleganter non minus quam sollerter pertractavit; quod recens opus auctoris seoco accomodatum, uso Photianarum epistolarum sagacissimo, insigni illorum temporum studio, judicio satis acuto, narrandi arte egregia allisque ornamentis esse praeditum haud diffiteor".

Нѣмецкій подлинникъ второго отзыва такій: „Jagerhat mehr, als sonst geschehen, die Briefe das Photius benützt, ist aber oft unglücklich in ihrer Uebersetzung und Deutung seine Darstellung ist elegant und gewinend seine Auffassung noch vielfach obhängig won Maimbourg, Fleury u. A"....

Мы же за исполненное наглой ругани на почтеннаго патріарха сочиненіе ограничимся вмѣстѣ съ многоуважаемымъ Гетте назвать автора „бѣшеною собакой, обрызгивающей нечистою пѣною патріаршескую ризу великаго человѣка, который своими добродѣтелями, своимъ краснорѣчіемъ и своими познаніями заслуживаетъ быть помѣщеннымъ на ряду съ Іоанномъ Златоустомъ и Григоріемъ Богословомъ и который столь справедливо названъ Фотіемъ" (см. „Вѣр. и Раз." 1888 года декабря кн. II, отд. церковн. стр. 845 въ выноскѣ). Вотъ для примѣра этой безчестной ругани два отрывка изъ сочиненія, взятые наудачу. Такъ описываетъ Фотія Jager послѣ того, какъ онъ подвергая осужденію на соборѣ: „A cette vue, Photius écume de rage, et devient comme une bête féroce qui se bébat et se jette avec fureur sur ceux qui veulent l'enchainer. Les flots de la mer ne sont pas plus agités que les pensées de son coeur. Bientôt il lâche la bride à toutes ses passions furieuses, et décharge le poids de sa colère sur ceux, qui rompent la communion avec lui. Il les dépouille de leurs dignité set de leurs biens, il les fait bannir, emprisonner et tourmenter. Nul sexe, nul âge et nulle condition ne sont respectés. Les moines ont un droit particulier à ses persécutions, parce qu'ils lui présentent le plus de résistance: il les disperse de tous côtés, et les envoie en exil. Il chasse les ermites du monde Olympe, et fait mettre le feu à leurs cellules. Il pousse l'exaltation de la cruauté jus qu'à faire enterrer tout vif par le milieu du corps, un homme, qui réfusait de communiquer avec lui. Il parait que, dans ses persécutions

il a cause la mort de plus d'un ecclésiastique et laique; du moins le patr Adrien II, successeur immédiat de Nicolas I-re, le lui reproche et ne craint pas de dire, dans un concile, qu'il a surpasse la cruauté de Diocletien“ [1]). А вотъ и другое описаніе душевнаго настроенія Фотія, когда ему надобно было отправиться въ изгнаніе: „Photius, condamné pour la cinquième fois, reçoit enfin la peine de ses crimes, peine trop douce à raison de ce qu'il avait fait. Il est exile à Stenos par ordre impérial. On peut s'imaginer facilement quel était, après ce coup, son désapointement. Cet indomptable ambitieux qui, naguere, par sa parole puissante et sa haute autorité, avait remué l'Orient et l'Occident, avait révé la suprématie universelle et était arrivé à faire trembler le sonverain Pontife sur la chaire de saint Pierre. se voyait subitement dépouillé de toute société civile et religieuse, relégué dans une obscure retraite, condamné pour ses crimes, et couvert de honte comme un faussaire. Tout autre que lui aurait caché son ignominie et renoncé pour tout jamais à un poste où il avait été si peu heureux. Mais, poussé par son insatiable ambition, il s'y attache de toutes les facultés de son âme. y tenant autant qu'à sa vie. Comme tous les grands coupables, il semble d'abord braver les malheurs qui sont venus coup sur coup tomber sur sa tête; mais livré bientôt à lui même dans la solitude, il est triste et abattu, la vie lui pèse, et il roule avec amertume dans le chagrin dc ses noires pensées ses noirs regrets, et ses noirs desseins“ [1]).

---

[1]). На постыжденіе католичества, могшаго породить такое словоизверженіе, представляемъ и тотъ и другой отрывокъ въ русскомъ переводѣ: „Видя это, Фотій приходитъ въ ярость до испущенія пѣны и становится подобнымъ свирѣпому звѣрю, который бьется и бросается съ бѣшенствомъ на тѣхъ, которые хотятъ его оковать. Волны моря не такъ сильно вздымаются, какъ помыслы его сердца. Вдругъ онъ даетъ волю всѣмъ своимъ буйнымъ страстямъ и изливаетъ всю тягость своего гнѣва на тѣхъ, которые прерываютъ общеніе съ нимъ. Онъ лишаетъ ихъ прежняго сана и ихъ имуществъ, изгоняетъ ихъ, заключаетъ въ тюрьмы и мучитъ. Ни полъ, ни возрастъ, ни званіе не уважаются. Монахи пользуются особымъ правомъ на его преслѣдованіе потому, что они представляютъ для него наибольшее сопротивленіе: онъ ихъ разсѣиваетъ по всѣмъ сторонамъ и гонитъ ихъ въ ссылку. Онъ прогоняетъ пустынниковъ съ горы Олимпа и велитъ зажечь ихъ кельи. Онъ доводитъ вспышку своей жестокости до того, что велитъ закопать совершенно живымъ до пояса человѣка, отказывающагося быть въ общеніи съ нимъ. Кажется, что въ своихъ преслѣдованіяхъ онъ причинилъ смерть не одному духовному, не одному мірянину; по крайней мѣрѣ, папа Адріанъ Второй, непосредственный преемникъ Николая I-го, въ томъ его упрекаетъ и не боится сказать на соборѣ, что онъ въ жестокости превзошелъ самого Деоклетіана“ (Civ. IV, p. 105 seg.).

[1]) „Фотій, осужденный въ пятый разъ, пріемлетъ, наконецъ, наказаніе за свои преступленія,—наказаніе слишкомъ мягкое по сравненію съ тѣмъ, что имъ сдѣлано. Повелѣніемъ императора онъ сосланъ въ Стенось. Легко вообразить себѣ, каково было послѣ этого удара его возмущеніе. Этотъ необузданный честолюбецъ, который нѣкогда своимъ могучимъ словомъ и своею высокою властію колебалъ Востокъ и Западъ, мечталъ о вселенскомъ главенствѣ и дошелъ до того, что заставилъ трепетать верховнаго первосвященника на каѳедрѣ Святаго Петра,—вдругъ увидѣлъ себя лишеннымъ всякаго достоинства, всякой чести, изгнаннымъ изъ всего общества, какъ гражданскаго, такъ и церковнаго, заточеннымъ въ мрачное уединеніе, осужденнымъ за свои преступленія и покрытымъ стыдомъ, какъ обманщикъ. Всякій другой кромѣ него постарался-бы сокрыть свое безчестіе и навсегда отказаться отъ того поста, на которомъ онъ былъ такъ мало счастливъ. Но онъ, порываемый своимъ ненасытнымъ честолюбіемъ, держится за него всѣми способностями своей души, дорожа имъ, какъ своею жизнью. Какъ всѣ великіе преступники, онъ сначала какъ будто-бы презираетъ тѣ бѣдствія, которыя разразились надъ его головою; но оставаясь съ уединеніи одинъ съ самимъ собою онъ становится печаленъ и уныль, жизнь для него тягостна, и онъ погруженный въ печаль, носитъ въ себѣ свои черныя мысли, черныя сожалѣнія и черныя намѣренія“ (Civ. VII, p. 236).

XII. ЗАСЛУГИ ФОТІЯ ДЛЯ ХРИСТІАНСТВА.

А. Заслуги Фотія для христіанства вообще.

При такой высокой учености и такой горячей ревности по вѣрѣ, какія отличали Фотія, не могъ онъ остаться безъ благословеннаго и плодотворнѣйшаго вліянія на христіанство вообще. И дѣйствительно:

Христіанствующее человѣчество обязано великому человѣку сохраненіемъ святой вѣры въ той чистотѣ и правотѣ, какія она, на основаніи апостольскихъ преданій и соборныхъ постановленій имѣла въ первые восемь вѣковъ своего существованія, такъ что православные, исполняя уставы своей церкви и подчиняясь существующему въ ней строю, могутъ справедливо себя воображать современниками Златоустовъ, Василіевъ Великихъ, Григоріевъ Богослововъ, Аѳанасіевъ, Ѳеодосіевъ, Юстиніановъ, Иринъ, Ѳеодоръ и другихъ, и соприсутствующими имъ на богослуженіи и прочихъ священнодѣйствіяхъ. Какое великое преимущество! А если-бы доблестный Фотій не воспротивился тому извращенію вселенской вѣры, на какое отважился отдаленный Западъ и какое рѣшительно хотѣлъ осуществить и на Востокѣ властолюбивый Николай I, тогда-бы не видать намъ нашей святой вѣры въ ея первоначальной чистотѣ и цѣлости, а видѣли бы и содержали ее въ томъ искаженіи, какому подвергъ ее самовольствующій католицизмъ съ его противуправославной прибавкой „Filioque“, съ его верховнымъ главенствомъ папы надъ церковію, съ посягательствомъ даже на неприкосновенность царской власти, съ его позорными индульгенціями, съ его шептанными миссами, съ его запрещеніемъ касаться слова Божія, съ недопущеніемъ дѣтей къ причащенію даже въ виду грозящей смерти, съ треклятымъ измышленіемъ и устроеніемъ самого ада—инквизиціей и пр., и пр.. Поэтому-то, цѣлая сѣверная половина многочисленнаго Германскаго племени по указанію Лютера, въ виду нетерпимыхъ уклоненій католичества отъ первоначальной чистоты вѣры, силою отторглась отъ западной церкви и измыслила новую вѣру, къ сожалѣнію, слишкомъ очищенную отъ церковной обрядности и подчиненную заблуждающемуся разуму. Англиканская же церковь, сознавая правоту вселенской, исповѣдываемой Россіею, православной вѣры, нерѣдко пыталась сблизиться съ нею, презрѣвъ католицизмъ, отъ котораго когда-то отдѣлилась. Тѣ же изъ католиковъ, которые хотятъ остаться вѣрными своему исповѣданію, — подъ названіемъ новокатоликовъ, бросаютъ католичество въ современной его формѣ, какъ неправильной и уродливой, и желаютъ содержать его въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало до девятаго вѣка, слѣдуя апостольскимъ постановленіямъ, соборнымъ канонамъ и общепринятымъ преданіямъ, то есть, примыкаютъ къ святой православной церкви и работаютъ на руку православной письменности. Отселѣ-то происходятъ и переходы изъ католичества въ православіе такихъ лицъ, какъ ученѣйшій Гетте, обличающій своимъ журналомъ: „L'union chrétienne“ заблужденія и неправды папства, и Мавильонъ, принявшій монашескій образъ и служащій при Кіево-Софійскомъ каѳедральномъ соборѣ, чтобы послѣ католической лжи и обмана вполнѣ успокоиться душею на чистомъ лонѣ православія. Отселѣ-же и колеблющіеся между той и другой формой вѣроисповѣданія Штроссмайеры.

Вообразимъ-же, что во время указываемаго нами устремленія папства на преобладаніе въ христіанскомъ мірѣ въ лицѣ папы Николая и его, одинаковымъ съ нимъ духомъ проникнутыхъ, преемниковъ сидѣлъ-бы на патріаршескомъ престолѣ одинъ Игнатій и управлялъ всею восточною церковію: тогда по его кроткому и тихому характеру едва-ли бы можно было ожидать достойнаго отпора притязаніямъ папства

на восточную церковь и пришлось-бы подчинить православную церковь католичеству, т. е. принять все самовольно введенное въ немъ уклоненіе отъ правой вѣры и вмѣстѣ съ уклонившеюся простираться въ дальнѣйшія отступленія, какими нынѣ искажено католичество. Къ такой уступчивости должно было-бы привести Игнатія и глубокое чувство благодарности, какимъ онъ преисполненъ былъ къ папамъ, Николаю и Адріану, воображая ихъ, по своей простотѣ, дѣйствующими въ его пользу изъ любви къ нему и въ сознаніи правоты его дѣла, а не въ видахъ усвоенія себѣ Болгаріи и другихъ областей Византійскаго патріархата и вообще распространенія своей власти на Востокѣ; къ той же уступчивости могло предрасполагать даже и естественное чувство старческой немощи. Сего тѣмъ болѣе ожидать было надобно, что императоръ Василій, беззаконно вступившій на престолъ, тоже заискивалъ благоволенія папы для закрытія пятна злодѣйства. Правда, неохотно Игнатій подчинялся папскимъ требованіямъ, каково напримѣръ, было требованіе папы Адріана II, чтобы онъ поступился въ пользу Римской церкви Болгаріею. Но это сопротивленіе было чисто пассивное, разрѣшившееся кстати послѣдовавшею вскорѣ смертью папы, а отнюдь не активное, какимъ вооружался противу того герой вѣры Фотій. Почему, судя по такому душевному настроенію Игнатія далеко не представляются невозможными и неумѣстными нѣкоторыя, хотя и сторонниками папства сообщаемыя, слишкомъ подобострастныя и крайне почтительныя со стороны его проявленія папѣ по поводу возстановленія его на патріаршество, такъ для него дорогое. Вотъ одно изъ такихъ проявленій, посланное имъ къ папѣ послѣ радостнаго для него акта.

„Для уврачеванія ранъ и поврежденій на тѣлѣ человѣческомъ искусство произвело многихъ врачей; но для болѣзни и ранъ на членахъ Христа, нашего Бога и Искупителя, Который есть Глава всѣхъ насъ и женихъ каѳолической и апостольской церкви, Онъ, божественною властію облеченное и всепобѣждающее Слово, вождь и попечитель, единый во всемъ учитель, Который есть Богъ всѣхъ,— поставилъ единаго, надъ всѣми возвышеннаго и для всѣхъ безъ изъятія назначеннаго врача [1]); твою братскую и отеческую святость, именно, чрезъ слово, изреченное имъ къ Петру, высшему и верховнѣйшему изъ апостоловъ: *„ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей“*, и еще: *„дамъ ти ключи царствія небеснаго: еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ* и т. д.“ (Матѳ. XVI, 18, 19). Ибо эти блаженнотворныя слова онъ не ограничилъ, какъ нѣчто въ высшей степени принадлежащее и исключительно предоставленное князю апостоловъ, но чрезъ него распространилъ ихъ и перенесъ и на всѣхъ іерарховъ древняго Рима, которые послѣ него и по примѣру его долженствовали быть поставляемы. Поэтому-то уже изъ самыхъ древнихъ временъ, какъ скоро являлись ереси и противузаконія, обладатели вашего апостольскаго престола, принимали на себя эти плевелы и это зло искоренять и удалять, а неизцѣльно больные члены отъ тѣла отдѣлять, какъ преемники князя апостоловъ и подражатели его вѣрности по вѣрѣ Христовой [2]).

Послѣ такого открытаго исповѣданія первенства и главенства Римскаго епископа, какого нельзя было ожидать подчиненія всей восточной церкви къ стремившемуся къ преобладанію Риму? Возблагодаримъ благій Промыслъ *воздвигшій потребнаго во время* (стр. X, 4), въ лицѣ Фотія, котораго исполнилъ духа и силы Иліиной для защиты православія отъ папскаго натиска [3]).

---

[1]) Ἕνα καὶ μόνον ἐξηρημένον τε καὶ καθολικώτατον ἰατρὸν προεχειρήσατο, τὴν σὴν δηλονότι ἀδελφικὴν καὶ πατρικὴν ὁσιότητα.

[2]) Ignat. epist. ad. Nicol. Baron. p. 108 seq. Mansi XVI. 47—49; въ греческомъ извлеченіи у него же, стр. 325—328.

[3]) Г. Лавровскій въ своемъ „Кириллѣ и Меѳодіѣ“ излишне почтительное отношеніе Игнатія къ папѣ

Б. Заслуги Фотія для христіанства Славянъ.

Если человѣчество обязано Фотію сохраненіемъ истинаго первообраза Христовой вѣры, сложившагося законнымъ и правильнымъ дѣйствіемъ, то славянскій міръ трудами же этого Фотія вполнѣ усвоилъ и отпечатлѣлъ на себѣ этотъ первообразъ. Правда, горячій ревнитель истинной вѣры просвѣтительную дѣятельность простиралъ и на семитскій міръ, отправляя способныхъ людей на проповѣдь христіанскаго ученія къ Сирійскимъ мусульманамъ и къ кавказскимъ Козарамъ, а съ Армянами входя въ сношенія и самъ лично, и письменно, для вразумленія; но здѣсь просвѣтительное дѣйствіе его сопровождалось малымъ успѣхомъ. Магометане остались и остаются при своемъ заблужденіи; козары, потерявшіеся въ составѣ другихъ племенъ, приняли новую вѣру вмѣстѣ съ этими племенами; армяне же до сихъ поръ упорствуютъ сойтись съ православными въ исповѣданіи двухъ естествъ во І. Христѣ. За то благочестивая ревность Фотія оправдалась полнымъ успѣхомъ на почвѣ славянской.

О томъ, какое вліяніе имѣлъ Фотій на просвѣщеніе Болгаріи христіанствомъ, мы достаточно говорили въ нашемъ сочиненіи и не намѣрены больше повторять сказаннаго. Пожалѣемъ только, какъ братья, что Болгаре слишкомъ мало дорожатъ преподаннымъ имъ отъ Фотія православіемъ, которому обязаны сохраненіемъ своей самостоятельности подъ сильнымъ гнетомъ турецкаго владычества,—и слишкомъ широко отворяютъ дверь католичеству, еще при Фотіѣ сильно въ страну вторгавшемуся, что и должно довести ихъ, рано или поздно, до потери самостоятельности, подобно другимъ славянскимъ странамъ, подпавшимъ подъ вліяніе католичества. На Балканской территоріи славянскаго міра въ предѣлахъ распространенія православно-славянской, Кирилло-Меѳодіевской церкви насчитываютъ нѣсколько тысячъ, сравнительно недавно пріобрѣтенныхъ латинскою церковію уніатовъ-Болгаръ, собственно въ Болгаріи, въ Восточной Румеліи, турецкой Ѳракіи и Македоніи. По статистикѣ самихъ уніатъ, число ихъ простирается до шести—семи тысячъ. Католическіе миссіонеры свободно разъѣзжаютъ по тѣмъ городамъ, въ которыхъ находится много католиковъ, и произносятъ проповѣди, въ которыхъ стремятся убѣдить своихъ духовныхъ дѣтей въ необходимости сооруженія въ городахъ католическихъ костеловъ. Филиппопольскій католическій архіепископъ даже представилъ Болгарскому лжеправительству проэктъ, весьма поддерживаемый принцессой Клементиной, основанія въ Софіи, какъ въ центрѣ католической пропаганды въ Болгаріи, Сербіи и Македоніи, католическаго архіепископства.

Послѣ Болгаріи, если не прямо и непосредственно, то руководственно и указательно вліяніе Фотія на дѣло просвѣщенія Западныхъ Славянъ, состоялось въ посольствѣ св. Кирилла Меѳодія въ Моравію для проповѣди христіанской въ странѣ поверхностно ознакомленной

въ одномъ мѣстѣ (стр. 132) думаетъ объяснять желаніемъ скорѣе умиротворить возмущенную перемѣною патріарховъ церковь Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Игнатій, изъ ревности къ миру, переступилъ, въ уступчивости притязаніямъ римскимъ, даже тѣ предѣлы, за которыми, при слабости преемниковъ, могли бы легко пострадать интересы святой церкви, а въ другомъ мѣстѣ (стр. 148) объясняетъ излишнюю податливость Игнатія папѣ „простотою его ума, чуждаго науки и высокаго образованія и извѣстною старческою слабостью его характера, въ послѣдніе годы его патріаршества“. Гетте же въ извѣстномъ отрывкѣ изъ его „Исторіи церкви“, переведенномъ и напечатанномъ въ „Вѣр. и Раз.“ 1888 года (№ 24, декабрь книжка II, отд. церк., стр. 840 и сл.) — не отрицая въ Игнатіи “добрыхъ намѣреній и руководства мотивами совѣсти“, объясняетъ все его поведеніе тѣмъ, что онъ содержалъ въ памяти своей императорское происхожденіе, слишкомъ занятъ былъ мыслію о патріаршествѣ и потому употреблялъ всѣ мѣры къ удержанію его, не желая подражать ни благоразумію Тарасія, ни возвышенному отреченію Златоуста.

съ сущностію христіанскаго ученія за неразумѣніемъ языка. Отправленные туда два святые проповѣдника, несмотря на всѣ препятствія со стороны западной іерархіи, успѣли, при посредствѣ доступной простой рѣчи, въ теченіе короткаго времени познакомить жаждавшихъ свѣта съ ученіемъ святой вѣры, въ православномъ оной разумѣніи. Къ сожалѣнію, съ кончиной Меѳодія созидавшееся многолѣтними трудами дѣло двухъ восточныхъ учителей вдругъ рушилось; имя Меѳодія очернено обвиненіемъ въ суевѣріи, славянское богослуженіе прекращено и ученики св. мужа изгнаны изъ предѣловъ Моравіи, принужденные затѣмъ разсѣяться по разнымъ славянскимъ странамъ. Но тѣмъ не менѣе память о первыхъ насадителяхъ вѣры въ странѣ не изгладилась. Во время празднованія юбилея св. первоучителей все моравское населеніе двинулось, какъ одинъ человѣкъ, въ мѣсто святительства Меѳодія, старый Велеградъ, для возданія подобающей чести памяти пришедшимъ съ Востока Просвѣтителямъ, а въ настоящее время Чехо-моравы собираются въ Велеградѣ создать храмъ во имя приснопамятныхъ вѣроучителей Кирилла и Меѳодія.

Кромѣ Моравіи и Панноніи, гдѣ былъ центръ апостольской дѣятельности св. братьевъ, и Чехія своимъ христіанствомъ первоначально обязана Меѳодію, какъ о томъ чешскій хроникеръ Далімилъ говоритъ въ своей чешской лѣтописи.

Примѣру князя послѣдовала и большая часть народа. Христіанское благочестіе вскорѣ въ странѣ возобладало и ознаменовалось построеніемъ двухъ церквей, по согласному сказанію чешскихъ лѣтописцевъ, во имя святаго Климента, конечно, по внушенію Меѳодія, особенно уважавшаго этого святого, изъятаго имъ купно съ братомъ изъ нѣдръ моря. Одна изъ нихъ находилась на лѣвомъ берегу Молдавы, въ полутора миляхъ къ сѣверу отъ Праги, гдѣ и доселѣ обрѣтается; другая, по увѣренію позднѣйшихъ лѣтописцевъ, находилась въ Вышеградѣ. Не довольно сего: православіе чеховъ простерлось даже до учрежденія монастыря, такъ извѣстнаго въ исторіи, подъ именемъ Сазабскаго и прославленнаго именами своихъ настоятелей, каковы: Прокопій, чествуемый нашею церковію подъ 16 сентября, преемникъ его св. Витъ, и преемникъ послѣдняго Эммерамъ. И сего мало: православіе въ Чехіи развилось даже до мученичества за вѣру, какое мы, православные, чтимъ въ лицѣ Вячеслава, князя чешскаго (марта 4 и сентября 28) и бабы его Людмилы (сентября 16) вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ Прокопіемъ. Наконецъ, скажемъ, что и гусситскія войны были отрожденіемъ глубоко насажденнаго въ душахъ чеховъ православія. Ибо чего главнымъ образомъ желалъ высокопросвѣщенный Гусъ?—Ограниченія папской власти, причащенія подъ обоими видами, допущенія младенцевъ ко святому причащенію, брака священниковъ, богослуженія на природномъ языкѣ, свободнаго доступа къ чтенію св. Писанія: все установленія и порядки, принадлежащіе православно-восточной церкви, съ которыми нѣкогда ознакомлены или, лучше сказать, освоены, сроднены были Чехи восточными учителями. А ученикъ и сподвижникъ Гуса, Іеронимъ пражскій, во время путешествія своего въ Литву и Русь для ознакомленія съ тамошнимъ христіанствомъ, безъ особеннаго акта обращенія, какъ природный православный, въ Витебскѣ и Псковѣ открыто сталъ въ общину православныхъ, вмѣстѣ съ ними принималъ причастіе подъ обоими видами, въ спорахъ съ католиками защищалъ восточную церковь,—каковые поступки и поставлены ему были Констанцскимъ соборомъ въ число важнѣйшихъ обвиненій, на основаніи которыхъ онъ приговоренъ соборомъ къ смертной казни.

Вообще, въ чехахъ постоянно замѣчалась наклонность къ Православному Востоку и въ особенности къ Россіи. По указанію исторіи, они безпрестанно ищутъ связи съ православными жителями земли Галицкой, упорно добиваются непосредственныхъ (помимо католической Польши) сношеній съ полурусскою Литвою и съ ея, въ то время почти православнымъ, дворомъ, предлагаютъ престолъ ср. Вячеслава—

князьямъ литовскимъ, и Витовтъ, какъ своего представителя, отправляетъ къ нимъ безвѣстнаго юношу, сына православнаго новгородъ—сѣверскаго князя, Корибута, которому чешскій народъ безпрекословно и подчиняется. Когда-же польское католическое духовенство возстало противъ этой связи и заставило Витовта отозвать своего намѣстника и тѣмъ окончательно прекратить сношенія Чеховъ съ православною Русью, то они съ православными своими убѣжденіями обращаются въ самую столицу православія—Константинополь. Причемъ представители константинопольской церкви убѣждаются въ полномъ согласіи гусситовъ съ вѣрованіями православныхъ и торжественною грамотою принимаютъ чеховъ на лоно православной церкви. Но едва грамота подписанная отправлена, какъ Константинополь дѣлается добычею турокъ и такимъ образомъ опора для примкновенія съ православными убѣжденіями у Чеховъ рушится и, въ 1557 году, одни изъ нихъ находятъ себя вынужденными соединиться съ лютеранами и кальвинистами, а другіе возвратиться въ католичество, все таки не теряя изъ виду своихъ героевъ мысли и вѣры, Гуса и Іеронима, хотя опасливое католичество и позаботилось заслонить ихъ свѣтлые лики сомнительными образами Непомука и Войтѣха.

Поэтому и въ настоящее время еще живо памятно между чехами имя несчастной жертвы католическаго изувѣрства. Такъ, по новѣйшимъ извѣстіямъ, недавно въ богемскомъ сеймѣ произошли весьма бурныя пренія по поводу предложенія поставить имя Гуса на фронтонѣ областного музея, и оказанное нѣкоторыми депутатами, и въ числѣ ихъ однимъ изъ князей Шварценберговъ, сопротивленіе тому желанію произвело въ чешскомъ народѣ сильное волненіе, повсюдное негодованіе, и вызвало въ странѣ многочисленныя сходки для выраженія протеста противу этого акта антинаціональнаго проявленія. Въ настоящее время производится чехами сборъ пожертвованій на памятникъ Гусу, котораго день рожденія они намѣрены провозгласить національнымъ чешскимъ празднествомъ. Вообще въ чехо-моравскомъ населеніи замѣчается большое стремленіе возвратиться въ лоно православной Церкви подъ знамя все еще не забываемыхъ первоучителей свв. Кирилла и Меѳодія. Не говоря объ единичныхъ случаяхъ обращенія чеховъ въ праотеческую вѣру, каковъ, напримѣръ, Живный, издатель Parlamentär'a съ товарищи, недавно въ Прагѣ состоялся съѣздъ чешскихъ и моравскихъ сторонниковъ православія, на которомъ положено было требовать отъ австрійскаго правительства, чтобы въ столицѣ Чехіи былъ построенъ на государственный счетъ православный храмъ. Согласится-ли на это правительство, предвидѣть трудно; по крайней мѣрѣ, это домогательство положительно говоритъ о желаніи чеховъ стать православными. И другимъ образомъ выражено было желаніе чехоморавовъ усвоить себѣ и упрочить православіе въ странѣ,—желаніе имѣть православный храмъ въ мѣстѣ епископства Меѳодія,—Велеградѣ. Къ сожалѣнію, никогда не дремлющее латинское духовенство приняло уже и мѣры воспрепятствовать осуществленію этого желанія. Такъ, по словамъ моравской „Ормизы“, ольмюцкимъ архіепископомъ, княземъ Фюрстенбергомъ сдѣлано распоряженіе — изъять эту чехо-моравскую святыню изъ вѣдѣнія приходскаго духовенства и передать въ распоряженіе одного изъ іезуитскихъ монашескихъ орденовъ. Сожалѣемъ, если образовавшійся въ Кіевѣ комитетъ для собиранія пожертвованій во всѣхъ славянскихъ странахъ на постройку въ Велеградѣ храма въ честь свв. Кирилла и Меѳодія, останется празднымъ и несостоятельнымъ. Но не можемъ не порадоваться тому явленію, какое представляютъ чехи во множествѣ переселяющіеся въ Россію на педагогическую и промышленную дѣятельность: они цѣлыми массами переходятъ въ православіе, не страшась уже никакой отвѣтственности предъ лжеконституціоннымъ правительствомъ, обѣщающимъ полную свободу вѣроисповѣданія, и послѣ того всякій переходъ изъ католичества въ иную вѣру преслѣдующимъ, какъ государственное преступленіе.

Просвѣтительное слово первоучителей услышано было и въ Далмаціи въ нѣкоторой связи съ Хорватіею (къ каковой связи стремятся и теперь долматинцы, имѣя ввиду изъятіе Хорватіи изъ-подъ власти Венгріи), и усердно было принято славянами обѣихъ странъ. Но такъ какъ среди славянскаго населенія занимали значительное мѣсто и общины латинскихъ городовъ (явившіяся тамъ вслѣдствіе переселенія туда многихъ семействъ римскихъ, по повеленію Деоклетіана изъ любви его къ своей родинѣ, Далмаціи), то естественно, между двумя общинами происходили частыя столкновенія, въ особенности по поводу установленія общаго богослуженія. Славяне требовали славянской службы по обряду, преподанному Меѳодіемъ, а латинянамъ хотѣлось въ славянскихъ городахъ и селахъ завести богослуженіе по западнымъ обрядамъ. Еще болѣе усилилось препирательство, когда на славянской сторонѣ явился горячій защитникъ меѳодіевыхъ преданій, епископъ Нинскій (episcopus Nonensis, отъ города Нина, по итальянски Nona, на адріатическомъ приморьѣ), по имени Григорій и сталъ домогаться первенства надъ всѣми церквами, и долматскими и хорватскими. Вслѣдствіе усиливавшейся отъ того вражды между православнымъ и латинскимъ духовенствомъ, хорватскій князь Томиславъ вмѣстѣ съ захолмскимъ воеводою, excellentissimus dux Chulmorum [1]) обратился къ папѣ Іоанну X съ письмомъ, коимъ просилъ его принять мѣры къ прекращенію распрей. Папа въ двухъ отвѣтахъ своихъ, на имя князя Сплѣтскаго архіепископа Іоанна, призналъ въ одномъ „ученіе Меѳодія въ священныхъ книгахъ не обрѣтающимся“, а въ другомъ — славянское богослуженіе нашелъ богослуженіемъ, совершающимся на языкѣ варварскомъ и потому для Бога непріятнымъ. Когда пріѣхавшіе съ этими письмами папскіе легаты, разъѣзжая съ ними по обѣимъ странамъ, приготовили умы къ неблагопріятному взгляду на славянство, то въ 925 году, въ Сплѣтѣ (главный городъ Далмаціи) былъ соборъ, которымъ воспрещено было епископамъ въ Далмаціи и Хорватіи ставить въ священники изъ славянъ. Но славяне не приняли равнодушно такое жестокое рѣшеніе, а еще на самомъ соборѣ, въ присутствіи папскихъ пословъ, выразили на него неудовольствіе, а потомъ отправили къ папѣ энергическій письменный отвѣтъ, въ которомъ рѣзко обозначалась незаконность опредѣленія. А такъ какъ папы на этотъ протестъ не отвѣчали, то славянская служба въ Далмаціи и продолжалась еще сто лѣтъ. Наконецъ, терпѣніе латинствующаго Рима истощилось, и въ 1063 году въ правленіе папы Александра II состоялся въ томъ же Сплѣтѣ новый соборъ, гдѣ папству удалось окончательно уничтожить введенное Меѳодіемъ славянское богослуженіе,—на томъ чисто невѣжественномъ основаніи, что восточный учитель былъ Готѳянинъ и что всѣ славяне-Готѳы, потомки и послѣдователи тѣхъ Готѳовъ, которые когда-то заражены были аріанскою ересью.

Тѣмъ не менѣе и послѣ этого давленія на Славянскій элементъ въ Далмаціи, значительная и почти половинная часть населенія страны осталась вѣрною преданіямъ Меѳодія и доселѣ исповѣдуетъ православіе, завѣдываемое и поддерживаемое просвѣщенными іерархами. Есть въ странѣ и довольно ученыхъ личностей, умѣющихъ защитить честь исповѣдуемой ими вѣры, между которыми въ особенности въ настоящее время выдается своими вѣроохранительными сочиненіями профессоръ, а до того бывшій ректоръ Зарской семинаріи, архимандритъ Никодимъ Милашъ, отъ котораго, между многими другими, имѣемъ два превосходныхъ православныхъ сочиненія: одно на сербо-хорватскомъ нарѣчіи подъ заглавіемъ: „Славенски апостоли Кирил и Митодије и истина православља, поводои римскаг покрета у 1880—81 год. противу православне цркве. Задар. 1881“, а другое на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ:

[1]) Захолміе, Захлумская, Захицмская земля—южная часть Далмаціи съ рѣкою Неретвой (нынѣ Нарентой) и съ главн. городами Макарска и Стонъ (Stugno).

„Римская пропаганда, ея исторія и нынѣшнее состояніе. Спб. 1889“. А распространяющееся въ странѣ знакомство съ русскимъ языкомъ и русскою литературою и обязательное обученіе русскому языку въ средне-учебныхъ заведеніяхъ уготовляютъ путь инославнымъ къ принятію православія.

Но гдѣ особенно крѣпко держалось православіе насажденное трудами Кирилла и Меѳодія, такъ это въ землѣ Угрской, въ Кроаціи. Подъ защитою мѣстныхъ королей и князей, православная вѣра довольно долго держалась въ этихъ странахъ въ образѣ восточнаго обряда и съ славянскою рѣчью, не смотря на всѣ издававшіяся по временамъ со стороны римскихъ первосвященниковъ именемъ апостола Петра (auctoritate beati Petri) запрещенія. Но злохитрые, наконецъ, нашли средство, какъ подавить православіе вмѣстѣ съ славянствомъ. Мѣстнымъ католическимъ епископамъ приказано или дозволено было весь католическій чинъ службы со всѣми миссалами, бревіаріями и евхологіями перевести на славянскій языкъ, съ тѣмъ, чтобы по этому переводу совершались всѣ богослужебныя дѣйствія. А такъ какъ кирилловскія письмена все-таки могли напоминать о Востокѣ и о пришедшихъ съ Востока вѣроучителяхъ, то начертанія ихъ замѣнены новыми, въ сущности похожими на кирилловскія, но значительно отличающимися отъ нихъ затѣйливою кудреватостью, и подъ наименованіемъ глаголическихъ приписаны были изобрѣтенію Іеронима, въ особенности уважаемаго римскою церковію, а имя Меѳодія тѣмъ закрыте было отъ взора простодушныхъ славянъ. Когда же, наконецъ, Славяне привыкли, отъ долговременнаго употребленія, видѣть подъ новою формою письмена чисто славянскія и соотвѣтственно имъ таковое же и богослуженіе, тогда Сеньскій (въ Далмаціи) епископъ нашелъ благовременнымъ отнестись къ бывшему тогда папѣ Иннокентію IV съ особеннымъ прошеніемъ — оффиціально одобрить и утвердить употребленіе новой письменности для церковнаго дѣла, что само собою разумѣется со всею охотою папою было сдѣлано, и такимъ образомъ въ значительной части Далмаціи, Кроаціи, Славоніи и Истріи утвердилось католическое богослуженіе.

Не смотря, однако, на всѣ ухищренія и мѣры къ подавленію въ этихъ странахъ славянскаго элемента, все-таки память о православномъ богослуженіи, нѣкогда преподанномъ отъ Меѳодія, по мѣстамъ въ той или другой странѣ съ большею или меньшею силою возобновляется. Такъ, газеты принесли намъ извѣстіе, что въ Истріи особенно усиливается переходъ католиковъ въ православную вѣру и нѣсколько тамошнихъ католическихъ священниковъ перешли въ православіе.

Вліяніе первоучителей простиралось и на Польшу, такъ нынѣ чуждающуюся православія. Ученики Меѳодія, которые по замѣчанію жизнеописателя Климентова, бывъ принуждены во время изгнанія разлучиться другъ съ другомъ и разойтись въ разныя стороны, достигли и Польши, гдѣ и содѣйствовали къ распространенію христіанства и притомъ по греко-восточному обряду, какой содержали сами. Впослѣдствіи, къ довершенію дѣла, Домбровка, дочь Болеслава I, короля Чешскаго, воспитанная въ правилахъ православной вѣры, явившись въ будущее свое отечество (Польшу) съ нарочитымъ запасомъ священниковъ, выходомъ своимъ замужъ за Мечислава, тогда герцога Польскаго, расположила супруга своего принять крещеніе въ свою вѣру, и, такимъ образомъ, сдѣлала греко-восточное исповѣданіе господствующею вѣрою новообращенной страны. Благодатное насажденіе принялось такъ успѣшно, что впослѣдствіи и папѣ и королямъ, желавшимъ изъ внѣшнихъ видовъ угождать папѣ, стоило большихъ трудовъ искоренять его и замѣнять западнымъ исповѣданіемъ. Польскій писатель Сарчинскій утверждаетъ, что въ Польшѣ грекославянское вѣроисповѣданіе пало не раньше XIV вѣка, что до того времени читали Св. Писаніе для народа въ церквахъ на славянскомъ языкѣ, и тогда только перевели его на польскій, когда на славянскомъ сдѣлалось

уже малопонятнымъ для народа [1]). Памятникомъ же почтенія поляковъ осталась слѣдующая сочиненная ими молитва Кириллу и Меѳодію:

Omnipotens, piissime Deus, qui per beatos pontifices ac confessores tuos, nostrosque apostolos et patronos, Cirilum et Methodium, ad credulitatem fidei christiane vocare dignatus es, praesta quaesumus, ut qui eorum festivitate in presenti gloriamur, eorum etiam gloriam aeternam consequi mereamur".

Переводимъ эту молитву, для незнающаго латинскаго языка читателя, въ церковно-славянскомъ тонѣ нашихъ богослужебныхъ миней.

„Всемогущій и преблагій Боже, изволивый насъ блаженными Твоими первосвятители и исповѣдники, нашими-же апостолы и заступники, призвати къ познанію вѣры Христовой! Молимъ Тя, да о ихъ-же празднествѣ нынѣ хвалимся тѣхъ и вѣчную славу наслѣдовать сподобимся".

Желательно, чтобы поляки, соединенные съ нами единствомъ верховной власти, сближались съ нами и по вѣрѣ, которую исповѣдывали ихъ предки.

Папа Левъ XIII въ своей „Энцикликѣ": „Grande Munus" ведетъ самого Меѳодія черезъ Польшу и въ Галицію, гдѣ будто-бы онъ во Львовѣ основалъ и епископскую каѳедру. Не находимъ невозможнымъ, чтобы Меѳодій своимъ апостольскимъ вліяніемъ положилъ въ Галиціи начало Христовой вѣры. Но по исторіи извѣстно, что червенскіе города просвѣщены были святымъ крещеніемъ великимъ княземъ Владиміромъ вмѣстѣ со всею Русью. Насажденнаго тогда православія страна держится и теперь подъ нелюбимою формою навязаннаго ей уніатства, изъ-подъ которой, вслѣдъ за почтеннымъ о. Іоанномъ Наумовичемъ, многострадавшимъ за православіе, и теперь старается всячески высвободиться.

Главныхъ факторовъ всѣхъ доселѣ представленныхъ нами просвѣтительныхъ дѣйствій въ славянскомъ мірѣ привыкли мы видѣть въ личностяхъ свв. Кирилла и Меѳодія и на нихъ останавливаемъ наше почтительное вниманіе; но мы забываемъ самаго иниціатора, отъ котораго первоначально исходили всѣ тѣ дѣйствія и которымъ управлялось все дѣло славянскаго просвѣщенія, — забываемъ славнаго Фотія, по указанію котораго и посланы были свв. братья къ западнымъ славянамъ, и подъ наблюденіемъ котораго они развивали свою апостольскую дѣятельность, какъ это послѣднее и доказывается призывомъ Меѳодія въ Византію предъ лице императора и Фотія для отчета въ проповѣдничествѣ.

Западные ревнители папства стараются разобщить святыхъ первоучителей съ Фотіемъ, пуская въ ходъ такія нелѣпыя мысли, что якобы братья-проповѣдники, по святости своего врава, видѣли въ Фотіѣ отщепенца отъ правой вѣры и безчестнаго возмутителя церковнаго мира и согласія, и потому, будучи не въ силахъ болѣе терпѣть, подъ его воздѣйствіемъ, всеобщее нестроеніе и искаженіе вѣры, стремглавъ бросились изъ Константинополя, какъ нечистаго исходища всевозможныхъ заблужденій, въ Римъ, какъ убѣжище истинной вѣры и благочестія; а теперешній папа Левъ XIII, какъ то видно изъ его „Энциклики", въ которой проводитъ всѣ вышесказанныя предъ симъ коварныя мысли,—усвояетъ восточныхъ посланцевъ Риму и заставляетъ ихъ миссіонерствовать по духу тогдашнихъ папъ и учить вѣрѣ по разумѣнію западной церкви. Но мы не пускаемся здѣсь въ опроверженіе этихъ нелѣпыхъ домысловъ, а обращаемъ сочувствующаго читателя къ двумъ прежнимъ нашимъ сочиненіямъ, направленнымъ къ опроверженію этого посягательства со стороны Рима на принадлежность восточныхъ вѣроучителей западу и содержимой имъ вѣрѣ. Это суть: наша „Антіэнциклика", написанная ближайшимъ образомъ въ опроверженіе папской буллы Grande munus и изданная въ Харьковѣ 1882 г., и „Отвѣтъ въ защиту Антіэнциклики, послѣдовавшій на возраженіе противу нея со стороны Дьяковарскаго епископа Штроссмайера".

[1]) Czasokpis Lwowsi 1881 г. т. II, стр. 38 и Маціевскаго—„Исторія первобытной христіанской церкви у Славянъ", стр. 74 и сл.

Конечно, всѣ указанныя нами проявленія наклонности западныхъ славянъ къ православію, не могутъ не радовать всякаго православнаго; но нельзя не сознать, что всѣ эти попытки къ выходу изъ католичества трудно осуществимы: во-первыхъ, потому что всякая измѣна католичеству, какъ мы разъ сказали, въ Австріи преслѣдуется, какъ государственное преступленіе; во-вторыхъ, потому что въ Австріи власти и духовныя и свѣтскія бдительно слѣдятъ за всякими покушеніями къ перемѣнѣ вѣры въ особенности на православіе и немедленно принимаютъ мѣры къ остановленію этихъ попытокъ. Такъ, возникшее въ послѣднее время у чеховъ движеніе въ пользу чествованія Гуса возбудило все вниманіе католическаго духовенства, которое заподозрило въ подкладкѣ его православіе. Мѣстный архіепископъ Шенборнъ издалъ длиннѣйшее пастырское посланіе, въ которомъ называетъ Гуса еретикомъ, недостойнымъ прославленія, напоминаетъ о страшныхъ опустошеніяхъ, произведенныхъ Гусситами въ Богеміи, и заканчиваетъ свое посланіе заявленіемъ, что никакой сынъ, никакая дщерь римско-католической церкви не можетъ пріобщиться къ богопротивному чествованію еретика. Вслѣдствіе сего нѣкоторые изъ ревнителей чести Гуса принуждены были заявить, что они не желаютъ вовсе дѣлать анти-религіозной демонстраціи, а хотятъ только должнымъ образомъ воздать ему честь, какъ великому чешскому патріоту. Мало того,—католическія власти, въ отклоненіе отъ славянъ всякаго повода или соблазна къ переходу въ православіе, положительно преслѣдуютъ эту праотеческую ихъ вѣру со всѣми ея обрядами: такъ, министръ австрійскій народнаго просвѣщенія и исповѣданій Гаучъ приказалъ недавно повыкидать изъ всѣхъ славянскихъ учебныхъ заведеній изображеніе свв. Кирилла и Меѳодія. Такъ, въ Босніи, австрійскія власти стараются всячески подавить сербскую народность и неразлучное съ ней православіе, и вслѣдствіе того жандармы расхаживаютъ по селамъ и забираютъ у крестьянъ картинки,—безъ разбора берутъ портреты героевъ послѣдней русско-турецкой войны, портреты черногорскаго князя Николая, берутъ и иконы святыхъ, а вмѣсто ихъ, по приказанію Боснійскаго правительства, снабжаютъ ихъ латинскими иконами и портретами австрійскихъ императоровъ и генераловъ.

Впрочемъ, и православіе представляется католикамъ въ видѣ великой силы, которой приходится дѣлать уступки. Такъ, въ началѣ весны 1889 года устроено было въ Западной Европѣ нѣсколько съѣздовъ изъ высшаго католическаго духовенства и именитыхъ мірянъ. Въ вѣнскомъ съѣздѣ, въ виду чувствуемаго тяготѣнія славянъ къ православной вѣрѣ, дѣйствительно такъ близкой ихъ уму и сердцу, былъ поднятъ вопросъ о допущеніи славянскихъ нарѣчій не только въ дополнительномъ богослуженіи, но и въ литургіи славянскихъ католиковъ, и—на первое время чеховъ. Очевидно, опасность перехода славянъ въ православіе чувствуется въ Австріи близкою, когда съѣздъ въ настоящемъ случаѣ не пощадилъ и политическаго интереса Австріи, требующаго подавленія всякаго національнаго порыва, не пощадилъ въ пользу церкви, лишь-бы удержать народъ отъ его склонности къ вѣрѣ предковъ.

Представляемъ это великое дѣло,—дѣло перехода славянъ въ православіе Вышней волѣ правящаго судьбами народовъ Промысла, вліянію времени, развитію образованія и славянскаго самосознанія и—ослабленію обаянія папской власти.

В. Заслуги Фотія для христіанства Россіи.

Если гдѣ глубоко, широко и неизгладимо отпечатлѣлось въ славянскомъ мірѣ просвѣтительное дѣйствіе Фотія, такъ это въ нашемъ любезномъ отечествѣ, въ нашей православной

Россіи. Припомнимъ неудачный походъ Аскольда и Дира въ 866 году,—какъ по молитвамъ глубоко-вѣрующаго патріарха, при погруженіи ризы Влахернской Божіей Матери, вдругъ дотолѣ тихое и покойное море взволновалось и потопило множество враждебныхъ судовъ; какъ потомъ вразумленные этимъ необыкновеннымъ явленіемъ Руссы, видя въ немъ поборающую своимъ чтителямъ руку христіанскаго Бога, отправили къ Фотію посольство съ просьбою о присылкѣ имъ просвѣщеннаго мужа, который-бы ознакомилъ ихъ съ правилами и догматами новой вѣры; какъ присланный къ нимъ епископъ чудомъ не сгорѣвшаго въ огнѣ евангелія обратилъ еще колебавшихся язычниковъ къ Христовой вѣрѣ и какъ вслѣдствіе того торжествующій Фотій, приглашая восточныхъ патріарховъ на соборъ, съ радостію извѣщалъ ихъ о обращеніи Руссовъ къ святой вѣрѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что первый просвѣтъ христіанства для Россіи произошелъ отъ свѣтоноснаго Фотія и сопровождался построеніемъ церквей,—одной, посвященной имени св. Николая, принятаго при крещеніи Аскольдомъ, а другой имени пророка Иліи, принятаго при купели Диромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что когда явились церкви, то надобно было быть при нихъ и служителямъ и такимъ образомъ явиться начаткамъ разностепенной іерархіи. Изъ окружного посланія Фотія къ епископамъ извѣстно, что первый, присланный имъ для обращенія руссовъ, епископъ явился въ Кіевъ въ сопровожденіи потребнаго причта.

Константинъ Багрянородный и вслѣдъ за нимъ другіе византійскіе писатели относятъ обращеніе руссовъ не къ царствованію Михаила III, а Василія Македонянина, и приписываютъ его воздѣйствію Игнатія, а не Фотія; кромѣ того, существуютъ два древнія южнославянскія сказанія, одно болгарское, другое сербское, которыя тоже крещеніе руссовъ пріурочиваютъ ко времени царствованія Василія. Относительно Багрянороднаго мы уже не разъ замѣчали, что онъ, задавшись мыслію въ предпринятомъ имъ жизнеописаніи дѣда своего, помянутаго Василія, запятнавшаго славу своего царствованія изгнаніемъ достойнѣйшаго патріарха, пытался славныя дѣянія предшествовавшаго царствованія усвоять царствованію своего предка и то, что совершено Фотіемъ во время Михаила III, переносить на правленіе преемствовавшаго ему дѣда и на время возстановленнаго имъ Игнатія. Такъ радостное оглашеніе Фотіемъ въ „своемъ окружномъ посланіи къ епископамъ“ недавняго обращенія Руссовъ къ Христовой вѣрѣ отнюдь не дозволяетъ относить факта къ другому лицу, а прямо указываетъ на восторгъ лица, совершившаго оный, т. е. Фотія, вслѣдъ за обращеніемъ Болгаръ; если же и признать правдивость лѣтописателя въ сказаніи, то онъ могъ отнести обращеніе Руссовъ къ Василію потому, что въ качествѣ соправителя онъ болѣе имѣлъ силы и значенія въ дѣлахъ государственныхъ, чѣмъ самъ разсѣянный Михаилъ.

А что касается до имени патріарха, то мы, согласно съ преосвященнымъ Макаріемъ, думаемъ, что царственный бытописатель, отдаленный отъ времени событій, имѣвшихъ мѣсто при его дѣдѣ, легко могъ перепутать личности, такъ какъ Игнатій раньше былъ смѣненъ Фотіемъ, а послѣдній, вскорѣ по воцареніи Василія, низложенъ и на его мѣсто снова возведенъ Игнатій. Почему Багрянородный могъ приписать патріарху царствованія Василія то, что собственно принадлежитъ патріарху царствованія Михаила. Почему не допустить и того, что при Василіи и Игнатіи была вторичная посылка епископа къ Руссамъ, и что Игнатій продолжалъ дѣло, начатое Фотіемъ [1]). Относительно двухъ славянскихъ рукописей, пріурочивающихъ обращеніе Руссовъ ко времени царствованія Василія, достаточно замѣтить, что онѣ, безотчетно слѣдуя греческимъ лѣтописцамъ, спокойно принимали всѣ ихъ невѣрности.

[1]) См. въ „Странникѣ“ 1888 г. мм. іюнь—іюль, стр. 241 ст. г. І. Матченко подъ заглавіемъ: „900-лѣтіе Крещенія Руси“.

Такимъ образомъ, честь первоначальнаго обращенія въ христіанство нашихъ предковъ, мы считаемъ неотъемлемо принадлежащей Фотію и не подверженной ни малѣйшему сомнѣнію. Это былъ *ближайшій* и, можно сказать, *непосредственный* видъ Фотіева дѣйствія на религіозную сторону нашего отечества. Но онъ дѣйствовалъ для той же цѣли и *косвенными* вспомогательными путями. Мы говорили въ своемъ мѣстѣ объ отправленіи ревностнымъ патріархомъ двухъ просвѣщенныхъ братьевъ, св. Кирилла и Меѳодія, для проповѣди христіанства въ Козарію, по поводу происходившихъ тамъ препирательствъ о вѣрѣ. Такъ какъ Козары поселеніями своими занимали всю южную часть теперешней Россіи, простирающуюся по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, и господствовали отъ береговъ Волги до береговъ Днѣпра, то на этомъ пространствѣ, и въ самой столицѣ Козарской Итилѣ жили тоже Руссы, поселившіеся тамъ еще до основанія нашего государства, какъ остатки славянъ, скрывавшихся подъ общимъ названіемъ скиѳовъ, сарматъ, а затѣмъ роксоланъ, антовъ и оланъ, и затѣмъ незамѣтно слившихся частію съ туземцами, частію съ греками черезъ переходъ въ Константинополь, а главнымъ образомъ съ сѣверными Руссами [1]). Поэтому нельзя не допустить, что свв. проповѣдники, проходя этими мѣстами и Крымомъ, разсѣевали святое слово и между этими—такъ назовемъ ихъ—азовско-таврическими Руссами. Судя потому, что Кириллъ, по паннонскому житію, нашелъ въ Таврида „евангеліе и псалтирь рушскымы письмены писано и человѣка глаголюща тою бесѣдою“, надобно полагать, что христіанство коснулось тѣхъ Руссовъ, а судя потому, что въ Фуллѣ вблизи Сурожа (имя нынѣшняго Судака) нашелъ поклоненіе дубу, который Кириллъ и посѣкъ собственною рукою, святая вѣра еще не утвердилась; братьямъ проповѣдникамъ представлялось довольно пространное поле для просвѣтительной ихъ дѣятельности, требуемой и колеблющимися между разными вѣрами для утвержденія, и вовсе не знакомыми съ христіанствомъ для просвѣщенія онымъ. Третій путь, которымъ дѣйствовалъ Фотій для проведенія въ Россію святой вѣры, шелъ черезъ Болгарію. Эта страна, бывъ имъ просвѣщена прежде, чѣмъ просвѣщены были Аскольдъ и Диръ, и находясь подъ ближайшимъ патріаршимъ воздѣйствіемъ, успѣла въ значительной степени развиться въ христіанствѣ и запастись всѣми потребностями для его осуществленія на дѣлѣ, какъ въ іерархическомъ, такъ и въ богослужебномъ отношеніи. Поэтому знаменитый ревнитель вѣры пользовался просвѣщенною имъ Болгаріею, какъ запасною храминою для снабженія Руси, на которую брошенъ былъ имъ первый лучъ христіанскаго просвѣщенія и церковнымъ персоналомъ и богослужебными книгами, и священными принадлежностями. Если же допустимъ здѣсь и участіе Кирилла и Меѳодія, посланныхъ имъ для проповѣди южнымъ и западнымъ славянамъ, но, тѣмъ не менѣе, какъ вообще думаютъ, не оставлявшихъ безъ вниманія и сѣверныхъ славянъ, то услуги Фотія собственно для Россіи становятся еще выше. А есть, дѣйствительно древнее сказаніе, что первоучители, развивая свою проповѣдническую дѣятельность собственно въ Болгаріи и Моравіи, въ другія славянскія страны посылали своихъ учениковъ. По крайней мѣрѣ, достовѣрно извѣстно, что Богемія и Польша просвѣщены были православіемъ отъ учениковъ, Меѳодіевыхъ посланцевъ. Добровскій же въ своемъ „Кир. и Меѳ.“ стр. 21 по русск. переводу, на основаніи од-

[1]) Арабскіе писатели, хорошо знавшіе Кесарію и Козаръ, прямо говорятъ, что страна эта значительно населена была славянами, даже въ такомъ смыслѣ, что занимавшаяся козарами страна собственно принадлежала Славянамъ, а Козары были въ ней только народомъ пришлымъ, который потомъ разсѣялся въ другихъ болѣе сильныхъ и многочисленныхъ народахъ. Такъ Массуди, писатель X вѣка говоритъ, что въ Итилѣ живутъ славяне, Руссы и другіе язычники и имѣютъ особаго судью, который разбираетъ ихъ дѣла по своимъ законамъ. См. въ томъ же „Странникѣ“ 1888 г. м. май, стр, 45—57 ст. того же Матченко подъ заглавіемъ „900-лѣтіе крещенія Руси“.

ного древняго свидѣтельства даже именуетъ посланнаго первоучителями въ Россію миссіонера, нѣкоего Наврока. Папа же въ своей „Энцикликѣ“ Grande munus, чтобы приблизить насъ болѣе къ своему престолу, даже прямо посылаетъ, какъ мы уже разъ о томъ говорили, Кирилла въ Кіевъ и заставляетъ его тамъ утверждать [1]) епископскую каѳедру.

Такимъ образомъ, первый свѣтъ христіанства палъ на Россію, коснѣвшую во тьмѣ язычества, на южные ея предѣлы, какъ ближайшіе къ центру христіанства, Византіи, отъ свѣтоноснаго именемъ и дѣломъ, Восточнаго (Lux ex Oriente) патріарха Фотія, и—палъ тремя путями: путемъ обращенія Руссовъ по поводу испытаннаго ими крушенія при нападеніи ихъ на Константинополь; путемъ просвѣщенія южныхъ славянъ отъ первоучителей, св. Кирилла и Меѳодія, когда они посланы были Фотіемъ для проповѣдничества въ Козарію, и, наконецъ, путемъ вѣроисповѣднаго благопріятства и содѣйствія со стороны Болгаріи (нынѣ такъ враждебной Россіи), ранѣе просвѣщенной святою вѣрою отъ Фотія и бывшей подъ ближайшимъ учительнымъ его вліяніемъ.

И этотъ начальный просвѣтъ, открывшійся отъ свѣтоноснаго патріарха, просіявалъ въ южной Россіи все болѣе и болѣе, и къ 891 году, когда княжилъ Олегъ, если и не благопріятствовавшій, то и не стѣснявшій христіанство, относится первое утѣшительное извѣстіе объ особой кіевской епархіи, значившейся 60-й въ числѣ всѣхъ, бывшихъ въ составѣ константинопольскаго патріархата. Конечно, нельзя воображать, чтобы это была вполнѣ благоустроенная въ іерархическомъ отношеніи епархія, и чтобы существовала правильная преемственность въ занятіи епископской каѳедры; но все-таки изъ подобнаго извѣстія съ достовѣрностью заключать надобно, что во время Олега было и священноначаліе, и духовенство, и храмы, значитъ и христіане, и притомъ въ такомъ числѣ, что требовали особаго формальнаго завѣдыванія и управленія. Но, тѣмъ не менѣе, въ то же время и съ греческой стороны не прекращались случаи и старанія еще болѣе и ближе знакомить нашихъ предковъ съ спасительной вѣрой, — старанія которой, конечно, не оставались безъ послѣдствій, хотя для единичныхъ личностей. Такъ, когда русскіе послы посланы были Олегомъ (въ 912 г.) въ Царьградъ для заключенія мира, греки, по приказанію бывшаго тогда императора Леона, показывали имъ „церковную красоту, палаты златыя и находящіяся въ нихъ богатства и страсти Господни... и мощи святыхъ, учаще я къ вѣрѣ и показующе имъ истинную вѣру“. Послы же, возвратившись на родину, обо всемъ повѣдали, что видѣли и слышали (Ипат. лѣт. стр. 23). При Игорѣ (отъ 912—945) христіанство еще болѣе является развитымъ. Оно уже приходитъ въ равновѣсіе съ язычествомъ, такъ что число поклонниковъ того и другого въ Кіевѣ уравнивается, какъ это видимъ изъ договоровъ Игоря съ греками по случаю неудачныхъ его туда походовъ, гдѣ черезъ весь документъ проходитъ раздѣленіе подвластныхъ Игоря на крещеныхъ и не крещеныхъ, Руси христіанской и не христіанской [1]). Мало сего: въ памятникѣ говорится еще и о соборной церкви св. Иліи, гдѣ рус-

[1]) Въ подлинной буллѣ пишется: „Inde ut nonnulli tradidĕrunt in Moscoviam proprie nominis degressus (Cijrillus), thronum pontificale *Kiovense* (почему средняго рода? — недоумѣваемъ) constituit. Стр. 129, тм. „Obergirtliches Veronbnungs“ blatt., 1880, Nr. 13, гдѣ напечатана преслов. „Энциклика“.

[1]) Такъ въ договорѣ читаемъ: „Кто изъ русскихъ помыслитъ нарушить такую любовь (вѣчную, пока солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ) то *крещеные* пріимутъ месть отъ Бога Вседержителя, *не крещеные* же небудутъ имѣть помощи ни отъ Бога, ни отъ Перуна“. „Если убѣжетъ рабъ изъ Руси... и найдется, то русскіе должны клясться, *христіане* и *нехристіане*, каждый по своему“ и пр. „А если кто нарушитъ сіе, или князь, или инъ кто, или *крещенъ*, или *некрещенъ*, не имѣетъ отъ Бога помощи...“ „Если же кто изъ князей и отъ людей русскихъ, или *крещеныхъ*, или *некрещеныхъ*, нарушитъ все написанное на хартіи сей, пусть умретъ отъ своего оружія, и да будетъ проклятъ отъ Бога и Перуна...“ и такъ далѣе.

ские должны были приносить клятву въ вѣрности договору; а если была соборная, то необходимо допустить и нахожденіе приходскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ немалочисленность и разномѣстность исповѣдниковъ Христа.

Но какъ ни значительно было число христіанъ въ Кіевѣ при Игорѣ, все-таки христіанство не могло досягнуть высшихъ слоевъ княжескаго рода, хотя не безъ основанія нѣкоторые (Голубинскій, Матченко и др.) догадываются, что Игорь былъ втайнѣ или, какъ они называютъ, внутреннимъ христіаниномъ, такъ какъ опасеніе возбудить негодованіе, все-таки превозмогавшей числомъ, части язычниковъ, не дозволяло быть открытымъ христіаниномъ. Только въ лицѣ Ольги, тайно исповѣдывающей христіанство, покуда живъ былъ мужъ и покуда сама была правительницей княжества, явленный Россіи Фотіемъ первый свѣтъ вѣры разлился въ широкой *зарѣ*, каковымъ именемъ въ вѣроисповѣдномъ смыслѣ и называетъ ее нашъ лѣтописецъ Несторъ, когда она оставила управленіе княжествомъ и передала его возрастшему сыну своему Святославу. И къ вящшему доказательству довольно значительнаго распространенія христіанства въ Кіевѣ св. Ольга приняла крещеніе не въ Константинополѣ, какъ пишутъ нѣкоторые греческіе лѣтописцы, но, какъ съ большею вѣроятностью полагаютъ, въ самомъ Кіевѣ, гдѣ, какъ мы выше разъяснили, не могло быть недостатка въ собственныхъ священнослужителяхъ, чтобы не отправляться въ Константинополь [1]) по дальнему и опасному пути.

Но хотя въ лицѣ Ольги христіанство успѣло достигнуть высшей правительственной сферы, но оно не имѣло всеобъемлющаго вліянія на народъ, а ограничивалось ближайшею свитою княгини и ея приближенными. Надлежало завершиться явленному свѣтоноснымъ патріархомъ началу полнымъ восходомъ солнца-правды, которое бы озарило всю Россію, явившись отъ той же Византіи, отколѣ просіялъ и первый лучъ, — завершиться въ лицѣ равноапостольнаго Владиміра, крестившаго всю русскую землю и надѣлившаго насъ такою вѣрою, которая наставила насъ на путь добра и истины и возвеличила нашу страну въ могучее, благоустроенное и цвѣтущее государство. И такимъ образомъ, дѣло, обращенія Руси въ христіанскую вѣру, начатое Фотіемъ и выразившееся въ крещеніи Аскольда и Дира, завершено широко и величественно въ 988 году, спустя 100 лѣтъ слишкомъ, св. Владиміромъ, когда крещеніе совершено было надо всѣмъ русскимъ народомъ [1]).

---

[1]) Голубинскій, „Исторія русской церкви“, стр. 61 и 67.

[1]) Замѣчательно, какъ народное преданіе, или представленіе увлеченное величественнымъ образомъ славнаго Фотія, ломая порядокъ времени на цѣлое столѣтіе, любитъ соединять его имя съ именемъ Владиміра и со всѣми актами крещенія Руси. Такъ въ одномъ старинномъ памятникѣ пишется: „се азъ князь великій Василій, нарицаемый Володимиръ, сынъ Святославль, внукъ Игоревъ и блаженныя Ольги, принялъ крещеніе святое при греческихъ царяхъ Константинѣ и Василіѣ, отъ Фотія, патріарха цареградскаго и пріяхъ отъ него, перваго митрополита Кіева, иже крести всю землю русскую“. А въ одной Четіи-Минеи говорится: „крестися Россія въ царство греческаго царя Василія Македона, въ патріаршество-же святѣйшаго Фотія, прислану бывшаго отъ нихъ архіерею Михаилу. Въ одномъ Прологѣ, говоритъ святой Димитрій, самое крещеніе Ольги приписывается Фотію: „яко крестися Ольга отъ патріарха Фотія, сице и въ рукописныхъ четіяхъ обрѣтается“. Въ другихъ мѣстахъ Четіи-Миней, патріаршество Фотія прямо относится ко времени Игоря и Олега: „отъ патріарха Фотія присланъ бѣ архіерей въ Россію, въ то время княженія имъ въ Кіевѣ Олегъ съ младымъ Игоремъ Рюриковичемъ“. Что удивительнѣе всего, въ этотъ анахроинизмъ впалъ, вѣроятно увлеченный силою преданія, и сочинитель памятника достопримѣчательнѣйшихъ происшествій въ церкви и отечествѣ, напечатаннаго въ Москвѣ, въ типографіи С. Селивановскаго, 1820, профессоръ всеобщей и церковной исторіи, Яковъ Орловъ. Подъ 30 сентября, когда наша церковь творитъ память о первомъ митрополитѣ Кіевскомъ Михаилѣ, онъ пишетъ: „Михаилъ, первый Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, родомъ Сиринъ, по принятіи вѣры христіанской Великимъ княземъ, равноапостольнымъ Владиміромъ, по его требованію посвященъ въ Константинополѣ Свя-

Что было-бы съ православіемъ, если-бы патріархъ Фотій не былъ одушевленъ такою пламенною ревностью въ дѣлахъ вѣры, какую онъ проявлялъ въ борьбѣ съ папствомъ,—даже до мученическаго изгнанія? По всей вѣроятности, даже съ полною увѣренностью сказать можно, что при мягкодушіи Игнатія, при снисходительной податливости его въ пользу римской стороны, обусловленной, конечно, какими-нибудь основательными причинами, и при скользкомъ положеніи императора на престолѣ, восточное православіе поддалось-бы напору католицизма, и папа признанъ-бы былъ главою всего христіанства. А что было-бы вслѣдъ за тѣмъ, тому примѣръ показанъ на Болгаріи, когда, вслѣдствіе обращенія ея колебавшагося князя, посланы были въ просвѣщенную отъ Византіи страну римскіе епископы и священники, которые начали нещадно ломать введенные греческою церковью порядки и вводить свои новоизмышленныя правила и догматы. Конечно, это признаніе главенства папы осуществлялось-бы подъ формою уніи; но мы знаемъ, что такое унія, по нашимъ западнымъ губерніямъ, которыя имѣли несчастіе испытать эту форму исповѣданія. Она служила въ видахъ папства мостомъ для католичества, путемъ къ принятію всѣхъ неправославныхъ вѣрованій и уставовъ римской церкви. Поэтому черезъ сто лѣтъ послѣ Фотія явился-бы къ Владиміру для проповѣди не чисто православный грекъ, а греко-уніатъ, или истый католикъ и Владиміръ, конечно, имѣвшій столько разума, что-бы іудейству и магометанству предпочесть христіанство во всякой его формѣ, склонился-бы къ католичеству.

Но какая судьба была-бы тогда Россіи? О, страшный и чреватый послѣдствіями вопросъ! Не будемъ говорить уже о томъ, что христіанство дошло-бы до насъ въ значительно уже искаженномъ видѣ,—съ измѣненіями догматовъ и издревле утвержденныхъ и установленныхъ соборами добрыхъ правилъ, въ особенности, принимая во вниманіе время принятія его въ концѣ X в., когда папство является въ самомъ безобразномъ и безнравственномъ видѣ, такъ что возбуждало омерзеніе [1]) въ самихъ католическихъ писателяхъ. Но и это, хотя обезображенное разными нововведеніями и измышленіями, христіанство не могло-бы привиться къ уму и разумѣнію народному по причинѣ чуждаго, непонятнаго латинскаго языка,—въ совершенную противность положенію русскаго народа, когда онъ при Владимірѣ принималъ отъ грековъ новое ученіе и внималъ слову Божію на родномъ языкѣ. Самое богослуженіе мало помогло-бы христіанскому его развитію,

---

тейшимъ Патріархомъ Фотіемъ въ первые Россійскіе Митрополиты, который не мѣшкавъ въ Корсунь къ князю Владиміру пріѣхалъ съ греческими отъ Цесарей послами". Очевидно, у нашихъ предковъ такое было высокое понятіе о просвѣтительной дѣятельности Фотія и его достоинствѣ, утвердившееся въ ихъ умахъ со времени обращенія имъ Аскольда и Дира, что они всѣ выдающіеся религіозные акты приписывали ему. Почему Бойеръ, въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ и восклицаетъ: „Rossi omnia tribuunt Photio patriarchae!" Но и Латиняне указываютъ на него, какъ на перваго русскаго епископа: „Primus fuit Facuis". Сл. „Библіогр. замѣтку" о. Августина (іеромонаха Кіевской Лавры, перешедшаго изъ католичества въ православіе) въ „Кіевск. Сл." 1888 г., 21 апр.

[1]) Вотъ какъ характеризуетъ папское управленіе въ X в., ревностный католикъ Баронія: „en illa infelicissima romanae ecclesiae tempora... quando intrusi in cathedram Petri... *homines monstrosi, moribus perditissimi usquequoque foeditissimi.* Cuncta quae olim passa est (romana ecclesia) subgentilibus imperatoribus vel ab haereticis alioque persecutoribus, horum comparatione sunt aestimanda lusus puerorum". А. Мосгеймъ говоритъ: „omnis sacra res maxima saeculi parte in potestate vilissimorum scortorum fuit". То есть (переводъ перваго мѣста): „вотъ тѣ несчастнѣйшіе времена римской церкви... когда ворвались на каѳедру Петра люди чудовищные, нравственно испорченнѣйшіе, въ конецъ гнуснѣйшіе. Все то, что нѣкогда переносила римская церковь, во время языческихъ императоровъ, или отъ еретиковъ и другихъ преслѣдователей въ сравненіи съ этими (папами) должно показаться намъ дѣтскою игрушкою" (Annal. ad. an. 900, n. III). Переводъ мѣста изъ Мосгейма: „вся святыня, въ наибольшую часть этого вѣка, находилась во власти гнуснѣйшихъ непотребныхъ женщинъ (Instit. histor. christ., стр. 610—611).

ибо тоже производилось-бы на латинскомъ языкѣ. По крайней мѣрѣ частное, домашнее поученіе въ словѣ Божіемъ могло-бы служить къ восполненію того, чего не давалъ храмъ? Но и такого рода частное домашнее чтеніе св. писанія въ католичествѣ запрещено изъ опасенія, конечно, чтобы чрезъ своевольное толкованіе не дошли какъ до убѣжденій въ ущербъ интересамъ папства. Такъ что русскій народъ очутился-бы въ такомъ-же положеніи по отношенію къ религіи, въ какомъ почувствовали себя Мораване во время Кирилла и Меѳодія, когда князья ихъ обратились съ просьбою въ Византію, чтобы прислали имъ просвѣщеннаго учителя, который-бы разъяснилъ имъ истинный смыслъ ново-принятой вѣры, такъ какъ не вѣдая существа оной, ограничиваются исполненіемъ однихъ внѣшнихъ обрядовъ. Какова-же была-бы при этомъ нравственность народная? Неосвященная ученіемъ новой вѣры, она пребыла-бы, по крайней мѣрѣ долго и долго тою-же языческою, какой народъ держался и прежде, а можетъ быть, и все свое богопочтеніе сосредоточилъ-бы на лицѣ папы, котораго ксендзы не приминули-бы выставить въ достопокланяемомъ образѣ представителя и намѣстника Богочеловѣка—Христа. А такъ какъ католицизмъ движется двумя пружинами—своекорыстіемъ и властолюбіемъ, со всѣми сопровождающими то и другое пороками: лестью, ложью, хитростію, происками и т.-п., то неудивительно, что всѣ эти пороки привились-бы къ простотѣ народнаго характера и испортили-бы его натуральное добродушіе, какимъ русскіе извѣстны цѣлому свѣту,—въ особенности когда-бы начали дѣйствовать пронырливые іезуиты.—Безженное духовенство, установленное папами вопреки закону природы и постановленіямъ соборнымъ, чтобы всѣ заботы его нераздѣльно и исключительно были обращены на поддержку интересовъ папства, не говоря уже о борьбѣ противу собственныхъ плоти и крови, представляло-бы касту, опасную для благоустройства семейнаго и женской чести, такъ что на западѣ въ католическомъ мірѣ частое посѣщеніе ксендзомъ какого-либо семейства, въ особенности, если въ немъ есть довольно женскаго пола, нерѣдко навлекаетъ на то семейство невольное подозрѣніе. Это-ли истинный пастырь?.. Что касается высшей іерархіи, то она подавлена была-бы превозмогающею властію папъ, начавшихъ со времени противника Фотія, Николая I, стѣснять права епархіальныхъ епископовъ и подчинять ихъ своей власти. Самимъ государямъ нашимъ, въ качествѣ великихъ князей, царей и императоровъ, пришлось-бы можетъ быть, по примѣру Генриха IV ходить въ Каннозу, (чего такъ не хотѣлъ Бисмаркъ), стоять и дрожать по три дня подъ открытымъ небомъ и затѣмъ подойти къ превозносящемуся властителю и повергнуться подъ его стопы, и слышать горделивое слово „на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія“. А что пришлось-бы дѣлать съ гордымъ властителемъ? Разрѣшилъ-бы подданныхъ отъ присяги въ вѣрности подданства и—верховная власть подорвана. Такъ папы смиряли повелителей народныхъ; а для смиренія ихъ подданныхъ, осмѣливавшихся возставать противу папской власти и ея самовольно измышленныхъ установленій, употребляли другое, страшное, самимъ адомъ внушенное и изготовленное средство — инквизицію. Тѣ, которые имѣли несчастіе быть заподозрѣнными въ уклоненіяхъ отъ правилъ вѣры, установленныхъ папою, въ особенности и почти исключительно, когда это уклоненіе затрогивало интересы папства, подвергались разнаго рода самымъ ужаснымъ пыткамъ, истязаніямъ, мученіямъ, терзаніямъ, какія только духъ злобы, исконный человѣкоубійца, могъ изобрѣсть на посрамленіе принесенной съ Неба Вѣры,—и затѣмъ предаваемы были на кострахъ огню, приготовленному тѣмъ-же врагомъ человѣковъ изъ пропастей геенны. И все это творилось со всею торжественностью, какъ побѣда вѣры надъ злочестіемъ, въ присутствіи кардиналовъ, епископовъ и другихъ прелатовъ иногда самого папы и самихъ свѣтскихъ властителей,—и предъ лицемъ множества народа то сочувствующаго, то сомнительно безмолст-

вующаго. Безумные не понимали того, что все существо христіанской вѣры есть любовь и что Сынъ Божій принялъ на себя плоть человѣческую и пострадалъ по милосердію, дабы спасти грѣшное человѣчество отъ грозившей ему отъ правосудія и гнѣва Божественнаго кары. Презрители Божіяго Слова не хотѣли знать изреченія, сказаннаго Спасителемъ, когда апостолы въ негодованіи на непринявшій ихъ городъ просили Его дать имъ власть низвести на оный огнь: „не вѣстѣ, коего духа есте вы:“ [1])

Во время крестовыхъ походовъ Русь и при владычествѣ папства была-бы занята татарами: ибо едва-ли можно было ожидать, чтобы западныя державы по поводу единовѣрія приняли участіе въ ея положеніи и помогли ей отразить татарскую силу, потому что исторія не представляетъ опытовъ участія западныхъ державъ во взаимной поддержкѣ, когда, напримѣръ, сѣверные народы двигались на югъ, когда Норманны опустошали берега западныхъ державъ, когда сарацины нападали на побережье Италіи и Сициліи, когда мавры овладѣвали Испаніей. Но надобно-ли сожалѣть о томъ, что Русь, находившись тогда подъ властію татаръ, не могла принять участія въ крестовыхъ походахъ. Трудно рѣшить, больше-ли причинило бы ей вреда и раззоренія владычество татаръ, довольствовавшихся полученіемъ извѣстной дани, чѣмъ движеніе населенія массами въ далекія страны безъ вѣрной надежды воротиться назадъ и при оставленіи семействъ и имуществъ на произволъ судьбы, отчего такъ пострадала западная Европа и изъ чего такъ искусно извлекла себѣ пользу католическая церковь.

Наконецъ, Европа вышла изъ терпѣнія отъ разныхъ папскихъ злоупотребленій въ дѣлѣ вѣры и нашла нужнымъ предпринять такъ названную реформацію, для чего и возгорѣлась между двумя образовавшимися враждебными сторонами, между католическою и протестовавшею, кровопролитная война, длившаяся подъ начальствомъ отличнѣйшихъ предводителей 30 лѣтъ и стоившая Европѣ совершеннаго разстройства и раззоренія. Что сталось-бы съ Россіею, при исповѣдуемомъ ею католичествѣ среди такой общей смуты въ Европѣ? Конечно, волей-неволей надобно было пристать либо къ той, либо къ другой сторонѣ. Но захотѣли-бы мы остаться вѣрными исповѣдуемой—по предположенію—католической вѣрѣ, тогда имѣли-бы враговъ, возставшихъ противу католицизма; пристали-бы мы къ послѣднимъ, имѣли-бы враговъ „буихъ“ и звѣронравныхъ въ католикахъ, какъ измѣнившіе общей съ ними вѣрѣ, и, такимъ образомъ, любезное отечество наше подверглось-бы, можетъ быть, еще большему раззоренію, чѣмъ какое испытало отъ нашествія татаръ.

Самая политическая самостоятельность Россіи подверглась бы, въ случаѣ принятія католицизма, явной опасности. Безпокойная сосѣдственная Польша усиливалась распростра-

[1]) Непонятное дѣло, даже и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, католики не стыдятся защищать и восхвалять антихристіанскую инквизицію. Вотъ какъ одинъ католикъ, написавшій нѣсколько писемъ къ о. Владиміру Гетте для защиты католичества, не стѣсняется въ III-мъ своемъ письмѣ приводить слова какого-то о. Мацедо, жившаго еще въ 1670 г., направленныя къ оправданію инквизиціоннаго суда: „инквизиція, говоритъ этотъ ревнитель папства,—въ принципѣ была основана уже на небѣ. Богъ исполнилъ обязанности перваго инквизитора, когда поразилъ возмутившихся ангеловъ. Онъ же продолжалъ исполнять эти обязанности въ отношеніи къ Адаму и Каину, въ отношеніи къ людямъ, которыхъ Онъ наказалъ потопомъ, или смѣшеніемъ языковъ во время строенія Вавилонской башни; Моисей тоже исполнилъ эти обязанности во имя Бога, когда казнилъ евреевъ въ пустынѣ посредствомъ насильственной смерти, огнемъ съ неба, смертоносными змѣями или поглощеніемъ въ пропастяхъ земли. Затѣмъ, Богъ поручилъ эти обязанности св. Петру, своему викарію среди насъ, который и воспользовался ими при пораженіи смертію Ананіи и Сапфиры, а папы, преемники св. Петра вручили исполненіе этихъ обязанностей св. Доминику и всѣмъ членамъ его ордена“ (см. „Вѣр. и Раз.“, 1889 г., октябрь, — кн. I, № 19, отд. церк. с. 378 и сл.). Безстыдный хвалитель позорнаго учрежденія не имѣлъ въ виду рекшаго: „Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ“, глаголетъ Господь, а не какому-нибудь папѣ! (Евр., гл. X, 30).

нить и укрѣпить свою власть въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, но самымъ рѣшительнымъ препятствіемъ для полнаго подчиненія ей и сліянія съ нею служило различіе вѣроисповѣданія, т. е. содержаніе нами православной вѣры. При единствѣ же вѣроисповѣданія Польша скорѣе простерла-бы свои завоевательные виды на наше отечество и постаралась-бы овладѣть, по крайней мѣрѣ, значительною частію Руси, если не сдѣлаться полною ея обладательницей, на что уже и посягала въ смутное время самозванцевъ, въ 1612 году, и отъ чего спаслись мы только силою своей вѣры, излюбленаго нами православія.

Вотъ отъ такихъ-то опасностей и бѣдъ спасла насъ принятая нами грековосточная вѣра, которая первымъ лучемъ пущена была къ намъ Фотіемъ, а потомъ, мало-по-малу распространяясь, при св. Владимірѣ озарила и доселѣ озаряетъ полнымъ свѣтомъ наше любезное отечество, ко благу и спасенію его [1]).

[1]) Сл. разсужденіе объ этомъ предметѣ въ рѣчи казанскаго преосвящ. Павла, 15 іюля 1888 года, предъ молебствіемъ по случаю празднованія 900-лѣтія Крещенія Руси, напечатанной въ „Прибавленіяхъ“ къ „Церковн. Вѣдомостямъ“, того-же 1888 года, сентября 17, № 38.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Продолженіе знаменитаго Окружного Фотіева посланія къ Восточнымъ епископамъ съ указаніемъ и опроверженіемъ всѣхъ отступленій римской церкви отъ правой вѣры.

«Они (пришедшіе съ Запада духовные) всячески ухищряются сихъ новопросвѣщенныхъ (Болгаръ) развратить и отторгнуть отъ праваго и чистаго ученія непорочной христіанской вѣры.

И во-первыхъ, въ противность церковнымъ правиламъ, привели ихъ къ пощенію въ субботы. Обыкновенно же и малое отступленіе отъ преданій ведетъ къ совершенному пренебреженію Христіанскаго ученія. Далѣе, первую седмицу четыредесятницы, отдѣливши отъ прочаго времени поста, разрѣшили на млеко, сыръ и подобное сему чревоугожденіе. Отселѣ, расширяя имъ путь къ отступленіямъ и совращая ихъ съ прямого и Царскаго пути, внушили имъ отвращеніе и омерзеніе къ живущимъ въ законномъ бракѣ Пресвитерамъ, истиннымъ Іереямъ Божіимъ. Такъ посѣвали они сѣмена ереси Манихейской и души, едва начавшія произращать сѣмя благочестія, повреждали присѣваемыми плевелами.

Сверхъ сего мѵропомазанныхъ отъ Пресвитеровъ они не убоялись вторично мѵропомазывать, объявляя себя Епископами и баснословя, будто мѵропомазаніе отъ Пресвитеровъ недѣйствительно и всуе совершается.

* *
*

Помазанныхъ мѵромъ они мѵропомазываютъ вторично, и чрезъ то превышеестественныя и Божественныя таинства Христіанъ попираютъ, какъ будто продолжительное пустословіе и громкое смѣхотворство. И вотъ мудрованіе сихъ, подлинно неосвященныхъ людей: нельзя, говорятъ они, священникамъ освящать мѵромъ крещенныхъ; ибо сіе предоставлено закономъ однимъ Архіереямъ.—Откуда такой законъ? кто законодатель? который изъ Апостоловъ, или Отцевъ, или какой Соборъ, гдѣ и когда состоявшійся? по чьимъ голосамъ получившій рѣшеніе? Будто нельзя священнику знаменать мѵромъ крещаемыхъ: такъ посему нельзя будетъ ему крестить и священнодѣйствовать! Такимъ образомъ, пусть уже онъ не одною половиною, но всецѣло будетъ изверженъ въ кругъ непосвященныхъ. Священникъ священнодѣйствуетъ Тѣло Господне и Кровь Христову, и сими освящаетъ давно уже крещенныхъ: и какъ же не можетъ онъ святить мѵропомазаніемъ новокрещенныхъ? Священникъ креститъ, совершая надъ крещаемымъ очистительную благодать: какъ же отнять у него право ограждать и запечатлѣвать то очищеніе, коего онъ есть совершитель? Но есть ли отымешь у него право запечатлѣвать очищеніе, то не оставишь ему и права служить при очищеніи и надъ кѣмъ-нибудь совершать оное: и все сіе на тотъ конецъ, дабы твой священникъ, украшенный пустымъ именемъ (своею ничтожностью) показывалъ въ тебѣ главу и епископа одного съ нимъ чиностоянія.

Впрочемъ, не здѣсь еще конецъ ихъ отступленія отъ законовъ. Есть ли есть какой вѣнецъ бѣдъ,—они достигли онаго. Ибо, кромѣ вышесказанныхъ непристойностей, они съ крайнею дерзостью отважились священный и святый символъ, который опредѣленіями всѣхъ Вселенскихъ Соборовъ непоколебимо утвержденъ, повредить чуждыми примышленіями и привнесенными словами. О, ухищренія лукаваго, (посѣвающаго новый раздоръ между единовѣрными!) Вздумали говорить, что Духъ Святый не *отъ Отца* токмо, но и *отъ Сына* исходитъ.

* *
*

Кто̄ изъ освященныхъ Христіанъ можетъ снести, когда во Святую Троицу вводятся два начала: одно для Сына и Святаго Духа, то есть Отецъ, а другое для Святаго Духа, то есть Сынъ, и такимъ образомъ единоначаліе раздѣляется на двоебожіе?

* *
*

Но для чего-бы исходилъ Святый Духъ отъ Сына? Ибо ежели исхожденіе Его отъ Отца есть совершенно, (совершенно же есть, яко Богъ совершенный отъ Бога совершеннаго:) то какое еще исхожденіе отъ Сына, и для чего? Сіе было-бы излишне и безъ значенія.

* *
*

Ежели личное свойство Святаго Духа познается въ томъ, что Онъ *исходитъ отъ Отца;* равно какъ и личное свойство Сына въ томъ, что Сей *раждается отъ Отца*; исходитъ же Святый Духъ, какъ они мнятъ, и отъ Сына: то слѣдуетъ, что большимъ количествомъ личныхъ свойствъ различается отъ Отца Святый Духъ, нежели Сынъ... Ибо (по ихъ мнѣнію) исхожденіе Святаго Духа отъ Отца и Сына есть общее Имъ свойство; напротивъ, собственное Святаго Духа, есть Его *исхожденіе отъ Отца*, и также *исхожденіе отъ Сына*. Есть ли же бы Святый Духъ различался большимъ числомъ свойствъ, нежели Сынъ, то ближе-бы былъ къ сущности Отца Сынъ, нежели Святый Духъ. Такимъ образомъ, паки является Македоніева дерзость противъ Святаго Духа, покрываясь новою личиною оныхъ людей.

* *
*

Святый Духъ (говорятъ) происходитъ отъ Сына, —отъ кого ты сіе слышалъ? отъ какихъ Евангелистовъ заимствовалъ сіе слово? какого Собора сіе изреченіе?

Господь и Богъ нашъ глаголетъ: *Духъ, иже отъ Отца исходитъ*; а породившіе сей новый соблазнъ, говорятъ: *Духъ, иже отъ Сына исходитъ*.

Кто не заградитъ слуха отъ сего дерзновеннаго мнѣнія? Оно противорѣчитъ Евангелію, возстаетъ противу Святыхъ Соборовъ, отвергаетъ блаженныхъ и Святыхъ Отцевъ, Аѳанасія Великаго, преславнаго въ Богословіи Григорія, Василія Великаго, сіе царское украшеніе Церкви, Іоанна, истинно Златоустаго. Но для чего я упоминаю о томъ, или другомъ? Противу всѣхъ вообще Святыхъ Пророковъ, Апостоловъ, Іерарховъ, Мучениковъ, и противу глаголовъ Самаго Господа вооружается сей дерзновенный и богоборственный гласъ.

* *
*

Ежели Сынъ отъ Отца раждается, а Святой Духъ отъ Отца и Сына исходитъ: то, поколику относится къ двумъ началамъ, необходимо долженъ быть сложенъ.

* *
*

Ежели исхожденіе Святаго Духа отъ Отца служитъ къ бытію Святаго Духа: то что принесетъ Святому Духу исхожденіе отъ Сына, когда одного исхожденія отъ Отца довольно для бытія? Ибо, едва-ли кто осмѣлится сказать, что исхожденіе Святаго Духа служитъ къ чему либо иному кромѣ бытія: поелику всякое двоеніе и сложеніе весьма удалено отъ онаго блаженнаго и Божественнаго Естества.

* *
*

Таковыя-то отступленія отъ законовъ Западные Епископы распространили въ Болгарскомъ народѣ. Достигла вѣсть о семъ нашего слуха и—мы поражены смертельнымъ ударомъ въ самое сердце, подобно какъ если бы кто увидѣлъ утробныхъ чадъ своихъ, передъ глазами его угрызаемыхъ и терзаемыхъ отъ звѣрей и зміевъ. Ибо естественно было тому впасть въ несносную печаль и сѣтованіе о потерѣ чадъ, который для возрожденія и просвѣщенія оныхъ подвергалъ себя трудамъ, заботамъ и многократному пролитію пота.

Посему столько же мы сѣтовали о случившемся съ ними несчастіи, сколь полную чувствовали радость, видѣвъ ихъ освободившимися отъ древняго заблужденія.

Мы оплакивали ихъ, и оплакиваемъ, и для возставленія ихъ отъ паденія, не дадимъ очамъ нашимъ сна, и вѣждамъ дреманія, доколѣ не введемъ ихъ, поколику намъ то возможно будетъ, паки въ домъ Господень.

А новыхъ предводителей въ отступленіи, столь многими и великими расколами раздирающими сей новонасажденный и младенчествующій по благочестію народъ, оныхъ обольстителей и богоборцевъ осудили мы Соборнымъ и Божественнымъ опредѣленіемъ, не нынѣ вновь изрекся судъ имъ, но изъ Соборовъ и Апостольскихъ узаконеній открывая и всѣмъ объявляя уже предъопредѣленное имъ осужденіе.

* *
*

По елику шестьдесятъ четвертое правило Святыхъ Апостолъ, поражая постящихся въ субботы, гласитъ:

«Аще который причетникъ постится въ недѣлю или въ субботу, кромѣ единыя великія субботы, да извержется; аще же мірскій человѣкъ есть, таковый да отлучится».

И пятьдесятъ пятое правило Св. Вселенскаго шестого Собора говоритъ:

«Понеже мы увѣдали, что сущіе во градѣ Римѣ въ постъ Святыя Четыредесятницы по субботамъ постятся, вопреки преданному церковному послѣдованію; то Святый Синодъ изволяетъ, дабы и въ Римской церкви неподвижно храпимо было оное правило: *Аще который причетникъ постится въ недѣлю или въ субботу, кромѣ единыя великія субботы, да извержется; аще же мірскій человѣкъ есть, таковый да отлучится*».

Объ отвращающихся же брака четвертое правило Гангрскаго собора говоритъ:

«Аще кто разсуждаетъ и не хощетъ пріяти Причащенія отъ Пресвитера, имуща жену законную, и глаголетъ, яко, служившу тому, не достоитъ отъ него Причащенія пріяти, да будетъ проклятъ».

Согласно съ симъ и шестый Соборъ, произнесши на нихъ судъ, слѣдующее написалъ:

«Понеже мы увѣдали, что въ Римской церкви яко въ чину правило держится, еже хотящему быти Пресвитеру или Діакону прежде поставленія исповѣдати уже къ тому не снитися съ своею женою; то, послѣдуя древнему правилу Апостольскаго разсмотрѣнія и благочинія, желаемъ, чтобы и отнынѣ законное сожитіе поставляемыхъ въ священный чинъ было твердо, никакъ не расторгая ихъ совокупленія къ своимъ женамъ, и не лишая ихъ смѣшенія во время подобно. Почему, естьли кто будетъ достоинъ рукоположенія во Діакона или Уподіакона: таковому никакъ не возбранятъ восходить на сію степень, естьли онъ имѣетъ по закону совокупленное съ женою сожитіе; и во время рукоположенія не требовать отъ него исповѣданія въ томъ, что онъ будетъ удаляться законнаго съ своею женою совокупленія, дабы черезъ сіе не унизить Самимъ Богомъ установленнаго и Его присутствіемъ благословеннаго брака, тѣмъ паче, что и Евангельскій гласъ взываетъ: *ихъ же Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ;* и Апостолъ учитъ: яко *честенъ бракъ во всѣхъ, и ложе нескверно,* и еще: *привязался-ли еси къ женѣ, не ищи разрѣшенія.* Итакъ, естьли кто дерзнетъ, въ противность Апостольскимъ правиламъ, кого-либо изъ посвящаемыхъ во Пресвитера, или Діакона, или Уподіакона, лишать сообщенія и совокупленія съ законною женою, да извержется, равно и есть-ли Пресвитеръ или Діаконъ восхощетъ подъ предлогомъ благоговѣинства свою жену пустити, таковый да отлучится; и потомъ неисправленъ пребывающъ, да извержется отъ сана».

Разрѣшеніе же первыя седмицы великаго поста, и вторичное мѵропомазаніе крещенныхъ и уже мѵропомазанныхъ, не требуетъ, по мосму мнѣнію, и приведенія правилъ для своего сужденія: поелику одно сказаніе о томъ само собою показываетъ крайнее неблагочестіе.

Впрочемъ, и одна оная ужасная дерзость противъ Святаго Духа, паче же противу всея Святыя Троицы, хотя-бы ничто другое изъ сказаннаго не было сдѣлано довлѣетъ, къ тому, чтобы подвергнуть ихъ многимъ сужденіямъ.

О семъ для вѣдѣнія и разсмотрѣнія по древнему церковному обычаю долгомъ почли мы представить о Господѣ братству. Причемъ убѣждаемъ и молимъ васъ быть скорыми намъ споборниками въ искорененіи сихъ неблагочестныхъ и небоголюбимыхъ мнѣній и не оставить отеческаго постановленія, которое вамъ предки для соблюденія въ дѣяніяхъ своихъ предали: но со многимъ тщаніемъ и усердіемъ избравъ послать вмѣсто себя мѣстоблюстителей, мужей долженствующихъ представлять ваше лице, украшенныхъ благочестіемъ и священствомъ, словомъ и жизнію; дабы изгнать ядъ сего неблагочестія, недавно влѣянный въ сердце церкви, и тѣхъ которые имѣли безуміе таковые плевелы посѣять въ народѣ новонасажденномъ и едва утвержденномъ въ вѣрѣ, самихъ съ корнемъ исторгнуть и общимъ судомъ предать тому огню, каковый опредѣляютъ для отлученныхъ глаголы Господни.

Когда такимъ образомъ будетъ изгнано неблагочестіе и благочестіе утверждено: мы имѣемъ благую надежду, новооглашенный и новопросвѣщенный Болгарскій народъ паки обратить въ преданную ему вѣру. А притомъ не только сей народъ перемѣнилъ прежнее нечестіе на вѣру во Христа; но и тотъ, о которомъ многіе многое разсказываютъ, и который въ жестокости и кровопролитіи всѣ народы превосходитъ, оный глаголемый *Росъ*, который, поработивъ живущихъ окрестъ него, и возгордясь своими побѣдами, воздвигъ руки и на Римскую Имперію: и сей однако нынѣ премѣнилъ языческое и безбожное ученіе, которое прежде содержалъ, на чистую и правую Христіанскую вѣру, и вмѣсто недавняго враждебнаго на насъ нашествія и великаго насилія, съ любовію и покорностію вступилъ въ союзъ съ нами. И столько воспламенила ихъ любовь и ревность

къ вѣрѣ (*благословенъ Богъ во вѣки!* взываю я съ Павломъ) что и Епископа, и Пастыря, и Христіанское Богослуженіе съ великимъ усердіемъ и тщаніемъ пріяли.

Итакъ, естьли въ сіе время, когда благодатію человѣколюбиваго Бога, *Иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися, и въ разумъ истины прійти*, оные народы отлагаютъ старыя свои мнѣнія, и вмѣсто ихъ принимаютъ чистую Христіанскую вѣру, возстанетъ и ваше братство на помощь намъ, и будемъ содѣйствовать къ исторженію и сожженію плевелъ; то мы о Господѣ Іисусѣ Христѣ, истинномъ Богѣ нашемъ уповаемъ, что стадо Его болѣе и болѣе умножится, и исполнится реченное: *познаютъ Мя вси отъ мала до велика ихъ*, и паки: *во всю землю изыде вѣщаніе* Апостольскаго ученія, *и въ концы вселенныя глаголы ихъ*.

Сего ради потребно, чтобы тѣ, которыхъ вы пошлете вмѣсто себя, и которые будутъ представлять ваше освященное и святое лице, уполномочены были властію, которую вы во Святомъ Духѣ стяжали, дабы по власти, подобающей Апостольскому престолу о сихъ предметахъ и другихъ подобныхъ могли они законно подавать мнѣніе и невозбранно утверждать дѣйствительныя рѣшенія. Поелику и изъ Италіи получили мы нѣкоторое соборное посланіе, исполненное несказанныхъ жалобъ, которыя живущіе въ Италіи, на своего Епископа со многимъ обвиненіемъ и многими заклинаніями приносятъ, прося не презрѣть толь бѣдственно погибающихъ и толико тяжкимъ жестокимъ преобладаніемъ угнетаемыхъ и равно не оставить и законовъ священства нарушаемыхъ, и всѣхъ постановленій Церкви нарушаемыхъ. Тоже самое и прежде отъ монаховъ и пресвитеровъ, оттуда убѣжавшихъ, всѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ. То были: Василій, Зосимъ, Митрофанъ и другіе съ ними, которые съ плачемъ жаловались на сіе жестокое преобладаніе и со слезами призывали къ защищенію церквей. Нынѣ-же, какъ я сказалъ, получены оттолѣ различныя отъ различныхъ лицъ письма, исполненныя стенанія и многихъ слезъ, какъ то покажутъ вамъ списки съ сихъ писемъ, по желанію и требованію писавшихъ представляемыя; поелику они съ страшными заклинаніями и убѣжденіями умоляли, чтобы сіе разослано было *ко всѣмъ Архіерейскимъ и Апостольскимъ престоламъ*. Пріобщили же мы сіе къ настоящему письму для того, дабы, когда соберется о Господѣ Святый Вселенскій Соборъ, тогда по общему сужденію и о семъ было-бы постановлено то, что угодно Богу и согласно съ правилами соборными, да глубокій миръ объиметъ Церкви Христовы.

Ибо не только Ваше блаженство къ сему призываемъ, но и прочихъ Святительскихъ и Апостольскихъ престоловъ Пастыри, нѣкоторые уже прибыли, а другихъ ожидаемъ скораго прибытія.

По сему ваше о Господѣ братство промедленіемъ и отсрочиваніемъ да не принудитъ братій вашихъ къ ожиданію чрезмѣрно продолжительному, вѣдая, что если-бы за неучастіемъ вашимъ произошло что-либо не надлежащимъ образомъ и несовершенное, то не иной кто, но вы сами были-бы виновны въ томъ.

ΤΗ ΣΤ. ΤΟΥ ΦΕΒΡΟΥΑΡΙΟΥ ΜΗΝΟΣ.

ΜΝΗΜΗ ΤΟΥ ΕΝ ΑΓΙΟΙΣ ΠΑΤΡΟΣ ΗΜΩΝ ΚΑΙ ΙΣΑΠΟΣΤΟΛΟΥ

ΦΩΤΙΟΥ

ΠΑΤΡΙΑΡΧΟΥ ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΕΩΣ ΟΜΟΛΟΓΗΤΟΥ

Ἑσπέρας, ἐν τῷ μικρῷ Ἑσπερινῷ, εἰς τό, Κύριε ἐκέκραξα, ἱστῶμεν στιχ. δ'. καὶ ψάλλομεν στιχ. Προσόμοια Ηχος α'.

Τῶν Οὐρανίων Ταγμάτων.

Τὸν Ἱεράρχην Κυρίου, ἀνευφημοῦμέν σε, Πατριάρχων τὸ κλέος, τῆς Χριστοῦ Ἐκκλησίας τὸν μέγαν πρωτοστάτην καὶ φαεινόν, ἱερώτατε Φώτιε· ταῖς σαῖς οὖν Πάτερ πρεσβείαις σκέπε ἡμᾶς, τοὺς τιμῶντάς σου τὴν κοίμησιν.

Τὰς οὐρανίους σκηνώσεις ἐν εὐφροσύνῃ οἰκῶν, καὶ σὺν Ἀγγέλοις Πάτερ, παρεστῶς παῤῥησία τῷ θρόνῳ τοῦ Κυρίου, τοῖς ἐπὶ γῆς, ἐκτελοῦσι τὴν μνήμην σου, τῶν ἐγκλημάτων τὴν λύσιν καὶ τῶν παθῶν, δωρηθῆναι καθικέτευε.

Τῆς καθαρᾶς σου καρδίας, τοῦ θείου Πνεύματος, φωτιστικαῖς ἀκτῖσιν, αὐγασθείσης πλουσίως, τρισμάκαρ Θεηγόρε, φωτοείδης ἀληθῶς ἐχρημάτισας, καὶ τῶν αἱρέσεων σκότος τὸ χαλεπὸν θείᾳ χάριτι διέλυσας.

Τοῖς οὐρανίοις Ἀγγέλοις νῦν συνηρίθμησας, καὶ παρεστὼς Τριάδι τῇ ἁγίᾳ τρισμάκαρ, αὐτὴν καθικετεύεις ὑπὲρ ἡμῶν, τῶν ἐν πίστει τιμώντων σου τὴν πανσεβάσμιον μνήμην καὶ τῶν δεινῶν αἰτουμένων ἀπολύτρωσιν.

Δόξα, ἦχος πλ. δ'.

Δεῦτε πάντες οἱ πιστοὶ, τὸν Ἱεραρχην καὶ φίλον Κυρίου, Φώτιον τὸν πανθαύμαστον, εὐσεβῶς ἀνευφημήσωμεν· οὗτος γὰρ ἀποστολικῆς διδασκαλίας γενόμενος ἔμπλεως, καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος καταγώγιον, δι ἐναρέτου πολιτείας ἀναδειχθείς, ἐκ τῆς Καθολικῆς Ἐκκλησίας διὰ δογμάτων τοὺς λύκους ἀπήλασε· καὶ τὴν Ὀρθόδοξον Πίστιν σαφῶς πράνωσας, στύλος ἀναδέδεικται, καὶ εὐσεβείας πρόμαχος· διὸ καὶ μετὰ πότμον παριστάμενος ἐγγύτερον τῷ Χριστῷ, ἀδιαλείπτως πρεσβεύει ὑπὲρ τῶν ψυχῶν ἡμῶν.

ѕ ФЕВРУАРІЯ МѢСЯЦА.

ПАМЯТЬ ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО И РАВНОАПОСТОЛЬНАГО

ФОТІЯ

ПАТРІАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО ИСПОВѢДНИКА.

Вечеромъ, на маломъ Повечеріи, на Господи возвахъ, поставимъ стихиры а̃ и поемъ стихиры Подобны. Гласъ 1.

Небесныхъ Чиновъ.

Іерарха Господня, воспрославляемъ тя, Патріарховъ слава, Христовой Церкви веліяго первостоятеля и свѣтлаго, священнѣйшій Фотіе: твоими убо, Отче, молитвами покрый насъ, чтущихъ твое успеніе.

Небесныя обители въ веселіи обитая и со Ангелы, Отче, предстоя дерзновеніемъ престолу Господню, сущимъ на земли, совершающимъ память твою, прегрѣшеній, и отпущенія и страстей дароватися моли.

Чистому твоему сердцу божественнаго Духа свѣтлыми лучами осіянному богатно, треблаженне Богослове, свѣтовиденъ воистину отъ Бога былъ еси и ересей мракъ тяжкій божественною благодатію разсѣялъ еси.

Небеснымъ Ангеламъ нынѣ сопричтенный и предстояй Троицѣ Святѣй треблаженне, молиши ю за ны, чтущыя вѣрою всечестную память твою и молящихъ освобожденія отъ злыхъ.

Слава, гласъ д̃.

Пріидите вси вѣрніи Іерарха и друга Господня, Фотія всечудна, благочестно воспрославимъ: сей бо апостольскаго ученія бывъ исполнь и Духа Святаго жилище, добродѣтельнымъ житіемъ знаменованный отъ каѳолическія церкве ученьми волки изжене и Православную Вѣру ясно изложивъ, столбъ явися и благочестія поборникъ: тѣмъ-же и по смерти предстоя ближайше Христу, непрестанно молитъ о душахъ нашихъ.

Καὶ νῦν τῆς Ἑορτῆς. Εἰς τὸν σιχ. σιχ. ἦχος β΄. Οἶκος τοῦ Ἐφραθᾶ.

Ἄγε δὲ τῶν πιστῶν, ὁμηγύρις ἡ θεία, αἰνέσωμεν προφρόνως τὸν μέγαν Ἐκκλησίας Ἀρχιεράρχην Φώτιον.

σιχ. Τὸ στόμα μου λαλήσει σοφίαν.

Ὤφθης ἐκ μητρικῶν σπαργάνων θεοφόρε, ἡγιασμένον σκεῦος, Πατὴρ ἡμῶν καὶ οἶκος, τοῦ Παναγίου Πνεύματος.

σιχ. Στόμα δικαίου μελετήσει σοφίαν.

Ὕμνους σοι προσφωνεῖ, ἡ σὴ μονὴ θεόφρων, Σιὼν τῆς νέας, ἥνπερ, διάσωζε λιταῖς σου, πρὸς Κύριον ἑκάστοτε.

Δόξα, ἦχος β΄.

Ἱεραρχῶν τὸ θεῖον ἀγλάϊσμα, Φώτιε Πάτερ ἀοίδιμε, κατὰ τὸ ὄνομά σου, οὕτω καὶ ἡ πολιτεία σου· ἡ ζωή σου ἔνδοξος, καὶ ἡ κοίμησις μετὰ Ἁγίων. πρέσβευε οὖν ὑπὲρ τῶν ψυχῶν ἡμῶν.

Καὶ νῦν, τῆς Ἑορτῆς.

Ἀπολυτίκιον, ἦχος δ΄.

Ὡς τῶν Ἀποστόλων ὁμότροπος καὶ τῆς Οἰκουμένης διδάσκαλος, τῷ Δεσπότῃ τῶν ὅλων ἱκέτευε Φώτιε, εἰρήνην τῇ Οἰκουμένῃ δωρήσασθαι καὶ ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν τὸ μέγα ἔλεος.

Δόξα, καὶ νῦν, τῆς Ἑορτῆς. Καὶ Ἀπόλυσις.

И нынѣ Праздника.

На ст. ст. гласъ ѕ. Доме Ефраѳа.

Пріидите убо вѣрныхъ божественный соборъ, восхвалимъ усердно великаго Церкве Священноначальника Фотія.

Ст. Уста мои возглаголютъ премудрость.

Явился еси отъ материнскихъ пеленъ, богоносе, освященный сосудъ, Отче нашъ, и жилище Всесвятаго Духа.

Ст. Уста праведнаго поучатся премудрости.

Пѣсни тебѣ возглашаетъ твоя обитель богомудре, новаго Сіона, юже спасай молитвами твоими ко Господу присно. Слава, гласъ ѕ.

Іерарховъ божественное сіяніе, Фотіе Отче пречестне, по имени твоему тако и жительство твое, жизнь твоя славна и успеніе со Святыми: моли убо о душахъ нашихъ.

И нынѣ, Праздника.

Отпустительное, гласъ д.

Яко Апостоловъ единонравне и Вселенныя учителю, Владыку всѣхъ, моли, Фотіе, миръ вселенѣй даровати и душамъ нашимъ велію милость.

Слава, и нынѣ Праздника.

И Отпустъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе I
Исторія жизни патріарха Фотія. . . . 5
I. Положеніе дѣлъ, предшествовавшее патріаршеству Фотія . . . . . —
II. Фотій на патріаршествѣ . . . . . —
III. Фотій низложенъ, и на судѣ предъ соборомъ 23
А. Поводы къ низложенію и суду . . —
Б. Фотій на судѣ предъ соборомъ . . 27
IV. Сужденіе о достоинствѣ собора, осудившаго Фотія 41
V. Фотій въ изгнаніи 50
VI. Постепенное возвращеніе Фотія на патріаршество 60
VII. Соборное утвержденіе Фотія на патріаршествѣ 70
VIII. Вторичное и—безвозвратное заточеніе Фотія и кончина его 75
IX. Миссіонерская дѣятельность Фотія . . 77
X. Ученые труды Фотія 90
А. Словарь Фотія 93
Б. Миріобиблъ . . . . . —
В. Амфилохіи 95
Г. Толкованіе Фотія на священное Писаніе 96
Д. Каноническіе труды Фотія 97
Полемическія творенія Фотія 101
1) Четыры книги противу Павликіанъ. —
2) Сочиненіе Фотія о Святомъ Духѣ . 102
3) Небольшія полемическія статьи . . 104
Е. Письма Фотія 105
Ж. Слова и поученія Фотія 106
З. Нравоучительныя изреченія Фотія . 108
И. Философскія сочиненія Фотія . . . 109
І. Стихотворенія Фотія . . . . . —
К. Остальныя произведенія Фотія. . . 111
XI. Сужденіе о достоинствахъ Фотія . . . 112
XII. Заслуги Фотія для христіанства . . . 124
А. Заслуги Фотія для христіанства вообще . . . . . —
Б. Заслуги Фотія для христіанства славянъ 126
В. Заслуги Фотія для христіанства Россіи 132

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1. Продолженіе знаменитаго Окружнаго Фотіева посланія къ Восточнымъ епископамъ 141
№ 2. Начало греческой службы Фотію съ русскимъ переводомъ 145